К562

ЧИТ. ЗАЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. Ф. КОРЗУХИНА

РУССКИЕ КЛАДЫ

IX-XIII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1954

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

6к ИИМК 7-2 экз

ИАЕ . ТИУ

Пров 1955

Ответственный редактор

М. К. КАРГЕР

ДК
30

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
578
55

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ВВЕДЕНИЕ

Русские клады — одна из интереснейших страниц в истории культуры древней Руси. Богатство заключающихся в них материалов, несмотря на известную их специфичность, дает возможность использовать клады для изучения самых разнообразных сторон истории древнерусской культуры.

Для истории русского ремесла, истории искусства, внутренней и внешней торговли, истории костюма русские вещевые клады являются богатейшим историческим источником. Зарытые в минуту опасности и не выкопанные из земли вследствие гибели их владельцев, клады указывают на районы, подвергавшиеся опустошениям в результате острой социальной борьбы, княжеских усобиц или нападений кочевников. Древнерусские клады состоят в основном из тончайших ювелирных изделий, украшенных многоцветной эмалью, сканными узорами, мельчайшей зернью, жемчугом и драгоценными камнями, созданных руками безымянных русских ремесленников. Состав кладов раскрывает художественные вкусы различных слоев населения домонгольской Руси, начиная от рядовых горожан и кончая крупнейшими представителями феодальной знати.

Изучение кладов связано с известными трудностями. Случайность обнаружения, разновременность входящих в них вещей и целый ряд других причин, затрудняющих определение времени этих своеобразных комплексов, долго не позволяли в полной мере использовать материалы кладов в качестве полноценного исторического источника. В то же время внимание исследователей приковывала к себе художественная ценность входящих в клады разнообразных ювелирных изделий, нередко исключительного совершенства, заслоняя собой все остальные возможности использования кладов для изучения истории русской культуры. Поэтому в течение всего дореволюционного времени изучение русских кладов велось исключительно в плане чисто искусствоведческих задач. К тому же оно нередко носило характер любительского вещеведения, так как в основном было связано с частным коллекционированием русских древностей вообще и кладов в частности. В 80-х годах XIX ст. Археологическая комиссия решила издать капитальный труд, посвященный кладам, поручив это дело крупнейшему знатоку русских и византийских древностей рубежа XIX и XX вв. Н. П. Кондакову. Работа по выявлению, учету и отбору памятников для задуманного издания велась 10 лет. Из музеев, частных коллекций и монастырских хранилищ клады и случайные находки отдельных ювелирных изделий поступали в Археологическую комиссию, где с них делались фотографии и цветные рисунки. Издание было задумано двухтомным, однако Н. П. Кондакову удалось опубликовать только первый том, который вышел из печати в 1896 г. под названием „Русские клады“; для второго тома были заготовлены лишь таблицы.[1]

Распределение материала между первым и вторым томами не было достаточно обоснованным. При полной неразработанности вопросов датировки кладов в основу деления был положен чисто формальный признак. В первый том вошли наиболее эффектные клады золотых вещей с перегородчатой эмалью, во втором предполагалось поместить клады серебряных украшений. Такое деление материала привело к тому, что в первый том попали клады с вещами, изготовленными в конце XI—начале XII в., а во второй, с одной стороны, более ранние, с другой же — более поздние украшения (X в. и вторая половина XII—XIII вв.). Клады с недостаточно эффектными вещами вовсе не вошли в издание. Н. П. Кондакова, как и его современников, интересовали в первую очередь широкие историко-художественные проблемы, для решения которых, при крайне низком уровне методики изучения вещественных памятников, ему не были нужны ни полнота материала, ни уточненная хронология. Кроме того, Н. П. Кондаков считал древнерусское искусство лишь ухудшенным, провинциальным вариантом искусства Византии, а поэтому в его исследовании вопрос о древнем самобытном русском искусстве потонул в море бесконечных перекрестных влияний.

---

[1] Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., д. № 59.

Кроме „Русских кладов", Н. П. Кондакову принадлежит еще ряд работ, в которых кладам отведено значительное место. Все они опубликованы в 90-х годах, в период подготовки к изданию „Русских кладов",[1] и отмечены теми же недостатками, что и названная книга. Труды Н. П. Кондакова содержат огромный фактический материал, который и составляет в настоящее время единственную их ценность. Историко-культурная концепция Н. П. Кондакова советской наукой отброшена.

После Великой Октябрьской социалистической революции необходимость иного подхода к изучению русских кладов стала очевидной. Однако найти для этого правильные пути удалось не сразу. По инициативе Государственной Академии истории материальной культуры (ныне Института истории материальной культуры Академии Наук СССР), унаследовавшей вместе с рукописным архивом заготовленные в Археологической комиссии таблицы для второго тома „Русских кладов", было предпринято издание второго тома. Написание текста к таблицам было поручено А. С. Гущину, опубликовавшему свою работу в 1936 г. под названием „Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв.". В подборе публикуемых кладов А. С. Гущин был ограничен ранее заготовленными таблицами, однако случайность и неполнота материалов не смущали его. „Выявление и научная систематизация всего этого материала, — писал А. С. Гущин, — не может входить, конечно, в задачу настоящего очерка".[2] Из всей массы кладов он выбирал только те, которые были ему нужны для решения интересовавших его проблем. Интересовали же его, как и Н. П. Кондакова, в первую очередь историко-художественные проблемы, но ставил он их, конечно, уже по-иному. Он стремился доказать местное, а не византийское или восточное происхождение большей части изделий, входивших в клады, пытался определить характер отдельных местных художественных школ, ставил вопрос о социальном положении русских мастеров. Однако все эти проблемы решались на случайном материале, неполно и однобоко представленном на опубликованных им таблицах, на материале, совершенно произвольно датированном, вследствие чего многие выводы его, пропитанные к тому же формализмом и социологизмом, оказались неверными.

Исключительный интерес для изучения кладов представляет работа Б. А. Рыбакова „Ремесло древней Руси" (1948). В разделах, посвященных приемам обработки и декоровки различных металлических изделий, Б. А. Рыбаков широко использовал материалы кладов. Нарисованная им величественная картина истории древнерусского ремесла с неоспоримой убедительностью доказала, что представления дореволюционных исследователей о русском ремесле как о примитивном, неспособном к созданию произведений высокого искусства являются несостоятельными. Детальное изучение техники изготовления ювелирных изделий, проведенное Б. А. Рыбаковым, вводит нас в лабораторию златокузнецов домонгольской Руси, творцов тончайших перегородчатых эмалей, ажурных золотых сережек, усыпанных мельчайшей зернью звездчатых колтов и других изделий, причудливо украшенных изображениями фантастических животных и птиц. Задумываясь над тем, почему в древней Руси огромное количество ценностей было зарыто в виде кладов, Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что причиной этого было вторжение монголов и что все другие бедствия, которые обрушивались на население древней Руси, имели несравнимо меньшее значение, а потому и не вызывали необходимости прятать ценности.

Однако отсутствие четкости в хронологической классификации кладов не раз приводило и Б. А. Рыбакова, как и других исследователей, к неправильным выводам вследствие необходимости пользоваться случайными или второстепенными датирующими признаками, к датировке „по чутью". Нельзя сказать, чтобы такие датировки были всегда неверны, но они всегда были шатки, ненадежны и широки. При этом некоторые группы кладов совершенно выпадали из внимания специалистов вследствие бедности вещевого состава (например клады XI в.). Все это в большой мере было обусловлено отсутствием сводки русских вещевых кладов.

Сведения о кладах разбросаны в самых разнообразных изданиях. Нескольким кладам посвящены специальные небольшие статьи (Тверской 1906 г., **170**;[3] Владимирский 1865 г., **167**; Белогостицкий 1836 г., **63**; Стражевичские 1898 г., **45** и 1903 г., **46**; Копиевский 1928 г., **16**), другие опубликованы достаточно подробно в Отчетах Археологической комиссии (Михайловский 1903 г., **103**; Каменнобродский 1903 г., **138**). Ряд кладов опубликован в экспедиционных отчетах (Святоозерский 1908 г., **152**; Мартыновский 1886 г., **129**; Черниговский 1923 г., **150**). Однако многие клады оставались неопубликованными. Все, что о них было известно, — это краткие сведения, разбросанные в прессе, современной их находке, в археологической хронике (АИЗ, ИАК, АЛЮР), каталогах выставок и частных коллекций, Отчетах Археологической комиссии и различных музеев.

Необходимость сводки монетных находок для нумизматов была очевидной уже в середине XIX в., когда П. С. Савельевым и В. Г. Тизенгаузеном были изданы работы, суммирующие сведения о находках восточных монет на территории России. Эти со временем устаревшие сводки были заменены в начале XX в. „Топогра-

---

[1] Н. П. Кондаков. Указатель Отделения средних веков имп. Эрмитажа. СПб., 1891. — Он же. История и памятники византийской эмали. Собрание А. В. Звенигородского. СПб., 1892. — Он же. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897.

[2] А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 29.

[3] Полужирные цифры в скобках здесь и дальше являются номерами „Перечня кладов" (часть II настоящей работы).

фией кладов восточных монет" А. К. Маркова (1910). В 20-х годах XX в. вышли работы по топографии кладов золотых и серебряных слитков, древнерусских монет X—XI ст. и монет удельного периода А. А. Ильина.[1] В конце 20-х же годов Р. Р. Фасмер дал список монетных находок с 1920 по 1928 г.[2]

Регистрация вещевых кладов явно отставала от регистрации кладов нумизматических.

Восполнение этого пробела — одна из задач настоящей книги. В ней сделана попытка дать возможно полную сводку русских вещевых кладов IX—XIII вв. — крупных и мелких, сохранившихся и пропавших, опубликованных и не попавших в издания. Трудно, конечно, поручиться, что в сводке учтены все до последней находки этого рода, но, повидимому, пропуски будут все же незначительны.

В отличие от перечней монетных находок, в которых клады группируются соответственно административному делению XIX—XX вв. (по губерниям, областям и пр.), в настоящей работе клады систематизированы по хронологическому признаку. Внутри хронологических групп клады расположены соответственно древним историко-географическим районам (по бассейнам рек, землям, княжествам; см. „Перечень кладов").

Сводке кладов предшествуют три главы. В первой из них даются общие сведения о кладах — данные о их количестве, условиях находки, границах распространения, основных принципах датировки.

Вторая глава посвящена подробному рассмотрению состава кладов, обоснованию деления их на ряд хронологических групп и выяснению исторических событий, вызвавших необходимость зарытия ценностей.

Третья глава посвящена кладам как историческому источнику. Глава эта состоит из четырех очерков, в которых рассмотрены данные о владельцах кладов, данные о месте отдельных украшений в древнерусском костюме, история русского металлического убора и некоторые спорные вопросы истории русского ювелирного искусства. Эти четыре темы выбраны потому, что они непосредственно связаны с изучением самих кладов и помогают полнее раскрыть содержание этих своеобразных комплексов.

Вещевые клады, как и другие источники, требуют предварительной обработки, прежде чем быть использованными в полной мере для решения общих исторических и историко-культурных проблем. Такая предварительная источниковедческая обработка кладов и проделана в настоящей книге.

[1] А. А. Ильин. Топография кладов... слитков. 1921. — Он же. Топография кладов... монет. 1924.

[2] Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. 1926, стр. 287—308; 1929, стр. 281—324.

Глава первая

ОБЩИЕ ДАННЫЕ О КЛАДАХ

ЛЕГЕНДЫ О КЛАДАХ И НАХОДКИ КЛАДОВ В ДРЕВНОСТИ

Находки кладов и легенды о них известны с глубокой древности. Уже в XI в. в „Чтении о Борисе и Глебе" составитель его написал: „Аще бо или сребро или злато скровено будеть под землею, то мнози видять огнь горящь на том месте, то и то же дьяволу показующю сребролюбых ради".[1] Легенды о кладах записаны также в Печерском Патерике и в житии Авраамия Ростовского. В Печерском Патерике рассказывается об огромном кладе „латинских" сосудов, зарытых в Варяжской пещере близ Печерского монастыря. „Варяжский поклажай есть, понеже съсуди Латиньстии суть. И сего ради Варяжская Печера зовется и доныне. Злата же и сребра бесчислено множество".[2] Клад этот, по легенде, был показан бесом монаху монастыря Федору. Тот же бес рассказал о кладе киевскому князю Мстиславу, который, заставляя Федора показать, где зарыт клад, замучил его до смерти. Аналогичный рассказ, но приуроченный к другим именам и другому городу, записан в житии Авраамия Ростовского. Бес сообщил Владимирскому князю, что Авраамий будто бы „налезе в земле сосуд медян, в нем же множество сосудов златых и поясов златых", и сокровищу тому „не мощно цены уставити".[3] Авраамий был приведен к князю, но у него оказалась одна власяница.

В повести о крещении Владимира, которую А. А. Шахматов датирует концом XI в., помещено нравоучительное, религиозно-философское изречение о бренности всего земного и о необходимости нравственного совершенствования. Оно построено на противопоставлении небесных сокровищ сокровищам земным: „Не скрывайте собе скровищь на земли, идеже тля тлить и татье подкопывають, но скрывайте собе скровище на небесех, идеже ни тля тлить, ни татие крадуть".[4] Очевидно, сокрытие земных сокровищ в виде кладов было явлением распространенным, поскольку этот образ мог быть использован для пояснения мысли отвлеченного, философского характера.

Количество ценностей, зарытых на территории Восточной Европы в I и II тысячелетиях, огромно. Только какая-то часть кладов, найденных сравнительно недавно (не ранее первой половины XIX в.), хранится в коллекциях наших музеев. Те же, что были найдены в XVIII в. и в более раннее время, безвозвратно погибли.

О том, что клады находили и в древности, можно заключить, в частности, по тому, что в некоторых кладах с татарскими монетами XIV в. находят диргемы, обрезанные со всех сторон до размера татарских монет. Это свидетельствует о том, что клады куфических монет находили уже во времена монгольского ига.

В Юрковецком кладе Киевской губ. (**15**, 1860-е годы), состоящем из серебряных украшений с зернью второй половины X в., оказалась серебряная шейная гривна VI—VII вв., приспособленная для ношения замком назад, как это делали в X в. Для этого у нее отломали „усы" ее сложного замка, характерного для VI—VII вв.

---

[1] Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пгр., 1916, стр. 16. — Речь идет о снете, якобы появлявшемся на месте погребения Бориса и Глеба.

[2] Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 119, 215.

[3] Г. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, в. 1. СПб., 1860, стр. 223

[4] А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборн. в честь В. И. Ламанского, ч. II, СПб., 1908, стр 1110, 1147.

Вряд ли можно думать, что гривна эта находилась в употреблении с VI—VII вв. до X в. Скорее следует предположить, что она была найдена в X в. и приспособлена для ношения соответственно вкусам этого времени.

О находке кладов в древности свидетельствуют также многочисленные сыскные дела о кладах, хранящиеся в Московских архивах. С. Введенский, занимавшийся их изучением, писал: „Кладоискание в Московской Руси было настолько развито, что оно занимало даже лиц высокопоставленных... В XVII в. поиски кладов для провинциальных воевод представляли случаи выдвинуться и зарекомендовать себя сверхдолжным усердием. Прослышав о кладе, воевода лично принимался за розыски, а иногда и просил для работы «государевых людей, с кем тое казну вынять на великого государя»".[1]

Сыскные дела о нумизматическом и вещевом кладах, найденных в 1645 г. (в г. Шацке) и 1678 г. (в Рязанской губ.), опубликованы Н. Оглоблиным.[2] В 1643 г. в лесу близ г. Усерд (позднее слобода Бирючинского у. Воронежской губ.) был найден большой монетный клад — казак нашел „старую поклажу под дубом, котел небольшой пивной денег, да на тех деньгах лежат 3 или 4 бруска литых, неведомо какие... накрыт тот котел сковородою железною".[3]

К XVIII в. относится находка золотых украшений в Старой Рязани (1792—1793 гг.).[4] В 1787 г. вещевой клад был найден в Киеве (**29**). Обе последние находки известны только по литературе.

За немногими исключениями клады начала XIX в. также до нас не дошли. Со времени организации Археологической комиссии (1859 г.) случаи пропажи найденных кладов значительно сократились. Археологическая комиссия повела борьбу с кладоискательством; аккуратным выплачиванием вознаграждения за присылку клада Комиссия старалась заинтересовать население в сдаче случайно найденных ценностей государственным органам. В 60—70-х годах вещевых находок в Археологическую комиссию поступало еще сравнительно немного. Но начиная с 80-х годов XIX в. через Археологическую комиссию прошло огромное количество кладов, не всегда, правда, спасенных от частичного расхищения в момент находки. Однако случаи их полного исчезновения значительно сократились. Особенно большим было количество поступавших в Комиссию нумизматических кладов. Количество их за время деятельности Комиссии составило не одну сотню. Вещевых кладов было значительно меньше.

При поступлении в Комиссию нумизматических кладов не всегда можно быть, однако, уверенным, что все они были действительно чисто нумизматическими. Иногда они превращались в нумизматические только потому, что, как пишет А. И. Черепнин, „находчики предварительно выбирают серебряные украшения и другие бытовые вещи, как более интересные или пригодные для женских украшений. Мне случалось видеть на крестьянках старинные серьги, кольца и очень древние бусы".[5] Из Коростовского клада Рязанской губ. (**64**), большая часть которого была куплена в 1891 г. А. И. Черепниным, В. А. Городцов некоторое время спустя купил еще две монеты; одну из них — византийскую монету Иоанна Цимисхия — мать находчика пробила и повесила себе на шею.[6]

Ко всем кладам, пропавшим в древности, следует добавить те клады, которые в результате небрежного хранения перестали существовать как комплексы. В коллекциях ряда музеев имеется большое количество депаспортизованных вещей, которые прежде, может быть, относились к кладам. Многие из них потеряли свою связь с комплексами в собраниях частных коллекционеров.

Таким образом, количество кладов, зарытых на территории Восточной Европы, было, повидимому, действительно очень велико.

Настоящая работа посвящена только части русских вещевых кладов — кладам IX—XIII вв.

Слово *клад*, повидимому, сравнительно позднее, во всяком случае в ранних памятниках древнерусской письменности оно не встречается.

В „Чтении о Борисе и Глебе" (составленом в конце XI—начале XII в., рукопись XIV в.) клады названы просто „сребро или злато, скрытое в земле". О „сокровище", которое „тля тлить и татье подкопывають", говорится в повести о крещении Владимира (составлено в конце XI в.). *Сокровищем* же назван клад в более позднем памятнике — житии Авраамия Ростовского. Но кроме этих описательных терминов, для обозначения клада имелось и специальное название. В Печерском Патерике, в рассказе о Варяжской пещере, клад назван *поклажаем*. Нет, конечно, уверенности в том, что слово это современно описываемым событиям, а не внесено в списки Патерика в более позднее время. В XVII—XVIII вв. оно было самым распространенным термином, обозначающим клад. В сыскных делах XVII в. о кладах этот термин предпочитается всем остальным.

---

[1] С. Введенский. Кудеярова поклажа. Изв. общ. археол., ист. и этногр., т. XXII, в. 1, Казань, 1906, стр. 5.

[2] Н. Н. Оглоблин. Сыскные дела о кладах в XVII в. ЧИОНЛ, 1893, кн. VII, отд. II, стр. 117—154.

[3] С. Введенский. Два дела о кладах в Воронежском крае XVII в. Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж, 1905, отд. III, стр. 1—2.

[4] К. Ф. Калайдович. Письма к А. Ф. Малиновскому. М., 1823, стр. 27.

[5] А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 2.

[6] А. И. Черепнин. Коростовский клад. Рязань, 1892, стр. 1.

В 1643 г. в Воронежской губ. казачий пятидесятник нашел *„старую поклажу“*, *„поклажа“* — монетный клад.[1] В 1659 г. в Тамбовской губ. крестьянин „нашол в земле *поклажей — старые деньги*“.[2] В 1673 г. в Рязанской губ. был найден вещевой клад — „старинная золотая и серебряная *поклажа*“, *„поклажей“*.[3] В бурлацкой песне, записанной в Симбирской губ., поется о том, как по ночам Степан Разин ходит и сторожит свои *„поклажи“*.[4]

Однако наряду с терминами *поклажа*, *поклажей* уже в XVII в. употреблялось и слово *клад*. Сыскное дело о кладе, найденном в 1645 г. в Тамбовской губ., пользуется только словом *клад*.[5] Дело о кладе 1673 г. в Рязанской губ., пользующееся в основном словом *поклажа*, дважды употребляет и слово *клад*, из них один раз в измененном виде — *уклад*. Иногда рядом со словом *поклажа* или *поклажей* употребляется слово *казна* (Тамбовский клад 1659 г.). Но обычно словом *казна*, *кузнь*, в отличие от *сокровища*, *поклажея*, обозначались драгоценности и деньги не спрятанные, а находящиеся в употреблении (казна княжеская, казна церковная, женская кузнь и др.). Так, в 1410 г., во время налета татарского царевича Талыча на Владимир, ключарь поп Патрикий, „поимав съсуды святыа церковныя златыя и сребреныя и елико *кузни* успе похватити и възнесе на церковь святыя Богородицы съхрани..., а сам сшед лествицы отмета...“. Ворвавшиеся татары ободрали иконы, ограбили всю церковь и, схватив Патрикия, „начаша мучити о прочей *кузни церковной*“.[6] Когда же речь идет о ценностях, скрытых и обнаруженных после какого-то срока случайно, то это уже не *кузнь*, а *поклажей*, *сокровище*. Так, в 1524 г. в Новгороде „начаша понавливати храм святую Пятницу на Торговой стороне... и егда начаша на левом криле... помост взрывати и ту обретоша *сокровища* от много лет сокровенно..., а сокровенного сребра древних рублев новогородских литых 170, а полтин литых же 40 и 4“.[7] Словом *женская кузнь* обозначались женские драгоценности, находящиеся в употреблении, предметы парадного женского убора.

В XI в. термин *поклажей* имел и второе значение, хотя и близкое первому. В краткой „Русской Правде“ говорится: „аже кто *поклажаи* кладеть от кого любо, то тоу послоуха нетоуть“.[8] Здесь речь идет, конечно, не о кладах, а о вещах, вверяемых кому-то на сохранение или данных в заклад. Собственно говоря, зарывая вещи в землю или замуровывая их в стену, человек также вверял их на хранение земле или тайнику в стене. В том же значении, что и в „Русской правде“, фигурирует этот термин и в XV в. в договорной грамоте 1433 г. князя Юрия Дмитриевича Галицкого с великим князем Василием Василиевичем Темным: „а что ся учинило в нашем розмирьи, что поимана твоя *казна* великого князя и твоее матери великие княгини, или *поклажеи* ваши, или бояр твоих *поклажеи*, или нятцов твоих *поклажей*, и что будет меня того дошло, и мне то отъдати по сему целованью. А что будут *поклажеи* моих бояр Семеновы Федоровича, или иных бояр моих, и что того тебе дошло великого князя, и тобе то отъдати по сему целованью“.[9]

ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ ЗАКРЫТИЯ КЛАДА

Из 175 кладов о 66 имеются сведения, что они найдены не прямо в земле, а либо в глиняном горшке, металлическом сосуде, либо в коже, бересте и т. д. Можно с полной уверенностью сказать, что бóльшая часть кладов, если не все, была во что либо уложена, но на это в момент находки или не было обращено внимания, или ткань, кожа и пр. не сохранились.

Привожу общие данные о характере упаковки кладов:

в глиняном сосуде (или сосудах) . .	46 кладов[10]
в медном сосуде (или сосудах) . . .	8 кладов[10]
в ткани, матерчатом мешке	5 кладов
в чаше	4 клада
в бересте	2 клада
в восковом сосуде	1 клад
в ларце	1 клад
в коже	1 клад

[1] С. Введенский, ук. соч., стр. 1—2.
[2] Н. Н. Оглоблин, ук. соч., стр. 132.
[3] Там же, стр. 132—154.
[4] Н. Я. Аристов. Предания о кладах. Зап. Русск. географ. общ., т. I, СПб., 1867, стр. 722—723.
[5] Н. Н. Оглоблин, ук. соч., стр. 123—131.
[6] Воскресенская летопись, 6918 (1410) г.
[7] Софийский временник, т. II, М., 1821, стр. 348.
[8] Собрание государственных грамот и договоров, ч. 1, 1813, стр. 101, № 49.
[9] Правда Русская, под ред. Б. Д. Грекова, т. I, М.—Л., 1940, стр. 109.
[10] Вещи двух кладов находились и в глиняном и в медном сосудах.

Наиболее распространенным был, как видно, глиняный сосуд, если не считать не дошедшую до нас ткань, которую можно только предполагать, когда клад найден прямо в земле. В четырех случаях клад помещался даже в двух глиняных сосудах. В Киевском кладе с ус. Есикорского 1885 г. (**98**) этот второй сосуд (ковш) служил крышкой, прикрывавшей вещи, уложенные в большой горшок с ручкой. В остальных трех (киевские клады с ус. Трубецкого 1872 г., **82** и Михайловского монастыря 1907 г., **106**; Сахновский клад 1900 г., **127**) оба глиняных сосуда служили вместилищем для вещей.

В Гнездовском кладе 1870 г. было тоже 2 сосуда — 2 медных котелка (**24**), в Киевском кладе с ус. Чайковского 1876 г. (**96**) — 2 серебряные чаши; повидимому, одна из них прикрывала вещи, уложенные во второй чаше. Всего с двумя сосудами (глиняными, глиняными и медными, медными и серебряными чашами) найдено 8 кладов. Вообще сосуды встречаются гораздо чаще, чем ткань, кожа, береста.

Посланные в Киев в 1130 г. ростовским тысяцким Георгием Шимоновичем 500 серебряных и 50 золотых гривен были уложены в сосуд. В Киеве при проверке „исопше от сосуда, в нем же бе запечатано и пред всеми ищетъше обретоша всю полну 500 сребра, а злата 50 гривен".[1]

Горшки обычно сверху были чем-нибудь накрыты. В Киевском кладе с ус. Есикорского (**98**), как указано, большой глиняный горшок был накрыт глиняным ковшиком.

Вещи Киевского клада с ус. Михайловского монастыря 1887 г. (**102**) были уложены в глиняную кубышку с глиняной же крышкой.

Вещи Киевского клада 1824 г. (**107**) были уложены в большой глиняный пифосообразный сосуд без горла (типа найденного в Киеве в „землянке художника",[2] в Софийском соборе и др.) и накрыты „покрышкой", которую находчик „разломил".

В Киевском кладе 1907 г. с территории Михайловского монастыря (**106**) из двух горшков, в которых были зарыты слитки и вещи, один (с вещами) был прикрыт донышком разбитого горшка.

Горшок Киевского клада с Б. Житомирской ул. 1902 г. (**91**) был накрыт кольчугой.

Медный тонкостенный котелок Дягунинского клада Тверской губ. (**172**) был накрыт сковородкой.

Горшок Святоозерского клада Черниговской губ. 1908 г. (**152**) был накрыт тоже железной сковородкой с втулкой для деревянной ручки.

Горшочек Киевского клада 1893 г. (**94**) был прикрыт железным кружком, похожим на сковородку, а под горшок был подложен большой топор.

Цилиндрический сосуд красной меди из Киевского клада с ус. Лескова 1876 г. (**80**) был закрыт такой же крышкой, плотно входившей в его цилиндрическое горлышко.

Киевский клад 1913 г. с ус. Сикорского (**13**), состоявший из золотых браслетов и без малого 3000 диргемов, помещался в медном котелке, сверху залитом воском.

Киевский клад, состоявший также из нескольких тысяч диргемов и двух золотых браслетов, найденный в 1851 г. на Печерске, был уложен в глиняный кувшин, залитый воском (**12**).

Устанавливался горшок большей частью прямо в землю, но иногда под него что-нибудь подкладывали.

Так, в только что упомянутом Киевском кладе 1893 г. (**94**) под горшок был подложен большой топор (рис. 1, *а*). Топор был обнаружен также в Гнездовском кладе X в. 1870 г. (**24**), но место его при находке не известно (рис. 1, *б*). Также неизвестно, каково было назначение сошника, оказавшегося в Тереховском кладе Орловской губ. (**154**). Не исключена возможность, что он также был подложен под горшок.

Горшочек Киевского клада 1938 г. (**88**) был вставлен в бронзовую, посеребренную чашечку (лампаду?).

Внутри горшка вещи укладывались с возможной тщательностью. Так, в Киевском кладе с ус. Есикорского вещи лежали на оческах пакли.

Вещи Киевского клада 1824 г. (**107**) были прикрыты тканью.

Вещи Киевского клада с ус. Орлова 1901 г. (**85**) лежали в горшке завернутыми в парчу.

Ткань была найдена и в ряде других кладов, но там она могла быть положена и сама по себе, просто для сохранения самой ткани.

Форма глиняных сосудов весьма разнообразна. Иногда они большие, вроде пифосообразного сосуда, в котором найден Киевский клад 1824 г. (**107**). Иногда это маленькие горшочки с ручкой. Клад с ус. Бродского 1899 г. (**30**) найден в амфоре. Клад 1896 г., обнаруженный в с. Мышеловка, в 10 верстах от Киева (**136**), был уложен в остродонный сосуд красной глины типа амфоры, с отбитым горлом и ручками. В Киевском кладе 1872 г. (**82**) было два глиняных кувшинчика. Клад с ус. Есикорского найден в большом, типичном для киевской керамики XII—XIII вв. горшке, значительно суживающемся книзу, с одной ручкой. Вообще, судя по сохранившимся глиняным сосудам, клады были уложены не в специальные, а в самые обычные, распространенные в быту глиняные горшки и кувшины. Но, к сожалению, сохранились они лишь в редких случаях (рис. 2, 3; табл. XXXVI, XLV).

---

[1] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 190.

[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, рис. 29.

Из медных сосудов сохранился только один — лампадка (?) Киевского клада 1938 г. (**88**).

Медный сосуд из Лесковского клада 1876 г. (**80**) хоть и не сохранился, но его можно хорошо себе представить по описаниям. Это был цилиндрический сосуд с цилиндрической же шейкой, в которую вставлялась крышка; общая высота сосуда 17.6 см.

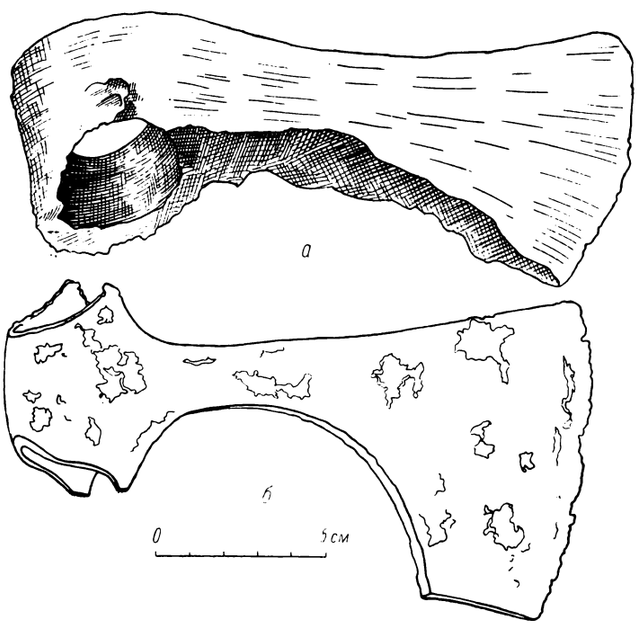

Рис. 1. *а* — топор из Киевского клада 1893 г. (**94**); *б* — топор из Гнездовского клада 1870 г. (**24**).

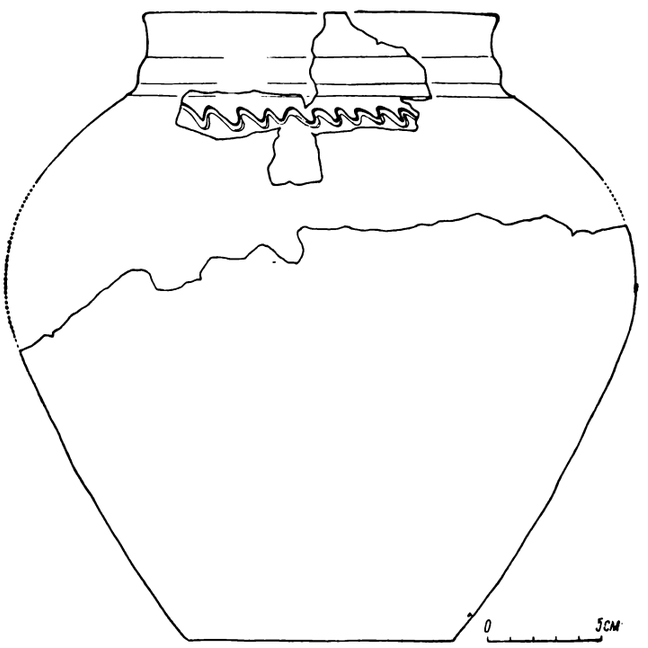

Рис. 2. Горшок Тверского клада (**170**).

Киевский клад 1906 г., проданный за границу (**108**), был уложен „в жестянку овальной формы, вышиной более четверти аршина“ (повидимому, сосуд типа кувшина).

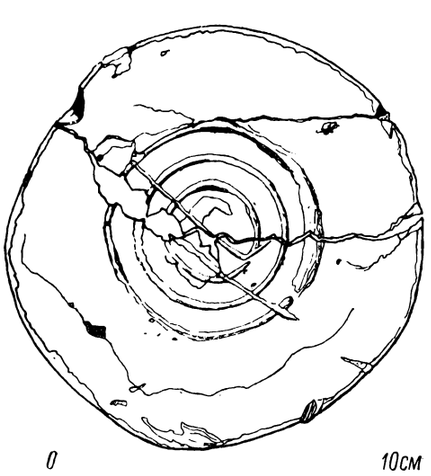

Рис. 3. Клеймо на дне горшка Тверского клада (**170**).

Про все остальные 6 медных сосудов говорится, что это были „котелки“. Один раз котелок сверху был залит воском (Киев); другой раз накрыт сковородкой (Тверская губ.).

Относительно серебряных чаш, найденных в четырех кладах, можно только предполагать, что они служили одновременно и вместилищем для вещей. Только про Киевский клад с ус. Чайковского 1876 г. (**96**) известно, что вещи были уложены в чашу. Условия находки других трех кладов не известны (Киевский клад 1949 г., **109**; Каменнобродский клад 1903 г., **138**; Переяславский клад 1912 г., **39**).[1]

Несколько удивляет иногда, что сосуды, в которых были зарыты клады, слишком велики для количества найденных в них вещей.

Киевский клад 1907 г. с территории Михайловского монастыря (**106**) помещался в двух горшках. В одном из них лежало 56 денежных гривен, а в другом — всего две золотые сережки.

Киевский клад с ус. Бродского 1899 г. (**30**) был зарыт в амфоре; в ней найдено всего 20 золотых монет, 2 золотых слитка в виде палочек, 3 золотых браслета и железный замок.

Клад из с. Мышеловка Киевского у. 1896 г. (**136**), уложенный в сосуд типа амфоры, состоял только из 11 денежных слитков и 21 бляшки от поясов.

Примеры можно было бы, повидимому, умножить, если бы сохранились те сосуды, в которых найдены вещи. Объяснить это явление можно по-разному. Прежде всего, никогда нет уверенности в том, что клад не разграблен в момент находки. Кроме того, очень может быть, что уложенные в горшок вещи прежде были

---

[1] В кладе, найденном в 1891 г. на Княжей Горе (**117**) без следов какой-либо упаковки, оказалась бронзовая чашечка. Если она вообще имеет отношение к кладу, а не подобрана просто из культурного слоя, то все же она не являлась тем вместилищем, в котором лежал клад. Клад очень большой, а чашечка невелика.

завернуты в ткань или прикрыты ею, или лежали на пакле, как в кладе Есикорского. Вполне возможно также, что металлические вещи клали нашитыми на ткань — на одежду (Киевские клады 1903 г., **103** и с ус. Орлова 1901 г., **85**), на головной убор (напр., диадемы из клада Гребеновского и из Сахновки), на кожу (поясные накладки из с. Мышеловка). Впоследствии ткань или кожа истлели.

Несколько сказочно выглядит описание несохранившегося клада, найденного на территории Елецкого монастыря в Чернигове в первой половине XIX в. (**148**). Золотые вещи с эмалью лежали якобы в ларце, окованном железом. Ни одного подобного случая более не зафиксировано.[1]

Единичны также случаи находки кладов в горшках, сделанных из воска. Вещевой клад в таком горшке найден в 1927 г. в д. Мужищево Ржевского у. Тверской губ. (**171**). Горшок не сохранился, но достоверность этой находки подтверждается тем, что примерно в том же районе, в Великолукском у. Псковской губ., в 1923 г. было найдено около 10 фунтов монет (одна из них — диргем 903/905 гг.) тоже в восковом сосуде.[2] Повидимому, на севере, изобиловавшем воском, для каких-то специальных надобностей выделывались восковые сосуды.

В двух из пяти случаев обнаружения ткани в качестве обертки вещей клада удалось установить, что из ткани был сшит мешочек. В холщевом мешочке был найден клад в Киеве во время раскопок Д. В. Милеева в 1910 г. (**81**) и в мешочке же оказался клад, спрятанный в печь в землянке на городище Старая Рязань, найденный во время раскопок А. Л. Монгайта в 1950 г. (**165**).

В Витебской и Могилевской губ. 2 клада, зарытые в середине и конце XI в., были завернуты в бересту (**45** и **49**).

Огромный, почти целиком нумизматический клад, найденный в Гомельском уезде в 1883 г. (**36**), состоявший почти из двух ведер куфических монет, пряжки и ожерелья, был завернут в кожу. Возможно, что это был кожаный мешок.

В целом можно сказать, что глиняный горшок и ткань были одинаково распространены как в X—XI, так и в XII—XIII вв. Твердая упаковка в Поднепровье встречается немного чаще, чем на севере. Повидимому, на севере чаще завертывали вещи в ткань. На севере нет также кладов, зарытых в чашах и ларцах, зато имеются клады, завернутые в бересту, кожу, уложенные в восковой сосуд.

Выбор места при зарытии клада может быть прослежен лишь в единичных случаях. Находки кладов под корнями или пнями старых деревьев, в обрезах крутых обрывов — явления безусловно случайные, позднейшие, и не о них идет, конечно, речь.

Клад, найденный в 1851 г. у д. Исады Суздальского у. (**169**), оказался зарытым в полу кургана. С подкурганным погребением он связан не был. Подобные находки кладов как вещевых, так и монетных не единичны.[3]

В кургане или на территории курганного могильника X в., так называемого Гущинского могильника близ Чернигова, был зарыт клад с вещами X в. (**21**).

Найденный в 1870-х годах клад куфических монет, шейных гривен и перстней в Оршанском у. Могилевской губ. (**3**) был зарыт тоже в кургане.

Видимо, курган считался надежным местом для хранения ценностей. Возможно, рассчитывали на то, что никто не будет тревожить костей умерших и клад поэтому не будет обнаружен. Народные легенды часто связывают находки кладов с курганами, но, повидимому, это происходит не столько вследствие частых находок в курганах именно кладов, сколько от смешения вещей клада с инвентарем погребения. При грабительских раскопках, при добыче селитры, при пахоте в руки населения попадали вещи, которые и могли подать повод для создания легенд о кладах, скрытых в курганах.

Так, в 1626 г. при добывании селитры был снесен курган в Путивльском у. Курской губ. Найденные при этом золотые и серебряные вещи („два прута, да 26 плащей, да 9 перстней золотых и пуговицы и иные мелкие статьи золотые и серебряные") названы „находным золотом и серебром", т. е. тем же термином, которым называли в XVII в. клады (ср. Кутуковский клад Рязанской губ. 1678 г., **161**). Издавший сыскное дело о Путивльской находке 1626 г. Н. Н. Оглоблин так и называет ее „Путивльским кладом" или „Путивльским курганным кладом".[4]

Клад, спрятанный в квадратной ямке (18×18 см, глуб. 26 см), вырытой в полу землянки, обнаружен на городище Девичья Гора Каневского у. Киевской губ. (**125**).

---

[1] Ларчики в виде остатков железной оковки часто встречаются в погребениях дружинников X в., но они маленькие. Монетный клад X в., найденный на территории Борковского могильника Рязанской губ., был зарыт в деревянном ящичке, обтянутом кожей.

[2] Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 292, № 42.

[3] Монетные клады в курганах найдены: близ Владимира, до 1821 г. — монеты западноевропейские и куфические (А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет, стр. 5, № 27); близ Великих Лук Псковской губ. в 1807 г. — кубышка с диргемами (там же, стр. 36, № 204); на территории Борковского могильника близ Рязани — 3 клада диргемов, из них один в глиняном горшке, другой в ящичке, обтянутом кожей, и третий в кожаном мешке (там же, стр. 40, 41, №№ 124, 125).

[4] Н. Н. Оглоблин, ук. соч., стр. 118—123.

Клад, найденный на Княжей Горе в 1877 г. (**113**) у основания столба срубного жилища, лежавший в черепках глиняного горшка, вряд ли можно считать „кладом“ в полном смысле слова. Повидимому, он не был спрятан, а просто стоял в укромном месте и погиб под развалинами дома.

Но клады, найденные в печи в Старой Рязани в 1950 г. (**165**) и на Княжей Горе в 1891 г. (**118**), можно считать именно кладами, спрятанными в виду опасности в домашнюю печь.

Дважды клады были обнаружены в стенах каменных зданий.

В 1923 г. во время работ Н. Е. Макаренко в Черниговском Спасском соборе, в алтарной части юго-восточной пристройки его, был найден клад серебряных вещей XII—XIII вв. (**150**). Он лежал завернутым в ткань ниже уровня пола в углублении стены, куда был опущен благодаря неровностям кладки.

Второй вещевой клад в каменной постройке был найден в 1857 г. в Киеве, близ Десятинной церкви (**76**). На косогоре, обращенном к Андреевскому спуску, при перестройке дома и выемке земли под этим домом была обнаружена старая кирпичная кладка. В одной из стен найденного здания была ниша, в которой, в небольшом глиняном горшочке, лежали 6 монетных гривен и несколько золотых и серебряных вещей. Повидимому, это было дворцовое здание, позже раскопанное В. В. Хвойко.

Известен еще один способ укрытия ценностей, прослеживающийся в ряде пунктов. Наиболее ярко он выясняется в описании условий находки Киевского клада 1842 г. на усадьбе Десятинной церкви (**65**).

В 1842 г. после постройки новой Десятинной церкви рабочие А. С. Анненкова, строителя этой церкви, занимаясь планировкой местности вокруг нее, нашли клад, по размерам едва ли не самый большой из всех домонгольских кладов, найденных в СССР. По словам очевидцев, он состоял из золотых сосудов и золотых и серебряных украшений и едва уместился в два мешка. „Все открытые драгоценности были найдены в одной пещере или же лёхе, то есть помещении, несколько напоминающем собой погреб, вырытый в отвесной толще земли или глины“.[1] Это описание невольно приводит на память те два вырытых в лёссе тайника, которые раскопаны М. К. Каргером на территории Десятинной церкви.[2]

Новая Десятинная церковь XIX в. была меньше старой, занимая лишь юго-западную ее часть. Северная стена и апсиды оставались не застроенными новым зданием. Вполне возможно, что найденный рабочими клад был спрятан не под открытым небом, а на территории древней Десятинной церкви, частично выходившей за пределы нового здания. Повидимому, лежал он в таком же тайнике, какие были обнаружены в Десятинной церкви при раскопках 1939 г. При той неряшливости, с которой велись все работы, связанные с исследованиями старой церкви перед постройкой новой, можно вполне допустить, что этот „лёх“ или тайник с кладом не был замечен ранее. Поэтому я допускаю, что Анненковский клад 1842 г. был найден в тайнике одного из алтарей древней Десятинной церкви. Устройство тайника в открытой северной галерее древней церкви, фундаменты которой также не были закрыты новым зданием, вряд ли возможно.

К сожалению, описание находки клада в 1842 г. настолько кратко, что мы даже не знаем, на какой глубине было обнаружено это громадное скопление драгоценностей.

Интересное предание записано В. В. Хвойко в 1914 г. во время раскопок в Белгородке. „Существует местное предание, — пишет он, — что, когда Батый в 1239 г. осадил Белгород и исчезла надежда отстоять его, все церковное имущество, даже колокола и драгоценности частные, были опущены в особый тайник и, не разысканные татарами, доныне лежат в глубокой земле“.[3]

Данный рассказ невольно вызывает в памяти находку Киевского клада в алтарном тайнике Десятинной церкви. Это совпадение, конечно, случайное, но оно свидетельствует о том, что способ укрытия ценностей в специально вырытых тайниках был в то время известен и достаточно распространен.

Описание условий находки клада в 1842 г. дает полное право предположить, что в Десятинной церкви был, кроме двух раскопанных, еще и третий тайник, вырытый, очевидно, в одном из ее алтарей. Огромное количество ценностей, состоявшее из сосудов и бесчисленных женских украшений, было уложено, повидимому в одну из камер или ниш тайника, так как, по словам В. Г. Ляскоронского, вещи были найдены „в пещере“, вырытой „в отвесной толще земли“. Если сосуды и могли составлять имущество церкви, то женские украшения, повидимому, были даны клиру Десятинной церкви на сохранение.

Подытожим все сказанное о выборе места для укрытия ценностей. Ценности прятали как в пределах зданий (землянка, дворец, церковь), так и вне их (курган). Прятали их в печь, нишу, под полом, в ямке, выкопанной в полу землянки, в специальных тайниках, но, повидимому, чаще всего зарывали в землю, видимо, на своих усадьбах. К сожалению, места находки кладов во многих случаях дополнительно не исследовались, и поэтому неизвестно, всегда ли находки клада связаны с населенным местом. Только теоретически можно предположить, что вещевой клад, как правило, закапывался либо на поселении, либо неподалеку от него.

---

[1] В. Г. Ляскоронский. Судьба одной археологической находки. ЖМНП, 1913, март, стр. 92; отд. отт., стр. 5.

[2] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КСИИМК, в. X, 1941, рис. 31—33. — Он же. К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны. КСИИМК, в. VII, 1940, стр. 76. — Он же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, рис. 79, 82, 104, 105.

[3] Ф. Б. Раскопки В. В. Хвойко в Белгородке. Прибавл. к в. 57 ИАК, СПб., 1915, стр. 41.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАДОВ

Русские вещевые клады домонгольского времени состоят почти исключительно из женских украшений. Состав большинства кладов неоднороден, так как входящие в них вещи разновременны.

Характер накопления вещевого клада несколько отличается от накопления клада монетного.

Монетой пользуются дольше, чем украшением. Происходит это не потому, что монета медленнее изнашивается (хотя и это имеет в некоторых случаях значение), а потому, что украшение переплавляют, когда оно выходит из моды, и переделывают в соответствии со вкусами нового времени. Монеты же, при отсутствии собственного чекана, раз попав в пределы древней Руси, имели хождение здесь и несколько столетий спустя после их выпуска. Поэтому хронологический диапазон вещевых кладов более узок, чем монетных.

Монеты легче, чем украшения, переходят из рук в руки, от владельца к владельцу. Поэтому накопление монет в чьих-либо руках происходит не в порядке выпуска этих монет. Нельзя себе представить, что в чьих-то руках скапливались сначала монеты VI в., потом VII, потом VIII, IX и X вв., т. е. что клад, состоящий из монет четырех-пяти веков, является суммой состояний нескольких последовательных поколений одной и той же семьи. В X—XI вв. в обращении могли быть монеты и IX, и VIII, и даже VII в., и поэтому, зарывая клад в начале XI в., владелец вполне мог положить в него только что полученную им монету VIII или IX в. В нумизматической литературе было высказано мнение, что восточные монеты начали проникать в Европу вообще не ранее IX в. и что все более ранние монеты — VI—VIII вв. — попали к нам вместе с монетами IX и X вв.[1]

Накопление вещевого клада происходило совсем иным путем. Вряд ли можно представить себе покупку на рынке в XII в. антикварного украшения X или XI в. Накопление предметов личного убора происходило, повидимому, в основном в результате перехода ценностей по наследству. Самое большее, что можно себе представить в качестве исключения из этого правила, — это невыкупленный заклад (типа сделки Тешаты и Якыма[2]) или получение украшений в результате присвоения чужих ценностей (грабеж, конфискация). Лишь эти причины могли нарушить постепенное и последовательное накопление предметов личного убора. Наблюдения показывают, что если вещевая часть клада и накапливалась в течение полутора-двух столетий, то между временем отдельных вещей нет больших интервалов. Нет таких кладов, в которых были бы вещи только X и XII столетий. В то же время в нумизматической части знаменитого вещевого Гнездовского клада 1868 г. (**23**) между временем монет имеются значительные интервалы. В нем оказались монеты VI в., затем сразу VIII и, наконец, X—XI вв. Отсутствие временных перерывов между вещами происходит, очевидно, оттого, что вещевой клад складывается не в результате скупки разновременных вещей, а в результате систематического пополнения убора рядом его владельцев, наследовавших фамильные драгоценности.

О таком переходе драгоценностей по наследству упоминает между прочим Ипатьевская летопись, описывая, как перед смертью князь Владимир Василькович Волынский „поясы золотые отца своего и серебряные, и свое, иже бяше по отци своем стяжал, все розда;... и мониста великая золотая бабы своей и матери своей все полья...“.[3]

Иногда в кладе древние вещи количественно преобладают над более новыми. В других случаях, наоборот, от древнего убора сохраняются отдельные разрозненные вещи, а основную часть клада составляют украшения более новые. В последнем случае можно предполагать, что время зарытия клада отстоит далеко от времени изготовления древнейших вещей. Однако нужно всегда считаться с возможностью переделки старых вещей на новые.

В отличие от инвентаря погребения, в котором количество предметов убора никогда не превышает того, что может надеть на себя человек одновременно, клад большей частью состоит из предметов нескольких уборов; к тому же, как правило, ни один из уборов не бывает полон. Кроме того, в погребении, при всей неполноте наших представлений о костюме по сохраняющимся металлическим частям одежды, все же видно, какие из украшений связаны с головным убором, какие из них украшают грудь, подол, руки, ноги и пр. В кладах же все эти вещи перемешаны. Фрагментарность убора, смешение нескольких уборов в одном и том же кладе, находка украшений вне связи с расположением их на костюме создают целый ряд трудностей в определении назначения отдельных предметов и в восстановлении убора в целом. Эта черта вещевых кладов приводит к тому, что мы до сих пор не можем понять назначение некоторых украшений и поэтому не знаем, какое место они занимали в уборе (например так называемые „аграфы“ — трехбусинные дужки, цепи из бляшек на шарнирах и ряд других).

---

[1] Р. Р. Фасмер. Завалишенский клад куфических монет VIII—IX вв. ИГАИМК, т. VII, в. 2, Л., 1931, стр. 13.

[2] В. К. Трутовский. Тешата и Якым и их взаимные отношения. Сборн. в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916.

[3] Ипатьевская летопись под 1288 г.

„Женская кузнь", в силу каких-то причин ставшая кладом, в обычное время, в безопасные, мирные годы, хранилась дома — в ларце, в мешке, в горшочке. Этими украшениями пользовались, поэтому их держали под руками. Зарывали их в землю только в момент опасности.

Опасности эти могли быть, конечно, различны, и нам трудно их учесть. Здесь могли быть и городские восстания, и грозящие потери княжеского стола, и отъезд на долгий срок из дома, и грабеж в момент смены власти, и осада города. Наблюдения показывают, что большинство русских вещевых кладов зарыто не в силу каких-то индивидуальных причин, а вследствие крупных общих опасностей (например монгольское нашествие 1237—1240 гг.).

Территория, на которой найдены клады, включенные в сводку, — это территория древнерусского государства домонгольской поры. Северной границей для русских вещевых кладов являются: южные побережья Финского залива и Ладожского озера и р. Свирь. Самый западный клад был зарыт на границе с ятвягами на Западном Буге. На северо-западе границей для русских кладов являются восточные побережья Чудского и Псковского озер и р. Великая. Граница самых восточных кладов проходит по линии Рязань, Владимир, Суздаль (если не считать одинокий клад, зарытый далеко в Вятской губ.). Самые южные точки, в которых найдены клады, — Полтава и Стариково в верховьях Северского Донца близ границы со степью. На юго-западе самым далеким оказался Вербовский клад в районе Галича (карта 5).

В сводку кладов не включены два Бóлгарских клада XII—XIII вв., найденные в 1869 и 1888 гг.,[1] несмотря на то, что в кладе 1888 г., наряду с местными волжскими украшениями, оказалось богатое русское ожерелье из девяти серебряных медальонов и бус. Территория, на которой найдены эти клады, вошла в состав русского государства гораздо позже, в это же время она принадлежала Бóлгарскому царству. Поэтому присоединять эти находки к перечню русских кладов представляется неправильным.

Если встать на этот путь, то придется включить в число русских кладов все те польские, венгерские, чешские и шведские клады, в которых были найдены русские вещи. Это не значит, что при рассмотрении вопроса о внешних связях древней Руси по материалам кладов все эти находки не могут быть использованы. Но включать их в сводку русских вещевых кладов, конечно, не следует.

В то же время в сводку русских кладов включены такие комплексы, которые, строго говоря, нельзя назвать кладом. Иногда в жилище или другом каком-либо здании, инвентарь которого является совершенно определенным комплексом, оказываются вещи, спрятанные в стену, завернутые в ткань или уложенные в горшок (украшения, сосуды). Эти вещи, составляющие самостоятельный комплекс внутри инвентаря жилища, я рассматриваю как клад вне зависимости от того, был ли он в жилище спрятан, или его еще не успели спрятать в момент гибели жилища или его хозяина. Тот комплекс вещей, который был спрятан или зарыт в момент опасности, и тот, который по каким-то причинам не успели зарыть, но оставили в жилище, вполне подготовленным к зарытию (в кожаном мешке, в горшке), по составу ничем, в сущности, не отличаются друг от друга. Поэтому я включаю их в свою работу и использую наравне с обычными кладами.

В литературе многие из них считаются кладами, и о том, что это комплексы, еще не успевшие стать кладами, нет и речи. Сведения об условиях находки некоторых из них заставляют, однако, усомниться в том, что это были клады в полном смысле слова. Вот некоторые примеры.

На Княжей Горе с 1877 по 1899 г. найдено 12 кладов. Пять из них куплены у кладоискателей, и об условиях их находки ничего не известно. Остальные семь найдены во время раскопок Д. Я. Самоквасова и Н. Ф. Беляшевского (клады 1877—1892 гг.). Все они лежали на очень небольшой глубине (6—7 вершков от поверхности), многие вещи несут на себе следы пожара. Один из них (**113**), как указано выше, обнаружен у основания столба сгоревшего жилища, среди черепков разбитого глиняного сосуда.[2] Другой найден в устье глинобитной печи (**118**).[3] Все, что известно о Княжей Горе, заставляет считать, что городище погибло в результате какого-то стихийного бедствия, подобно Райковецкому городищу. Колоссальное количество находок на Княжей Горе, самые поздние из которых относятся к XIII в., остатки сгоревшего частокола и жилищ, костяки убитых людей заставляют думать, что город погиб в результате внезапного разгрома во время монгольского нашествия. Поэтому все или некоторые из двенадцати найденных здесь кладов представляют собой те драгоценности, которые в мирное время хранились в доме в особом месте в горшке или в мешочке и в случае опасности должны были быть зарыты в землю, т. е. стать кладами. Но, повидимому, гибель города была настолько молниеносной, что население бросило в жилищах все свое имущество, начиная от тяжелых лемехов и кончая драгоценными украшениями. Так они и остались лежать завернутыми в ткань или уложенными в горшок, не успев стать кладами. Только в одном из домов ценности успели сунуть в печь.

---

[1] А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 80—82, табл. XXX—XXXIV.

[2] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 263.

[3] Н. Ф. Беляшевский. Отчет о раскопках Княжей Горы в 1891 г. Киевск. стар., 1892, январь, стр. 77 и 103.

То же самое обнаружил А. Л. Монгайт при раскопках 1950 г. в Старой Рязани: в землянке, в глинобитной печи, он нашел клад серебряных украшений, который был в нее спрятан, повидимому, во время осады Рязани Батыем.

Две вещи из этого клада были обнаружены на 13 лет раньше, при вспашке земли, и числились происходящими из клада. Если бы основная часть клада была обнаружена не при раскопках, а при случайных обстоятельствах, осталось бы неизвестным, что Старорязанский клад 1937—1950 гг. (**165**) был спрятан не в землю, а в печь.

В 1901 г. во время раскопок В. В. Гезе на городище Девичья Гора Каневского у. Киевской губ. в центре землянки, в неглубокой (около 26 см) квадратной (18 × 18 см) ямке был найден небольшой клад серебряных и бронзовых вещей (**125**). Это тоже, конечно, клад, хотя он и входит в состав жилищного инвентаря. Он был в момент опасности зарыт, но не где-то под открытым небом, а на территории жилища. Найденный на том же городище и во время тех же раскопок второй небольшой клад серебряных украшений был зарыт в точно такой же ямке (18 × 18 см, глуб. 18 см), но вырытой вне жилища (**126**).

У нас нет никакой уверенности в том, что целый ряд других находок, считающихся обычно кладами, не является на самом деле комплексами иного порядка.

В 1930 г. А. В. Арциховский, не зная, что в Железницком кладе 1855 г. найдено 258 куфических монет (618—878 гг.), полагал, что украшения из него составляют инвентарь погребения,[1] настолько они похожи на вещи, находимые в курганах.

Аналогичные сомнения могут возникнуть в отношении достаточно большого количества находок, обычно считаемых кладами. Даже наличие горшка, ткани или кожи не может служить признаком, доказывающим принадлежность находок к кладам. Поэтому в обзор включены все находки, о которых имеются сведения, что они являются кладами, и о которых нет указаний, что они представляют собой комплекс иного рода (вещи из погребения, случайные находки, объединенные находчиком или коллекционером, и др.).

Всего в настоящее время известно 175 кладов, из них около 50 либо совсем не изданных, либо таких, о которых имелись лишь краткие упоминания в литературе.

По времени находки самый ранний клад относится к 1673 г., самый поздний — к 1950 г.; по времени зарытия — к IX—XIII вв.

Состав кладов очень пестр, но в основном это предметы убора, сделанные большей частью из золота и серебра и реже — из бронзы и стекла.

Кроме вещей, в половине вещевых кладов (в 83 из 175) встречен различный нумизматический материал — монеты и слитки. Иногда монеты или слитки представлены в вещевом кладе единицами; иногда количество их довольно значительно, но в некоторых случаях нумизматический материал настолько преобладает над вещевым, что превращает клад почти в нумизматический. Этот богатейший материал до сих пор мало использован для датировки вещевых кладов. Однако при разбивке всей массы вещевых кладов на крупные хронологические группы он дает очень много.

Основную массу украшений в кладах составляют предметы женского убора. Но во многих кладах попадаются отдельные вещи, присутствие которых иногда мало понятно. Эти случайные вещи, часто не представляющие особой материальной ценности, говорят либо о растерянности и спешке, при которой зарывался клад, либо о личных вкусах зарывавших их людей, по каким-то причинам дороживших ими. Так, в Киевском кладе с Б. Владимирской ул. 1872 г. (**82**) оказалась игральная кость. В Черниговском кладе 1887 г. (**149**) было 6 шиферных пряслиц. В Мартыновском кладе 1886 г. (**129**) с серебряными женскими украшениям и бронзовым зеркальцем были положены железные шпоры с серебряной насечкой. Явно мужские вещи в кладах редки.

Дважды в кладах оказались стеклянные браслеты (Б. Хайча, **31**;[2] Переяслав, **146**). В одном из кладов обнаружен бронзовый штамп для тиснения (Княжа Гора, 1898 г., **123**). Если быть уверенным, что штамп не подброшен в клад находчиком, то можно было бы считать владельца клада ювелиром. Во многих кладах оказались крестики. Тут и простые широко распространенные бронзовые тельники с эмалью[3] и без эмали,[4] тельники серебряные литые и пластинчатые с пунсонным орнаментом,[5] и более дорогие перламутровые тельнички,[6] и серебряный крестик с красными камушками на концах,[7] и корсунчики с серебряной оправой.[8]

---

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 55, 70.

[2] Принадлежность к кладу нескольких фрагментов браслетов, так же как и некоторых других вещей (например стрелы), несколько сомнительна. Также сомнительна принадлежность кочедыка и глиняного шарика к Киевскому кладу 1862 г., **77**.

[3] Киев, 1902 г., **91**.

[4] С. Крыжово Псковской губ., **52**; Киев, 1898 г., **70**.

[5] С. Озера Олонецкой губ., **61**.

[6] С. Сахновка, **127**.

[7] Киев, 1903 г., **103**.

[8] Владимир, 1865 г., **167**; Рязань, 1887 г., **164**; Княжа Гора, 1891 г., **117** и 1897 г., **122**; д. Лески Орловской губ., 1853 г., **153**.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

В пяти кладах оказались бронзовые энколпионы.[1] Однажды был найден бронзовый образок-складень[2] и один раз — мастичный или глиняный образок.[3] Все перечисленные вещи попали в клады не как материальная ценность; они были, видимо, дороги их хозяевам с самых различных точек зрения.

Иногда по вещам, положенным в клад, видно, что их клали в спешке, в растерянности. Так, в Киевском кладе 1903 г. (**103**) вместе с серебряными украшениями были положены безжалостно оторванные от какой-то парадной одежды те части ее, которые были расшиты жемчугом и серебряными бляшками. Очевидно, спрятать одежду целиком не было возможности.

Вещи Киевского клада с ус. Орлова 1901 г. (**85**) были уложены в горшок завернутыми в куски парчи с нашитыми на нее серебряными бляшками. Кусок вышитой каймы, куски галуна и шелковой тесьмы с нашитыми на нее серебряными тисненными бляшками оказались и в Старорязанском кладе 1887 г. (**164**).[4]

Необычна для клада находка водолея (Киевский клад с Б. Житомирской ул. 1880 г., **90**). Целиком необычен Киевский клад 1914 г. (**78**), состоящий из золотых слитков и трех стеклянных импортных сосудов. Интересна находка в Гнездовском кладе X в. (1868 г., **23**) фрагмента клинка меча. Условия находки этого клада не известны; возможно, что меч поломан при находке, положен же был целый меч.

Несколько другой характер имеют такие предметы, как неоднократно встреченные в кладах замки[5] и ключи.[6] Замки попадаются и большие и маленькие, но всегда трубчатые; в кладе с ус. Есикорского (**98**) оказалось даже два замка. Появление их в кладах несколько непонятно. Н. П. Кондаков предполагал, что замки клались с целью уберечь клад от пропажи, что назначение их было магическим,[7] т. е. они должны были „запирать" клад. Так это или нет, сказать трудно. Если бы это оказалось верно, тогда бы и ключ мог быть положен в горшок с этой же целью. Думаю, однако, что ключ оказался в горшке или мешочке не потому, что он должен был „запирать" клад, а просто его предпочитали хранить в надежном месте вместе с драгоценностями. Присутствие же в кладах замков непонятно.

Но подавляющее большинство вещей, зарытых в кладах, — это дорогие женские украшения, *женская кузнь*. Среди них есть целые наборы стилистически единых украшений, может быть, сделанных в один прием, по специальному заказу. Есть клады с очень сборным или разнообразным убором. Есть вещи ломаные и чиненные еще в древности. Есть вещи скомбинированные из старых поломанных украшений. Есть клады, поражающие своим огромным богатством как по количеству вещей, так и по их материальной и художественной ценности. Есть клады, наоборот, очень скромные, состоящие из двух-трех дешевых украшений, которые, тем не менее, в минуту опасности хотели сберечь. Есть клады богатых людей, обладавших большими денежными суммами и почти не имевших никаких художественных, дорогих изделий. Есть клады, в которых, наоборот, совершенно нет никаких денежных или слитковых накоплений, но зато они полны драгоценностями. Есть, наконец, клады, в которых наряду с женскими украшениями оказались церковные богослужебные сосуды и украшения, в спешке сорванные с икон.

ПРИНЦИПЫ ДАТИРОВКИ

Датировка вещевых кладов очень трудна. Сравнительно небольшое количество комплексов, дошедших до нас от четырех столетий, разновременность их состава, случайность обнаружения, расхищение вещей в момент находки — все это чрезвычайно усложняет датировку.

Первым шагом на этом пути должна быть датировка их крупными группами, объединенными рядом общих достаточно устойчивых признаков.

Чрезвычайно существенным материалом для датировки, но далеко не единственным, является нумизматический материал. Я широко использую его, считая, что до сих пор он был незаслуженно забыт всеми, кто так или иначе соприкасался с кладами. При разбивке всей массы вещевых кладов на крупные хронологические группы нумизматический материал дает достаточно прочные хронологические указания. Конечно, пользоваться им нужно с осторожностью, корректируя указания монет вещевым материалом. Наблюдения показывают, что по вещевому составу клады резко делятся на несколько групп. Существуют клады,

---

[1] Княжа Гора, клады: 1891 г., **117**; 1897 г., **121** и 1897 г., **122**; с. Пишки Каневского у. Киевской губ., 1887 г., **132** и Киевский клад 1842 г., **65**.

[2] Киев, 1909 г., **74**.

[3] Каменнобродский клад 1903 г., **138**.

[4] Кроме этих трех случаев, ткань найдена также в кладах: Владимирском 1865 г. (**167**, шелковая ткань и галун), Киевском с ус. Есикорского 1885 г. (**98**, льняная ткань и галун), Сахновском 1900 г. (**127**, кусочек парчи) и Киевском 1824 г. (**107**). В последнем случае ею были прикрыты вещи. Назначение ткани в других кладах не улавливается.

[5] Киевские клады: 1899 г., **30**; 1885 г., **98**; 1902 г., **91** и 1903 г., **103**.

[6] Киевский клад 1862 г., **77** и клад с городища Девичья Гора Каневского у. Киевской губ. 1901 г., **125**.

[7] Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 126.

в которых основную группу вещей составляют серебряные украшения с зернью, объединяющиеся в стилистически единый убор. В других кладах убор состоит из украшений, декорированных пунсонным орнаментом. Третьи состоят либо из золотых украшений с эмалью, либо из серебряных с чернью, либо из тех и других вместе.

Совершенно очевидно, что эти различия в парадном уборе необходимо использовать при датировке кладов. Необходимо только выяснить, не вызывается ли она социальными, или локальными, или какими-нибудь другими причинами.

В том, что это именно хронологические, а не какие-либо другие различия, убеждает нас сопутствующий вещам нумизматический материал. Как и вещевой состав клада, нумизматический материал резко делится на ряд групп.

Вместе с серебряными вещами, украшенными зернью (лунницы, серьги „волынского типа", лопастные бусы и др.), встречаются только диргемы до X в. включительно.

Наборы украшений с пунсонным орнаментом (на севере) или массивные, лишенные декоровки кованые золотые браслеты и кольца (в Поднепровье) сопровождаются чрезвычайно пестрым и обильным нумизматическим материалом — рублеными диргемами, западноевропейскими и византийскими монетами конца X и XI вв. и слитками серебряными и золотыми неустановившегося веса и формы.

Золотые вещи с перегородчатой эмалью сопровождают слитки главным образом киевского типа, реже новгородские и другие. В исключительных случаях встречены византийские монеты конца XI и XII вв.

Нет ни одного случая, чтобы серебряные лунницы с зернью и сопутствующие им украшения были найдены с киевскими гривнами или чтобы золотые с эмалью вещи оказались с диргемами или западноевропейскими монетами конца X—начала XI в. Повторяемость соотношения вещевого и нумизматического материала, не имеющая ни одного исключения, позволяет считать ее закономерной и вполне устойчивой.

Пользуясь соотношением нумизматического и вещевого материала, удается разбить на ряд хронологических групп половину кладов. Те же клады, которые не содержат нумизматического материала, без особого труда распределяются по соответствующим группам благодаря сходству вещевого материала с материалом той или иной группы, хронологически уже определившейся.

Без нумизматического материала было бы труднее определить не только абсолютные временны́е границы наметившихся групп, но и расположить их в какой-то относительной хронологической последовательности. Значение нумизматического материала именно в том и состоит, что он дает не только относительное временно́е определение каждой группе кладов, но определяет каждую из них и абсолютно.

Все 175 русских вещевых кладов распадаются на 4 хронологические группы. Группы эти не одинаковы по количеству входящих в них кладов. В группе I (IX в.—рубеж IX и X вв.) — 11 кладов; в группе II (вторая половина X в.—рубеж X и XI вв.) — 17 кладов; в группе III (XI в.—начало XII в.) — 36 кладов и в группе IV (70-е годы XII в.—1240 г.) — 111 кладов.

Разбивка кладов на группы сделана по дате зарытия клада. По этой же дате клады нанесены и на карты, из которых каждая соответствует одной из хронологических групп. Кроме того, на сводной карте (карта 5) нанесены все 175 вещевых кладов с IX по XIII в.

Глава вторая

СОСТАВ КЛАДОВ И ИХ ТОПОГРАФИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЛАДОВ

ГРУППА I. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ В IX в. И НА РУБЕЖЕ IX и X вв. (КАРТА 1) 1—11

Эта, наиболее ранняя группа кладов, к сожалению, во многом не ясна. Половина кладов группы найдена в очень давние годы, еще до организации Археологической комиссии и в первые годы ее существования. Поэтому многие из них пропали полностью, от некоторых сохранились лишь отдельные вещи и монеты или упоминания о них.

В трех окских кладах (**5**, **6** и **7**) вещевая часть пропала полностью. Сохранившиеся описания входивших в них вещей настолько кратки, что не дают возможности представить их себе хотя бы приблизительно. В тех же кладах плохо сохранились и монеты. Известно только, что в Каширском кладе 1807 г. (**5**) было 2, а в кладе из с. Баскач 1861 г. (**7**) — 4 аббасидских диргема VIII—начала IX в. Нет гарантии, что среди пропавших монет этих кладов не было диргемов более поздних, но за отсутствием данных об этом приходится оставить оба этих клада все же в группе кладов IX в.

Куфические монеты третьего клада, найденного в 70-х годах XIX в. в Оршанском у. Могилевской губ. (**3**), пропали полностью, и о времени их никаких данных нет.

В четырех кладах монет совсем не было (Полтавский клад, **1**; Ивахниковский клад Полтавской губ., **2**; д. Узьмина, **10** и д. Горки Петербургской губ., **11**).

Следовательно, только в четырех кладах нумизматический материал сохранился настолько, что на него можно более или менее полагаться (с. Мишнево Калужской губ., **4**; с. Лапотково Тульской губ., **6**; с. Железницы Рязанской губ., **8** и с. Угодичи Ярославской губ., **9**). Это преимущественно диргемы VIII и IX столетий, целые и рубленые, и в небольшом количестве сасанидские монеты VI—VII вв. (Железницы, **8** и Угодичи, **9**). В двух кладах наиболее поздние монеты относятся к началу IX в. (Лапотково, **6** и Угодичи, **9**), в двух других — ко второй половине IX в. (Мишнево, **4** — 869 г.; Железницы, **8** — 877/8 гг.).

Кроме монет, в двух кладах оказались характерные только для бассейна Оки слитки в виде прутиков (Кашира, **5** и Баскач, **7**), время которых нумизматами пока еще не установлено.

Таким образом, крайне плохо сохранившийся нумизматический материал как будто заставляет отнести некоторые клады к IX в., в чем, однако, нет большой уверенности. Два клада (с. Мишнево, **4** и Железницы, **8**) были зарыты, безусловно, не ранее конца IX в.

Наличие среди диргемов рубленых монет (Баскач, **7**; Железницы, **8** и Угодичи, **9**) тоже как будто заставляет относить некоторые клады к концу IX в.

Определить время зарытия кладов по вещам тоже не так легко. Во-первых, наши сведения о памятниках IX в. пока еще далеко не достаточны отчасти ввиду крайне ограниченного их количества, отчасти же потому, что они с трудом поддаются точной датировке. Во-вторых, как уже сказано, вещевой состав этой группы кладов плохо сохранился — клады, находившиеся в частных коллекциях, бесследно пропали или депаспортизованы.

Вещевой состав кладов этой группы очень пестр. Почти ни один клад по характеру вещей не похож на другой. Это отчасти объясняется тем, что они разбросаны на огромной территории и формы вещей, очевидно, связаны с местными особенностями тех областей, где эти клады найдены.

В Среднем Поднепровье на Левобережье найдено 2 клада, вещи которых сохранились (Полтава, **1** и Ивахники Полтавской губ., **2**).

В Верхнем Поднепровье найден 1 клад, от которого сохранились только рисунки двух шейных гривен (Оршанский у. Могилевской губ., **3**). Остальные вещи исчезли.

Между Чудским и Ильменским озерами найдено 2 клада, состоящие из одних шейных гривен (Узьмина, **10** и Горки, **11**).

Почти во всех кладах с сохранившейся вещевой частью найдены шейные гривны ранних типов, когда гривны застегивались еще не сзади на шее, а на груди. Поэтому замок у них очень развит и хотя оформлен по-разному, но в основе имеет один и тот же принцип; это замок в двойную петлю.

Но кроме шейных гривен, в обоих кладах Среднего Поднепровья были и другие украшения. В Полтавском кладе (**1**) оказалась пара семилучевых колец, кованые браслеты с обрубленными концами и спиральные височные кольца. В Ивахниковском кладе (**2**), кроме шести шейных гривен и двух крупных блях — дериватов антропоморфных фибул VI—VII вв., — было много мелких украшений: трапециевидные подвески на цепочках, перстни салтовского типа, стеклянные бусы, бубенчики, „чудская бляшка“ и др.

Наиболее многочисленна группа кладов с верхней Оки. Здесь найдено 5 кладов (**4, 5, 6, 7, 8**), но, как говорилось выше, три из них не сохранились (Кашира, **5**; Лапотково, **6**; Баскач, **7**). Наиболее интересен Железницкий клад 1855 г. (**8**) с его хорошо сохранившимся и богатым составом вещей и монет. В кладе 2 шейных гривны вятского типа (с винтовой нарезкой и замком с граненой шляпкой), браслеты со слегка расширенными концами, пяти- и семилучевые височные кольца, позднее ставшие племенным украшением радимичей, серьги с подвеской-балясинкой, известные как в салтовской культуре, так и в Приуралье, и серебряный поясной наконечник, связанный также с Прикамьем и Приуральем. Все перечисленные вещи были найдены вместе с восточными монетами 618—877/8 гг., целыми и рублеными. Время зарытия этого клада, судя по монетам, — не ранее конца IX в. Шейные гривны вятского типа обычно датируют IX в.; височные семилучевые кольца аналогичны кольцам, найденным в Полтавском кладе 1905 г. (**1**) вместе с гривной не позже IX в. Однако в Железницком кладе почти половина диргемов рубленых, что, может быть, указывает на его сравнительно позднюю дату зарытия. Кроме того, шейные гривны вятского типа, попав в район, далекий от места их происхождения, могли прожить здесь дольше, чем на родине. К тому же дата этих гривен до сих пор как следует не обоснована. Ввиду отсутствия каких-либо устойчивых данных для удовлетворительной датировки Железницкого клада я помещаю его по формальному признаку — дате последней монеты — в группу кладов IX в., со всеми сделанными выше оговорками.

Второй клад Окского бассейна, найденный в с. Мишнево Лихвинского у. Калужской губ. в 1892 г. (**4**), состоял из 101 диргема 742/43—867 гг. и всего одной вещи — фрагмента серебряной цепи из рубчатой проволоки (табл. II, *1*). Цепь эта не русской работы. Скорее всего эта цепь привезена из Скандинавии или, что менее вероятно, из Западной Европы, где в эпоху Меровингов тоже выделывались вещи из рубчатой проволоки. Если клад зарыт еще в конце IX в., то цепь окажется одной из немногих вещей, занесенных в Восточную Европу викингами еще в IX в.

Бóльшая часть норманнских изделий, находимых на территории, занятой славянами, относится уже к X в. Точно датировать цепь не представляется возможным. Поэтому я помещаю Мишневский клад в группу кладов IX в., как и Железницкий, по дате последней монеты.

Последний клад этой группы найден на далеком северо-востоке в районе Ростовского озера в с. Угодичи (**9**). Из вещей в нем оказалось только 2 серебряных браслета из граненого дрота (табл. II, *2*). Один из них — с обрубленными несомкнутыми концами, другой менее похож на обычные браслеты, так как концы его плотно сомкнуты.

Кроме браслетов, в кладе было 4 сасанидских монеты 590—628 гг. и 115 диргемов 699—812/13 гг. Данный клад с большей уверенностью можно отнести к IX в., хотя браслеты из граненого дрота с такими же обрубленными концами известны и много позже — в X и даже XI в.

В целом украшения группы кладов IX в. — это довольно массивные и крупные вещи, сделанные путем ковки и литья. Это гривны и браслеты из граненого дрота, литые серьги, вещи из проволоки. Следует подчеркнуть, что витых украшений — гривен, браслетов, чрезвычайно распространенных позже, в IX в. еще нет. Самое большее — это перекрученный вокруг своей оси граненый дрот или спиральная нарезка, подражающая витью, но и то только у гривен.

Легких ювелирных изделий в кладах IX в. тоже еще нет. Все украшения этого времени достаточно просты и массивны.

ГРУППА II. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в. И НА РУБЕЖЕ X и XI вв. (КАРТА 2) 12—28

Клады, зарытые на рубеже X и XI вв., несравненно более богаты, чем клады предшествующей поры. Они богаче по количеству как вещей, так и монет. Тем не менее, между теми и другими есть много общего.

Как и в IX в., основной нумизматический материал в кладах II группы — это диргемы, но несколько более поздние. Если в кладах IX в. саманидских диргемов не было совсем, то в кладах X в. они составляют подавляющее большинство. Наиболее поздние из них относятся к 60-м годам X в., а в одном даже к 1008/9 г. (Денис, **18**). Есть также варварские подражания саманидским диргемам, чего не было в кладах IX в.

Несмотря на такие поздние диргемы, во многих кладах есть монеты не только IX, но и VIII в. (Киевские клады 1851 г., **12** и 1913 г., **13**; Копиевский клад Винницкого окр., **16**; Гнездовские клады 1868 г., **23** и 1870 г., **24**), а также сасанидские монеты VI в. (Копиевский клад, **16**; Гнездовский клад 1868 г., **23**).

Новость в нумизматическом составе кладов представляют византийские монеты X в. (и в одном случае VIII в.), найденные в четырех кладах (Денис Полтавской губ., **18**; Шпилевка Харьковской губ., **19**; Коробкино Курской губ., **20** и Гнездово 1868 г., **23**). Их немного — от 1 до 5 экземпляров на клад.

Впервые в этих кладах появляются также западноевропейские монеты X—начала XI в., но их пока еще мало и найдены они только в двух кладах — Денисовском 1912 г. (**18**) и Гнездовском 1868 г. (**23**). В этих же двух кладах оказались индийские монеты X в.

В одном кладе (Денис, **18**) оказались монеты русского чекана — Владимира и Ярослава. Это единственный случай, когда в вещевом кладе были найдены русские монеты.

Также нумизматической новостью кладов X в. являются серебряные слитки неустановившегося веса и формы. Это в основном небольшие серебряные палочки. В кладах X в. их еще мало — одна-две на клад (Копиевка, **16** и Денис, **18**) и только в Борщевском кладе (**17**) были 41 палочка и 1 круглый слиток, свернутый трубкой.

Многие из особенностей нумизматического состава кладов, зарытых на рубеже X и XI вв., развиваются в полной мере несколько позднее — в первой половине XI в. Это относится в первую очередь к западноевропейским монетам, обилие которых становится отличительной чертой кладов этой поры, и во вторую очередь — к слиткам, количество которых в кладах XI в. значительно возрастает. На Оке в это время попрежнему находят слитки в виде прутиков.

Несмотря на разнообразие нумизматического состава кладов X в., главное место занимают в них попрежнему диргемы. Количество их в некоторых кладах очень велико. Если в IX в. наибольшее число монет в кладе было 258 экз. (Железницкий клад, **8**), то теперь количество их на один клад доходит до нескольких тысяч (Киевские клады 1851 г., **12** и 1913 г., **13**; Денисовский клад, **18**). В ряде кладов монет оказалось по нескольку сот (Копиевский клад, **16**; Гнездовский клад 1909 г., **26**).

Кладов без каких-либо монет или слитков только два (из семнадцати), но и здесь нет уверенности, что эти клады первоначально не содержали монет. Полный состав Гущинского клада (**21**) остался, к сожалению, неизвестен. Юрковецкий же клад (**15**) долгое время после того, как он был найден (1864 г.), пролежал незаинвентаризированным в кладовой музея Киевского университета. В 1880-х годах он был там случайно обнаружен, а потому если в нем и были монеты, то их давно отделили от вещевого состава клада, как это обычно делалось в то время.

Некоторые клады по своему составу приближаются к монетным, так как рядом с большим количеством монет содержат лишь несколько вещей (Киевские клады 1851 г., **12**, 1913 г., **13** и 1863 г., **14**; Денис, **18**; Гнездовский 1909 г., **26**). В других кладах вещевая и нумизматическая части примерно равны, а иногда число вещей даже значительно превышает количество монет (Гнездовский клад 1868 г., **23**). Но в общем количество монет и слитков в кладах X в., так же как и в IX в., все еще очень велико. Вещевой состав кладов, зарытых на рубеже X и XI вв., не только богат, но и гораздо более однороден, чем в IX в.

Основная масса украшений в X в. попрежнему сделана из серебра, но в X в. попадаются уже и золотые вещи, например тяжелые кованые браслеты весом до 200 и более граммов (Киевские клады 1851 г., **12** и 1913 г., **13**).

Кованые браслеты есть и в других кладах, но они сделаны из серебра (клады Копиевский, **16**; Шпилевский, **19**; Коробкинский, **20**). Большей частью они встречаются сразу по нескольку штук — по 5—7 браслетов. Некоторые из них ничем не отличаются от браслетов IX в. Это те же гладкие обручи из круглого или граненого дрота с обрубленными концами (Копиевка, **16**; Коробкино, **20**). Но рядом с ними появляются и некоторые другие формы браслетов: граненые не с обрубленными, а с завязанными концами, браслеты из круглого дрота с завязанными концами, и, что особенно следует подчеркнуть, появляются браслеты витые. Большей частью они свиты просто из двух толстых проволок; на одном браслете сохранилась перевить из сканной нити (Коробкино, **20**). Но однажды в кладе оказался золотой браслет, витой из трех жгутов, состоящих из попарно скрученных проволок (Киевский клад 1913 г., **13**). Этот тип витья, применявшийся начиная с X в. для выделки не только браслетов, но и шейных гривен, получил позднее (XI—XIII вв.) чрезвычайно широкое распространение, став самым излюбленным приемом при изготовлении гривен и браслетов.

Чтобы покончить с формами шейных гривен, укажу, что в X же веке появляется еще один тип шейных гривен, — это гривны, плетенные путаным редким плетением из тонкой проволоки. Они очень гибки. За пределы XI в. они не перешли.[1]

Начиная с X в. гривны застегиваются сзади на шее, а не на груди, как раньше. Замок — либо колбочка, оканчивающаяся проволочным крючком и петлей или двумя крючками, либо (значительно реже) концы гривен, как и у браслетов, завязаны (Гнездовский клад 1868 г., **23**).

Но не эти кованые и витые гривны и браслеты составляют специфику кладов X в. Главной особенностью их являются целые наборы легких тисненых украшений, декорированных мельчайшей зернью, образующей треугольники, ромбы, каемки, полоски. Такой набор стилистически единых украшений составлял парадный женский убор, характерный только для второй половины X в. и первых десятилетий XI в.; в его состав входили: богатое ожерелье из бус сложного устройства, спаянных из нескольких долек (лопастные бусы), и подвесок, чаще всего крупных лунниц или круглых медальонов, а также нарядные сережки, состоящие из проволочного кольца, декорированного бусинками и бахромой, и свисающей с кольца крупной сложной подвески. Эти вещи — лунницы, медальоны, бусы и серьги — наиболее часто встречаются в кладах. Кроме них, в тот же убор входили перстни с полусферическим щитком и крупные пуговицы вроде бубенчиков. Все эти украшения, декорированные тончайшей зернью, очень легкие и хрупкие, так как бóльшая часть их выполнена тиснением. Вместе они составляют стилистически единый убор, типичный для кладов, зарытых на рубеже X и XI вв.

В кладах XI в. вещи с зернью известны в основном только более ранние, доживавшие свой век (лунницы, медальоны). Новые вещи с зернью, сделанные в XI в., единичны (1—2 перстня, несколько медальонов из ожерелья Черниговского клада 1848 г., **35**). Такого полного убора из вещей с зернью позже никогда не было. Впоследствии зернью декорировались только отдельные вещи, входившие в состав убора совсем иного характера.

В XII—XIII вв. зернью украшались некоторые трехбусинные серьги, крупные овальные бусы, наконечники корсунчиков, звездчатые колты; они входили в состав чрезвычайно разнообразного и совсем по-иному оформленного убора. Датировка убóра с зернью X в. подтверждается не только тем, что он постоянно встречается в кладах с монетами не позже первых годов XI в., но и находкой отдельных украшений с зернью в погребениях безусловно X в. (Киев, Шестовица, Гнездово), а также русских украшений с зернью в кладах X в., найденных за рубежом (Венгрия, Польша, Швеция). Таким образом, женский парадный убор из легких украшений с зернью составляет характерную особенность кладов, зарытых на рубеже X и XI вв. Эти изделия в полном смысле слова могут быть названы произведениями ювелирного искусства.

В кладах, зарытых на рубеже X и XI вв., имеется некоторое количество привозных вещей. Больше всего их оказалось в знаменитом Гнездовском кладе 1868 г. (**23**). Это фибулы, гривна, подвески, бусы и прочие вещи скандинавского происхождения.

Скандинавская же круглая литая фибула найдена в другом Гнездовском кладе 1909 г. (**26**).

Не ясно, скандинавские ли по происхождению золотые кованые браслеты Киевского клада с ус. Сикорского 1913 г. (**13**). Во всяком случае, точно такие же браслеты найдены во многих кладах этого времени на о. Готланд.

Прибалтийской работы небольшая шейная гривна с крупными квадратами на концах оказалась в большом Гнездовском кладе 1868 г. (**23**).

В разграбленном в момент находки Шпилевском кладе Харьковской губ. (**19**) сохранились 3 бляшки от пояса или сбруи; бляшки — привозные, восточные.

ГРУППА III. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ В XI в. И НА РУБЕЖЕ XI и XII вв. (КАРТА 3) 29—64

Вещевые клады XI в. в целом до сих пор оставались почти неизвестными. Если для нумизматов характер монетных кладов XI в. был давно ясен и подробно разработан, то для кладов вещевых XI век был в полном смысле слова белым пятном.

Можно было представить себе состав вещевых кладов X в. Клады XII—XIII вв., изобилующие золотыми и серебряными украшениями с перегородчатой эмалью и чернью, были тоже хорошо известны. Но из чего состоят клады XI в., особенно его первой половины, и есть ли они вообще — было неясно.

Произошло это вследствие целого ряда причин. В кладах, зарытых в течение XI в., нет такой группы вещей, которая объединяла бы их между собой, сразу бросаясь в глаза, как, например, вещи с зернью в кладах X в. По составу вещей все клады XI в. очень отличны друг от друга.

Во многих кладах вещевой состав очень мало выразителен. Это — обломки украшений, определить которые не всегда удается. Многочисленные фрагменты вещей, как правило, сопровождает богатый нумизматический

[1] В Поволжье в XIII в. делали при помощи такого плетения браслеты, но из несколько более толстой проволоки.

материал, который и поглощал целиком внимание исследователей. В некоторых случаях попадавшиеся вместе с монетами поломанные, изрубленные вещи как не стоящие внимания были сплавлены.

Сложность выявления кладов XI в. могла бы быть давно преодолена, если бы специалисты, занимавшиеся вещевыми кладами, не относились с таким невниманием к нумизматическому материалу вещевых кладов. Богатейший источник для датировки — огромное количество монет в подавляющем большинстве вещевых кладов XI в. — интересовал только нумизматов, не обращавших внимания на вещи. Археологи же и искусствоведы, предоставляя нумизматам заниматься полумонетными кладами с малым количеством вещей, к тому же часто ломаных, упускали возможность получить точную датировку памятников. Неуточненные во времени вещи редко попадали и в издание. Лишь некоторые клады XI в. были опубликованы, и то не всегда полностью.

Помимо всего сказанного, определению круга памятников XI в. мешало еще то, что довольно много кладов этого времени либо не сохранилось, либо неизвестно где находится, а сведения о них в литературе слишком кратки. Некоторые клады остались полностью неизвестными (Киевский клад 1787 г., **29**; клад из с. Бегень Волынской губ., **42**; клад, найденный в р. Луппе Смоленской губ., **44**; клады из д. Буянцы, **57** и м. Боровская Петербургской губ., **58**; из Олонецкой губ., **61** и со ст. Лодейное Поле, **62**). Другие клады сохранились лишь частично (Пилява Киевской губ., **34**; Глубоцкое Могилевской губ., **36**; Льговка Калужской обл., **37**; Киково Волынской губ., **40**; Стражевич Могилевской губ. 1898 г., **45**; Полоцк, **48**). О третьих можно судить только по сохранившимся рисункам (Демшина Псковской губ., **51**; Белогостицкий клад Ярославской губ., **63**).

В настоящее время из всей массы русских кладов удалось выделить 36 комплексов, которые были зарыты в XI в. и в самом начале XII в.

Отличительной особенностью кладов XI в. является то, что они были зарыты не в один срок, не в результате какого-то стихийного бедствия. Их зарывали поодиночке в самые разные сроки и в результате многих и различных причин, действовавших на протяжении всего XI и начала XII в. Об этих причинах речь будет итти ниже.

На протяжении этого длительного срока в 100 лет (с начала XI по начало XII в.) в составе кладов можно подметить некоторые незначительные изменения, отличающие клады первой половины XI в. от второй его половины. В нумизматическом материале это выражается лишь в том, что в одних кладах самые поздние монеты не заходят за 50—60-е годы XI в., в других же они доходят до первых десятилетий XII в. В остальном состав монет более поздних кладов ничем не отличается от более ранних.

В вещевом составе кладов к концу XI—началу XII в. тоже наблюдаются некоторые изменения, но они не столь значительны, чтобы выделить эти клады в особую группу.

Две трети кладов XI—начала XII в. содержат нумизматический материал (25 кладов из 36). Материал этот, как уже говорилось, очень обильный. Состав монет гораздо более разнообразен, чем в X в., хотя на первом месте стоят попрежнему диргемы IX—начала XI в.; более ранних восточных монет (VII в.) в этих кладах уже нет. Отличительной чертой кладов XI в. является большое количество дробленых монет. Количество рубленых диргемов иногда превышает количество целых во много раз. Так, в Васьковском кладе Псковской губ. (**50**) на 155 целых оказалось более 4000 рубленых диргемов. На втором месте стоят западноевропейские монеты конца X—начала XII в. Найдены они в 16 кладах, иногда в очень большом количестве, достигающем нескольких тысяч экземпляров на клад. В кладах, зарытых на рубеже X и XI вв., западноевропейские монеты только еще появлялись. Здесь же они начинают конкурировать с восточными.

Чаще, чем в X в., встречаются и византийские монеты, но, как и прежде, по 1—3—5 экземпляров на клад. Только в Киевском кладе с ус. Бродского 1899 г. (**30**) оказалось сразу 15 золотых византийских монет.

Также много чаще, чем в X в., попадаются в это время слитки неустановившегося веса и формы (**29**, **30**, **37**, **38**, **43**, **44**, **45**, **46**, **48**, **60**). Это те же длинные слитки в виде палочек самых разнообразных форм. Но, в отличие от кладов X в., здесь впервые появляются слитки золотые (**30** и **46**). На Оке в Коростовском кладе попрежнему найдены все те же типичные для Оки серебряные прутики (**64**).

Как уже говорилось, по своему вещевому составу клады XI в. очень разнообразны и не поддаются какой-либо четкой группировке. Известная разница существует между северными и южными кладами, т. е. кладами северо-западных областей и кладами Среднего Поднепровья. Для кладов северо-западного района можно указать две характерные черты: это, во-первых, большое количество рубленых вещей — литого серебра, пластинок, кованых дротов, проволоки, украшений — и, во-вторых, большое количество пластинчатых, кованых и литых вещей, украшенных орнаментом, выбитым пунсоном (треугольники, колечки, точки и др.).

Особенностью кладов Среднего Поднепровья является наличие тяжелых кованых золотых вещей. Рубленого серебра в них нет.[1] Деление это не может считаться четким. В кладах Поднепровья есть северные вещи, а в кладах северо-западных областей — южные украшения.

До сих пор клады с рубленым серебром были хорошо известны только нумизматам. Они знали такие клады на территории Скандинавии, Польши, бассейна Эльбы (Hacksilberfunde), а также в северо-западных районах древней Руси. Но при изучении русских вещевых кладов клады с рубленым серебром, мало интересные

[1] Если не считать Денисовский клад Полтавской губ. (**18**), где эта черта выражена очень слабо.

с точки зрения истории искусств, совершенно не учитывались. Поэтому ни один из них не был опубликован, а лом частично пошел на сплав или был передан в местные музеи, где со временем был растерян.

Появление „рубленого серебра" в кладах нумизматы объясняют недостатком монеты, который стал ощущаться на рубеже X и XI столетий в связи с прекращением ввоза монет с Востока. На одном только острове Готланд найдено несколько сот кладов с изрубленными, поломанными или иначе изуродованными вещами. Сокращение ввоза монет с Востока и вызвало, видимо, тот приток западноевропейских монет, который заметен в XI в. в северных районах древней Руси.

Рубленые украшения появляются в вещевых кладах с первых же лет XI в. Так, в Денисовском кладе (**18**), зарытом около 1010 г. и отнесенном мной еще к предшествующему периоду (группа II), уже оказались незначительные кусочки рубленого серебра.

Ряд кладов III группы также содержит лишь незначительное количество рубленых вещей (Старая Ладога, **60**; Васьково, **50**; Льговка, **37**). Но в некоторых кладах оказалось огромное количество рубленых бесформенных кусков литого серебра, денежных слитков, кованых дротов, проволоки (Стражевич, **45** и **46**; Полоцк, **48**; Смоленская губ., **44**); вес одного из них достигал 15 кг (**44**). К концу XI—началу XII в. эта черта русских кладов исчезает. Последний, самый поздний клад с некоторым количеством рубленых вещей — это клад из прихода Спанка Петербургской губ. (**56**), зарытый в 20-х годах XII в.

Среди изрубленных кусков серебра можно различить фрагменты шейных гривен, браслетов, лунниц, медальонов и пр. В тех же кладах попадаются и целые вещи, преимущественно из проволоки — крупные височные кольца или браслеты с завязанными концами или просто круглые мотки проволоки.

Кусочки изрубленных украшений иногда декорированы зернью, как и вещи X в., но наряду с ними многие фрагменты уже покрыты типичным для XI в. орнаментом, выбитым пунсоном (треугольники, ромбы, колечки, точки, тире и пр.). Этот же орнамент украшает и целые вещи ряда кладов, например кольцевые пряжки, шейные гривны, ромбощитковые кольца, медальоны кладов Витебского (**47**), Васьковского (**50**), Демшинского (**51**), Путиловского (**59**), Староладожского (**60**) и др. Для северо-запада древней Руси этот прием декоровки в XI в. является широко распространенным, а вещи, украшенные этим орнаментом, составляют стилистически единый убор, но характерный только для северо-западных районов древней Руси. В X в. таким же стилистически единым убором, характерным только для Поднепровья, был убор из украшений с зернью. Однако убор, декорированный пунсоном, выглядит несколько простовато по сравнению с тончайшими ювелирными изделиями X в. Здесь преобладают крупные и тяжелые кованые и литые украшения или украшения из пластины, несущие на себе отпечаток „кустарной" и несколько неряшливой работы.

Другой характер имеют клады Поднепровья. Здесь в первую очередь бросаются в глаза огромные и тяжелые кованые золотые браслеты, как и в некоторых кладах X в., золотые сомкнутые кольца непонятного назначения, золотые слитки в виде палочек, золотые византийские монеты. Все золотые вещи очень просты и имеют вид скорее кусков золота, чем украшений. Никаких тонких ювелирных изделий в этих кладах нет (Киевский клад 1787 г., **29**; Киевский клад с ус. Бродского, **30**; Черниговский клад, **35**; Великоселецкий клад Полтавской губ., **38** и Стражевичский клад Могилевской губ. 1903 г., **46**).

К числу отличительных черт кладов XI в. относится появление в большом количестве шейных гривен и браслетов. И те и другие украшения известны были уже в кладах X в., но там они попадались в значительно меньшем количестве и были гораздо менее разнообразны. В XI же веке известен ряд кладов, состоящих исключительно из одних шейных гривен (клады Волынской губ.: Киково, **40**; Бегень, **42**; Бужиски, **43**), либо из гривен и браслетов (Пилява Каневского у. Киевской губ., **34**), либо из одних браслетов (Исковщина Каневского у. Киевской губ., **33**). Кроме того, шейные гривны в значительном количестве экземпляров на клад попадаются и вместе с другими украшениями (Мироновский клад Каневского у. Киевской губ., **32**; Шалаховский клад Невельского у. Витебской губ., **49**; Крыжово Псковской губ., **52**; Собачьи Горбы близ Новгорода, **55** и Путилово Ленинградской губ., **59**).

В основном разновидности шейных гривен в кладах XI в. сводятся к следующим типам.

1. Гривны плетеные редким путаным плетением из тонкой проволоки, как и в X в. Замок — в два крючка или крючок с петлей (Б. Хайча Киевской губ., **31**, табл. XI, *2*).

2. Гривны пластинчатые полые; один конец с шарниром, замок в виде полой розетки, которая прикрывает небольшие крючок и петлю (Б. Хайча Киевской губ., **31**, табл. XII, *2* и рис. 4; Витебск, **47**; Белогостицкий Ярославской губ., **63**). Такие гривны появляются только в XI в. и в том же веке исчезают.

3. Гривны витые полые. Они свиты из довольно тонкой проволоки, отчего и витье у них получается мелким. Такие витые полые гривны, так же как и полые пластинчатые, известны только в XI в. (д. Бужиски, **43**, табл. XVII; Собачьи Горбы, **55**).

4. Гривны витые из нескольких пар дротов. Наиболее распространенной формой замка попрежнему является замок из двух крючков или из крючка с петлей (Мироновка, **32**; Пилява, **34**; Киково, **40**; Крыжово, **52**; Собачьи Горбы, **55** и Путилово, **59**). Но наряду с ним появляется новая форма замка, заменившая в XII — XIII вв. все остальные. Это замок в виде двух трубочек на концах пластинчатых наконечников; сквозь трубочки,

повидимому, пропускался скреплявший гривну шнурок. Такие гривны найдены в кладах Мироновском (**32**), Киковском (**40**), Козлинском (**41**) и Шалаховском (**49**), во всех четырех случаях вместе с гривнами, имеющими замок старого образца. Повидимому, в конце XI в. или на рубеже XI и XII вв. этот тип замка только что появился. В целом же этот тип гривны — витой из нескольких попарно скрученных дротов с замком только что описанной формы — стал самым распространенным в древней Руси XII — XIII вв. и просуществовал до монгольского завоевания. В это же время — во второй половине XI в. — сложился и самый распространенный в XII—XIII вв. тип браслетов — витых, с миндалевидными наконечниками, украшенными чернью. В отличие от более поздних, витые браслеты конца XI в. несколько массивнее. Они свиты из более толстых дротов, наконечники их крупнее, толще, профилированы рубчиками по краям, а углубления под чернь более глубоки, чем у поздних браслетов. Такие браслеты найдены в ряде кладов, зарытых на рубеже XI и XII вв. (Мироновский клад, **32**; Пилява, **34**; Шалахова, **49** и Собачьи Горбы, **55**). Кроме витых браслетов, в XI в. встречаются также браслеты, плетеные наподобие цепей (Исковщина Каневского у. Киевской губ., **33** и Пилява, **34**).[1]

Но, помимо этих новых типов браслетов, в XI в. продолжают попадаться такие же браслеты, как и в кладах X в., — из круглого и граненого дрота с обрубленными концами и витые с завязанными концами (Киевский клад с ус. Бродского, **30**; Б. Хайча Овручского у. Киевской губ., **31**; Чернигов 1848 г., **35**). Все золотые браслеты принадлежат именно к этим архаичным типам.

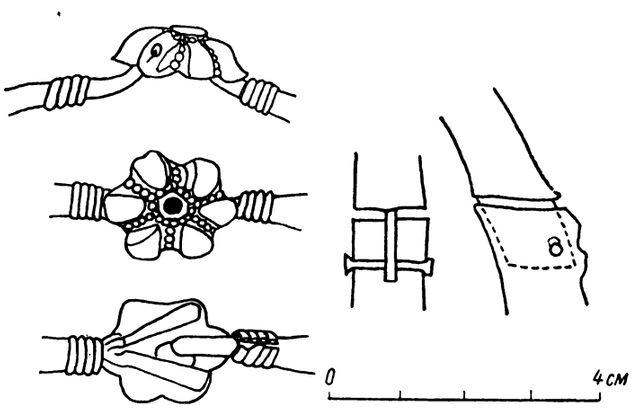

Рис. 4. Замок и шарнир гривны из клада близ с. Б. Хайча (**31**).

В кладах XI в. впервые появляются большие шейные цепи с наконечниками в виде голов дракона (Мироновский клад, **32**; Собачьи Горбы, **55**). Возможно, что такие цепи выделывали и несколько раньше (конец X—начало XI в.), но бóльшая часть их найдена в кладах, зарытых уже в XII в. Повидимому, прочность этих массивных, искусно сплетенных на четыре грани цепей обеспечивала им длительную сохранность. В XII—XIII вв. пользовались не только старыми цепями, но делали и новые, однако они были уже иными — более легкими — и не имели наконечников в виде звериных голов.

Впервые в кладах, зарытых на рубеже XI и XII вв. появляются крестики-тельники. До этой поры их в кладах не было.

В кладах XI в. есть ряд вещей, сохранившихся от старого времени. Это отдельные, разрозненные украшения уборов X в. с зернью: лунницы (Скадино Псковской губ., **53**; Спанка Петербургской губ., **56**; Белогостицкий клад Ярославской губ., **63**) и некоторые полусферические медальоны (Шалахова Витебской губ., **49**; Белогостицкий клад Ярославской губ., **63**).[2] Интересно отметить, что эти отдельные украшения вышедшего из моды убора сохранились вдали от места их изготовления — Поднепровья. В Среднем Поднепровье в это время они были, повидимому, уже переделаны на новые украшения. Вещи, аналогичные украшениям кладов XI в., довольно часто встречаются в погребениях XI в., значительно чаще, чем украшения зерневого убора X в.

Среди кладов XI в. есть несколько комплексов, содержащих нерусские вещи. Некоторые из них состоят даже сплошь из одних нерусских вещей.

Близ Переяслава на Трубеже найден клад (**39**), основную вещь которого составляет оковка борта чаши с орнаментальной надписью, состоящей из значков, подражающих куфическому шрифту XI в. (рис. 5). По мнению В. А. Крачковской, „надпись“ эта сделана не в арабоязычных странах. Там тоже встречаются нечитаемые надписи, но это надписи искаженные, а не такие откровенные подражания чисто орнаментального характера, как на Переяславской чаше. Однако предположить, что надпись эта была сделана русскими мастерами, по моему мнению, тоже нельзя. Если приглядеться к тому, как расположены значки надписи, то можно заметить, что в правой части ее значки крупнее и расположены реже, но чем ближе к левой ее части, тем значки делаются все мельче и располагаются все теснее. Создается впечатление, что мастер писал справа налево, что он копировал какую-то настоящую арабскую надпись, которую хотел уместить целиком. Однако вначале он не рассчитал, насколько свободно он может располагать значки, и к концу их пришлось наносить очень тесно. То, что мастер копировал какую-то настоящую арабскую надпись, видно еще из того, что все „буквы“ обведены типичным для куфического письма наколом.

---

[1] В Киевском Историческом музее имеется несколько витых и плетеных браслетов XI в., найденных вне комплексов: Княжа Гора (инв. № с. 66659; КВ XI АС, № 854); Сахновка (инв. № 1897—13674 — с. 67079; Ханенко. Др. Пр., в. V, табл. XXI, *1065*; инв. № с. 59370); три беспаспортных (инв. № 17351 и два без номеров).

[2] Не следует путать эти старые медальоны с немногими медальонами XI в., у которых зернь крупнее и напаяна редко (Чернигов, 1848 г., **35**).

Весь остальной вещевой материал тоже необычен для русских кладов. Входящие в него фрагменты набивных пластинок с изображениями животных не имеют ничего общего с древнерусским искусством. Круглая набивная пластинка с чеканным изображением святителя Николая имеет греческую надпись. Сопоставление состава клада с данными о времени и месте зарытия этого необычного клада позволяет высказать предположение, что вещи принадлежали половцам.

Второй клад с вещами нерусского происхождения найден на Западном Буге. Это клад из д. Бужиски, зарытый на пограничных землях славянских и ятвяжских племен (**43**). Он состоит из восьми шейных гривен, из которых пять, безусловно, нерусского происхождения. Они свиты из толстых дротов без утолщения к середине и заканчиваются длинными широкими лопастями с пунсонным орнаментом. Каждая гривна согнута в два оборота. Ювелирные изделия ятвягов плохо известны, но в обоих кладах, происходящих с территории, заселенной в древности ятвягами,[1] оказались спиральные браслеты с такими же наконечниками в виде широких длинных лопастей, как и у Бужиских шейных гривен. Место находки клада и постоянная связь между русскими и ятвягами в X—XIII вв. позволяют предположить, что пять нерусских гривен Бужиского клада были сделаны ятвягами.

В Шалаховском кладе Невельского у. Витебской губ. (**49**) оказалась шейная гривна, привезенная из Прибалтики. На ее концах — большие фасетированные квадратные пластинки. Такая же фасетированная пластинка, отломившаяся от гривны, найдена в Крыжовском кладе Псковской губ. (**52**).

В Белогостицком кладе Ярославской губ. (**63**) вместе с русскими украшениями X — XI вв. был найден большой набор серебряных бляшек и подвесок для сбруи с арабскими благопожелательными надписями, сделанными куфическим шрифтом XI в.

В трех кладах найдены скандинавские вещи. В Забельском кладе Псковской губ. (**54**) на ожерелье из бус местной работы были подвешены крупная лунница, отлитая в форме, оттиснутой с зерневой, и две полые продолговатые подвески, привезенные из Скандинавии.[2]

В кладе, найденном близ Новгорода в местности Собачьи Горбы (**55**), вместе с большим количеством украшений русского происхождения оказалась скандинавская круглая фибула, украшенная плетеным и зерневым орнаментом.

В Демшинском кладе Псковской губ. (**51**) было несколько тысяч монет и всего 2 вещи — большая серебряная кольцевая пряжка с длинной иглой, украшенная чернью (табл. XXV, *1*), и непонятный продолговатый предмет со звериной головой на одном конце и подражанием надписи каким-то непонятным шрифтом (куфическим?) на одной из его граней (табл. XXV, *2*). Сквозь звериную голову продето ромбощитковое кольцо местной работы. Кольцевая пряжка происходит, повидимому, из южной Швеции или с о. Готланд, где такие пряжки встречаются очень часто.

ГРУППА IV. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ МЕЖДУ 70-ми ГОДАМИ XII в. и 1240 г. (КАРТА 4) 65—175

Последняя, IV группа включает в себя все остальные клады домонгольского времени. Группа эта очень велика. В ней 111 кладов, т. е. почти вдвое больше, чем во всех трех предыдущих. Такое большое количество кладов, оказавшееся в этой группе, объясняется целым рядом причин, которые будут рассмотрены ниже.

Нумизматический материал, до сих пор чрезвычайно помогавший при разбивке кладов на отдельные хронологические группы, начиная с XII в. становится менее определенным. С XII в. мы расстаемся с богатым монетным материалом, дававшим четкие хронологические характеристики отдельным группам вещевых кладов. Вещевые клады, в которых нет монет, все же неполностью лишены нумизматического материала, но материал этот менее выразителен. Это слитки установившегося веса и формы, гривны всех типов — киевского, „черниговского", новгородского и др. Весь этот слитковый материал до сих пор очень плохо датирован, а те даты, которые установлены, очень широки и еще далеко не окончательны.

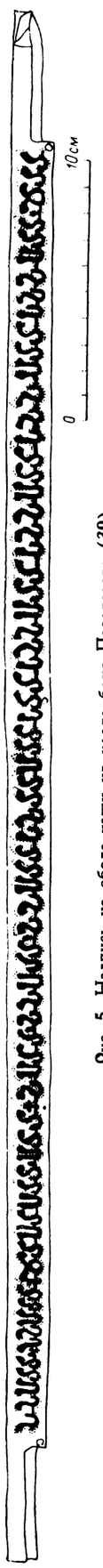

Рис. 5. Надпись на ободе чаши из клада близ Переяслава (39).

---

[1] W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Кенигсберг, 1929, рис. 286 *А*. — Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. КСИИМК, в. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 115, рис. 51.

[2] Большой набор аналогичных подвесок найден в кладе XI в. на о. Готланд (M. Stenberger. Die Shatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, т. II, Лунд, 1947, клад № 34, рис. 170, стр. 21—24). — Аналогичные подвески скандинавского же происхождения найдены и в Прибалтике — в Эстонии (B. Nerman. Die Verbindung zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Стокгольм, 1929, рис. 169).

Нумизматы считают, что период обращения серебряных слитков установившегося веса и формы наступил с 1150 г. Это, конечно, условная дата сложения развитой гривенной системы; начало же отливки денежных гривен определенного веса относится к концу XI в.

Следовательно, нумизматический материал кладов этой группы вводит нас в XII в. Наиболее же поздние слитки (новгородского и литовского типов) относятся уже к XIII в. Так слитковый материал определяет хронологические рамки этой группы вещевых кладов.

В то время как слитки найдены в 42 кладах (в том числе в четырех кладах золотые слитки), монеты обнаружены всего лишь в двух кладах из 111. Это золотые византийские монеты Алексея, Иоанна и Мануила Комнинов (1081—1118, 1118—1143 и 1143—1181 гг.) в кладах Киевском с ус. Гребеновского (**99**) и из Сахновки (**127**). В каждом кладе оказалось всего по 2 монеты; в кладе с ус. Гребеновского они превращены к тому же в подвески. Совершенно очевидно, что в XII—XIII вв. в основном пользовались слитками, а не монетами. Тем не менее, и эти 4 монеты позволяют относить IV группу кладов к XII в.

Если в более ранних кладах количество монет было очень большим, то в кладах последней группы нумизматический материал занимает значительно меньшее место по сравнению с вещами. В кладах II группы монеты и слитки были найдены почти во всех комплексах — в 15 из 17; в III группе — в 25 из 36. В последней же, IV группе слитки оказались только в 42 кладах из 111, т. е. примерно в $^1/_3$ их.

Кладов с большим количеством слитков не много. Большей частью слитков бывает по 1—3 на клад, во всяком случае не более одного десятка. Только в восьми кладах слитковые накопления превышали эту цифру (Киевские клады с ус. Лескова, **80**, у дома Кушинова, **90**, с территории Михайловского монастыря 1907 г., **106** и 1940 г., **104**; Высоцкое Волынской губ., **142**; Войтовцы Полтавской губ., **145**; Кутуковский клад 1673 г., **161**; Тверской клад, **170**). В этих восьми кладах слитков было от полутора (**80** и **104**) до пяти с лишним десятков (**106**), а в Тверском кладе (**170**) было даже 138 слитков (24 кг) самых разнообразных типов. Но все это скорее исключения из правила, так как гораздо чаще в клад попадало незначительное количество слитков, а большей частью и совсем не попадало. Основное богатство кладов IV группы — это вещи.

В кладах предшествующих групп тоже встречались слитки, но это были слитки неустановившегося веса и формы. Ни одной гривны киевского типа — самых частых слитков в кладах IV группы — в более ранних кладах не найдено. Слитки-палочки неопределенного веса изредка попадаются и в кладах IV группы. Они бывают как золотые (Киевские клады в Десятинном переулке 1914 г., **78** и с территории Михайловского монастыря 1906 г., **105**; Сахновка, **127** и г. Васильков, **134**), так и серебряные (Каменный Брод Киевской губ., **138** и Лески Орловской губ., **153**). Но слитки неопределенного веса составляют, безусловно, меньшинство среди гривен более поздних типов.

На первом месте стоят гривны киевского типа малого веса. Они попадаются в кладах чаще всего. Реже встречаются более поздние тяжелые гривны киевского типа и еще реже — длинные слитки новгородского типа. Так называемые слитки „черниговского“ типа были найдены только в одном кладе (Мышеловка, **136**). Тверской клад (**170**) по составу слитков занимает исключительное положение; в нем оказались слитки самых различных форм и веса — киевские легкие и тяжелые гривны, новгородские гривны многих типов, западнорусские слитки.

Вещевой состав кладов этой группы значительно отличается от всех предыдущих групп. Клады IV группы полны новыми типами украшений, совершенно неизвестными ранее. Но, отличаясь от всех предыдущих кладов, клады IV группы неоднородны по своему составу. Неоднородность эта не та, что отмечалась в кладах XI в. (группа III). Там эта неоднородность была обусловлена в основном местными особенностями прикладного искусства того или иного района. Здесь же, в условиях одного и того же города можно ясно различить по крайней мере две основные группы украшений, составлявшие совершенно различные по стилю уборы.

Часть кладов IV группы состоит из одних золотых украшений, орнаментированных перегородчатой эмалью. Другая часть состоит из одних серебряных украшений, по формам довольно близких золотым, но с орнаментом иного стиля и не с эмалью, а с чернью. Наконец, третья часть кладов имеет смешанный состав; в этих кладах имеются как золотые с эмалью, так и серебряные с чернью украшения.

Чем же объяснить, что в кладах IV группы были вещи, относящиеся к уборам двух разных типов, находимые то врозь, то вместе? Принадлежат ли они разным социальным группам или разным историческим периодам?

Подробно об этом будет итти речь в разделе, посвященном истории развития русского парадного убора. Здесь же, забегая вперед, я могу только указать, что разница между золотым и серебряным убором не социальная, а временна́я. Золотой убор предшествует серебряному. Смена одного другим произошла в середине XII в. Очевидно, несмотря на происшедшие изменения в парадном уборе, старые золотые украшения не уничтожались, не переделывались, а вошли составной частью в более поздний серебряный убор. Так образовались клады со смешанным составом, где украшения разных эпох перемешаны друг с другом.

Встает, однако, вопрос — можно ли считать, что и смешанные клады, и клады с одними золотыми вещами, и клады с одними серебряными украшениями были зарыты в одно и то же время?

Для ответа на этот вопрос прямых данных почти нет.

Нумизматический материал дает как будто положительный ответ на этот вопрос. Судя по нему, большой разницы в сроках зарытия золотых, серебряных и смешанных кладов не было. Во всяком случае нумизматический материал во всех кладах IV группы однороден: одни и те же типы слитков встречаются вместе с украшениями любых видов — как с золотыми, так и с серебряными. Это свидетельствует скорее всего о том, что клады IV группы были зарыты примерно в одно и то же время.

Но данные слитков слишком общи, чтобы по ним можно было уловить разницу в дате зарытия даже в полстолетия.

Сопоставление всех данных — вещевого и нумизматического состава кладов, их топографии, сведений об исторических событиях этого времени — позволяют установить в отношении кладов IV группы три положения.

1. Клады IV группы были зарыты не в одно время, а в несколько приемов на протяжении 70 лет. Бóльшая часть их была зарыта в 1237—1240 гг., во время татарского нашествия. Меньшая — в связи с рядом междоусобий конца XII и первых лет XIII в.

2. Отделить клады, зарытые во время монгольского завоевания, от кладов, зарытых несколько ранее, не представляется возможным (особенно в Среднем Поднепровье). Это можно сделать только предположительно.

3. Золотые вещи с перегородчатой эмалью, которые перестали изготовлять около середины XII в., продолжали входить в состав более позднего серебряного убора с чернью. Отсутствие в небольшом числе золотых кладов серебряных украшений не дает оснований считать, что они были зарыты раньше — около середины XII в., а не вместе с остальными на рубеже XII и XIII вв. или в 1237—1240 гг. Во всяком случае данных для этого нет.

Исходя из всего сказанного, при разбивке кладов на группы я не отделяю клады, зарытые в конце XII—начале XIII в., от кладов, зарытых во время монгольского нашествия. Было бы, конечно, очень заманчиво расчленить их соответственно тем историческим событиям, которые вызвали зарытие кладов. Но в настоящее время такое разделение невозможно. Оно было бы слишком гадательным и потому неубедительным. Поэтому приходится от него воздержаться, тем более, что это смешение времени зарытия кладов касается почти исключительно одного только Киева.

Клады IV группы дошли до нас в довольно плохом состоянии. Многие из них найдены очень давно (в 20 — 40-х годах XIX в.), когда еще не было Археологической комиссии, пристально следившей за находками этого рода. Многие клады имеют длинную и запутанную историю прохождения через частные и музейные коллекции.

Особенно прельщали коллекционеров своими яркими эмалями золотые украшения, которые были предметом особо азартного собирательства. Поэтому вещи одного и того же клада часто расходились по разным рукам и теряли связь с комплексом. Иногда даже части одного и того же украшения оказывались в разных коллекциях. Вещи некоторых кладов растеряны или депаспортизованы или перепутаны друг с другом. Ряд крупных кладов пропал полностью, не говоря уже о многих мелких находках. От некоторых пропавших кладов сохранились кое-какие рисунки или фотографии отдельных вещей; от некоторых же не осталось ничего, кроме самых общих описаний. Часть кладов попала за границу. Несколько кладов погибло во время Великой Отечественной войны.

Ярким примером бессмысленной гибели огромного клада золотых вещей может служить история постепенного расхищения Киевского клада, найденного в 1842 г. на усадьбе А. С. Анненкова, строителя новой Десятинной церкви (**65**).

Восстановление вещевого состава многих кладов, особенно Киевских, потребовало немалого труда, и все же в некоторых случаях нет полной уверенности в том, что состав их восстановлен правильно.

Из чего же состоят клады IV группы?

Это попрежнему богатые украшения, предметы парадного убора. По сравнению с предшествующими группами состав кладов IV группы стал гораздо более богатым и разнообразным. Если в XI в. было много довольно простых украшений, сделанных из пластины и проволоки, — шейных гривен, браслетов, височных колец и пр., причем именно им принадлежало в кладах первое место, то в кладах IV группы эти украшения занимают подчиненное, второстепенное место, место же основных наиболее парадных украшений занимают совершенно новые типы изделий, представляющие собой произведения высокого ювелирного мастерства.

Перечислю сначала украшения, сделанные из золота, а затем в том же порядке украшения серебряные.

ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ IV ГРУППЫ

1. Диадемы с перегородчатой эмалью или с камнями и жемчугом.
2. Очелья из дужек с перегородчатой эмалью или с камнями и жемчугом.
3. „Аграфы“ — дужки с тремя бусинами.
4. Колты:
   а) с многолучевой каймой и со вставными щитками в центре, орнаментированными перегородчатой эмалью (птица, две птицы, неизобразительный орнамент);
   б) с жемчужной обнизью и перегородчатой эмалью (два сирина, две птицы, одна птица, святой).
5. Колты звездчатые с коническими лучами, украшенными проволочными ребрышками или зернью.
6. Серьги трехбусинные с бусами зерневыми, ажурными и сплошными, украшенными различным орнаментом из зерна и скани.
7. Височные кольца перстнеобразные с заходящими концами.
8. Гривны шейные:
   а) витые из четырехгранного дрота;
   б) витые из пластины;
   в) плетеные полые.

На концах у всех трубочки для шнура.

9. Ожерелья из овальных бус и медальонов:
   а) с камнями и сканью;
   б) с перегородчатой эмалью на вставных щитках (изображения святых) и камнями и сканью на кайме.
10. Ожерелья из овальных бус и подвесок в виде лилий.
11. Цепи из полых бляшек на шарнирах с перегородчатой эмалью.
12. Цепи из пластинчатых рубчатых звеньев.
13. Наруч ажурный из скани.
14. Перстни с гравировкой на полых щитках.
15. Перстни-печатки.
16. Колодочки.
17. Подвески „сионцы“ с перегородчатой эмалью на вставных щитках, со сканью и жемчугом.
18. Гривна-цата с иконы с перегородчатой эмалью на вставных щитках.
19. Корсунчики с золотыми наконечниками.
20. Сосуды.[1]

СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ IV ГРУППЫ

1. „Аграфы“—дужки с тремя бусинами.
2. Колты:
   а) с ажурной каймой и со вставными щитками, орнаментированными чернью (дракон, птица, две птицы, плетенка);
   б) с каймой из полых шариков, либо нанизанных на проволоку, либо припаянных к горлышкам; изображения черневые (птица, две птицы, животное, два дракона, плетенка);
   в) с каймой из литых шариков и черневым орнаментом (плетенка и другой неизобразительный орнамент);
   г) с каймой из рубчатой проволоки и черневым неизобразительным орнаментом;
   д) с каймой из проволочных восьмерок и черневым растительным орнаментом;
   е) без каймы с черневым неизобразительным орнаментом и птицами.
3. Колты звездчатые:
   а) с коническими лучами, украшенными проволочными ребрышками и рюшами или зернью;
   б) с грушевидными лучами, украшенными зернью и крупными шариками на концах лучей.
4. Серьги трехбусинные с бусами зерневыми, ажурными и сплошными, украшенными различным орнаментом из зерни и скани.
5. Височные кольца перстнеобразные, с заходящими концами, с S-образным или закрученным в трубочку концом.
6. Серьги с биконической бусиной „половецкого типа“.
7. Подвески „рясны“ с коническим полым верхом и длинными свисающими от него цепочками.

---

[1] В перечень не включены два браслета из Киевских кладов 1889 г. (**99**) и 1841 г. (**110**), относящиеся к более раннему времени, а также круглые бусы Сахновского клада (**127**), орнаментированные изображениями животных и птиц.

8. Гривны шейные:
   а) витые из толстой пластины;
   б) витые из проволоки.

На концах у тех и у других трубочки для шнура.

9. Ожерелья из бус и медальонов:
   а) с камнями;
   б) с черневыми изображениями (святой, архангел, процветший крест, орнамент).

10. Ожерелья из бус и подвесок в виде лилий, крестиков, якорей.

11. Цепи из полых бляшек на шарнирах с гравированным, проволочным орнаментом или с зернью.

12. Цепи из пластинчатых рубчатых звеньев.

13. Цепи плетеные из проволоки на четыре грани, наконечники в виде трубочек.

14. Цепи из проволочных колец.

15. Наручи с черневыми изображениями (птицы, драконы, животные, сирины, люди, растительный и неизобразительный орнамент).

16. Браслеты полые на шарнирах, с чернью, с львиными головами на концах (птицы, растительный орнамент).

17. Браслеты витые с черневыми наконечниками.

18. Перстни с гравировкой и чернью на полых щитках.

19. Перстни литые с гравировкой и чернью.

20. Перстни-печатки.

21. Колодочки.

22. Нашивные бляшки тисненые.

23. Нашивные бляшки с перегородчатой эмалью.

24. Корсунчики с серебряными наконечниками.

25. Сосуды богослужебные.

26. Чаши.[1]

Уже из этого суммарного перечня видно, насколько разнообразнее набор украшений кладов IV группы по сравнению с предыдущими. Те немногие виды украшений, которые перешли в убор XII—XIII вв. из более ранней поры (витые шейные гривны и браслеты, плетеные из проволоки цепи, височные кольца), буквально тонут в огромном количестве совершенно новых типов украшений — колтов, наручей, ожерелий с самыми разнообразными подвесками, браслетов, перстней, диадем, звездчатых колтов, трехбусинных серег и многих других украшений тончайшей ювелирной работы, богато расцвеченных эмалью, драгоценными камнями, жемчугом и чернью. Мельчайшие золотые цветочки на сканных пружинках, сложные узоры из скани, зернь, рубчатая проволока, полые колпачки, литые мелкие шарики, рюши из серебряных ленточек дополняют богатую декоровку этих драгоценных изделий. Иногда количество драгоценностей, зарытых в одном кладе, достигало огромных размеров. Таким был Киевский клад 1842 г., найденный в алтарном тайнике Десятинной церкви (**65**). Большие клады найдены также в Киеве на территории Михайловского монастыря в 1906 г. (**108**) и в Старой Рязани в 1822 г. (**162**). Богатые клады золотых и серебряных вещей найдены в Киеве на ус. Есикарского (**98**), на Б. Житомирской ул. (**90**), в Михайловском монастыре в 1887 г. (**102**) и во многих других местах.

Не менее полными и богатыми бывают и те клады, в которых нет золота. Большие клады с разнообразными серебряными украшениями — колтами, наручами, ожерельями, остатками драгоценных одежд найдены в Киеве в Михайловском монастыре в 1903 г. (**103**), в Черниговском Спасском соборе (**150**), в уроч. Святое озеро Черниговской губ. (**152**), в д. Терехово Орловской губ. (**154**), в Старой Рязани (**163**, **164**, **165**), во Владимире (**166**, **167**, **168**), в Твери (**170**) и ряде других мест.

Но есть немало кладов, состоящих всего из двух-трех или немногим более мелких вещей — перстней, витых браслетов, трехбусинных сережек, височных колец, крестиков и др. Таких маленьких кладов найдено особенно много в Киеве.

Есть несколько кладов, в которых зарыты бронзовые украшения, сделанные местными провинциальными ювелирами, — шумящие подвески в виде баранчиков и уточек, вятичские витые браслеты, семилопастные и ромбощитковые височные кольца (Чернобыль Киевской губ., **139**; Шмарово Калужской губ., **155**; Мужищево и Дягунино Тверской губ., **171** и **172**). Все клады с такими украшениями найдены вдали от крупных культурных центров. Три клада близки к чисто нумизматическим. В этих кладах оказалось по 1—2 вещи на сравнительно большое количество слитков. В Киевском кладе 1940 г. (**104**) было 15 гривен киевского типа и всего один витой серебряный браслет. В Киевском кладе 1907 г. (**106**) было 56 слитков и только 2 золотые сережки. В кладе у д. Чувардино Орловской губ. было 18 слитков (прутиков?), вложенных в единственный в кладе браслет (**160**).

---

[1] В перечень не включено ожерелье Киевского клада 1903 г. (**103**) с крестовидными зерневыми подвесками и браслет из Киевского клада с ус. Раковского (**97**) с головами драконов на концах, относящиеся к более раннему времени.

В некоторых кладах Поросья — районе, пограничном со степью, оказались серьги половецкого типа, имеющие вид кольца с крупной биконической бусиной (Княжа Гора, **122**; Девичья Гора, **125** и **126**; Ключники, **131**). Совершенно особняком стоит клад, найденный у с. Мышеловка в 10 км от Киева (**136**). В большой амфоре было найдено 11 слитков редко встречающейся формы, условно называемых гривнами „черниговского типа", и большое количество крупных серебряных поясных накладок, наконечников, колец, передвижек и пряжек. Часть их украшена золотой насечкой, другая — чернью, некоторые бляшки просто позолочены. На двух накладках — человеческие фигуры с нимбами, на многих бляшках — арабские благопожелательные надписи.

Эти накладки Мышеловского клада — не единственные вещи восточного происхождения в кладах IV группы.

В Киеве, в Десятинном переулке, в 1914 г. был найден клад (**78**), состоявший из четырех электровых слитков и трех стеклянных сосудов; на одном сосуде были цветные изображения человеческих фигур. К сожалению, местонахождение клада не известно. Судя по описанию сосудов, они были привезены с Востока.

В Киевском кладе 1936 г. (**68**) оказался перстень с армянской надписью, сделанной шрифтом XII—XIII вв. На перстне написано „Арзен" — повидимому, древнее армянское имя.

В Киевском кладе с ус. Раковского (**97**) найдено два перстня. На одном — искаженное подражание слову „Аллах" в обратном начертании почерком куфи X в. На другом, повидимому, тоже подражание куфическому шрифту, но уже настолько искаженное, что все буквы слились в чисто декоративную композицию. Интересно отметить, что на наруче, найденном в том же кладе, на его каемках, вместо орнамента нанесены также значки, подражающие арабской надписи.

Клад с ус. Раковского интересен еще тем, что в нем, наряду с вещами XII—XIII вв., оказались гораздо более древние украшения — браслет, у которого на концах вместо наконечников головы драконов, и шейная гривна архаичного вида, свитая из нескольких гладких дротов. Эти две вещи могут быть датированы XI в.

Более старые вещи (XI в.) были найдены еще в четырех кладах XII—XIII вв.

В Киевском кладе с ус. Гребеновского (**99**) оказался более древний золотой кованый гладкий браслет того типа, который известен по кладам XI в. В трех других кладах эти более старые вещи оказались не русскими, а скандинавскими. Так, в Киевском кладе 1841 г. (**110**) вместе с вещами второй половины XII в. был найден большой полый браслет, свитый из множества витых жгутиков и имеющий вместо наконечников крупные головы драконов. Такие браслеты известны в кладах о. Готланд XI в.

В большом Киевском кладе с территории Михайловского монастыря 1903 г. (**103**) одно из ожерелий оказалось скандинавским. Оно состоит из крестовидных подвесок, поверхность которых покрыта бессистемно напаянной зернью. Такие подвески ожерелий известны в XI в. в древностях о. Готланд, южной Швеции и Дании.

В кладе из Сахновки Каневского у. Киевской губ. (**127**) были найдены 4 круглые золотые бусины, поверхность которых украшена изображениями животных и птиц в геральдической позе. Изображения эти, выполненные с помощью тонких проволочек (контуры) и бессистемно напаянной зерни, характерны не для русского, а для скандинавского звериного орнамента.

О ПРИЧИНАХ ЗАРЫТИЯ КЛАДОВ

Обнаружение кладов, как известно, происходит случайно. Полевые и огородные работы, выемка грунта для постройки железной дороги или здания, прокладка водопроводной трубы или установка столба для фонаря приводят иногда к совершенно неожиданной находке клада. В обнаружении кладов нет и не может быть какой-либо плановости, как при археологических обследованиях определенных категорий памятников — поселений, городищ, могильников и др. Ни один исследователь не предпринимал и не предпримет обследования какой-либо территории с целью выяснения мест зарытия кладов. Находка клада — дело случая. Поэтому встаёт вопрос — можем ли мы полагаться на материал, так случайно и бессистемно поступающий в руки специалистов? Не вызваны ли частые находки кладов в одних местах и отсутствие их в других районах случайными обстоятельствами, обусловленными чисто внешними, а совсем не историко-культурными причинами?

Для примера возьмем клады киевские.

Почти треть всех русских вещевых кладов домонгольской поры найдена в Киеве. Современный Киев живет кипучей жизнью большого города. В нем строились и строятся десятки больших домов, ведутся постоянные земляные работы, связанные с водопроводом, электроснабжением, газификацией, переустройством улиц и площадей. Невольно возникает мысль, не зависит ли находка большого количества кладов в Киеве от этих обстоятельств, не имеющих ничего общего с древней историей Киевской Руси?

Подозрения в этом отношении увеличиваются при сопоставлении количества кладов Киева с числом кладов, происходящих из второго по значению города Среднего Поднепровья — Чернигова, строительство в котором гораздо менее интенсивно. В нем найдено всего 5 кладов. В то же время на небольшом заброшенном городище Княжа Гора, древнее название которого в настоящее время даже не известно, найдено 12 кладов.

Сопоставление этих цифр на первый взгляд вызывает недоверие к этому специфическому и „капризному“ источнику. К этому надо еще добавить, что не все клады до нас доходят. В Киеве, например, очень рано развилось коллекционерство. Коллекционеров и скупщиков древностей обслуживал целый штат агентов, следивших за появлением в городе новых находок. Так было далеко не во всех городах и тем более в местах, отдаленных от городов.

Не создают ли эти и подобные им причины искаженной картины распределения кладов на территории древней Руси? Можно ли на основании такого случайного и неполного материала делать какие-либо исторические заключения?

Конечно, всевозможные внешние причины сказываются на количестве найденных и сохранившихся кладов. О том, что не все найденные клады дошли до нас и что в Суздале, например, меньше поводов к находке кладов, чем в Киеве, забывать никогда не следует. Но пользоваться кладами как историческим источником все же, безусловно, можно, если делать это с необходимой осторожностью. Все внешние причины только отчасти влияют на обнаружение кладов, в общем же появление их в тех или иных пунктах, как и их количество, несомненно, отображают правдивую картину распределения кладов по территории древней Руси. Самая неравномерность распределения кладов не случайна, но для того, чтобы не впасть в ошибку, всегда нужно учитывать, объясняется ли обилие кладов в том или ином пункте историческими причинами, или это вызвано какими-то внешними обстоятельствами.

Приведу два примера.

Во всей восточно-европейской части России до 1910 г. найдено 274 клада куфических монет.[1] В то же время на одном только о. Готланд найдено 233 клада, т. е. почти столько же, сколько на всей территории древней Руси. На основной территории Швеции, в Норвегии, Дании и Финляндии кладов куфических монет найдено чрезвычайно мало, один клад здесь приходится в среднем на тысячи и десятки тысяч квадратных километров. Это происходит не потому, что в Швеции, Дании и пр. было меньше поводов к обнаружению кладов, а потому что их там меньше зарыто, чем на о. Готланд. Остров Готланд был крупнейшим транзитным торговым центром на пути из скандинавских стран в древнюю Русь и Халифат. Здесь, конечно, было и больше ценностей и больше причин к их укрытию, чем вдали от этого крупного международного торгового центра.

Иначе обстоит дело с Княжей Горой. Здесь найдено 12 кладов, в то время как в Чернигове, Рязани, Владимире — крупных центрах самостоятельных феодальных княжеств — только по 3—4 клада. На Княжей Горе количество кладов должно быть связано не с каким-то особым значением этого города в древности. В этом случае нужно учесть, что в 70-х и 90-х годах XIX ст. Княжа Гора подверглась сокрушительным раскопкам Д. Я. Самоквасова и Н. Ф. Беляшевского, перекопавшими „на перевал“ всю площадь городища. Участие в этих раскопках (в 1877 г.) поголовно всего мужского и женского населения соседнего села дало повод крестьянам к продолжению самостоятельных раскопок на городище с целью кладоискательства. Поиски их не всегда оставались безрезультатными; так, семь кладов было найдено Н. Ф. Беляшевским и Д. Я. Самоквасовым во время работ, а остальные пять — во время грабительских раскопок. Так или иначе, но Княжа Гора была перекопана почти целиком и все, что было на этом городище, было извлечено на поверхность. В этом отношении с Княжей Горой не могут сравниться ни Чернигов, ни Рязань, ни Владимир. Этим и может быть объяснено большое количество кладов, происходящих с Княжей Горы.

Этот и подобные ему случаи не должны подрывать доверия к материалам кладов. Распределение их по территории СССР в общем правильно отражает действительное, исторически обоснованное распределение их по территории древней Руси. Ни организованное собирание кладов, ни коллекционерский азарт, ни крупные строительные работы в общем не могут изменить истинного положения вещей. Там, где не было зарыто кладов, они не появляются ни при каких благоприятных условиях. Так, в Новгороде до сих пор не найдено ни одного вещевого клада домонгольской поры. Не случайно коллекционерство в Новгороде вылилось в собирание не кладов, а древних икон, которыми так богат и сам Новгород и вся новгородская земля. Сожженный же татарами Киев совершенно не сохранил памятников станковой живописи, но зато он, как ни один другой древнерусский город, богат вещевыми кладами. Кстати и клады Киева далеко не равномерно распределяются по векам. Кладов, зарытых в Киеве в X и XI вв., найдено чрезвычайно мало — только 5, в то время как кладов, зарытых только в течение 70 лет — с конца XII в. по 1240 г., найдено 47.

Все эти явления — и отсутствие кладов в Новгороде, и наличие большого количества кладов в Киеве, особенно за определенный период времени, и общее распределение кладов по территории древней Руси — обусловлены какими-то историческими, не всегда понятными нам причинами. Вскрыть эти причины или хотя бы некоторые из них — цель настоящей главы.

---

[1] Подсчет сделан по: А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910. В указанную цифру не включены клады Крыма, Кавказа и Прибалтики.

Последние вещевые клады, зарытые на территории Среднего Поднепровья накануне сложения Киевского государства, относятся к началу VIII в. Все они по составу входящих в них вещей целиком связаны еще с прошлым, с предшествующим периодом в развитии художественного ремесла и парадного убора. Украшения, входящие в них, значительно больше связаны с искусством первой половины I тысячелетия, чем второй его половины.

После кладов, зарытых в начале VIII в., наступает длительный период времени, от которого не известно ни одного клада. В это время на территории Среднего Поднепровья господствует так называемая роменская культура, известная по материалам небольших поселений. Часть славянских племен в это время находится под властью хазар (поляне, северяне, радимичи и вятичи). В настоящее время нет никаких данных, чтобы говорить о существовании в VIII—первой половине IX в. собственно городов в бассейне среднего Днепра. До сих пор здесь не обнаружено ни одного поселения, которое можно было бы считать центром торговой и ремесленной деятельности.

В исторической литературе существует мнение, что уже в VIII—IX вв. Среднее Поднепровье было втянуто в широкие торговые связи с Халифатом. Мнение это основано на двух ошибочных положениях: 1) на отнесении известий арабских географов о русах к Среднему Поднепровью и 2) на ошибочном представлении об обилии в Среднем Поднепровье кладов куфических монет VIII—IX вв.

Обосновать в полной мере ошибочность первого положения здесь не представляется возможным, так как этот большой и сложный вопрос увел бы в сторону от рассматриваемой темы. Укажу здесь лишь кратко, что арабские географы были абсолютно не осведомлены о Днепре. В IX—X вв. никто из них не бывал в Киевской Руси и ничего о ней не писал. Отождествление Киева с Куябой арабских источников является сплошным недоразумением. Во-первых, „Куяба" — это один из многих десятков вариантов чтения названия какого-то города, расположенного недалеко от Бóлгар. Арабское правописание не только без употребления диакритических точек, но и при их употреблении не дает возможности избавиться от десятков разночтений. Поэтому можно прочесть не только Куяба, но и Куная, и Керсабе, и Кутате, и Керкияна, и даже Акертия, Гунабег и пр. и пр. Название этого города в форме Куяба, принятое в русской исторической литературе и отождествленное с Киевом, выбрано произвольно из десятков других разночтений и только потому, что оно наиболее созвучно с названием Киев. Во-вторых, весь комплекс сведений, сообщаемых арабскими географами о так называемых трех центрах Руси, связан не с Поднепровьем, а с Поволожьем. Поэтому у нас нет никаких оснований приурочивать сведения арабов о торговле Халифата с Русью к Днепровской Руси.

Второе недоразумение основано на ошибочном представлении о найденных в Поднепровье кладах куфических монет. Существует мнение, что уже „в VIII в. все среднее течение Днепра было усеяно кладами восточных монет" и что основная масса кладов восточных монет VIII—IX вв. была сконцентрирована на Днепровском левобережье.[1] Подобные утверждения ни на чем не основаны. Ни одного клада куфических монет, зарытого в VIII в., в Среднем Поднепровье не найдено. На Левобережье известно всего 6 кладов IX в., но все они были зарыты далеко от Днепра. Они рассеяны поодиночке на огромной территории (Черниговская, Курская и Полтавская губернии). Из этих шести кладов по крайней мере три были зарыты в самом конце IX в., а может быть уже и в начале X в.[2] На Правобережье же нет кладов не только VIII в., но и ни одного клада IX в. Только в X в. на Днепре появляются клады куфических монет, и то в не слишком большом количестве.

Основная масса куфических монет VIII—IX вв. — 39 кладов и большое количество отдельных монет — найдена совсем в других районах — на Оке, в Волго-Окском междуречье, на Мологе и Шексне, на водоразделе Днепра, Волги и Западной Двины, около оз. Ильмень, на р. Великой, в Старой Ладоге и Приладожье. Клады куфических монет стороной обходят Среднее Поднепровье, отлагаясь вдоль основной водной артерии VIII—IX вв. — Волги.

Вещевых кладов в это время в Среднем Поднепровье тоже крайне мало, всего два (карта 1). Оба они найдены на Левобережье, один в Полтаве, на Ворскле (**1**), другой в верховьях Сулы (с. Ивахники, **2**). Интересно отметить, что в обоих кладах нет ни одной монеты. Все приведенные факты говорят о том, что с начала VIII в. до начала IX в. в Среднем Поднепровье не было причин для зарытия кладов и что Среднее Поднепровье в это время лежит в стороне от международных торговых путей.

Затишье это на Днепровском Левобережье около середины IX в. было, однако, нарушено какими-то событиями, так как население Левобережья в IX в. и на рубеже IX и X вв. было вынуждено вновь зарывать и вещи и монеты. На Правобережье в это время было попрежнему тихо.

Что же произошло в это время в районе левых притоков Днепра? Дать этому событию какое-либо исчерпывающее объяснение при наших теперешних знаниях не представляется возможным. Можно высказать

---

[1] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 135 и 180.

[2] А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, №№ 88, 90, 290, 301 и 29 доп. — Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 289—290.

лишь предположительно некоторые соображения относительно событий, послуживших причиной зарытия кладов в районе Днепровского Левобережья в это время.

Во второй половине IX в. некоторые славянские племена были отвоеваны у хазар киевскими князьями. Судя по тому, что рассказывает летопись, первыми отпали от каганата поляне. Границы территории, занятой ими, до сих пор не уточнены, но во всяком случае известно, что основная масса их селилась на Правобережье.

При Олеге были отвоеваны у хазар северяне (884 г.) и радимичи (885 г.). Вятичи оставались в подчинении у хазар гораздо дольше, еще в течение 80 лет, и были отвоеваны у хазар только при Святославе (964—966 гг.).

Посмотрим, могли ли иметь отношение к этим событиям — к борьбе за славянские племена — вещевые и монетные клады, зарытые в IX в. и на рубеже IX и X вв. (карта 1).

Как сказано выше, всего известно 8 вещевых и монетных кладов, зарытых в этот период, — 2 вещевых и 6 монетных; из последних три были зарыты на рубеже IX и X вв., а три других, повидимому, раньше, так как самые поздние монеты в них относятся к рубежу VIII и IX вв. В виде исключения я использую в рассмотрении топографии кладов этого периода кроме вещевых и монетные клады, так как количество вещевых настолько ничтожно, что не дает возможности по ним одним сделать какие-либо наблюдения.

Оба вещевых клада и три монетных были найдены примерно в одном районе — в бассейнах Сулы, Псла и Ворсклы. Один вещевой (**1**) и один монетный[1] — в самом г. Полтаве на Ворскле, где обнаружены остатки поселения с керамикой роменско-боршевского типа.[2] Второй вещевой клад найден в верховьях Сулы близ Лохвицы (с. Ивахники, **2**). Два последних клада (монетных) происходят с верховьев Псла — Суджанского у. Курской губ.[3] (уроч. Погребное) и Сумского у. Харьковской губ. (с. Нижняя Сыроватка).[4] Это одна группа кладов IX в.

Вторую группу составляют три монетных клада, найденных несколько севернее первых: один в бассейне левых притоков Десны (д. Моисеева),[5] другой на Сейме близ впадения его в Десну (Паристовский хутор)[6] и третий в низовьях Сожа (с. Ярылович).[7]

Первая группа из пяти кладов — двух вещевых (Полтава и Ивахники) и трех монетных (Полтава, Погребное и Нижняя Сыроватка) — вряд ли могут быть связаны с борьбой за отторжение славянских племен от хазарского каганата. Теоретически можно допустить, что территория, на которой они найдены, входила в это время в границы хазарского каганата, поскольку даже часть Днепровского Правобережья (поляне) платила хазарам дань. Но летопись никак не называет славян, живших по левым притокам Днепра (Ворскле, Пслу и Суле), и нигде не говорит ни о наложении на них дани, ни об отторжении их от хазар. Думаю, что это не случайно. В степной полосе между Доном и Дунаем в IX в. кочевали уже не столько хазары, сколько мадьяры и печенеги, появившиеся здесь — одни в IX в., а другие около рубежа IX и X вв. Набеги кочевников для славян лесостепной полосы были настолько изнурительны, что иногда заставляли их бросать свои жилища и уходить с насиженных мест на север. Думаю, что вещевые и монетные клады этого района скорее всего и могут быть связаны с набегами степняков. Из пяти кладов два, повидимому, зарыты несколько раньше трех остальных, это — вещевой Ивахниковский клад (**2**) и монетный из Нижней Сыроватки, в котором монеты относятся к 802—813 гг. Остальные же три — вещевой и монетный из Полтавы и монетный с верховьев Псла — зарыты, повидимому, позже, уже на рубеже IX и X вв.

Зарытие кладов второй группы может быть связано с другими событиями. Все три клада найдены там, где, по летописи, жили славянские племена, подвластные хазарам, — радимичи (на Соже) и северяне (на Десне и Сейме). Не исключена возможность, что зарытие их связано с походами киевского князя Олега, который в 884 г. ходил „на северяне, и победи северяны и възложи на нь дань легъку", а в 885 г. с той же целью посылал рать на радимичей. Летопись изображает последний поход в крайне мирных тонах: „посла Олег к радимичем, рька «кому дань даете?». Они же реша: «козаром». И рече им Олег: «не дайте козаром, но мне дайте», и въдаша Ольгови по щьлягу, якоже козаром даху".[8] Насколько это мирное соглашение соответствовало действительности, судить трудно. Про северян сказано яснее, что Олег „победи северяны". Видимо, северяне оказывали сопротивление, раз говорится о „победе" над ними. Вряд ли и радимичи были взяты под власть киевского князя без сопротивления. Про древлян летописец говорит совершенно определенно, что они

---

[1] А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 140—141, № 29 доп.; 100 монет 750—882 гг.

[2] И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы. СА, т. XV, М.—Л., 1951, стр. 38—39.

[3] А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 16, № 90; 295 монет 710—874 гг.

[4] Там же, стр. 52, № 301; 206 диргемов 802—813 гг.

[5] Там же, стр. 15, № 88; 30 монет: 1 византийская 842—867 гг. и 29 арабских 789—869 гг., д. Моисеева Дмитровского у. Курской губ., 1866 г.

[6] Р. Р. Фасмер Список монетных находок. Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 289—290, № 24; более 800 восточных монет, определено только 6, последняя 786/787 г., Паристовский хутор Борзенского у. Черниговской губ., 1895 г.

[7] А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 50—51, № 290; 285 восточных монет 551—813 гг., с. Ярылович Городищенского у. Черниговской губ., 1875 г.

[8] Лаврентьевская летопись, 6393 (885) г.

оказывали с самого начала упорное сопротивление киевским князьям: „Поча Олег воевати деревляны и примучив и, имаше на них дань по черне куне".[1] Но для того чтобы окончательно сломить сопротивление древлян, потребовалось еще много времени. Поэтому вернее всего, что покорение радимичей, как и северян и древлян, не обошлось без борьбы. С этими походами или с событиями, последовавшими за ними, и могут быть связаны три монетных клада, зарытых на землях радимичей и северян.

В этом убеждает также топография кладов, группирующихся в верховьях Оки, на землях вятичей. Присоединение к Киеву территории, заселенной вятичами, как известно, носило особенно затяжной характер. Начавшись, судя по летописи, в 60-х годах X в. при Святославе, оно и в начале XII в. не было окончательно завершено. Здесь борьба была особенно ожесточенной. Может быть, поэтому на небольшом сравнительно участке от верховьев Оки до Рязани найдено около 30 кладов восточных монет IX и X вв., из них в семи кладах были также вещи (**4**, **5**, **6**, **7**, **8**, **27** и **28**). Выше, в разделе, посвященном обоснованию разбивки всей массы вещевых кладов на ряд хронологических групп, говорилось, что в отношении группы окских кладов нет полной уверенности в принадлежности их к группе кладов IX в. (стр. 20), т. е. нет уверенности в том, что они были зарыты еще в IX в., а не позже. Многие клады, как вещевые, так и чисто монетные, найдены в начале и первой половине XIX в. и разошлись по собраниям рязанских и тульских коллекционеров. Состав многих из них известен далеко не полностью, от одних сохранилось лишь по одной или немногим более монет, от других не сохранилось ни одного диргема. Поэтому в ряде случаев нет гарантии, что среди не сохранившихся монет не было более поздних диргемов.

Если подходить формально и смотреть только на даты самых поздних монет, то в IX в. было зарыто не менее 14 кладов (в том числе вещевых 5), а в X в. не менее 10 кладов (в том числе вещевых 2). Не следует забывать, однако, что верховья Оки — это глубокая, глухая окраина по отношению к великому Волжскому пути и что монеты IX в. вполне могли дожить здесь до X в. и только в X в. быть зарытыми.

Так или иначе, но значительное количество кладов до X в. включительно на территории, занятой вятичами, можно было бы скорее всего связать с борьбой за их покорение и присоединение к Киевской Руси, начавшейся, судя по летописи, при Святославе (964—966 гг.).

В северных областях древней Руси также найдено несколько вещевых кладов, зарытых в IX в. Два из них найдены на северо-западе в Гдовском и Лужском у. у. (Узьмина, **10** и Горки, **11**) и один на северо-востоке, в районе Ростовского озера (Угодичи, **9**). Также на севере — в бассейне верхней Волги, в Приильменье, в бассейне р. Великой и Приладожье (Ст. Ладога) найдено значительное количество кладов восточных монет VIII—IX вв.

Мне представляется возможным связать эти клады с той тревожной обстановкой, которую летопись описывает скупо — двумя фразами, — приурочивая эти события ко времени между 859 и 862 гг. „Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех". „Изъгнаша варяги за море и не даша им дани и почаша сами в собе володети; и не бе в них правды, и въста род на род, быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся".[2] Если зарытие кладов в IX в. действительно может быть связано с какими-то крупными конфликтами между отдельными славянскими племенами или отдельными этническими группами, происходившими здесь в это время, то клад, найденный близ Ростовского озера (**9**), может оказаться не связанным со славянами. Территория эта в IX в. была еще в большой степени заселена угро-финскими племенами.

Таким образом, клады, зарытые в IX в. и на рубеже IX и X вв., если согласиться со всеми высказанными предположениями, свидетельствуют о жестокой борьбе, происходившей на землях, занятых славянами накануне и в начале формирования территории будущей Киевской Руси вокруг маленькой территории полян. Уже в это раннее время юго-восточные границы ее подвергались опустошительным набегам степняков. На Правобережье в этом отношении было несколько спокойнее.

Основная масса кладов следующей, второй группы была зарыта на рубеже X и XI вв., т. е. в княжение Владимира Святославича (карта 2). Часть их была зарыта по тем же причинам, что и в IX в. Так, Денисовский клад, найденный в 1912 г. близ Переяслава (**18**), Шпилевский Сумского у. Харьковской губ. (**19**), Коробкинский Курской губ. (**20**) могли быть зарыты в связи с набегами печенегов. Вероятно, к этой же группе могут быть отнесены и 2 клада, найденные в бассейне Буга (Юрковецкий, **15** и Копиевский, **16**).

В начале XIX в. (ок. 1813 г.) в Днепровских порогах рыбаки выловили бронзовый сосуд с серебряной насечкой и надписью греческими буквами по горлышку (ΦΟΝΥΔΑΤΕ ΦΟΝΗ...N; рис. 6). В сосуде оказались византийские монеты императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) и бронзовый ключик с подвижной бородкой. Такие ключики хорошо известны по находкам в Херсонесе, но встречаются они и в древней Руси.[3]

---

[1] Лаврентьевская летопись, 6391 (883) г.

[2] Там же, 6367 (859) г. и 6370 (862) г.

[3] Подобный ключ найден в парном погребении X в. на ус. Петровского в Киеве в 1936 г.

А. Д. Чертков связывал этот клад с киевским князем Святославом, убитым печенегами в районе днепровских порогов.[1] Монеты, действительно, синхронны его княжению, но они могли попасть в Днепр также в результате аварии, постигшей судно, плывшее из Византии в Киев. Не исключена возможность, что причиной гибели судна были те же печенеги, нападавшие на караваны в этом трудно проходимом месте.[2]

Очень может быть, что и некоторые киевские клады X в. были зарыты в связи с печенегами. Так, в 968 г. в отсутствие Святослава, бывшего в Переяславце на Дунае, печенеги „оступиша град в силе велице, бесчислено множьство около града и не бе льзе из града вылезти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладом и водою...", а жители левого берега Днепра, хотевшие укрыться в Киеве, уже не могли в него попасть. Наутро киевляне решили сдать город печенегам, и только хитрость воеводы Претича отсрочила захват Киева, а подоспевший Святослав „прогна печенеги в поле".[3]

Все три киевские клада X в. были зарыты вне территории собственно города Киева.

Один клад найден к югу от Киева над Днепром между Киевом и Печерским монастырем (**12**). Он помещался в большом глиняном кувшине, залитом воском, и состоял из двух-трех тысяч диргемов и двух золотых браслетов (рис. 12). Небезинтересно, что в том же районе был найден еще такой же большой клад, состоявший из одних куфических монет также X в. В нем было 2380 диргемов; были ли в нем вещи, осталось неизвестным.[4] В XI в. в тех же местах был зарыт третий, вещевой, клад (**30**).

Второй клад X в. был найден также над Днепром, но к северу от Киева, в направлении к Кирилловским высотам (**14**). Он был не таким большим, но тоже в основном состоял из монет — 192 диргемов и только трех небольших серебряных вещей с зернью.

Что было на месте находки этих двух кладов в момент их зарытия — было ли здесь жилье, или нет, — осталось неизвестным. М. К. Каргер предполагал возможность существования в VIII—IX вв. в районе Киева не менее трех поселений.[5] Были ли эти 2 клада на Днепровских кручах зарыты в пределах существовавших здесь каких-то поселений, или это были чьи-то личные усадьбы — решить в настоящее время невозможно.

Третий клад X в. был зарыт на территории будущего Ярославова города, недалеко от позднее построенных Золотых ворот (ныне Большая Подвальная улица или Ярославов вал, **13**). Во второй половине X в. здесь был еще курганный могильник. Клад был очень большим, он содержал около 3000 диргемов и 6 больших кованых золотых браслетов (табл. V). Все это было уложено в медный котелок и залито воском. Трудно понять, почему этот клад оказался зарытым на территории некрополя вне укреплений и вдали от жилья, но отодвигать время его зарытия в эпоху Ярослава, когда эта территория перестала служить могильником и сюда продвинулись городские кварталы, вряд ли возможно. Правда, формы золотых браслетов этому не противоречат, но состав монет не характерен для XI в. — он слишком однороден (около 3000 одних только диргемов). В XI в. состав монет в кладах гораздо более пестр.

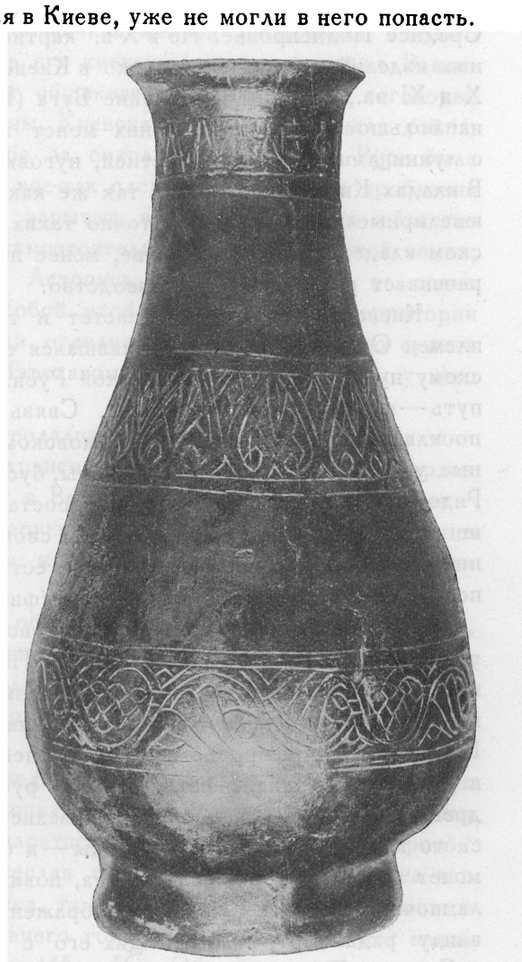

Рис. 6. Бронзовый сосуд с серебряной насечкой из Днепровских порогов.

Относительно причин зарытия двух кладов Окского бассейна (**27** и **28**) речь была выше (стр. 36). Повидимому, они были зарыты в период борьбы за покорение вятичей.

В целом топография и причины зарытия кладов второй половины X в. и рубежа X и XI вв. могут быть охарактеризованы следующим образом.

---

[1] А. Д. Чертков. Описание войны в. кн. Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—974 гг. М., 1843, стр. 209.

[2] Известны и другие находки в порогах. Так, во время постройки Днепрогэс со дна Днепра было извлечено 5 франкских мечей X в. (В. И. Равдоникас. Надписи и знаки на мечах из Днепростроя. ИГАИМК, в. 100, М.—Л., 1933, и отд. отт.).

[3] Лаврентьевская летопись, 6476 (968) г.

[4] А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 13, № 71.

[5] М. К. Каргер. Раскопки древнего Киева. Наука и жизнь, 1940, № 2, стр. 39. — Он же. Дофеодальный период в истории Киева по археологическим данным. КСИИМК, в. I, М.—Л., 1939, стр. 10. — Он же. Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева. КСИИМК, в. XLI, М.—Л., 1951, стр. 45.

Ряд причин, вызывавших зарытие кладов в IX в., сохранился и позже — во второй половине X—начале XI в. Борьба со степью продолжалась. От набегов кочевников в XI в. страдает не только Левобережье, но и правый берег Днепра. Появление печенегов под Киевом знаменательно. Повидимому, растущий город начинает их привлекать. Огромные клады восточных монет,[1] насчитывающие тысячи диргемов, свидетельствуют о растущем значении Киева как центра складывающегося государства. Как отмечалось выше (стр. 34), в IX в. восточные монеты не заходили в Поднепровье или заходили в небольшом количестве. Ни одного клада восточных или других монет на Правобережье до X в. не найдено, а в обоих вещевых кладах Левобережья нет ни одной монеты. Международные торговые пути не пролегали еще в IX в. через Среднее Поднепровье. Но в X в. картина меняется. Огромные денежные накопления, большие клады ювелирных изделий найдены не только в Киеве, но и в других пунктах Правобережья. Три клада, зарытых на рубеже X и XI вв., найдены в бассейне Буга (**15** и **16**) и на Волыни (**17**). Это уже настоящие вещевые клады, несмотря на большое количество в них монет и слитков. В них много украшений тончайшей работы — ожерелий с лунницами, сережек, перстней, пуговиц, составляющих вместе стилистически единый женский парадный убор. В кладах Киева в это время, так же как и в материалах киевского некрополя, встречаются такие же изящные ювелирные изделия. Набор точно таких же украшений найден в единственном для этого времени Черниговском кладе (**21**). Правобережье, менее подвергавшееся нападениям кочевников, во второй половине X в. быстро развивает ремесленное производство.

Киевское государство растет и территориально. Продолжается борьба за присоединение славянских племен Окского бассейна, начавшаяся еще в IX в. Но не только Ока, выводящая к старому великому Волжскому пути, необходима Киевской Руси. В это время начинает приобретать особое значение второй водный путь — путь „из варяг в греки". Связь между Средним и Верхним Поднепровьем может быть прослежена по кладам. Как в большом Гнездовском кладе 1868 г. (**23**), так и в Гнездовском кладе 1885 г. (**25**), серебряные украшения с зернью — лунницы, бусы, медальоны — были импортированы с юга, из Среднего Поднепровья. Рядом с этими южными вещами, составляющими специфику правобережных кладов Среднего Поднепровья, во всех Гнездовских кладах есть и свои местные изделия ювелирного искусства (например гладкие серебряные бусы). В Гнездовских курганах есть также вещи, привезенные издалека — с Востока (бронзовая лампочка, поливная посуда) и из Скандинавии (фибулы и другие украшения).

Чрезвычайно интересен Денисовский клад, найденный в 1912 г. в Полтавской губ. (**18**). Состав его во многом необычен для Среднего Поднепровья. В нем много таких черт, которые получают развитие несколько позже — в XI в. и свойственны кладам гораздо более северных районов. Прежде всего бросается в глаза большое количество в нем западноевропейских монет, что характерно для кладов северо-запада XI в. В Среднем Поднепровье западноевропейские монеты крайне редки, а в кладах их совсем нет. Кроме того, в Денисовском кладе есть немного рубленого серебра, что тоже известно в кладах только северо-запада древней Руси. Наконец, в нем оказались 2 индийские монеты. Эти редкие монеты найдены, кроме Денисовского клада, еще только однажды — в большом Гнездовском кладе 1868 г. (**23**). Отдельные экземпляры этих монет попадали в район Гнездова, повидимому, тем же путем, что и некоторые восточные вещи (бронзовая лампочка, поливное блюдо с изображением сенмурва и др.). Поэтому индийские монеты Денисовского клада, ввиду ряда черт, связывающих его с более северными территориями, следует рассматривать как попавшие в Среднее Поднепровье не непосредственно, а через более северные районы. Даже в вещевом материале клада, основную часть которого составляют типичные для Среднего Поднепровья вещи с зернью, есть отдельные фрагментированные украшения с характерным для северо-западных областей пунсонным орнаментом. Весь состав клада говорит о том, что его хозяин был тесно связан с севером. Что это были за связи — бывал ли он там по делам торговли, или переселился с севера в Среднее Поднепровье — решить трудно.

С переходом в XI в. мы встречаемся с топографией кладов, несколько отличной от предшествующих периодов (карта 3). Основной особенностью данного периода является обилие кладов, зарытых в северо-западных областях древней Руси. Ни до, ни после XI в. в этих районах вещевые клады почти не известны. В XI в. в пределах Новгородской земли и Полоцкого княжества была зарыта половина всех кладов, закопанных за это же время на всей территории Киевской Руси. Часть их была зарыта около середины XI в., другие несколько позже, третьи — на рубеже XI и XII вв. Бóльшая часть кладов XI в. найдена в пределах Новгородской земли. Самые северные из них происходят из бассейна Свири (**61** и **62**), один клад найден в Старой Ладоге (**60**), один на р. Мга (**59**), несколько кладов — южнее Финского залива (**56**, **57**, **58**), один близ Новгорода (**55**) и пять кладов в бассейнах рек, впадающих в Ильмень и Псковское озеро (**50**, **51**, **52**, **53**, **54**). В Полоцкой земле, в бассейне Западной Двины найдено меньше кладов (**45**, **46**, **47**, **48**, **49**), из них один в самом Полоцке (**48**).

---

[1] Кроме перечисленных вещевых и нумизматических кладов, большой клад куфических монет был найден в 1889 г. на Подоле. К сожалению, время этих монет осталось неизвестным (А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 13, № 71).

Чем же можно объяснить, что в пределах Новгородской земли и Полоцкого княжества найдены клады, зарытые только в XI в. ?

Можно указать несколько причин, создававших в XI в. неспокойную обстановку в этих районах.

Еще во времена Олега произошло объединение Новгородских земель с Киевом. Но с начала XI в. начинается борьба за самостоятельность Новгорода, за отделение его от Киева. В 1014 г. Ярослав, сидевший в Новгороде, поддержанный новгородским боярством и вечем, отказался посылать ежегодную дань в Киев. „Тако даяху посадници Новъгородьстии, а Ярослав сего не даяше отцю своему".[1] Началась борьба между Киевом и Новгородом, в которую были втянуты также и соседние государства. Это стремление Новгорода к обособлению было одним из наиболее ранних признаков начинавшегося распадения единого Киевского государства. Несмотря на усилия Ярослава, уже в бытность его киевским князем, а позже Владимира Мономаха, удержать раздробление Киевской Руси, несмотря на общекняжеские съезды и договоры, преследовавшие цель предотвратить дробление и междукняжеские войны, Киевская Русь продолжала распадаться на самостоятельные, независимые от Киева княжения. Борьба за сохранение единства Руси была долгой и жестокой. Последний, кому ценой больших усилий удавалось кое-как сдерживать процесс дробления государства, был Владимир Мономах (ум. в 1125 г.). Вещевые клады, зарытые в северо-западных областях Киевской Руси, принадлежат именно этому периоду, периоду борьбы за самостоятельность Новгородской земли, за отделение ее от Киева. Подробности этой борьбы плохо известны. Летопись, конечно, далеко не полно сообщает о мерах, принимавшихся Киевом в целях удержания за собой этой крупнейшей по территории и по значению области. Но о силе ударов, которыми карались попытки отделиться от Киева, можно судить по словам Мономаха, который с помощью половцев разорил Минск: „Изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины".[2]

Неспокойно здесь было и по другим причинам. Усиливавшаяся феодализация нередко приводила к восстаниям, принимавшим в этих отдаленных районах формы борьбы за сохранение язычества. Восстания смердов под руководством волхвов не прекращались в течение всего XI в. как в Верхнем Поволжье, так и в Новгородской земле. Известно, что во время восстаний смерды избивали „старую чадь", „лучшие жены", а „именье их отъимаша собе".[3] Поэтому в районе восстаний часть кладов XI в. могла быть зарыта представителями феодальной знати, против которой и были направлены эти восстания.

Третьей причиной того, что в XI в. в Полоцкой и Новгородской областях было зарыто много кладов, могли быть междукняжеские войны. И в первой и во второй половине XI в. между полоцкими князьями и князьями, сидевшими в Новгороде, происходили крупные военные столкновения. В 1021 г. полоцкий князь Брячислав „зая Новгород и поим новгородце и именье их, поиде к Полотьску опять", но на реке Судомири Ярослав нагнал его и отбил полон.[4]

На 60-е и 70-е годы падает княжение Всеслава Полоцкого, проведшего свою жизнь в беспрестанных войнах и набегах на чужие волости. „В се же лето Всеслав рать почал" — так охарактеризовал летописец под 1064 г. начало его деятельности.[5] Через два года вновь „заратися Всеслав" и „зая Новгород".[6] В 1071 г. „выгна Всеслав Святополка из Полотьска",[7] в 1078 г. Всеслав сжег Смоленск, в ответ на что Владимир Мономах „пожег" Полоцкую землю „до Лукомля и до Логожьска, та на Дрьютьск воюя".[8] С последним походом могут быть связаны клады, найденные в 5 верстах от древнего города Лукомля. Это два клада из д. Стражевич, найденные в разные годы в одном и том же месте (**45** и **46**). Оба они являются типичнейшими комплексами XI в., с рублеными вещами и слитками. Найденные в них в большом количестве диргемы и западноевропейские монеты не противоречат данному предположению.[9] Четыре клада, из них три очень больших (вещи и по нескольку тысяч монет — Васьково, **50**; Демшина, **51**; Шалахова, **49**) найдены на путях из Полоцка в Новгород; некоторые из них могут быть связаны с походами на Новгород Всеслава.

Трудно учесть все возможности и указать для каждого из кладов причину его зарытия. Все названные причины, вместе взятые, создавали достаточно неспокойную обстановку в XI в. в северо-западных областях Киевской Руси. Ко всему этому надо добавить постоянную борьбу за сохранение новгородских владений на севере с его финно-угорским населением. Близ Финского залива, в южном Приладожье, на Свири в это время также было зарыто несколько кладов (**56**, **57**, **58**, **59**, **60**, **61**, **62**). Принадлежность их славянскому населению

---

[1] Лаврентьевская летопись, 6522 (1014) г.

[2] Там же, 6604 (1096) г. Поучение Мономаха.

[3] Там же, 6579 (1071) г.

[4] Там же, 6529 (1021) г.

[5] Там же, 6572 (1064) г.

[6] Там же, 6574 (1066) г.

[7] Там же, 6579 (1071) г.

[8] Там же, 6604 (1096) г. Поучение Мономаха.

[9] Е. Р. Романов. Еще два клада близ древнего Лукомля. Могилевские губ. ведомости, 1903, № 44 и Прибавл. к в. 6 ИАК. стр. 73 (Археологическая хроника).

доказывается находкой в них славянских височных колец (Спанка, **56**) и крестов-тельников (Буянцы, **57**; с. Озера, **61**). Даже в Ладоге в это время был зарыт небольшой клад из рубленых вещей и монет (**60**).

Те же причины вызывали неспокойное положение и на далеком северо-востоке. Единственным свидетелем событий этого времени в Верхнем Поволжье является большой Белогостицкий клад серебряных вещей и диргемов, зарытый недалеко от Ростова (**63**). Невольно вспоминаются рассказы летописи: „бывши бо единого скудости в Ростовьстей области, встаста два волъхва от Ярославля...“,[1] или „въсташа вълъсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наученью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бе мятежь велик и голод по всей той стране...“[2], или „в се же лето волхв явися Ростове“.[3] Клад, найденный к северо-востоку от оз. Неро (близ Белогостицкого монастыря, **63**), был зарыт на рубеже XI и XII вв. Интересной особенностью его являются совершенно явные признаки связей его хозяев с Полоцкой областью и Гнездовом. Почти все входящие в него вещи привезены оттуда. Сравнивая состав Белогостицкого клада с Гнездовскими кладами рубежа X и XI вв. (**23**, **24**, **25** и **26**) и с Шалаховским кладом (близ Невеля, **49**), видим, что Белогостицкий клад полностью повторяет их состав. В Белогостицком кладе найдены такие же зерневые лунницы, полусферические медальоны и бусы, как и в упомянутых кладах. В Белогостицком кладе оказались гладкие круглые серебряные буски, характерные для Гнездова. Как в Шалаховском, так и в Белогостицком кладах найдены ромбощитковые височные кольца и крупные кольцевые пряжки, характерные для северо-западных областей XI в. Сходство между кладами дополняет еще одна деталь. В обоих кладах оказалось по одной довольно странной, повидимому самодельной серьге, состоящей из кольца с надетой на него большой овальной бусиной. Во всех трех кладах имеются также большие браслетообразные височные кольца, но в Белогостицком они не завязанные, как обычно у западных кривичей, а сомкнутые, что характерно для кривичей восточных. Повидимому, височные кольца изготовлены уже в районе находки клада. Создается впечатление, что хозяева клада переселились в Поволжье из района Смоленска или Полоцка, захватив с собой свое имущество. Набор женских украшений здесь был пополнен такими височными кольцами, какие носили восточные кривичи. Хозяин же клада приобрел у волжских купцов серебряный пояс и богатую конскую сбрую с серебряными бляшками и подвесками, украшенными арабскими надписями. Переселение семьи в Ростовскую область могло произойти не ранее XI в., так как ряд вещей северо-западного происхождения, входящих в клад, датируется XI в.

Ряд кладов XI в. отмечает районы борьбы за включение в состав Киевской Руси еще не полностью подчиненных ей славянских племен, а также борьбы с соседними иноплеменными группами. В землях вятичей, недалеко от Рязани найден Коростовский клад (**64**). Несколько кладов найдено на Волыни (Киково, **40**; Козлин, **41**; Бегень, **42**).

Самый западный из всех древнерусских кладов, найденный на Буге в д. Бужиски Гродненской губ. (**43**), повидимому, связан с борьбой русских князей за покорение ятвягов, начавшейся еще при Владимире (983 г.)[4] и продолжавшейся до XIII в. включительно. Бужиский клад обнаружен на русской территории, пограничной с ятвягами. Он состоит из 8 шейных серебряных гривен, из них 3 витые из попарно скрученных дротов, повидимому, русской работы, а 5 остальных безусловно нерусские, вернее всего, ятвяжские. Они свернуты в два оборота и заканчиваются не замком, а широкими плоскими лопастями. В ятвяжских кладах, из которых один найден в Мариенгофе близ Зенсбурга,[5] а второй в бассейне р. Нарева около Скомонтова городища,[6] спиральные браслеты оканчиваются такими же лопастями, как и Бужиские гривны. Кем был зарыт Бужиский клад — ятвягами или русскими, — решить трудно.

Клады Среднего Поднепровья XI в. зарыты в основном по тем же причинам, что и на северо-западе. Междоусобия периода феодальной раздробленности, движения городских низов и сельской бедноты, борьба населения с остатками введенных самими же князьями иностранных вспомогательных войск (ляхи, половцы и др.), бесчисленные набеги кочевников, проникавших в XI в. далеко вглубь страны, — все эти обстоятельства, как и на Севере, делали жизнь Поднепровья в XI в. достаточно насыщенной событиями и неспокойной.

Особенно разорительны были, как и прежде, нападения степняков. В первой половине XI в. в степях продолжали кочевать печенеги, появившиеся здесь еще в X в., но со второй половины XI в. хозяевами степей делаются половцы. „Придоша половцы первое на Русьскую землю воевать..., се бысть первое зло от пога-

---

[1] Лаврентьевская летопись, 6579 (1071) г.

[2] Там же, 6532 (1024) г.

[3] Там же, 6599 (1091) г.

[4] Там же, 6491 (983) г. В 1038 г. Ярослав снова „иде на ятвягы“ (там же); в 1112 и 1113 гг. Ярослав сын Святополка снова ходил на ятвягов (Лаврентьевская и Ипатьевская летописи под соответствующими годами). В 1196 г. „ходи Роман Мьстиславичь на ятвягы отомьщеваться, бяхуть бо воевали волость его, и тако Роман вниде в землю их; они же не могучи стати противу силе его и бежаша во свои тверди, а Роман пожег волость их и отомъстився возвратися во свояси“ (Ипатьевская летопись). Подобные и еще более подробные описания походов на ятвягов имеются в летописях до второй половины XIII в. включительно.

[5] W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Кенигсберг, 1929, рис. 286а.

[6] Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. КСИИМК, в. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 51.

ных и безбожных враг", — записано в Лаврентьевской летописи под 1061 г. С этих пор половцы не прекращали своих набегов до появления здесь татар (1240 г.). Подсчитано, что с 1061 по 1240 г., т. е. в течение 180 лет, половцы совершили 46 крупных нападений на русские города и селения, не считая множества мелких набегов. Следовательно, не реже, чем каждый четвертый год, половцы жгли и грабили не только пограничные земли, но не раз появлялись под стенами и самого Киева.

Но русские земли терпели не только от набегов кочевников, предпринятых ими по собственной инициативе. Для усиления своих войск при междукняжеских столкновениях князья часто вводили на свои земли как тех же половцев, так и ляхов. Уже в начале XI в., в период борьбы Ярослава за киевский стол, Киев был захвачен Болеславом Смелым, которого привел в помощь себе Святополк. Расквартированных по городу ляхов киевляне избили. Болеслав поспешил покинуть Киев, но перед этим „възма именье и бояры Ярославле и сестры его",[1] т. е. пограбил богатые киевские дворы. В 1036 г. буквально у стен города, на том месте, где вскоре был построен Софийский собор, происходила жестокая битва с обложившими Киев печенегами. В 60-х годах в центре событий снова оказывается Всеслав Полоцкий. В борьбе между киевлянами и Изяславом, Изяславом и Всеславом снова участвует польский король Болеслав Смелый. Взяв Киев измором и въезжая в него, он „утне мечом своим во Златая врата на вечную память", но пришедшее с ним польское войско начало творить в городе „всякое беззаконие", отчего Болеславу вскоре пришлось покинуть Киев.[2] Волнения в Киеве длятся более года. В разгар борьбы киевляне „высекоша Всеслава из поруба", посаженного туда Изяславом, „двор же княжь разграбиша, безчисленое множьство злата и сребра, кунами и белью". Волнения оканчиваются жестокой расправой, во время которой Мстислав, сын Изяслава, „исече... числом 70 чадей, а другыя слепиша, другые же без вины погуби, не испытав". Но и после этого приведенных Изяславом и распущенных на покорм ляхов киевляне „избиваху отай".[3]

В 1113 г., на другой день после смерти киевского князя Святополка, в Киеве вспыхнуло крупное народное восстание. Киевляне были недовольны княжением Святополка, который „много насилиа людем сотвори". Бушевавшее в городе восстание все разрасталось, обрушиваясь на людей, вызывавших особый гнев у народа. Были разграблены дворы тысяцкого Путяты, сотских, купцов, в опасности были боярские дворы и монастыри. Только ряд мер, принятых пришедшим в Киев Владимиром Мономахом, прекратил это крупное восстание городских низов.[4]

Неоднократно в XI в. княжеские усобицы разгорались и вокруг второго по значению города Киевской Руси — Чернигова. Были случаи, когда осаждавшие его князья врывались в город и выжигали его. Так, в 1078 г. четыре князя, соединив свои полки, разбили ворота, „отвориша град околний и пожгоша и, людем же вбегшим в дънешний град...",[5] и только весть о приближении войск двух других князей спасла город от дальнейшего разрушения.

Не раз окружали Чернигов и половцы, которые жгли его окрестности и подгородные монастыри. Интересный клад, состоящий из золотых браслетов, ожерелья и набора накладок для пояса или узды, был зарыт в XI в. близ Елецкого монастыря, расположенного на территории древнего языческого могильника. Так как точно не известны ни место находки клада, ни время основания монастыря, ни история роста городской территории Чернигова, то остается неясным, был ли клад зарыт на территории могильника, хотя бы уже и переставшего служить местом захоронения, или уже на территории города или монастыря.

В 1096 г. к Киеву дважды подступал Боняк. Очевидно, он подходил к нему с юга, так как опустошению подверглись в основном южные предместья Киева — Клов, Берестово, Печерский монастырь, Выдубицы

Как раз в этом районе в 1899 г. был найден небольшой, но очень богатый клад, состоящий из одних золотых предметов: византийских монет, слитков и тяжелых кованых браслетов (**30**). Напомню, что это не первый клад, найденный в этом районе. Здесь же были обнаружены два больших клада, зарытых в X в. (см. стр. 37).

В первый раз половцы „повоева около Кыева и пожже на Берестовем двор княжь". Во второй раз Боняк подошел „к Кыеву внезапу и мало в град не въехаша", выжег „болонье около града", деревни, монастыри, княжеский двор на Выдубицком холме, жег и грабил Печерский монастырь и самую Успенскую церковь.[6] Владимир Мономах со „Святополком гонихом по Боняце... и не постигохом их и потом по Боняце же гонихом за Рось и не постигохом его".[7] В том же году дважды половецкие ханы Куря и Тугоркан совершали набеги на Переяславль, но были отогнаны и разбиты. В бою пал даже сам Тугоркан.[8] В 1912 г. на Трубеже

---

[1] Лаврентьевская летопись, 6526 (1018) г.
[2] ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 274—275.
[3] Лаврентьевская летопись, 6575 (1067—1068) г.
[4] Ипатьевская летопись, 6621 (1113) г.
[5] Лаврентьевская летопись, 6586 (1078) г.
[6] Там же, 6604 (1096) г.
[7] Там же.
[8] Там же. Поучение Мономаха.

был найден необычный для древней Руси клад (**39**), в состав которого входили серебряные позолоченные вещи: серебряный набивной медальон с изображением Николая и греческой надписью ОΛ NIKOΔAOΣ, обломки пластинок с изображениями зверей, навершие (?) в виде головы дракона и оковка борта чаши с подражанием куфической надписи XI в. вместо орнамента (табл. XVI и рис. 5). Все эти вещи нерусские и скорее всего могут быть связаны с кочевниками, бывавшими здесь, в районе Зарубского брода, особенно часто.

К рубежу XI и XII вв. относятся первые клады, зарытые в Поросье. Этот пограничный со степью район был в XI в. густо населен и с конца XI в. особенно часто служил ареной столкновений с половцами. Клады Мироновский, Каневский (предм. Исковщина) и Пилявский (**32**, **33**, **34**) были зарыты в Поросье как раз в это время. Но с конца XI в. киевские князья начинают охотно заселять пограничную зону теми же кочевниками, предоставляя им целые города (Дверень, Торческ, „6 городов берендиць") с условием охранять русские земли. Договариваясь с князьями, половцы, торки, берендеи требовали от князей „лепших городов" и поселялись здесь со своими семьями. Эти меры, повидимому, достигали цели. Во всяком случае в XII в. внезапные набеги половцев вглубь страны прекратились. Ни под Киевом, ни под Черниговом в первой половине XII в. половцы больше не появляются. Этим, повидимому, и объясняется, что клады, зарытые в первой половине XII в., ни в Киеве, ни в Поросье не известны.

Во второй половине XII в. поселенные на южных границах кочевники продолжают помогать отбиваться от набегов степняков. Правда, в Поросье и к Переяславлю половцы иногда прорывались. Так, в 1154 г. „пришедше половцы, воеваша по Роси", но глубже они не проникали. Однако в 70-х годах XII в. положение изменилось. Киевское княжество теряет значение первого в системе феодально раздробленной Руси культурно-политического центра. Одновременно с этим происходит ухудшение положения и во всех других княжествах Среднего Поднепровья. Решающим моментом в этом отношении было разорение Киева в 1171 г. войсками Андрея Боголюбского и последовавший за ним ряд сильнейших разграблений города и избиений его жителей. Разгромы Киева, особенно в 1171 г. и 1203 г., были настолько велики и ни с чем прежним в истории Киева не сравнимы, что летописец вынужден был отметить: „якого же зла не было от крещенья над Кыевом".

В 1171 г. Киев был взят, после трехдневной осады, объединенной ратью владимирцев, ростовчан и суздальцев „и инех князей одиннадцать". Киевский князь Мстислав Изяславич бежал „с малою дружиною, а княгыню его яша и сына его, и дружину его изъимаша; и весь Кыев пограбиша и церкви и манастыре за 3 дни и иконы поимаша и книгы и ризы". Уже в этот раз летописец отметил, что такого грабежа и разорения „не было никогдаже".[1]

С этих пор Киев зависит от воли владимирского князя Андрея Боголюбского, распоряжающегося судьбой княжества через своих ставленников на киевском столе. Утрата Киевом своего прежнего положения, ослабление его силы и авторитета, ослабление внимания к охране степных рубежей сразу же дали себя знать.

Вскоре после разгрома Киева войсками Боголюбского под стенами его появляются половцы, которые уже давно не решались проникать сюда. Они внезапно появились в его окрестностях и захватили большую добычу.

В те же годы и до конца XII в. половцы беспрестанно тревожат Переяславль и творят „пакости по Рьси". К набегам степняков этих лет относятся строки „Слова о полку Игореве": „Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускым златом".

В 1175 г. Киев был взят „изъездом" Черниговским князем Святославом, „князь Ярослав утече, а княгиню его яша с меншим сыном и всю дружину его; и седе в Кыеве 12 дний възвратися вспять Чернигову поимав именье Ярославле без числа. Ярослав же слышав, яко стоить Кыев безо князя пограблен Ростиславичи [чит. Олговичи], приеха опять Кыеву и на гневех замысли тяготу Кияном река: «вы есте подвели на мя Святослава; промышляйте, чим выкупити княгиню и детя». Онем же не умеющим что отвещати попрода весь Кыев, игумены и попы, черньци и черницы, латину и затворы и гость и все кыяны".[3]

Но все это было не сравнимо с тем, что произошло через 28 лет во время взятия Киева „Рюриком и Олговичи и всею Половецьскою землею...": „Створися велико зло в Русстей земли, якого же зла не было от крещенья над Кыевом, напасти были и взятья, не якоже ныне зло се сстася: не токмо одино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша и митрополью святую Софью разграбиша, Десятиньную святую Богородицю разграбиша и манастыри все и иконы одраша, а иные поимаша и кресты честные и ссуды священыя и книгы, и порты блаженых первых князьи, еже бяху повешали в церквах святых на память собе, то все положиша собе в полон ... черньцы и черници старыя изсекоша и попы старыя и слепыя и хромыя и сухия

---

[1] Лаврентьевская летопись, 6676 (1168) г.
[2] Там же, 6679 (1171) г.
[3] Там же, 6683 (1175) г.

и трудоватыя, та вся изсекоша, а что черньцов инех и черниць инех и попов и попадей и кияны и дщери их и сыны их то все ведоша иноплеменници в вежи к собе".[1]

Через 4 года в 1207 г. вокруг Киева вновь разгорелась ожесточенная борьба. Сидевший в Киеве Рюрик был изгнан соединенными силами целого ряда князей, а завладевший киевским столом Всеволод Чермный „много зла створив земле Рустей".[2]

Все эти разорения Киева, предшествовавшие монгольскому нашествию, безусловно вызвали зарытие какого-то количества кладов, но так как они происходили незадолго до татар, то отделить клады, зарытые в эти тревожные для Киева годы, от кладов, зарытых во время осады Киева Батыем, не представляется возможным. Можно только предполагать, что некоторые из них[3] были зарыты не в 1240 г., а несколько раньше.

В последние десятилетия перед монгольским нашествием и в связи с ним на всей территории древней Руси, судя по обнаруженным до настоящего времени находкам, было зарыто вдвое больше кладов, чем за все предшествующее время. К концу XII—первой половине XIII в. относится 111 из найденных кладов т. е. почти две трети всех известных древнерусских вещевых кладов. Особенно много их было зарыто в это время в южных областях древней Руси (96 кладов), в княжествах Киевском (76), Черниговском (11), Новгород-Северском (3), Переяславском (2), Волынском (2) и Галицком (2). В одном только Киеве найдено 47 кладов (карта 4).

Значительно меньше кладов найдено на севере, во Владимиро-Суздальском, Муромо-Рязанском, Смоленском княжестве и Новгородской земле — всего 15. Часть их найдена во Владимире и Рязани, в центрах крупнейших северо-восточных княжеств, там, где кладов, зарытых в более раннее время, не найдено. Да и в ряде других мест как на севере, так и на юге известны клады только времени монгольского нашествия.

Резкое увеличение количества зарытых кладов к концу существования Киевской Руси, появление их там, где за всю историю древней Руси их никогда не было, связано не с обычными, в сущности, и естественными для периода феодальной раздробленности междукняжескими войнами, сопровождавшимися грабежами и избиениями жителей, не с набегами степняков, которые Русь испытывала на себе и до этого в течение ряда столетий. Огромное количество кладов, зарытых в это время, особенно в южных областях, связано с теми событиями, которые коренным образом изменили ход всей русской истории, — с монгольским завоеванием. О силе удара, нанесенного монголами, несмотря на упорное сопротивление, оказанное населением русских городов, можно судить по тем колоссальным разрушениям, которые вскрываются в результате археологического изучения Киева и некоторых других городов Поднепровья (Райки, Колодяжен, Княжа Гора). Яркую картину трагической гибели Киева, жители которого отстаивали каждый рубеж города, нарисовал М. К. Каргер в своей работе „Киев и монгольское завоевание".[4] Последствия монгольского нашествия достаточно полно освещены в исторической литературе. Полчища Батыя, прошедшие по древней Руси, оставляли за собой разрушенные и сожженные города и деревни. Путь их отмечен множеством кладов, зарытых при их приближении.

После битвы на Калке (1223 г.) татары впервые появились в Восточной Европе в 1236 г. Они вышли на Волгу и „поплениша всю землю Бóлгарьскую и град их великий взяша и иссекоша вся и жены и дети, а инии в полон взяша".[5] Памятниками этих событий на Волге являются два вещевых клада, найденных в 1869 и 1888 гг. близ с. Великие Бóлгары.[6] Один из них (1888 г.) интересен тем, что в нем, наряду с типичными бóлгарскими украшениями (золотые серьги с уточкой в кольце, браслеты, капторга и др.), оказалось богатое русское ожерелье из девяти серебряных медальонов с процветшими крестами. Оно попало на Волгу, повидимому, еще до татар в результате тесных взаимоотношений между Бóлгарским царством и Владимиро-Суздальским княжеством, существовавших во второй половине XII и в первой половине XIII в.

Дальнейший путь татар в 1237 г. шел уже по территориям русских княжеств. Зимой 1237 г. татары „почаша воевати Рязаньскую землю и пленоваху и до Проньска".[7] 16 декабря была взята сама Рязань и предана разорению, а ее жители были перебиты. Татары „весь град пожгоша и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродников их киевское и черьниговское поимаша".[8] Из четырех кладов, найденных в Рязани (**162, 163, 164, 165**), один очень интересен (**165**). Во время археологических работ под руководством А. Л. Монгайта в 1950 г. он найден уложенным в мешочек в печи землянки, куда его спрятали в момент

---

[1] Лаврентьевская летопись, 6711 (1203) г.

[2] Там же, 6715 (1207) г.

[3] Например клад с ус. Чайковского 1876 г. (**96**), см.: Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. СА, т. XV, М.—Л., 1951, стр. 77—78.

[4] СА, т. XI, М.—Л., 1949.

[5] Троицкая летопись, 6744 (1236) г.

[6] А. С. Гущин. Памятники... 1936, табл. XXX—XXXIV, стр. 80—82.

[7] Лаврентьевская летопись; 6745 (1237) г.

[8] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Сказание о нашествии Батыя на Русскую землю. Сводный текст, т. XXXIX, СПб., 1867, стр. 86.

осады города.[1] Остальные 3 клада и отдельные богатые находки золотых ювелирных изделий[2] обнаружены в разных местах полностью разрушенного и выжженного города.

Из Рязани татары отправились на Коломну, затем на Москву и, взяв ее 3 февраля 1238 г., подошли к Владимиру, который и взяли на пятый день осады. Татары ворвались в город сразу с нескольких сторон. Люди бросились в Печерний город и затворились в Успенском соборе. Татары подожгли собор, а когда выломили дверь, то „видеша овы огнем скончавшася, овы же оружьем до конца смерти предаша". Избиение шло и по городу, где убивали „от уного и до старца и сущаго младенца; и та вся иссекоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и без покровен в станы свое, издыхающа мразом".[3] Три клада золотых и серебряных украшений и остатков тканей от дорогих шелковых одежд найдено в разных местах города. Два из них были зарыты в Ветшаном городе (**166** и **167**) и один — в Печернем (**168**). В Новом городе пока ни одного клада не найдено.

Одновременно с Владимиром был взят и сожжен Суздаль, где сгорели княжий двор, городской собор и монастыри. В семи верстах от Суздаля, на территории курганного могильника, расположенного на берегу Нерли, кто-то успел зарыть в полу кургана богатое ожерелье из серебряных медальонов и крупных бус („Суздальское оплечье", **169**).

Часть татар двинулась на Ростов и на волжские города — Ярославль, Городец и другие — и, перейдя Волгу, дошла до Галича. Видимо, кто-то из бежавших из Заволжья зарыл свои ценности в Вятской губернии, где найден клад типичных для древней Руси серебряных украшений XII—XIII вв. (**175**).

Другая часть татар, взяв Переяславль на Плещеевом озере, вышла в бассейн верхней Волги и двинулась на запад к Новгороду. Торжок был взят 5 марта 1238 г., после чего „гоняшася оканнии от Торжку Серегерским путем нолни до Игнача креста, а все людие секуще аки траву".[4] Пребывание татарских полчищ в верховьях Волги отмечено несколькими кладами. Самый большой из них найден в Твери (**170**). В нем были серебряные женские украшения и огромное количество серебряных слитков, уложенных в большой горшок (рис. 2). Выше Твери, на правом берегу Волги у д. Дягунино, найден клад, в котором было много местных украшений (**172**). Еще дальше вверх по Волге в Ржевском у. был найден третий клад (близ д. Мужищево, **171**), состоявший из шумящих подвесок и браслетов местной работы, уложенных в восковой сосуд (табл. LXII). Татары не дошли до Новгорода, но страх перед надвигающейся опасностью был так велик, что в Новгородской земле уже прятали ценности. Богатый вещевой клад из предосторожности был зарыт в это время в южном Приильменье, к востоку от р. Полы, близ д. Сельцы (**174**). Чернобыльский клад, зарытый в низовьях Припяти недалеко от ее впадения в Днепр, принадлежал, повидимому, кому-то из бежавших в Поднепровье с севера — с верхней Волги или из Приильменья (**139**).

Обратный путь монгольских войск прослеживается с трудом. Известно только, что в течение семи недель татары не могли взять Козельск, после чего Батый „поиде в землю Половецкую".[5] Повидимому, от Селигера татары прошли по водоразделу верховий Волги и Днепра и, перейдя Угру, направились к Козельску. На этом пути найден небольшой клад у д. Пискова Мещовского у. Калужской губ. (**156**). В районе Козельска найден второй вещевой клад у с. Шмарово Лихвинского у. Калужской губ. (**155**). Взяв Козельск и „изби вся и до отрочате съсущих млеко",[6] татары прошли до самых верховьев Оки, где путь их отмечен двумя кладами — богатым Тереховским кладом Орловской губ. из колтов, наручей и гривен (**154**) и кладом у д. Чувардино той же губ. (**160**). Далее между двух рек — Быстрая Сосна и Красивая Меча — татары вышли к верховьям Дона. В этом районе пребывание их отмечено еще двумя большими вещевыми кладами — кладом у д. Лески Орловской губ. (**153**) и кладом у с. Кресты в бассейне р. Красивая Меча Тульской губ. (**157**). Следовательно, уже в 1238 г. татары прошли через восточные окраины двух княжеств, тяготевших к Среднему Поднепровью, — Черниговского и Новгород-Северского.

Дальнейший путь татарских полчищ не известен. Вскоре они доходят до границ лесостепи, и путь их теряется в степных просторах.

Поход монгольских войск 1239 г. был задуман также очень широко. С одной стороны, татары вновь направились на северо-восток — „взяша Мордовьскую землю, Муром, по Клязме повоеваша, город святей Богородици взяша" (Гороховец). С другой стороны, под предводительством Менгу-хана татары впервые направились в Среднее Поднепровье, видимо, в основном с целью разведки. По выражению летописца, Менгу-хан пришел „сглядат града Кыева, ставшу же ему на оной стране Днепра во градъка Песочного, видив град, удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаном, хотя е

---

[1] А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани. КСИИМК, в. XLIV, М., 1952, стр. 108—109, рис. 32—34.

[2] Письма К. Ф. Калайдовича к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823, стр. 27.

[3] Лаврентьевская летопись, 6745 (1237) г.

[4] Троицкая летопись, 6746 (1238) г. ПСРЛ, т. I, стр. 225.

[5] Там же.

[6] Там же.

прельстити; и не послушаша его".[1] Менгу-хан на этот раз не стал брать Киев. Повидимому, в 1239 г. татары вообще не переходили на правый берег Днепра, ограничившись взятием крупнейших городов Правобережья — Переяславля и Чернигова.[2]

Путь, которым татары вышли на Днепровское Левобережье, прослеживается по кладам в верховьях Северского Донца (Стариковский клад в районе Корочи Курской губ., **158** и Путивльский клад на Сейме, **159**). Далее, повидимому, часть войск направилась вдоль Сейма к Чернигову, в окрестностях которого, как и в самом городе, найдено несколько кладов (Льговский клад Черниговского у., **151**; Святоозерский клад на границе Черниговского и Сосницкого у.у., **152**; Черниговские клады, **147, 148, 149, 150**), часть же войск пошла к Днепру, где найдены клады на Трубеже (Войтовцы, **145**) и в самом Переяславле (**146**). Страх, охвативший людей, летописец передал короткой выразительной фразой: „Того же лета бысть пополох зол по всей земли, не ведяху и сами кто где бежит".[3]

В следующем, 1240 г. татары перешли Днепр, и волна пожаров и избиений разлилась по всему среднеднепровскому Правобережью. „Приде Батый Кыеву в силе тяжьце, многом множьством силы своей, и окружи град и остолпи сила татарьская...", — записал летописец, — „... и не бе слышати от гласа скрипания телег его множества, ревения вельблуд его, и рьжания от гласа стад конь его; и бе исполнена земля Руская ратных".[4]

Как и в конце XI в., когда половецкий хан Боняк жег южные предместья Киева — Печерск, Берестье, Клов — и „мало в град не въехаша", так и Батый, подойдя к Киеву с юга, начал осаду с самого уязвимого места киевских укреплений — южной линии оборонительных сооружений, спускавшихся с горы в низину. Разбив пороками стену в районе Лядских ворот, татары ворвались прежде всего в Ярославов город. После этого еще сутки продолжалась борьба на линии укреплений Владимирова города. Последним убежищем и местом схватки киевлян с татарами была Десятинная церковь, в которой укрылись оставшиеся в живых люди. Данные письменных источников ни в малейшей мере не передают той страшной картины разрушения Киева, которую год за годом вскрывают археологические раскопки.[5] Целые кварталы разрушенных домов, сгоревшие в жилищах люди, женщины, в страхе забившиеся в печь, братские могилы с огромным количеством костяков, разрушенная Десятинная церковь, в тайнике которой сгорели люди, — все это ярче всяких слов говорит о трагической гибели города и его жителей. Удар по Киеву был настолько силен, что в течение трех с половиной столетий жизнь в нем едва теплилась, часть же городских территорий превратилась просто в пустыри. Ни один город северо-восточных областей древней Руси, кроме, может быть, Рязани, не пострадал от татар так, как Киев.

Археологические материалы, дающие возможность восстановить не только в целом картину гибели Киева, но и отдельные детали борьбы его жителей с татарами, могут быть дополнены материалами кладов. Ни в одном древнерусском городе на найдено такого количества кладов драгоценных вещей, как в Киеве. Выше говорилось, что, повидимому, не все киевские клады с вещами XII—XIII вв. были зарыты в 1240 г. Часть их могла быть зарыта и в течение нескольких десятилетий, предшествовавших этому роковому для Киева году. Но из 47 найденных кладов, относящихся к последнему периоду существования Киева, конечно, подавляющее большинство было зарыто именно в этот год. Десять кладов найдено на территории Михайловского монастыря и прилежащей к нему территории. Шестнадцать кладов обнаружено на территории Ярославова города, и больше всего — 21 клад — оказалось на небольшой территории Владимирова города, куда сбежались оставшиеся в живых люди. Огромный клад золотых украшений и сосудов был спрятан в тайнике Десятинной церкви (**65**). Полтора десятка кладов найдено только в непосредственной близости к стенам Десятинной церкви (**66—80**). Остальные были зарыты в районах, наиболее удаленных от Батыевых ворот, через которые ворвались татары, — вдоль крутого обрыва Киевской горы к Днепру (б. Трехсвятительская улица, **81—85**). Десятки кладов были зарыты в течение каких-нибудь двух-трех дней. Прятали все, что можно было успеть спрятать: женские драгоценности из серебра и золота с эмалью, жемчугом и камнями — колты, диадемы, очелья, перстни, ожерелья, браслеты; чаши и церковные сосуды; серебряные и золотые слитки; куски тканей, украшенные серебром и жемчугом, оторванные от одежд. В горшки с драгоценностями попадали шиферные пряслица, детские игрушки. Зарывали вещи в горшках, медных котелках, мешочках и просто в тряпке, в зданиях и под открытым небом. Перебитые татарами жители Киева не вырыли спрятанных ими ценностей, и только теперь при различных земляных работах и при археологических изысканиях они выходят на поверхность.

---

[1] Ипатьевская летопись, 6745 (1237) г. — Хронология событий, связанных с походами татар в Среднее Поднепровье, в летописях спутана.

[2] Троицкая летопись, 6747 (1239) г. ПСРЛ, т. I, стр. 225.

[3] Там же.

[4] Ипатьевская летопись, 6748 (1240) г.

[5] М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, т. XI, М.—Л., 1949.

Сильнейший удар был нанесен татарами также по густо населенному пограничному району Киевского княжества — Поросью. В небольшом городке при устье Роси, полностью уничтоженном татарами, найдено 12 больших и маленьких кладов (**113—124**). Остатки сгоревших деревянных городских стен, скелеты погибших людей, огромное количество бытового инвентаря, брошенного жителями, не вернувшимися в свои жилища, уложенные в горшочки или завернутые в ткань и засунутые в печь драгоценности — вот все, что осталось от цветущего городка, ставшего после этого городищем „Княжа Гора".

Кроме Княжей Горы в том же районе между Росью и Россавой найдено еще 7 кладов. Большой клад, уложенный в два горшка и содержащий много золотых с эмалью украшений (диадема, колты, кованые шейные гривны, ожерелья и пр.), найден на городище Девичья Гора близ с. Сахновка (**127**), где был разрушен еще один небольшой городок, жители которого зарывали свои драгоценности и во дворах, и в полу своих жилищ (**125** и **126**).

Путь татар от Поросья до Киева вдоль правого берега Днепра отмечен также несколькими кладами — у с. Черныши (**128**), у м. Пивцы (**130**), близ г. Обухов (**135**) и в 10 верстах от Киева в с. Мышеловка (**136**).

Взяв и разрушив Киев, Батый направился на запад. Летопись перечисляет ряд городов, взятых татарами по пути к Галичу и Владимиру: Колодяжен на Случи, Каменец, Изяславль и Кременец в бассейне Горыни. Путь татар отмечен рядом кладов, найденных в пределах широкой полосы, тянущейся прямо на запад от Днепра за Горынь по направлению к Владимиру. Ближе всего к Днепру найдены клады в г. Василькове (**134**) и в низовьях Припяти в м. Чернобыль (**139**). К западу от них найдена вторая пара кладов — Каменнобродский клад Радомысльского у. Киевской губ. (**138**) и в Збранке Овручского у. Волынской губ. (**140**). В верховьях Случи найден пятый клад близ м. Мирополь (**137**). В этом же районе находятся два небольших городка — Райки и Колодяжен, полностью разрушенные татарами. Археологическое исследование этих городищ показало,[1] что после татар жизнь в этих городках не возобновилась. Они усеяны человеческими скелетами, и никто не попытался собрать брошенное здесь огромное количество бытовых вещей — топоров, лопат, лемехов, кос и драгоценностей. Два клада (Высоцкое, **142** и Городок, **141**) зарыты уже на территории Волынского княжества, на правобережье Горыни. В самом Владимире клады не найдены, но несколько слов летописи хорошо передают мрачную картину запустения, оставленную после себя татарами, прошедшими через Владимир дальше на запад: князь Даниил с братом, проходя мимо Владимира, „не возмогоста ити в поле смрада ради множьства избьеных: не бе бо на Володимере не остал живый, церкви святой Богородици исполнена трупья, иныа церкви наполнены быша трупья и телес мертвых".[2] В районе Галича, к северо-западу от него, найден последний на русской территории клад (Вербов, **143**). Дальнейший путь татар до границ с Польшей и Венгрией по кладам не прослеживается.

Потребовалось не одно столетие, чтобы превращенные в пустыню русские княжества вернулись к нормальной жизни. Многие разрушенные города так и не возродились, превратившись в брошенные населением городища. Ханские баскаки и сборщики налогов проникают во все уголки русской земли. Отряды татар неожиданно появляются то там, то здесь, но русские клады, зарытые во второй половине XIII—XIV в., не известны. Все, что можно было спрятать, было зарыто в грозные дни 1237—1240 гг. Все, что не было спрятано, было захвачено татарами. Отдельные вещи, награбленные татарами в городах Поднепровья, попадаются в пределах татарских кочевий. В Сарае на Волге найдена серебряная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича, захваченная татарами в казне его потомков, где она хранилась после его смерти в течение 100 лет.[3]

Два клада, зарытые в Поднепровье вскоре после татарского разорения, принадлежат уже не русским, а татарам. Первый клад, найденный в с. Василицы Черкасского у. Киевской губ., состоит из серебряных украшений XIII—XIV вв. (сюльгамов, перстней, браслетов и пр.),[4] сделанных либо на Волге, либо в улусных татарских центрах на Мокше, где на мордовских землях обосновалось много выходцев из Золотой Орды.[5] Клад этот, безусловно, был зарыт кем-то из богатых татар, может быть, одним из представителей татарской администрации в Поднепровье.

---

[1] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950. — Он же. Древний Колодяжин. КСИИМК, в XLI, М., 1951, стр. 49—53.

[2] Ипатьевская летопись, 6748 (1240) г.

[3] В. Ф. Ржига. Очерки по истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, т. V, М., 1929, стр. 51—53. — Автор считает, что чаша попала в Сарай не во время нашествия татар, а привезена вдовой князя Владимира Давыдовича, вышедшей замуж за половецкого хана Башкорда.

[4] Василицький скарб. Коротке звідомлення Всеукр. Археологічного комітету за археологічні досліди року 1925. Киев, 1926, стр. 103—104, табл. XXIII.

[5] Определение и датировка вещей Василицкого клада сделаны научн. сотр. ИИМК АН СССР Е. И. Горюновой, за что приношу ей свою благодарность.

Второй татарский клад найден в 1891 г. близ Градижска Кременчугского у. Полтавской губ. В нем были серебряные чаша и чарка, фрагмент треугольной пластины с тисненым растительным орнаментом и железные стрелы.[1]

Отдельные татарские серебряные чаши, кубки и чарки найдены и в других местах Поднепровья.[2]

Русские вещевые клады второй половины XIII—XIV вв. не известны. Да и вообще в таких количествах, как в домонгольской Руси, вещевые клады никогда позже не зарывались. В Московской Руси зарывали преимущественно клады монетные.

Суммируя все сказанное о причинах зарытия кладов в домонгольский период, можно сказать, что клады зарывались, во-первых, в период формирования территории Киевского государства в условиях борьбы за объединение славянских племен и включение некоторых иноязычных племен в состав Киевской Руси; во-вторых, в связи с острой социальной борьбой внутри Киевского государства вследствие усиления феодального гнета, нередко приводившей к широким народным восстаниям против феодальной знати; в-третьих, вследствие бесконечных междукняжеских войн, особенно усилившихся в период феодальной раздробленности, и, в-четвертых, в связи с непрекращавшейся борьбой против кочевников, которые были на протяжении всего домонгольского периода бичом для древней Руси и которые, в конце концов, нанесли ей удар огромной силы, на некоторое время затормозивший ее дальнейшее развитие.

Предположение о том, что русские вещевые клады были зарыты, в основном, в период монгольского нашествия, много раз высказанное в литературе, правильно. Действительно, бóльшая часть кладов была зарыта именно в это время. Но, сосредоточив внимание на событиях 40-х годов XIII в., исследователи не выделяли те клады, которые все же никак нельзя связать с монгольским завоеванием. Таких кладов, как оказывается, было тоже немало — более 60, т. е. треть всех русских вещевых кладов. А. С. Гущин в 1936 г. уже указывал, что „обычно совершенно игнорируется та общая, не менее подчас тревожная для отдельных лиц и тех или иных групп населения, обстановка жизни в рассматриваемый период, которая могла вызвать аналогичные явления (зарытие кладов, — *Г. К.*) и на много ранее". При этом он указывал, что на территории древней Руси „начиная уже со второй половины XI в. достаточно похозяйничали и степняки-кочевники и собственные княжеские дружины в периоды междоусобиц".[3]

Однако Б. А. Рыбаков не согласился с А. С. Гущиным, мотивируя это тем, что „по отношению к княжеско-боярской среде ни один из этих походов XI—XII вв. не имел такого тотального значения, как батыев погром. Естественно, что перед лицом опасности все драгоценное пряталось в землю, но после ухода врагов владельцы кладов возвращались... и клад выкапывали из земли".[4] Однако сказанное выше свидетельствует о том, что и для лиц из княжеско-боярской среды набеги кочевников и междоусобные войны представляли настолько реальную опасность, что многие клады так и остались невырытыми.

---

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XCVI, № 197; табл. XCVIII, № 228 и рис. 35. — ОАК за 1891 г., стр. 126.

[2] Например, в Каневском у. Киевской губ. (Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. CXVIII, №№ 297 и 300), в Киеве Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, табл. XXIII, *357* и XXV, *405*).

[3] А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 43—44.

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, стр. 239—240.

Глава третья

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА ПО МАТЕРИАЛАМ КЛАДОВ

ДАННЫЕ О ВЛАДЕЛЬЦАХ КЛАДОВ

Наши представления о русских кладах обычно связаны с колтами, наручами, богатыми ожерельями и другими золотыми и серебряными драгоценностями. Эти представления не совсем точны. Среди русских кладов есть немало довольно скромных находок, содержащих небольшое количество украшений, сделанных далеко не первоклассными мастерами из плохого серебра и даже из бронзы.

Такие небольшие клады известны не для всех периодов домонгольского времени. В IX и X вв. их нет совсем. В это время, особенно же в X в., все клады без исключения очень велики и богаты. Они состоят либо из множества украшений, выполненных искуснейшими ювелирами (Юрковцы, **15**; Копиевка, **16**; Борщевка, **17**; Гнездово 1868 г., **23**, и др.), либо из больших денежных накоплений, достигающих сотен и тысяч монет, к которым добавлены золотые и серебряные вещи, как русские, так и привозные. Клады эти связаны с той же средой, с которой связаны большие курганы с сожжением типа Черной Могилы или Гульбища и богатые срубные погребения с рабынями и конем. Среди многочисленных предметов убора в этих курганах и погребениях попадаются и такие вещи, которые известны в кладах этого же времени (серьги, бусы, перстни, пуговицы и др.). Это клады богатых дружинников и бояр, связанных с княжеским двором, и представителей некоторых других социальных групп, определить которые по одним кладам довольно трудно (Киевские клады на Печерске 1851 г., **12**; с ус. Сикорского 1913 г., **13**; близ Иорданской церкви 1863 г., **14**; Гущинский клад близ Чернигова, **21**; Гнездовские клады, **22**, **23**, **24**, **25**, **26**, и др.). Некоторые из них, например найденные в юго-восточной части Киевской губ. — в бассейне Буга (Юрковецкий, **15**; Копиевский, **16**) и на Волыни (Борщевский, **17**), могли принадлежать как киевским дружинникам и боярам, осваивавшим общинные земли, так и местной племенной знати.

В XI в. положение остается в основном прежним. Подавляющее большинство кладов состоит из больших слитковых и денежных накоплений, тяжелых кованых золотых вещей и серебряных украшений. Все богатства попрежнему сосредоточены в руках богатой и могущественной феодальной знати. Но, наряду с крупными скоплениями ценностей, во второй половине XI в. появляются клады более скромные, принадлежавшие либо менее крупным представителям той же общественной категории лиц, либо представителям каких-то иных групп, вырвавшимся из общей массы рядового населения. Так, в кладе, зарытом около Староладожской крепости (**60**), было всего 2 слитка, немного монет и 8 маленьких кусочков рубленых украшений. Клад у с. Киково Волынской губ., (**40**) состоял из 3 шейных гривен, а в кладе близ Канева (**33**) было всего 2 браслета. Эти находки выглядят, конечно, маленькими по сравнению с рядом других кладов этого же времени, вес которых достигал 15—24 кг, а количество монет доходило до 4000 и более (Глубоцкое Могилевской губ., **36**; р. Луппа Смоленской губ. **44**; Полоцк, **48**; Васьково, **50** и Демшина, Псковской губ., **51**; Собачьи Горбы близ Новгорода, **55**; Спанка, **56** и Боровская Петербургской губ., **58**).

В XII—XIII вв. количество маленьких кладов, состоящих из нескольких мелких серебряных и бронзовых вещей, становится довольно значительным. Особенно много найдено их в Среднем Поднепровье и, в частности, в Киеве. Очевидно, это связано с широким развитием ремесла как в самом Киеве, так и в других городах Среднего Поднепровья, что несколько подняло жизненный уровень населения городов. Поэтому наряду

с городской беднотой здесь мог существовать слой и более зажиточных горожан-ремесленников, мелких торговцев, людей, связанных с обслуживанием княжеских и боярских дворов. В 1150 г. князь Владимир Галицкий прошел по Волыни, требуя с городов „серебро", грозя в противном случае взять город на щит: „Они не имеяхуть дати чего у них хотяше, они же емлюче серебро изо ушью и с шии, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру. Володимер же поимав серебро и поиде, тако же емля серебро по всим градом, оли и до своей земли".[1] Данный текст совершенно отчетливо свидетельствует, что в XII в. у рядовых горожан какое-то количество серебряных вещей действительно имелось. Незадолго до татар убор рядовых горожан стал еще более разнообразным, так как благодаря появлению имитационных формочек он пополнился целым рядом новых украшений, подражавших великолепным украшениям знати.

Небольшие, скромные клады появляются в это же время и в северных областях древней Руси. Эти клады содержат целый ряд украшений, сделанных местными сельскими ювелирами: пластинчатые и витые браслеты, семилопастные, ромбощитковые и простые височные кольца, витые перстни, шумящие подвески в виде птичек и баранчиков (Мужищево и Дягунино Тверской губ., **171** и **172**; Шмарово Калужской губ., **155**; один такой клад попал с севера в Поднепровье — Чернобыль Киевской губ., **139**). Эти небольшие клады простых вещей из низкопробного серебра или бронзы, конечно, представляли определенную ценность, но не следует в их владельцах видеть представителей местной знати или особо состоятельных людей. В рядовых массовых могильниках тех же районов точно такие же украшения не только не составляют редкости, но на одном костяке их бывает даже больше, чем в кладе.

Украшения в небольших кладах Поднепровья связаны с развитым городским ремеслом, но есть и такие клады, в частности на Княжей Горе, которые состоят из одних или почти из одних простых проволочных височных колец (**113, 114, 116, 118, 124**). Чаще всего в таких небольших кладах оказывается всего несколько трехбусинных серег, витой браслет, колодочки (Киев, ус. Десятинной церкви, **70** и **71**; ус. Масютина, **79**; ус. Софийского собора, **86**; ус. Гребеня, **92**; близ Скорбященской церкви, **93**). Иногда клады бывают немного побогаче, и в них можно тогда встретить 1—3 гривны киевского типа, пару колтов с ажурной каймой, цепочки из пластинчатых звеньев, шейную гривну и даже мелкие золотые вещи: перстень, серьгу, тоненькие височные колечки (Киев: ус. Десятинной церкви, **75**, ус. Трубецкого, **81**, у б. Присутственных мест, **87**; Каневский у.: Девичья Гора, **125** и **126**, Черныши, **128**, Пивцы, **130**, Ключники, **131**, Пишки, **132**; Переяслав, **146**). Но все эти клады и ряд других с еще несколько более разнообразным составом не идут ни в какое сравнение с кладами, состоящими из сделанных лучшими ювелирами золотых и серебряных украшений, чаш, богослужебных сосудов, аквамениллов, кусков парчевых одежд, расшитых жемчугом, и пр. Это — широко известные киевские клады с ус. Гребеновского (**99**), Есикорского (**98**), Лескова (**80**), Чайковского (**96**), с Б. Житомирской ул. 1880 г. (**90**), огромный Анненковский клад 1842 г. (**65**), ряд богатейших кладов с территории Михайловского монастыря 1824, 1887, 1906 гг. (**107, 102** и **108**), клады Чернигова, Рязани, Владимира и многие, многие другие. Это те клады, с которыми обычно ассоциируются наши представления о русских кладах домонгольской поры, „ларечная женская кузнь", „узорочье нарочитое, богатство резанское и сродников их киевское и черниговское", „злато", воспетое в „Слове о полку Игореве". Это сокровища бесчисленных киевских, черниговских, рязанских и иных князей и их бояр. Находки этих кладов, видимо, указывают места их дворов в городах и усадеб в сельских вотчинах (Сахновка и Мартыновка Каневского у. Киевской губ., **127** и **129**; Святоозерский клад Черниговской губ., **152**; Кутуковский клад 1673 г. Рязанской губ., **161**; Селецкий клад Новгородской губ., **174** и др.).

О том, какими путями складывался состав вещевых кладов домонгольской Руси, говорилось выше. Предметы личного убора и другие ценности скапливались постепенно, в основном в результате перехода их по наследству. Летопись упоминает о великих золотых монистах бабки и матери Волынского князя Владимира, о золотых и серебряных поясах, доставшихся ему от отца и сохранившихся у него до самой его смерти.[2] Этим, конечно, и объясняется, что значительная часть вещевых кладов содержит вещи разновременные. Трудно допустить, чтобы систематически практиковалась покупка старых украшений. Это могло иметь место только в редких случаях. В виде исключения постепенность накопления могла быть нарушена также вещами, не выкупленными из заклада, или захватом чужих вещей.

Можно ли среди десятков кладов крупнейших городов древней Руси — политических центров княжеств — найти имущество самого правящего князя, т. е. части княжеской казны? Думаю, что нет. Повидимому, ни один из многих русских вещевых кладов не является казной „великого князя", ни Киевского, ни других княжеств. В кладах зарыто имущество „рядовых" князей, членов многочисленного и разветвленного княжеского рода и ценности их дружинников и бояр.

О размерах княжеских сокровищ можно судить по целому ряду косвенных данных. Так, в 1075 г. в Киев прибыло посольство от императора Генриха II. „Придоша сли из немец к Святославу, Святослав же

---

[1] Ипатьевская летопись, 6658 (1150) г.

[2] Ипатьевская летопись, 6796 (1288) г.

величаяся показа им богатьство свое. Они же видевше безчисленное множьство, злато и сребро и паволокы...".[1] Из средневековых германских актовых материалов известно, что посол Бурхардт, вернувшись из Киева, „привез королю столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнит, чтобы когда-либо такие богатства сразу привозились в немецкое государство. Этими богатствами русский князь заплатил королю за то лишь, чтобы он не оказал помощи его брату, коего он изгнал из государства".[2] Получив этот богатый дар, Генрих II пополнил опустевшую казну и поправил свои государственные дела.

В хронике Альберта Штаденского рассказывается, что вторая жена Святослава, Ода, после смерти мужа решила вернуться на родину, но у нее было столько драгоценностей, что с собой она могла увезти только часть их. Остальное она закопала. Впоследствии клад был выкопан ее сыном, вернувшимся обратно на Русь.[3]

Ростовский тысяцкий Георгий Шимонович на оковку раки Феодосия Печерского истратил в 1130 г. 500 гривен серебра и 50 гривен золота.[4]

С небывалой щедростью, удивлявшей даже современников, украсил Владимир Мономах место погребения Бориса и Глеба в Вышгородском соборе, оковав их саркофаги серебряными позолоченными досками „и святыя по ним издражав и позолотив, покова вор же серебрѣмь и золотѣмь, с хрустальными великыими разнизании устрои, имущь врьху по обилу злато, светильна позолочена, и на них свеще горяще устрои вѣину...".[5]

Баснословные средства тратились на украшение городских, монастырских и дворцовых соборов, на церковную утварь, на богослужебные книги. Подробный перечень огромного количества драгоценной церковной утвари, изготовленной и разосланной по городам древней Руси князем Владимиром Волынским, помещен в Ипатьевской летописи под 1289 г.

Дворцовая церковь в Боголюбове была украшена „златом и финиптом и всякою добродетелью". Андрей Боголюбский, „всякими узорочьи удиви ю", „златом и каменьем драгым и жемчюгом великим безценным", „двери же и ободверье церкви златом же ковано, бяшеть же и сень златом украшена от верха и до деисуса... изъмечтана всею хытростью".[6] Один только крест, сделанный по заказу Полоцкой княжны Ефросиньи для монастырского собора, стоил 140 гривен. Он был заказан первоклассному ювелиру Лазарю Богше, который украсил его тончайшей перегородчатой эмалью. Цену же Мстиславова евангелия „один бог ведал".

Очень немногое сохранилось от всей этой сказочной роскоши до наших дней. Огромное количество ценностей погибло, конечно, во время монгольского разорения. Но, повидимому, уже и до этого церковное имущество подвергалось расхищению. Несколько кладов Среднего Поднепровья, в частности Киева, наряду с женскими украшениями и светской утварью, содержат и церковные предметы. Такое странное сочетание вещей можно объяснить, повидимому, тем, что эти предметы церковного обихода были когда-то вынесены из соборных и монастырских ризниц и попали в руки мирян. Это могло произойти во время одного из разгромов Киева во второй половине XII или в начале XIII в., когда войска подвергали грабежу „весь град, Подолье и Гору, и манастыри, и Софью, и Десятиньную Богородицю", забирая „именья множьство и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша все".[7] Во время таких грабежей, длившихся по нескольку дней, часть церковных вещей могла попасть и в руки киевлян. Позже, в момент новой опасности, эти вещи были зарыты вместе с женскими сережками, колтами и другими светскими вещами. Этим только можно объяснить, что серебряная чаша, найденная в Киеве на ус. Чайковского **(96)** и принадлежавшая, судя по надписи, церкви Спаса, — служила вместилищем для золотых и серебряных женских украшений; что в большом глиняном сосуде, найденном в Киеве близ Михайловского монастыря, оказались потир и дискос вместе с колтами, ожерельем, очельем, серьгами, перстнями и другими предметами женского убора **(107)**; что в Каменнобродском кладе Киевской губ. **(138)** сорванная с иконы цата была зарыта тоже с женскими украшениями.

Последний клад вообще несколько необычен. Во-первых, он выглядит сборным — в нем всего несколько вещей разного времени и совершенно не связанных друг с другом; во-вторых, почти все эти вещи ломаные, чиненые, переделанные: небольшая серебряная чаша с птицей на дне (XII в.), золотая полая плетеная гривна, чиненая у концов (XI в.), золотая диадема с оборванными концами, украшенная камнями и сканными пружинками (конец XI—начало XII в.), 2 серебряных звездчатых колта (сер. XII в.), 4 серебряных слитка XI и XII вв. и огромная золотая „гривна", или цата, с иконы, на которой перегородчатой эмалью выполнен многофигурный деисус с Борисом и Глебом по концам. Эмалевые пластинки с изображениями вставлены в общую для них твердую кова-

---

[1] Лаврентьевская летопись, 6583 (1075) г.

[2] М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии за 1926 г., в. 1 (XXXIV), Л., 1927, стр. 10—11. М. Э. Шайтан цитирует Анналы Ламберта (Lamberti... Annales), стр. 230.

[3] С. П. Розанов. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071—1109). Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 8, стр. 623, прим. 1.

[4] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 62—63 и 189—190.

[5] Д. И. Абрамович. Житие св. мучеников Бориса и Глеба и служба им. Пгр., 1916, стр. 73 (Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе).

[6] Ипатьевская летопись, 6683 (1175) г.

[7] Ипатьевская летопись, 6679 (1171) г.

ную основу, которая была прибита к чему-то твердому, повидимому, к иконе. Под ее маленькими овальными вставками имеются дырочки от гвоздей, пробитые сверху и прикрытые эмалевыми щитками уже после того, как цата была прибита (рис. 7). Можно было бы предположить, что эта цата была в последний момент перед надвигающейся опасностью сорвана с домашней иконы и сразу же зарыта вместе с другими светскими вещами. Однако этому противоречит то, что между снятием цаты с иконы и ее зарытием прошло какое-то время. За это время к ее концам успели приделать широкие с эмалью наконечники, оторванные от какого-то другого украшения, назначение которого установить не удается. Видно только, что эти наконечники были прикреплены к чему-то с помощью шарниров, от которых остались только рваные пластинчатые петли. Составленная из разных частей Каменнобродская цата на икону уже не годилась, так как концы ее, удлиненные наконечниками, стали сходиться вместе. Из церковной вещи — цаты — она превратилась в светское украшение — шейную гривну.

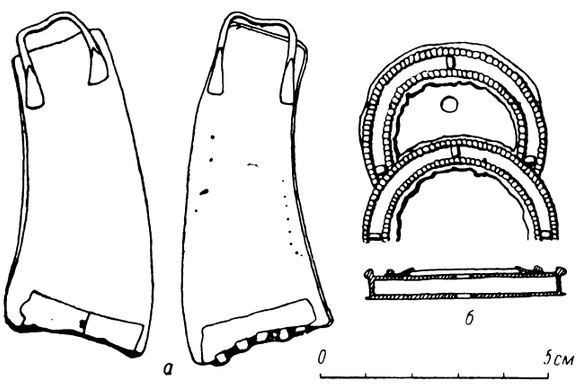

Рис. 7. Детали Каменнобродской гривны (138); *а* — концы приставленные (оборотная сторона); *б* — конец первоначальный.

Определить социальное положение владельцев этих кладов, а особенно последнего — обладателя сборных ломаных и комбинированных украшений, довольно трудно. Более или менее ясно только одно — состав Каменнобродского клада сложился не в результате наследования, а является собранием вещей, случайно попавших в руки его хозяина. Сам ли он добыл их себе, или они попали к нему через третьи руки — этого установить по вещам не удается.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ УБОРА

О том, как в целом выглядел весь этот богатый убор из колтов, цепей, ожерелий, диадем, как его носили, надевали ли его только женщины, или какая-то часть украшений использовалась и в мужском уборе, известно очень мало. К сожалению, неразграбленных древних княжеских и боярских погребений почти не сохранилось. Часть их была ограблена, повидимому, еще в древности, что́ во времена монгольского ига было легко сделать, так как даже в заброшенных, полуразрушенных церквах отыскать княжеские погребения было нетрудно: саркофаги стояли на виду, аркосолии и плиты указывали места княжеских погребений. Часть древних погребений была уничтожена, повидимому, значительно позже, при восстановлении и ремонте древних зданий. Так, при ремонте Успенского собора во Владимире в конце XIX в. было открыто несколько мужских княжеских погребений, но кроме тканей на них ничего не оказалось. Ни в Софийском соборе в Киеве, ни в Спасе Черниговском, несмотря на археологические исследования, не найдено ни одного древнего княжеского погребения. Саркофаг Ярослава Мудрого был ограблен. Саркофаги Владимира и Анны, стоявшие в Десятинной церкви, были разбиты в куски. На погосте Десятинной церкви и внутри ее шиферные саркофаги оказались вскрытыми или разбитыми и начисто ограбленными. Поэтому, если парадный убор дружинников X в. известен достаточно подробно по богатым курганным погребениям, то начиная с XI в., с момента принятия христианства, и погребения князей в церквах и на их погостах, наши сведения о княжеско-боярском уборе становятся значительно менее отчетливыми. Старый языческий обычай класть с погребенным принадлежавшие ему вещи — предметы убора, оружие — исчез далеко не сразу. В княжеском погребении XI в., раскопанном в 1939 г. в Десятинной церкви М. К. Каргером, был найден меч в украшенных серебром ножнах и пояс с серебряными накладками.[1] Неподалеку от Десятинной церкви в разбитом шиферном саркофаге в 1892 г. было найдено второе погребение XI в. также с мечом, согнутым пополам, и каменным крестом на груди.[2]

К XI же веку относится погребение в шиферном саркофаге близ северной галлереи Десятинной церкви в Киеве, потревоженное во время раскопок 1826 г. При вторичном вскрытии саркофага Д. В. Милеевым в 1908 г. на скелете оказались только остатки парчевой ткани, но фиолетовые окислы на костях указывали на бывшие здесь серебряные украшения, снятые со скелета в 1826 г.[3]

Трудно сейчас судить, похищены ли металлические украшения с одежд князей, погребенных в XII—XIII вв. во Владимирском Успенском соборе (пояса, пуговицы, перстни), или их и не было. Не показательны также

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, рис. 74—76.

[2] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 36—40, табл. XX, рис. 85—86.

[3] ОАК за 1908 г., стр. 157—158.

княжеские погребения с остатками одних только тканей, раскопанные в 1836 г. в Успенском соборе в Рязани.[1] Здесь в каждом саркофаге оказалось по нескольку человек, сложенных сюда князем Ингваром Игоревичем, вернувшимся в Рязань через некоторое время после разорения ее Батыем. Среди „трупия мертвых" он разыскал „братию свою..., боляр и воевод и ближних и знаемых" и некоторых из них похоронил „во единой раце", других же „на пусте месте".[2] За то время, что трупы перебитых рязанцев, княгинь и князей лежали непогребенными, все ценное могло быть с них снято, если вообще в страшный день взятия Рязани на них были надеты какие-то ценности. Неразграбленных или полуограбленных погребений, в которых были вещи типа украшений кладов, известно только четыре.[3]

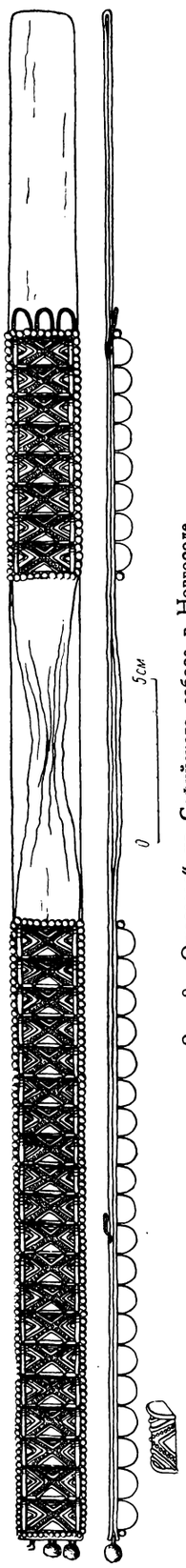

Рис. 8. „Ожерелье" из Софийского собора в Новгороде.

В Новгородском Софийском соборе уже в XV в. было известно и сохранилось до наших дней одно, повидимому, женское погребение, приписываемое княгине Анне — первой жене Ярослава Мудрого, умершей в Новгороде в 1050 г.[4] Шею у погребенной охватывает полоска материи, с нашитыми на нее серебряными колодочками, обнизанными мельчайшим жемчугом. Форма их несколько отличается от колодочек кладов: концы у них тупые, а не округлые, а на поверхности крест-на-крест идут желобки для жемчужной обнизи. По концам этого „ожерелья" или ворота пришиты пуговки для застегивания (рис. 8).

В одном из Липинских курганов Курской обл., раскопанном П. И. Засурцевым в 1950 г., на шее погребенной также оказалась низка серебряных колодочек, аналогичных колодочкам кладов.

Особенно интересными были 2 Черниговских погребения. Одно из них было обнаружено в 1878 г. близ Екатерининской церкви в простой могиле. На погребенной женщине было 2 серебряных колта, обнизанных полыми серебряными шариками, и 2 серебряных витых браслета с литыми наконечниками.[5]

Но самым богатым было второе черниговское погребение, относящееся, повидимому, к концу XI или к началу XII в. Убор похороненной женщины ничем не отличался от состава ряда кладов. Н. П. Кондаков так и опубликовал его как клад.[6] Погребение это найдено в 1883 г. у алтаря Борисоглебской церкви. Скелет лежал в дубовом гробу, стоявшем вдоль кирпичной стены древней кладки.[7] На погребенной было 2 золотых колта с каймой из колпачков на остриях, с маленьким эмалевым щитком в центре, обнизанным жемчугом, 11 золотых трехбусинных серег, 2 тяжелые серебряные цепи с наконечниками в виде голов животных и шиферное пряслице. К сожалению, погребение это было открыто случайно при рытье могилы, и поэтому осталось неизвестным, как были расположены на погребенной все эти украшения, в частности как были надеты 11 сережек и колты. Несмотря на отсутствие точных данных, находка этого погребения интересна тем, что дает представление о количестве вещей, которые могли быть надеты одновременно на человека. Кроме того, все четыре погребения, в которых найдены такие же украшения, как и в кладах, служат надежным подтверждением тому, что князья, бояре и дружинники пользовались богатым убором не только при жизни, но что он сопровождал их и в могилу.

---

[1] Д. Тихомиров. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844.

[2] Русский временник, ч. I, М., 1820, стр. 123—125.

[3] Если не считать погребения, о находке которого в литературе имеются не совсем надежные данные. В 1880-х годах во время раскопок в Киеве на территории старого города В. Б. Антонович будто бы нашел „погребение князя". Костяк плохо сохранился. На нем был весь драгоценный княжеский убор, а на голове его — покрывало и два золотых колта с эмалью, аналогичные колтам из коллекции А. В. Звенигородского (Киевский клад 1842 г., 65). См.: Joh. Schulz. Die byzantinischen Zellen-Emails der Sammlung Swenigorodskoi. Aachen, 1884, стр. 48—49. Если действительно в Киеве было найдено такое погребение, то оно было, конечно, женским, а не мужским.

[4] В 1439 г. Новгородский архиепископ Евфимий украсил гроб княгини Анны. См.: I Новгородская летопись и III Новгородская летопись, 6947 (1439 г.). Датировка ожерелья из колодочек XI в. будет верна только в том случае, если погребение действительно принадлежит княгине Анне, умершей в возрасте 30—35 лет. См.: В. В. Гинзбург. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингегерд. КСИИМК, в. VII, М.—Л., 1940, стр. 64—66.

[5] Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. 82—83. — Он же. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 254—255. — Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, М.—Л., 1949, стр. 54.

[6] Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, табл. XIII.

[7] А. И. Ханенко. Археологическая находка в Чернигове, Киевск. стар., 1883, май, стр. 174.

Тем не менее, эти немногие сохранившиеся княжеско-боярские погребения дают все же очень мало для реконструкции убора, для определения в нем места отдельных украшений.

Попытка найти какие-нибудь указания в этом направлении в портретных изображениях князей и членов их семьи не увенчалась успехом. Ни ктиторские фрески (Боголюбово, Нередица), ни мозаика (Дмитрий Солунский—Изяслав в Михайловском монастыре в Киеве), ни станковая живопись (Дмитрий Солунский—Всеволод Большое Гнездо, Борис и Глеб), ни миниатюра (изборник Святослава, Трирская Псалтирь, Слово Ипполита), ни скульптура (Дмитриевский собор во Владимире — изображение Всеволода Большое Гнездо; Михайловский монастырь в Киеве — изображения Ярослава Мудрого и Мстислава), ни прикладное искусство (Каменнобродская гривна — Борис и Глеб, энколпионы — Борис и Глеб, и др.) не дают изображений того убора, который известен по кладам. На всех этих изображениях князья представлены или в обычных одеждах воинов, или в парадных парчевых, расшитых жемчугом одеждах византийского образца, лишенных каких бы то ни было металлических украшений типа колтов, наручей, монист и пр. Только однажды в Киевском Софийском соборе на фреске, изображающей женскую часть семьи Ярослава Мудрого, у одной из фигур художник изобразил какое-то ожерелье. Известно, что одну из дочерей Ярослава — Елизавету — скандинавская сага называет „девушкой с золотой гривной". Нет уверенности, однако, что женская фигура с ожерельем на шее и есть именно Елизавета, так как персональная атрибуция фигур этой фрески не ясна. Кроме того, ожерелье на шее этой фигуры видно настолько неясно, что невозможно определить, какую форму оно имело и какому украшению из находимых в кладах оно соответствует.

Есть еще одна фреска, которую можно привлечь для восстановления парадного княжеско-боярского убора, но находится она вне пределов древней Руси. В Болгарии, в 8 км к юго-западу от Софии, в Боянской церкви 1259 г. имеется изображение ктитора севастократора Калояна и его жены Десиславы.[1] На голове Десиславы шапочка, надетая на покрывало, плотно облегающее голову, а поверх покрывала под висками, на уровне нижних челюстей изображены колты с каймой из крупных шариков и с каким-то украшением на щитке. Колты эти очень напоминают многие русские серебряные колты XII—XIII вв. с декоровкой чернью и каймой из крупных полых серебряных шариков. Такие колты найдены в кладах Тереховском Орловской губ. **(154)**, Тульском **(157)**, Рязанском 1887 г. **(164)**, Мартыновском Киевской губ. **(129)** и многих других. Боянская фреска ценна тем, что она точно определяет место колтов в уборе, хотя и не объясняет до конца, как они были прикреплены. Видимо, они были прикреплены не к покрывалу, а к шапочке. Может быть, они висели на нитках бус или цепочках, которые тянутся от шапочки к колту, хотя в этом и нельзя быть уверенным.

Боянская фреска показывает, что реконструкция способа прикрепления колтов, предложенная Б. А. Рыбаковым, не точна. Б. А. Рыбаков считает, что колты подвешивались к головному убору на низках из колодочек.[2] Реконструкция эта основана на трех доводах: 1) на изображениях женского головного убора на диадеме из клада с ус. Гребеновского и на колтах с ус. Лескова;[3] 2) на постоянных совместных находках колтов и колодочек и 3) на одной находке колтов, дужки которых были вдеты в кольца цепочек, которыми заканчиваются низки колодочек.

Изображения женских головных уборов на диадеме и колтах не могут служить достаточно убедительным доводом для подобной реконструкции. На диадеме с ус. Гребеновского подвески венца или кокошника не похожи ни на колодочки, ни на колты. Формы подвесок к головным уборам были вообще настолько разнообразны, что одно только наличие подвесок у головного убора не дает права видеть в них подвешенные колты. Подвески на диадеме с ус. Гребеновского напоминают больше широко распространенные в древности, в частности в Византии, подвески из бусинок, заканчивавшихся внизу одной или несколькими крупными бусами. Головной убор на колтах с ус. Лескова вообще не имеет подвесок. Те кружочки и крестики, которые не совсем точно размещены на рисунке, изданном Б. А. Рыбаковым, являются просто декоровкой фона, на котором изображена женская головка. На рисунке же все эти кружочки вытянуты вдоль лица от кокошника к плечам в виде двух вертикальных полос, что́ создает впечатление, что это были подвески. Колты и колодочки далеко не всегда встречаются в кладах вместе. Можно указать больше трех десятков кладов, где найдены колодочки, но нет колтов, и, наоборот, есть колты, но нет колодочек.[4] Кладов, в которых те и другие украшения найдены вместе, как раз значительно меньше.

---

[1] А. Грабар. Боянската църква. София, 1924, табл. А и XXIII—XXIV.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., 1948, стр. 316—317, 338 и 382. — Он же. Древности Чернигова. МИА, № 11, М.—Л., 1949, стр. 58, рис. 23.

[3] Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, табл. VIII и XV, *12* и *14*.

[4] См. клады **71**, **73**, **74**, **75**, **77**, **79**, **80**, **81**, **82**, **84**, **90**, **91**, **94**, **95**, **96**, **102**, **105**, **107**, **109**, **110**, **115**, **121**, **122**, **123**, **131**, **135**, **146**, **147**, **153**, **158**, **164**, **167**, **168**, **170** и др.

Находка в Киеве колтов, дужки которых были вдеты в кольца цепей, мне не известна. Думаю, что Б. А. Рыбаков имел в виду либо Киевский клад, найденный во время раскопок Д. В. Милеева в 1911 г. (**69**), в котором 2 золотых колта надеты на 2 золотые цепочки из рубчатых звеньев,[1] либо находку в Райках, где 2 ажурных колта надеты на тонкие цепочки низок из колодочек.[2] Существенно, однако, что ни Киевские колты, ни колты, найденные в Райках, не надеты на концевые кольца цепочек, что́ ближайшим образом подводило бы к реконструкции Б. А. Рыбакова. В обоих случаях цепочки просто продеты сквозь дужки колтов.

Кроме всего сказанного, есть еще ряд доводов, которые можно привести против реконструкции, предложенной Б. А. Рыбаковым. Даже если бы низки колодочек прикреплялись к верхнему краю высокого головного убора (что не практиковалось), то и тогда колты свисали бы ниже плеч, а это мало вероятно.

Способ ношения колтов, предложенный Б. А. Рыбаковым, выглядит как-то неконструктивно, нелогично и просто некрасиво. Непонятно, почему между колодочками и колтом должна быть какая-то тоненькая цепочка, на которой висит круглый, широкий колт.

Повидимому, способ прикрепления колтов к головному убору был более простым. Не исключена возможность, что 2 золотые цепочки, найденные продетыми в дужки двух колтов Киевского клада из раскопок Д. В. Милеева 1911 г. (**69**), и были тем связующим звеном, которое соединяло колты с головным убором. Цепочки эти имеют длину 33 см. Колт подвешивался на сложенной вдвое и застегнутой на замочек цепочке, т. е. так, как это и было обнаружено в кладе. Прикрепленные к низу головного убора цепи с колтами оказывались на уровне нижней челюсти, т. е. как раз на том же месте, как и на портрете Десиславы в Боянской церкви.

Такие же, как в Киевском кладе 1911 г., цепочки из пластинчатых звеньев найдены и во многих других кладах. Большей частью они серебряные и сохранились очень плохо. На них могли подвешивать менее дорогие, серебряные колты. Возможно, что такой способ подвешивания колтов не был единственным.

Низки из колодочек — украшение асимметричное. С одного конца у него колодочки, с другого — тоненькая цепочка. По тому же принципу составлено еще одно часто встречающееся в кладах украшение. Н. П. Кондаков называл его „церемониальной цепью". Каждая цепь составлена из 10 полых бляшек, соединенных шарнирами. С одного конца от них отходит тоненькая цепочка. Длина этих цепей примерно такая же, как и низок из колодочек. Они так же, как и низки колодочек, часто встречаются парами. Назначение как тех, так и других до сих пор не выяснено. Колодочки, найденные в Новгородском Софийском соборе и в Липинских курганах, использованы в виде ожерелий на шее, но, повидимому, это не единственный способ их ношения. В Софийском соборе они нашиты на ткань и не имеют цепочки на конце. У цепей из бляшек на шарнирах есть одна интересная деталь: в середине цепи, между пятой и шестой бляшками (в тех случаях, когда сцепление первоначальное, не нарушенное), шарнир не одиночный, а двойной. Это придает цепи бóльшую гибкость и позволяет изогнуть ее полукругом. В тех случаях, когда на бляшках изображены птицы, они всегда сделаны так, что на пяти бляшках птицы повернуты головами в одну сторону, а на других пяти бляшках — в другую. Если бы эти цепи носились в вертикальном положении, то часть птиц оказалась бы вверх ногами. Судя по тому, что все птицы ногами направлены в сторону среднего, двойного шарнира, нормальное положение цепи было не вертикальным. Скорее всего, это было какое-то нагрудное украшение. Причину его асимметрии может быть, следует искать в способе ношения плаща или корзна на одном плече, отчего часть груди была им закрыта. Все это, однако, не объясняет до конца ни данное украшение, ни низки из колодочек. Непонятной остается, в частности, парность тех и других.

Не много также помогают восстановлению убора и данные письменных памятников. В них встречаются названия отдельных украшений, но связать эти названия с вещами, известными нам по кладам, очень трудно. Повидимому, названия эти не всегда были устойчивы. В разное время одно и то же украшение называлось по-разному и, наоборот, одно и то же название обозначало различные вещи. Кроме того, надо учитывать, что летописец не всегда мог быть хорошо осведомлен во всех тонкостях женского убора.

Для того чтобы представить себе с каким трудом поддаются расшифровке данные письменных источников, упоминающих о предметах личного убора, можно обратиться к названиям многочисленных шейных и нагрудных украшений, чаще других встречающихся в памятниках письменности.

Впервые термин *обруч* встречается в „Повести временных лет" в договоре Игоря с греками в 945 г., где говорится, что „некрещеная Русь полагають щиты своя и мече свое наги, *обруче* свое и прочая оружья...".[3] Термин *обруч* в данном тексте мог обозначать как шейную гривну, так и браслет. Из дальнейшего текста „Повести временных лет" видно, что эти обручи были золотыми.

---

[1] ОАК за 1911 г., рис. 100, *а*, *б* и 101.

[2] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 107—108, табл. XX, *15*. Рисунок, опубликованный им, вряд ли точен, так как у одной низки колодочек цепочки оказались с обеих сторон, у другой же цепочек совсем нет.

[3] Лаврентьевская летопись, 6453 (945) г.

Там же, в „Повести временных лет", в тексте конца XI в. термин *обруч* встречается вторично. Летописец, сетуя на расточительность князей, вспоминает князей старого времени, которые „не въскладаху на своя жены златых обручь, нъ хожаху жены их в сьребряных".[1] Выражение *вскладаху* от глагола *возлагать* применимо скорее к шейной гривне, чем к браслету. Это подтверждается другим текстом „Повести временных лет", где глагол *возлагать* употреблен в сочетании с термином *гривна*. Под 1015 г. говорится, что у князя Бориса был отрок, „его же любяше повелику Борис, бе бо *възложил* на нь гривну злату велику". Когда же его убили, то „немогуще вборзе сняти гривны с шие, усекнуша главу его и тако сняша".[2]

Судя по приведенным текстам, в XI в. шейную гривну называли как гривной, так и обручем. Очень может быть, что и в X в., в договоре Игоря с греками, речь шла именно о гривнах, а не о браслетах.

Но в двух более поздних памятниках словом *обруч* названы уже не гривны, а браслеты. В „Слове о богаче и Лазаре" (XII в.) говорится, что „раби его предътекоуща мнози в братчине и в *гривьнах* златех: а друзии с зада (по зади) *оброучи* и *монеста* носяще".[3] В духовной Ивана Калиты (1328 г.) говорится: „...а то есмь дал дчери своей Фетиньи 14 *обручи* и *ожерелье*, матери ее *монисто* новое, что есмь сковал; а чело и *гривну* то есмь дал при собе".[4] В обоих текстах обруч противопоставляется гривне, из чего можно заключить, что в XII—XIV вв. обручем назывался уже браслет.[5]

Казалось бы, что вопрос о гривнах и обручах более или менее ясен: гривна была как мужским, так и женским украшением и в X—XI вв. ее называли как гривной, так и обручем, а с XII в. обручем стали называться браслеты, гривной же называлось украшение шейное.

Однако все дело запутывает третий термин — монисто, довольно часто встречающийся в письменных памятниках XI—XVII вв.[6] В них монисто выступает как золотой шейный убор, состоящий из золотых иконок, панагий, крестов, подвешенных на шнурке и отделенных друг от друга бусами.

В литературе не раз было высказано мнение, что монисто всегда было только золотым (Забелин, Уваров, Кондаков). Трудно сказать, насколько это верно. Очень может быть, что это впечатление ложное. В тех случаях, когда в тексте указан материал мониста, оно действительно всегда оказывается золотым. Но памятники письменности, упоминающие о монистах, совершенно естественно обращают внимание только на лучшие, наиболее дорогие мониста, а иногда, повидимому, и просто преувеличивают их ценность. Прямых указаний на то, что монисто — это украшение обязательно золотое, нет. Во всех случаях, где указаны прежние владельцы мониста, счет ведется только по женской линии („мониста великая золотая бабы своей и матери своей...", „мониста Тешатина"). Текстами устанавливается в ряде случаев связь между монистом и девушкой или невестой („девицька мониста", „яко невесту украси монисты"). Можно указать еще, что на Украине до сих пор любое ожерелье называется „намисто". И. Е. Забелин это название связывает с греческим словом νόμισμα 'золотой', вернее 'монета',[7] у цыган же монистом называется ожерелье с монетами.

Какое же из многочисленных украшений кладов называлось в древности монистом?

Русские клады всех периодов богаты ожерельями. В X в. на ожерелья из крупных бус подвешивали круглые плоские и полусферические медальоны и лунницы. В XI в. медальоны делали из пластин, украшенных пунсонным орнаментом. Кроме того, как в X, так и в XI в. был широко распространен обычай подвешивать к ожерельям не только монеты, но и специально сделанные (тисненые и литые) подражания им.

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. 363.

[2] Лаврентьевская летопись, 6523 (1015) г. — При венчании вел. кн. Дмитрия Ивановича в 1498 г. на царство „возложиша на него бармы Мономаховы". Здесь словом *возлагать* определено то же действие, что и при возложении гривны или обруча.

[3] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Прилож. № 6 к IX тому Записок Акад. Наук, СПб., 1866, стр. 29. — Под словом *раби* могли подразумеваться рабы как мужчины, так и женщины. Древнерусский язык не знал слова *рабыня*. В единственном числе рабыня называлась *раба*, во множественном *раби*. Множественное число было общим и для мужского и для женского рода.

[4] Собрание Государственных грамот и договоров, т. I. М., 1813, стр. 32.

[5] Слово *обруч*, конечно, в первую очередь связано с рукой, но в XI в. обручами называли и ножные кандалы. Так, в „Сказании о Борисе и Глебе," в рассказе о чудесном освобождении из темницы двух мужей, говорится: „...изламана лежаща окрьст его и *обруча*, яже о ногу его..." (Д. И. Абрамович, ук. соч., стр. 61). Я не использую данные о браслетах и обручах арабских географов, так как они не имеют отношения к Поднепровью.

[6] Минея 1097 г. (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка. См. под словом „монисто"). — Праздничная минея XII в. (там же). — Поучения Кирилла архиепископа Иерусалимского, XII в. (там же). — Слово о богаче и Лазаре. Сборник XII в. и Поучение Климента Болгарского (И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, Прилож. № 6 к IX тому Записок Акад. Наук, СПб., 1866, стр. 29). — Псковская рядная запись 1266—1299 гг. (В. К. Трутовский. Тешата и Якым и их взаимные отношения. Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 329). — Ипатьевская летопись, 6796 (1288) г. — Поучение духовника исповедующимся. Кормчая XIII в. (Памятники древнерусского канонического права, ч. I, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 124—125). — Духовная грамота Ивана Калиты 1328 г. (Собрание государственных грамот и договоров, т. I, М., 1813, стр. 32). — Духовная грамота кн. Михаила Андреевича Верейского 1486 г. (там же, стр. 303). — Духовная грамота Волоцкой 'княгини Ульяны 1503 г. (там же, стр. 339). — Книги и описи царской казны (И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц. М., 1869, стр. 604 и сл.).

[7] И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 603.

В конце XI в. в Поднепровье появились особенно богатые и разнообразные ожерелья. К ниткам из крупных, богато орнаментированных золотых бус стали подвешивать большие золотые медальоны, богато декорированные перегородчатой эмалью, жемчугом, разноцветными камнями, сканью, тиснеными колпачками. На медальонах эмалью изображались святые, составлявшие большей частью композицию деисус (Киевские клады с Б. Житомирской 1880 г., **90**; близ Михайловского монастыря 1824 г., **107**; Сахновский клад 1900 г., **127**; Княжа Гора 1891 г., **117**; Рязань, **162**).

В XII в. такие же большие круглые медальоны делались уже из серебра, а вместо эмали их украшали чернью.

Кроме этих наиболее заметных и богатых ожерелий в XII—XIII вв. известны ожерелья и с другими подвесками — лилиевидными, крестовидными, тиснеными из тонкой пластины. К ожерельям подвешивались также нарядные крестики (Киев, клад 1903 г., **103**) и даже золотые византийские монеты (Киев, клад с ус. Гребеновского, **99**).

Какие же из этих многочисленных ожерелий назывались монистом и были исключительной принадлежностью женского убора? К сожалению, у нас нет прямых данных для ответа на этот вопрос. Повидимому, все же монисто надо искать среди ожерелий с какими-то подвесками, а не среди ожерелий, состоящих из одних бус или сцепленных друг с другом бляшек.

Наиболее эффектными среди ожерелий с подвесками были ожерелья с крупными, круглыми медальонами. Лучшие экземпляры их сделаны из золота и богато декорированы эмалью, жемчугом, камнями. Очень может быть, что это и есть монисто, „великое, золотое монисто", переходившее по наследству от бабки и матери к внучкам и дочерям. В литературе не существует единого мнения относительно принадлежности этих ожерелий к мужскому или женскому убору. С легкой руки К. Ф. Калайдовича, окрестившего ожерелье с крупными медальонами „бармами"[1] („Старорязанские бармы"), название это привилось настолько, что даже Н. П. Кондаков, посвятивший много страниц опровержению правильности этого термина, все же не смог отделаться как от самого термина, так и от мысли, что ожерелье это является принадлежностью мужского костюма.[2] При распространенности этого мнения расхождения сводились лишь к тому, что пытались с большей точностью установить, кто имел право носить подобное ожерелье — князь, боярин или новгородский посадник. Желание во что бы то ни стало отнести это ожерелье к разряду церемониальных великокняжеских украшений являлось, в сущности, продолжением легенды о „Мономаховых регалиях", о бармах и шапке Мономаха, созданной московскими политиками XV в.

Происхождение слова *бармы* до сих пор не установлено. Изыскания в этой области Н. П. Кондакова не дали ничего определенного и, по его собственному выражению, „послужили пока только к первому помутнению вопроса".[3]

Мне представляется, что слово *бармы* можно было бы связать со шведским словом Barm 'грудь'. В Швеции даже в современном уборе невесты имеются нагрудные бляхи, а самое платье с бляхами носит название Barmkläde. В немецком языке слово Barm сохранилось лишь в слове barmherzig 'милосердный', грудь же обозначается словом Brust.

Бармы Московской Руси — это широкое матерчатое оплечье, богато расшитое жемчугом и металлическими вставками. Оплечье это покрывало плечи, спину и грудь. Это было своеобразное Barmkläde русских царей. Однако вряд ли этот термин попал и укрепился на Руси лишь в XIV—XV вв. Скорее всего он попал сюда значительно раньше, примерно в XI в., когда знатные викинги подолгу гостили при дворе киевских князей, а женой Ярослава была Ингегерда.

В это время для обозначения какого-то нагрудного украшения и мог появиться термин *бармы*. Это могло быть не обязательно сплошь металлическое украшение. Судя по памятникам изобразительного искусства парадный княжеско-боярский убор был богато расшит на плечах, на груди, по подолу и рукавам. В кладах XII—XIII вв. и в Оружейной палате[4] сохранились части одежд, расшитых жемчугом, золотыми и серебряными бляшками. К ним-то и мог относиться термин *бармы*. Относить же термин *бармы* к ожерельям с медальонами и считать их поэтому церемониальным княжеским и обязательно мужским убором нет решительно никаких оснований. Это дорогое парадное ожерелье скорее всего могло иметь название „монисто", которым памятники письменности называют наиболее богатые и нарядные ожерелья и связывают его с женским убором.

Однако дело осложняется тем, что к ожерельям с крупными медальонами имеет как будто какое-то отношение и другой термин, — все тот же термин — *гривна*.

---

[1] К. Ф. Калайдович. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823.

[2] Н. П. Кондаков. Р. кл., стр. 158 и сл.

[3] Там же, стр. 160.

[4] Г. Д. Филимонов. Патриаршая ризница. Сборн. Общ. древнерусского искусства на 1866 г., М., 1867, отд. II, стр. 103—104. — А. Викторов. Обозрение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1876, стр. 36—37. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. VI. 1899, стр. 94, рис. 116. — В. А. Никольский. Древнерусское декоративное искусство. Пгр., 1923, стр. 29 и сл., табл. I и др.

Правда, в некоторых приведенных выше текстах XII и XIV вв. гривна противопоставляется монисту („Слово о богаче и Лазаре", духовная Ивана Калиты). Противопоставление гривны монисту имеется и в Ипатьевской летописи. Под 1289 г. рассказывается, что князь Владимир Василькович Волынский „икону списа на золоте наместноую святого Георгия и гривну златую възложи на н(ь) с женчюгом, и святую Богородицу списа на золоте же наместную и възложи на ню монисто золото с камением дорогьм". В этом тексте летописи интересно еще и то, что монисто *возложено* на икону Богоматери как специфически женское украшение, на Георгия же *возложена* гривна.

Все, что до сих пор говорилось о гривне, как будто бы не дает оснований сомневаться в том, что гривна — это не ожерелье, а просто металлический обруч, что гривна — это и есть то украшение, которое мы привыкли так называть. И все же ряд текстов заставляет заподозрить, что термином *гривна* пользовались для обозначения и других украшений.

Возьмем хотя бы только что приведенный текст Ипатьевской летописи. В нем говорится, что на икону Георгия была возложена золотая гривна с жемчугом. Среди многих десятков шейных гривен нет ни одной, которая была бы украшена жемчугом. Трудно даже представить себе, как вообще может быть гривна украшена жемчугом.

В другом тексте говорится, что Георгий Шимонович пожертвовал в Печерский монастырь „гривну юже сам ношаше, в ней же бысть сто гривен злата".[1] Если это не льстивое преувеличение ценности вклада, то трудно себе представить, как могло быть в одном шейном обруче 100 гривен золота, т. е. не менее 20 кг. Лаврентьевская летопись рассказывает про „крест и чепи в гривну золота".[2] Вес этого украшения вполне реален. Один же шейный обруч из 100 золотых гривен, который, как подчеркивает Патерик, Георгий Шимонович „сам ношаше", выглядит неправдоподобно.

В одной из болгарских рукописей говорится о князе, который „гривну *цатаву* на выи носяща и обручи на руку".[3] Цята, или цата, — это дощечка, пластинка. Следовательно, гривна этого князя была украшена пластинками. Невольно вспоминается цата Каменнобродского клада, за которой закрепилось название „Каменнобродской гривны". Ее девять вставных пластинок, обнизанных жемчугом, на которых изображены перегородчатой эмалью фигуры святых, составляющие композицию деисус, как и на медальонах ожерелий, дали повод отождествлять ее с „гривной *цятавой*" древних текстов. Как говорилось выше, „Каменнобродская гривна" была сделана для украшения иконы — в ее концах сохранились дырки с рваными краями от вбитых сверху гвоздиков; вбитые гвозди были прикрыты эмалевыми пластинками, вставленными после того, как гривна была к иконе прибита. Следовательно, на иконе Георгия гривна с жемчугом совсем не обязательно должна была иметь вид круглого обруча. Она могла быть больше похожа на „Каменнобродскую гривну" с ее богатым убранством.

Поэтому и гривну в 100 золотых гривен Георгия Шимоновича не обязательно представлять себе в виде скованного из 100 гривен обруча, весом не менее 20 кг. Она, может быть, и не была сделана из 100 гривен, а стоить могла 100 гривен, как стоил Ефросиньевский крест с эмалями — 140 гривен. Следовательно, гривна Георгия Шимоновича была, как и гривна на иконе Георгия и как „Каменнобродская гривна", „гривной цятавой", подобной той, которая была на болгарском князе во время пира. Но „Каменнобродская гривна", с другой стороны, близка к тем ожерельям, у которых на отдельных медальонах размещены фигуры святых, вместе образующие композицию деисус. Круглые медальоны с деисусом „Каменнобродской гривны" отличаются от этих ожерелий только тем, что они помещены на одной общей твердой основе. Вероятно, эти два вида ожерелий были сходны между собой не только по форме, но и по названию. В одном из текстов славянского перевода Библии, к сожалению, известном мне только в виде короткого, выхваченного из контекста отрывка, говорится: „Вплетаниа златая на главе и трезны ризныя и месяця гривьньныя".[4] Греческое слово, которое славянский переводчик заменил словами *гривенные месяцы*, было слово *мениск*, т. е. *выпуклина*. Очевидно, сочетание слов *гривенные месяцы* было не случайным, не выдуманным. Если переводчик был точен, если он хорошо понимал, что такое мениск, и старался в русском уборе подобрать соответствующее ему украшение, то его внимание вполне могли привлечь современные ему ожерелья из круглых медальонов, действительно, слегка выпуклые. Все вместе эти месяцы-медальоны составляли гривну, а потому и названы „месяцами гривенными". Не исключена возможность, что происхождение этого термина восходит к X в., когда на ожерелья подвешивались большие двурогие лунницы — месяцы. Название *гривенные месяцы* сохранилось за такими ожерельями и тогда, когда лунницы были заменены круглыми медальонами. Переводчик же Библии взял готовый, уже сложившийся термин.

---

[1] И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 137. — Патерик, 1911, стр. 63 и 190, другие варианты.

[2] Лаврентьевская летопись, 6655 (1147) г.

[3] К. Калайдович. Иоанн, ексарх болгарский. М., 1824, стр. 64.

[4] И. И. Срезневский, ук. соч., стр. 136.

Неизвестно, по каким соображениям найденный близ Чернигова золотой медальон-змеевик с изображением архангела Михаила назван „Черниговской гривной". Может быть, это название дано было ему случайно. Но надо учесть, что „Черниговская гривна" найдена еще в 1821 г., и это название могло быть подсказано исследователям Черниговского змеевика теми людьми, которые его нашли. В 1821 г. это слово могло еще иметь на Украине то значение, которое ныне уже утрачено. „Черниговская гривна" поэтому могла быть тоже составной частью украшения, носившего в древности название *гривны месячной*.

Как все же могло получиться, что такие разные по форме украшения, как шейный обруч, Каменнобродская гривна и ожерелье из медальонов или лунниц могли иметь одинаковые названия: *гривна*, *гривна цятава*, *гривна месячная*? Это произошло, повидимому, оттого, что все они, несмотря на внешние различия, были украшениями шейными, а И. И. Срезневский указывает, что слово *гривна* означает *огорлие*, отсюда *гривенка в рубахе*, т. е. ворот. Он приводит ряд мест русского перевода Библии, где гривна неизменно связывается с шеей („гривну окрест выи", „гривна златая на выи его", „гривну на выи").[1]

Из всего сказанного о названиях ожерелий русских кладов можно, как мне кажется, сделать следующий вывод. Наиболее общим, древним и безусловно славянским названием русских ожерелий был термин *гривна*. Гривна — это всякое шейное украшение или ожерелье. Отдельные разновидности этих ожерелий различались по присоединению к термину *гривна* дополнительных определений — *цятава*, *месячная*. Название же *монисто* (monil, μανιάκιον, νόμισμα), по происхождению нерусское, появилось позже (не ранее XI в.); пользовались им одновременно с древним русским названием.

Если верно, что монисто (или гривна месячная) было женским украшением, то гривна-цятава была, скорее всего, принадлежностью мужского убора. Гривну-цятаву носил болгарский князь и Георгий Шимонович, гривна-цятава была *возложена* на икону Георгия. Повидимому, нагрудные или шейные металлические украшения входили как в женский, так и в мужской убор, только по форме они были несколько различны.

Но в древней Руси известен еще один русский термин для шейных украшений, это — *ожерелье*. Как и гривна, он связан с шеей или горлом (ср. пушечное жерло). Поэтому термин *ожерелье*, как и *гривна*, был достаточно широк и мог обозначать самые различные типы их, в том числе и мужские. Именно в применении к мужскому ожерелью употреблен этот термин в „Слове о полку Игореве". Описание смерти павшего в бою князя Изяслава заканчивается чудесным поэтическим образом: „един же изрони жемчюжну душу из храбра тела чрес злато ожерелие". Может быть в данном случае имелся в виду просто богато убранный ворот.

Подытоживаю все сказанное о шейных металлических украшениях.

В X и XI вв. шейный обруч назывался как гривной, так и обручем. С XII в. обручем назывался только браслет. Шейный обруч—гривна был всегда как мужским, так и женским украшением.

Гривна и ожерелье были древнейшими русскими названиями шейных украшений — и мужских, и женских. Для обозначения различных типов этих украшений к термину *гривна* делались определяющие данный тип дополнения: *гривна цятава* (мужское украшение), *гривна месячная* (женское украшение?).

Примерно с XI в. появляется греческое или латинское название одного из видов женских (?) ожерелий — *монисто*; это название соответствует русскому названию *месячная гривна*.

Все эти названия (кроме, пожалуй, мониста) относились, повидимому, не только к тем шейным украшениям, которые входили в княжеско-боярский убор, но и к бесконечно разнообразным ожерельям из рядовых могильников, составленным из бус и всевозможных литых и пластинчатых подвесок и лунниц.

В памятниках древнерусской письменности встречается еще ряд названий предметов личного убора: цепь, пояс, височные кольца, серьги, сустуг. Многие из них более или менее ясны и легко увязываются с вещами, известными по кладам. Некоторые недоумения все же остаются почти во всех случаях.

Так, не раз встречающиеся в летописях упоминания цепей (обычно золотых) всегда связаны с мужским убором. В 1147 г. у князя Михаила киевляне „отторгоша... крест и чепи в гривну золота".[2] В 1213 г. после гибели перемышльского воеводы „главу его сосекоша, трои чепи сняша золоты".[3]

В духовной грамоте 1356 г. сыновьям Ивану и Дмитрию, а также будущим, еще неизвестным зятьям вел. кн. Иван Иванович завещал по нескольку цепей: „...Чепь золоту врану с крестом золотым, чепь золоту колчату...", „чепь великую золоту с крестом, чепь золоту врану, а другая огнивчата с кресты...".[4]

В 1478 г. великому князю Ивану III новгородский владыка поднес „чепь золоту 5 гривенок злата".

Однако данные текстов, повидимому, односторонни, так как в Черниговском погребении, найденном у алтаря Борисоглебского собора в 1883 г., принадлежащем безусловно женщине (колты, серьги, пряслице),

---

[1] И. И. Срезневский, ук. соч., стр. 136—137.

[2] Лаврентьевская летопись, 6655 (1147) г.

[3] Ипатьевская летопись, 6721 (1213) г.

[4] Собрание государственных грамот и договоров, т. I. М., 1813, стр. 40, 42, 43.

оказались две большие толстые шейные цепи. Судя по этому погребению, цепь входила в состав не только мужского, но и женского убора.[1]

Письменные источники очень богаты упоминаниями о поясах. По легенде, площадь под Успенский собор Печерского монастыря была отмерена в 1073 г. поясом.[2] В „Повести о битве на Калке" (1223—1237 гг.) говорится о гибели богатыря по прозвищу Златой Пояс.[3] Описаниями поясов, передаваемых по наследству, пестрят духовные грамоты первых русских князей. Поясами дорожили, передавали по наследству и историю их знали не хуже, чем историю золотых женских монист. Общеизвестно, как в 1433 г. Софья Витовтовна на свадьбе сына Василия велела сорвать с Василия Юрьевича Косого ценный золотой пояс, признав в нем пояс, принадлежавший некогда жене Дмитрия Донского.

В X—XI вв. (так же как и в более раннее время) пояс, украшенный металлическими накладками, был широко распространен. Он хорошо известен по бесчисленным находкам бронзовых и серебряных накладок в курганах. Русские князья, так же как и их жены и дочери, судя по сохранившимся их изображениям на фресках, иконах, на миниатюре, всегда носили пояс.

Все эти данные письменных источников и вещественные памятники говорят о том, что пояс был чрезвычайно распространенной частью костюма, к которой относились с особым вниманием. Поэтому очень странно, что в русских вещевых кладах пояса крайне редки. Всего в шести кладах были найдены накладки с поясов, а может быть, частично, и с конской сбруи. В двух кладах, зарытых в конце XI—начале XII в., оказалось ничтожное количество бляшек: в Лодейнопольском кладе 1929 г. (**62**) — две сердцевидные накладки и в Спанке (**56**) — одна. В кладе XI в., найденном в Чернигове (**35**), был большой набор из 57 литых бляшек тех же типов, что и в курганах. В кладе X в., разграбленном после его находки, сохранилось три бляшки, но, по данным местной прессы, их было будто бы много; бляшки эти восточной работы (Шпилевка Харьковской губ., **19**). В Белогостицком кладе Ярославской губ., зарытом на рубеже XI и XII вв. (**63**), оказался большой набор накладок, наконечников и подвесок, часть которых, несомненно, относится к конской сбруе. На бляшках арабские надписи, сделанные почерком XI в. В с. Мышеловка близ Киева найден клад, состоявший из одних поясных накладок (21 шт.), сделанных из серебра и украшенных чернью, золотой насечкой и арабскими надписями (**136**).

Кроме этих пяти кладов, из которых три, с наиболее полным комплектом поясных украшений, содержат бляшки привозные (восточные), пояса более не встречены ни разу.

Височные кольца и серьги, упоминаемые письменными источниками и хорошо известные по кладам, достаточно ясны. Несколько смущает лишь одно обстоятельство. По находкам в курганах известно, что височные кольца и серьги не вдевались в ушную мочку. Их прикрепляли к ремешку или полоске ткани по нескольку штук у каждого виска. Устройство замочка у серьги вообще исключает возможность продеть серьгу в ухо. И в то же время письменные памятники говорят о серьгах и височных кольцах, которые носили именно в ушах. Так, в „Чтении о Борисе и Глебе" (начало XII в.) рассказывается о том, как пришедшая в Вышгородскую церковь женщина молилась в притворе „и се внезапу испадоста еи злати колци, иже ношаше в ушию своею и котишися...".[4] В приводившемся выше тексте, рассказывающем, как князь Владимир Галицкий в 1150 г. требовал откуп с городов Волыни, грозя взять их на щит, сообщаются интересные подробности сбора серебра для выплаты контрибуции: „Они не имеяхуть дати чего у них хотяше, они же емлюче серебро изо ушью и с шии, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру".[5]

Серьги носили не только женщины. В известном рассказе Льва Дьякона о встрече Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием дано подробное описание серьги в одном ухе Святослава. Серьгу эту, повидимому, следует представлять себе в виде кольца с тремя напущенными на него бусами (не металлическими). Такие серьги известны по ряду погребений дружинников X в., но в кладах они не попадались. Обычай носить серьгу в одном ухе держался на Руси очень долго. Еще в XIV в. вел. кн. московский Иван Иванович, завещая своим сыновьям Дмитрию и Ивану „жерепцов и кобылиц", оружье, пояса и другие предметы мужского убора, дал каждому из них и по „серге с женчугом".[6]

Наименее ясно украшение, названное в летописи *сустугом*. Когда древлянских посланцев по приказанию Ольги понесли в гору в ладьях, то они „седяху в перегребех в великих сустугах гордящеся".[7] Слово сустуг — не славянское. У мордовских женщин до сих пор сустугом называется массивное нагрудное украшение,

---

[1] Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, табл. XIII. — В 1494 г. при обручении дочери вел. кн. Ивана Васильевича Елены Ивановны с литовским великим князем Александром Казимировичем обручавшиеся „кресты с чепми и перстни меняли". См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I, СПб., 1882, стр. 124.

[2] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 3—4.

[3] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. 2-е изд., М., 1941, стр. 187—188.

[4] Д. И. Абрамович, ук. соч., стр. 24.

[5] Ипатьевская летопись, 6658 (1150) г.

[6] Собрание государственных грамот и договоров, т. I. М., 1813, стр. 40—43.

[7] Лаврентьевская летопись, 6453 (945) г.

скрепляющее платье или рубаху. В археологической литературе сустугами называют мордовские кольцевые пряжки, доживающие у мордвы до XII в. Трудно сказать, насколько правильно приурочено археологами это название к данному украшению. Крупные кольцевые пряжки известны и в русских древностях. Кованые, большие серебряные пряжки, часто встречающиеся парами, найдены и в кладах XI в. Однако для древлян, как и вообще для Среднего Поднепровья, они не характерны. Основной район их распространения — это северо-западные области древней Руси.

Реконструкция деталей головного убора по материалам кладов также очень трудна. Наиболее понятны 2 диадемы, найденные в Киевском кладе с ус. Гребеновского (**99**) и в Сахновке (**127**). Очевидно, их нужно представить себе нашитыми на ткань и обнизанными между киотцами жемчугом. Обе диадемы не были венцами, т. е. они охватывали не всю голову кругом, а только немногим более ее половины. Киотцы были нашиты либо на шапочку, либо на полоску ткани, и тогда затылок должен был быть прикрыт покрывалом.

Иной вид имеет третья диадема, найденная в Каменнобродском кладе (**138**). Это узкая полоска, имеющая в центре спускающийся на лоб мысик. К сожалению, концы диадемы немного поломаны, однако совершенно бесспорно, что эта нарядная, богато украшенная сканью и камнями диадема была еще более короткой, чем первые две. Она едва доходила до висков. В ее верхнем крае пробиты частые мелкие дырочки для пришивки ткани. С нижнего края, так же как и у первых двух диадем, на лоб свисала бахрома из мелких, искусно сделанных подвесочек. Вероятно, и эта диадема нашивалась на ткань или тесьму или вшивалась надо лбом в шапочку.

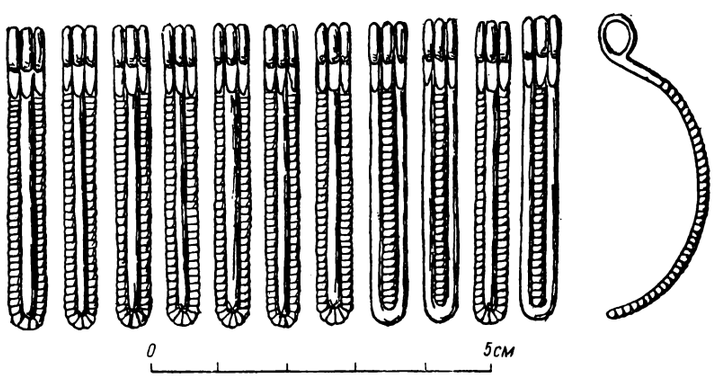

Рис. 9. Дужки золотого очелья из Киевского клада с ус. Августиновича (**95**).

Довольно хорошо удается реконструировать металлические части головного украшения, которое Н. П. Кондаков называет „накосником“. Это украшение составлялось из многих широких полуколец. Один конец полукольца, или дужки, загнут в трубочку (рис. 9), в другом, имеющем округлую форму, иногда сделано по 2 дырочки. На 12—15 таких дужек приходится (в хорошо сохранившихся экземплярах) 2 дужки, забранные с боков сплошной стенкой, орнаментированной эмалью и жемчугом.

Реконструкцию этого головного убора позволяют сделать найденные в Поросье погребения, принадлежащие половцам.[1] Дужки, найденные в Поросье, сделаны из бронзы, обтянуты серебром и позолочены. Они наложены на изогнутые деревянные валики, обтянутые толстой тканью, группами по 16—20 штук. Таких валиков в каждом погребении было по два. Помещались они надо лбом, сходясь на линии переносья, но не охватывали всю голову кругом. Выше шел мягкий матерчатый головной убор, форма которого точно не известна. Следовательно, валики находились внизу тульи.

Наиболее полный набор таких полуколец, или дужек, был найден в Киевском кладе на ус. Лескова (**80**). В нем было 34 золотых дужки, из них 4 концевых. Они были прежде тоже наложены на валики и скреплены шнурком или проволокой, пропущенной в трубочки на концах. В тех случаях, когда на нижних округлых концах дужек имеются дырочки, можно думать, что валики были матерчатыми, и дужки были пришиты к ним за эти дырочки (Киев, ус. Есикорского, **98**).

Предположение Н. П. Кондакова, что эти дужки были частью головного убора, правильно. Однако лучше называть их не накосником, а очельем.[2]

Особеннно нарядным было очелье в Киевском кладе, найденном близ Михайловского монастыря в 1824 г. (**107**). Дужки этого очелья очень крупные и круто изогнутые. Поверхность их была не гладкой, как обычно у всех очелий, а украшена множеством больших и мелких камней в высоких гнездах.[3]

В 1904 г. близ д. Колесище Каневского у. Киевской губ. было найдено 5 золотых маленьких, но широких, круто изогнутых дужек (рис. 10).[4] Условия находки остались неизвестными. Эти дужки отличаются от всех остальных не только тем, что они очень малы и широки, но и тем, что ширина их не одинакова.

---

[1] Уроч. Лучки близ с. Россава Каневского у. Киевской губ. (Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 223 и 224; хранится в ГИМ). — Тр. III АС, т. II, Киев, 1878, прилож., стр. 23—30. — КВ III АС, Киев, 1874, стр. 24—25, №№ 360—363; хранится в Киевском историческом музее. — И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и руси. Киев, 1896, стр. 106—108 и 126, № 671.

[2] Очелья найдены в Киевских кладах на ус. Лескова (**80**), Есикорского (**98**), Августиновича (**95**), Михайловского монастыря (**102**), близ Михайловского монастыря (**107**), на ус. Орлова (**85**), в Сахновке (**127**) и на Княжей Горе (случайная находка).

[3] Н. П. Кондаков. Р. кл., рис. 65.

[4] ОАК за 1904 г., стр. 119, рис. 206—207.

Широкие дужки чередуются с более узкими. Рубчатая проволока делит их поверхность на продольные пояски, заполненные попеременно то высокими коническими выступами со сканными колечками, то жемчужными нитями. Богатой декоровкой своей поверхности дужки из Колесища ближе всего к дужкам Киевского клада, найденного близ Михайловского монастыря в 1824 г. Однако очелье из Колесища, повидимому, древнее всех остальных. Своеобразная форма дужек, декоровка, размеры и, самое главное, рубчатая проволока, характерная для изделий X—XI вв., позволяют датировать их XI в.

Известны очелья и более поздние, чем очелья описанного типа. Они относятся к концу домонгольского периода — ко второй половине XII—XIII в.

Во многих кладах попадаются проволочные дужки с надетыми на них тремя бусинами. Назначение их до сих пор остается невыясненным. Н. П. Кондаков считал их застежками и дал им название „аграфов". Это название осталось за ними и до сих пор, хотя многим уже стало ясно, что эти дужки никогда застежками не были. В наше время их считал застежками только А. С. Гущин.[1]

Форма „аграфов" не всегда одинакова. Иногда они бывают не согнутые, а прямые (Владимирские клады 1837, 1865 и 1896 гг., **166, 167, 168**; Льговский клад Черниговской губ., **151**); иногда бусины их сдвинуты к одному концу, иногда же равномерно распределены по стержню. Есть очень большие „аграфы" (Владимир, **168**), есть, наоборот, очень маленькие (Льговский клад, **151**). Но все эти различия не существенны. Вне зависимости от различий в деталях, все они имели одно и то же назначение.

Рис. 10. Дужки золотого очелья, найденные у д. Колесище Каневского у. Киевской губ.

После находки Владимирского клада в 1896 г. определить назначение „аграфов" пытался В. Т. Георгиевский. Он считал, что „аграфы" были соединены концами по два. Из 12 „аграфов" клада таким образом составлялось 6 небольших цепочек, на которых, как считал В. Т. Георгиевский, были подвешены 2 круглых золотых и 4 звездчатых серебряных колта. Все вместе это составляло якобы оплечье.[2]

Б. А. Рыбаков реконструировал убор из аграфов иначе. Исходным типом для него служат также прямые „аграфы", в частности „аграфы" Владимирского клада 1896 г. „Трехбусинные стержни, — пишет он, — надевались на слегка изогнутую дужку и связывались филигранной нитью. Средний стержень опускался несколько ниже двух крайних. Шпенек среднего стержня вдевался в отверстие маленького золотого трехбусинного стержня, к которому прикреплялся колт".[3] Следовательно, в реконструкции убора из „аграфов" Б. А. Рыбаков идет в том же направлении, что и В. Т. Георгиевский, с той только разницей, что В. Т. Георгиевский представлял себе „аграфы„ частями ожерелья, а Б. А. Рыбаков — частями головного убора.

Реконструкция Б. А. Рыбакова вызывает целый ряд возражений. Прежде всего, он напрасно строит ее на прямых, а не на изогнутых „аграфах". Основным, исходным типом „аграфа" является именно дужка. Все Владимирские „аграфы" как из клада 1896 г. (**168**), так из двух других кладов (**166** и **167**) погнуты и помяты. Очевидно, стержни их когда-то были выпрямлены, первоначально они тоже были изогнуты дужкой. Единственный случай, когда „аграфы" вышли прямыми из рук мастера, это — миниатюрные „аграфы" Льговского клада (**151**).

Маленькие золотые „аграфы" Владимирского клада, к которым, по предположению Б. А. Рыбакова, непосредственно подвешивался колт, не являются „аграфами" по замыслу. Это обычные трехбусинные серьги, но разогнутые и превращенные в „аграф". Доказательством правильности данного утверждения служит нетипичное для „аграфов" размещение бусин, сгруппированных на одной половине стержня, и обычное для трехбусинных серег оформление концов кольца (ромбический щиток с дырочкой и трубочка). Такие разогнутые серьги, превращенные в „аграфы", есть и в другом Владимирском кладе (**166**), а также и в ряде других кладов. Повидимому, когда нехватало „аграфов", количество их увеличивали домашним способом, разгибая трехбусинные серьги.

Б. А. Рыбаков пишет, что 12 трехбусинных „аграфов" Владимирского клада 1896 г. „были связаны в пачки по три штуки. Следовательно, связка из трех предметов представляла какой-то комплект". Это и дало ему повод считать „аграфы" своеобразной цепочкой, соединяющей головной убор с колтом. Однако владимирские „аграфы" скреплены проволокой не по 3 штуки. Они соединены проволокой все вместе, и, судя по тому, как разорвана эта проволока, можно заключить, что „аграфов" первоначально было не 12, а не

---

[1] А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 37.

[2] В. Т. Георгиевский. Важная археологическая находка в городе Владимире. Владимирск. Губернск. вед., 1896, № 39. — Он же. Новый археологический клад, найденный во Владимире на Клязьме. АИЗ, т. IV, М., 1896, стр. 366—371.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, стр. 338.

менее 14—15 штук (табл. LXI). Следовательно, это было не узкое украшение, которое могло служить чем-то вроде цепочки, а широкая длинная полоса, длиной примерно 30 см при вышине „аграфа“ в 12 см.

Б. А. Рыбаков ошибается при описании своеобразных концов „аграфов“. Концы у них не разные, а совершенно одинаковые, и одинаковые не только у „аграфов“ данного клада, но и вообще у всех известных „аграфов“. Никаких особых шпеньков на концах некоторых „аграфов“ нет. Почти у всех в концах, закрученных в трубочки, сохранились кусочки проволоки. В некоторых случаях проволока обломана вровень с трубочкой, в других же она торчит наружу. Это, видимо, и ввело Б. А. Рыбакова в заблуждение. В ряде случаев кусочки проволоки совсем выпали из трубочек.

К реконструкции убора, составлявшегося из „аграфов“, нужно подходить по-иному. Существенные указания для этого дают „аграфы“ клада, найденного близ м. Вербова, к северо-западу от Галича (**143**). В этом кладе найдено 8 „аграфов“, изогнутых дужкой (табл. LIX). Они скреплены друг с другом (в настоящий момент по 4 штуки, но оборванная с краев проволока указывает, что их было больше) витой проволокой точно так же, как и „аграфы“ Владимирского клада 1896 г. Этот случай не единичен. В коллекции Любомирских, ныне переданной в Львовский исторический музей, имеется еще 12 согнутых дужкой „аграфов“, также скрепленных проволокой (ныне по 6 штук, но проволока с концов оборвана).[1] Сквозь концы „аграфов“ пропущена сохранившаяся до сего дня проволока. Найдены они на Волыни. Ю. Полянский, опубликовавший Вербовский клад, совершенно правильно назвал связки изогнутых „аграфов“ „чільцем“, т. е. очельем.[2] Изогнутые дужки с бусами, как и гладкие полукольца золотых очелий, скреплялись по концам проволочкой, проходившей сквозь трубочки с обеих сторон, и накладывались на валик. Такие очелья из „аграфов“ были найдены в ряде кладов — Киевском с территории Михайловского монастыря 1903 г. (**103**), Мартыновском и Княжегорском Каневского у. Киевской губ. (**129** и **122**), Тереховском Орловской губ. (**154**); один золотой „аграф“ оказался в Старорязанском кладе 1868 г. (**163**); несколько обломков „аграфов“ найдены в тайнике Десятинной церкви[3] и в ряде других мест (случайные находки). Повидимому, как и сплошные золотые очелья, эти ажурные дужки окаймляли головной убор надо лбом.

Маленькие прямые „аграфы“ Льговского клада, сцепленные проволочками за концы, также служили для декоровки нижней части головного убора. Только владимирские „аграфы“, самые крупные из всех найденных до сих пор и к тому же распрямленные, представляют собой какой-то местный вариант использования „аграфов“ в головном уборе. Декорированный ими головной убор должен был иметь высокую тулью. Владимирские „аграфы“ не типичны для этого вида украшений, а поэтому по ним и не удавалось реконструировать составлявшийся из них головной убор. Он становится понятным только через галицко-волынские очелья из „аграфов“.

Древнее название очелий не известно. Термин *чело* появляется в источниках очень поздно — Иван Калита завещал своей дочери Фетинье *чело и гривну*. Очень может быть, что этим же названием для какого-то головного убора пользовались и раньше (ср. украинское *чільце* — очелье). Однако нет никаких данных связывать слово *чело* с теми металлическими деталями матерчатых головных уборов, которые делались из золотых и ажурных серебряных дужек. Принадлежность этого головного убора к женскому наряду вполне вероятна. Мужской головной убор при любых обстоятельствах — это шапка.

РАЗВИТИЕ РУССКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО УБОРА

Восстановить по одним кладам древнерусский убор в целом, даже княжеско-боярский, представленный в них полнее, чем другие, невозможно. В клады попадали вещи, имеющие несколько особый характер. Это вещи наиболее дорогие по работе и по материалу. Поэтому общий облик убора X в., даже убора знати, может быть восстановлен по материалам могильников гораздо полнее, чем по материалам кладов, отражающих лишь одну из его сторон. Вещи же рядового населения в кладах X в. совсем не представлены.

По материалам могильников личный убор всех слоев рядового населения может быть восстановлен и для XI—XIII вв., но княжеско-боярский убор этих веков известен только по кладам. Как указано выше, неразграбленных богатых погребений XI—XIII вв. известно ничтожное количество. Земля, курган оказались гораздо более надежными хранителями, чем паперти и погосты соборов. Поэтому все, что известно о княжеско-боярском уборе XI—XIII вв., заключено всего лишь в нескольких десятках кладов. Как в X в., так, повидимому, и в XI—XIII вв. вещи кладов обрисовывают княжеско-боярский убор односторонне. Поэтому по материалам кладов историю парадного убора домонгольской Руси написать нельзя. По ним можно восстановить только историю одной из его линий.

---

[1] W. Antoniewicz. Archeologja Polski. Варшава, 1928, табл. XLII, *18, 19*, стр. 322.

[2] Ю. Полянський. Нові археольогічні знахідки з Галичини. Записки наукового Товариства ім. Шевченка, т. CXLIX, Львов, 1928, стр. 11.

[3] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 135, рис. 101.

Но, как оказывается, у этой, казалось бы, одной линии имеется два „горизонта". На протяжении всего домонгольского периода убор состоял как бы из двух различных составных частей, или двух различных групп украшений. Обе они уходят корнями в глубокое прошлое, но для одной из групп можно проследить непрерывную линию развития в течение I тысячелетия н. э. и первой половины II тысячелетия; непрерывное же развитие типов вещей второй группы пока прослежено быть не может.

Украшения первой группы — это шейные гривны, браслеты, височные кольца. Украшения второй группы — колты всех типов, наручи пластинчатые и полые, ожерелья из бус и разнообразных медальонов и подвесок (больших круглых, овальных, лилиевидных, крестовидных и др.), очелья, диадемы, низки колодочек, цепи из полых бляшек на шарнирах, височные подвески с коническим верхом и др.

Украшения первой группы проще по работе. Это вещи из кованой проволоки и дротов. Наиболее ранние из них (IX в.) непосредственно смыкаются с наиболее поздними типами вещей из кладов VI—начала VIII в. Кованые гривны IX в. из круглого или граненого в сечении дрота еще застегиваются на груди, как и гривны VI—начала VIII в. Гладкие кованые браслеты IX в., с обрубленными и слегка утолщенными концами, — ближайшие потомки более ранних браслетов. Проволочные височные кольца IX в. имеют прототипы в кладах VI—VIII вв.

На протяжении четырех столетий — со второй половины IX в. до середины XIII в. — эти типы украшений, конечно, изменялись. Так, с X в. гривны стали застегиваться не спереди, а сзади, но вначале сохраняли еще

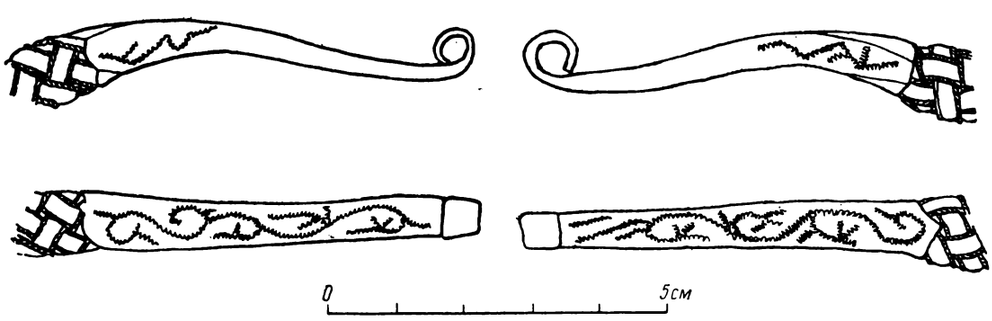

Рис. 11. Наконечники золотой гривны конца XI—начала XII в., орнаментированные гравировкой, из Каменнобродского клада **(138)**.

старый принцип устройства замка — петля в петлю или петля с крючком. С X в. обод гривны стал не гладким, а витым. С конца XI в. выработался такой тип витой гривны, который продержался до самого монгольского завоевания: витая гривна из нескольких попарно скрученных жгутов с пластинчатыми наконечниками, закрученными на концах в трубочки, сквозь которые пропускался шнурок.

Браслеты также постепенно изменялись, но древний тип гладкого кованого браслета держался еще довольно долго (до XI в. включительно) наряду с новыми типами браслетов. В X в. появляются браслеты, витые из двух дротов, с завязанными концами. С конца XI в. начинают делать более сложные витые браслеты с накладными наконечниками, украшенными чернью. Этот тип браслетов продержался, так же как и появившийся одновременно с ним новый тип гривен, до самого монгольского завоевания.

Проволочные височные кольца различных местных вариантов дожили также до XIII в.

Особенностью данной группы вещей является то, что вещи эти имели гораздо более широкое распространение среди населения древней Руси, чем вещи второй группы. Они известны не столько по кладам, сколько по бесчисленному множеству погребений IX—XIII вв. В самых рядовых погребениях можно встретить височные кольца и проволочные браслеты. В ряде районов частыми оказываются и шейные гривны. Но никогда в тех же рядовых могильниках не встречаются колты, наручи, цепи из бляшек на шарнирах, диадемы, колодочки, ожерелья с лилиевидными подвесками, очелья, височные подвески с коническим верхом и другие перечисленные выше украшения второй группы.

Украшения первой группы — гривны, браслеты, височные кольца — в течение всего домонгольского периода составляли неотъемлемую часть парадного убора, но это были украшения как бы второстепенные. Им уделялось меньше внимания, чем колтам, наручам и т. д., отчего с конца XI в. и до середине XIII в. они совсем не изменились. По сравнению с гривнами и браслетами рядовых могильников, гривны и браслеты кладов делались, конечно, лучше, искуснее, из более дорогих металлов — серебра и золота, богаче декорировались (чернь скань; рис. 11). Те же типы браслетов и височных колец, которые для рядового населения делались из бронзы и низкопробного серебра, в кладах часто оказываются выкованными из золота. Маленькие височные колечки кладов, сделанные из толстой золотой проволоки, ничем не отличаются по форме от курганных височных колец. Гривны же и браслеты, постепенно усложняясь, стали значительно отличаться от тех же типов, бывших в употреблении у широких слоев населения.

Усложнение украшений первой группы и появление украшений второй группы, выполненных в сложнейшей технике, доступной только лучшим ювелирам, связано с появлением и развитием городского ремесла. Убор из колтов, наручей, очелий, колодочек и т. д. — это убор городской, возникший в княжеско-боярской среде. Здесь же в городских мастерских переоформились, усложнились и приняли новый, городской вид некоторые виды украшений, унаследованные от дофеодального периода (гривны, браслеты и пр.). Они вошли в состав нового убора, но основное внимание было обращено уже не на них. Основное внимание как ювелиров, так и их заказчиков в течение всего домонгольского периода (точнее, с конца X в.) было обращено на создание новых легких, изящных и богато декорированных украшений феодального времени. Усложнение украшений и всего убора в целом коснулось в основном убора женского. Именно в женском уборе появляются все новшества. Создание новых типов украшений, новых приемов декоровки связано в первую очередь с женским металлическим убором. Наконец, создание стилистически единого убора, т. е. убора, состоящего из украшений, объединенных между собой единством декоровки и характера орнамента, также связано с женским убором.

В мужской убор в основном входили те украшения, которые перешли в убор феодального времени от дофеодальной поры — шейные гривны и браслеты. Мужской убор не усложнялся в смысле появления в нем новых украшений. Становились дороже и наряднее только самые украшения, набор же их так и остался весьма ограниченным. Возможно, что к концу домонгольского периода (XII—XIII вв.) некоторые украшения даже этого ограниченного ассортимента, в частности шейные гривны и браслеты, перестали носиться мужчинами. Не получили особого развития и шейные цепи, входившие в мужской убор.

Те же самые вещи, которые носили мужчины, — гривны, браслеты, височные кольца и цепи, входили в состав и женского убора. Чем отличались украшения этого типа, которые носили князья и дружинники, от украшений их жен, и отличались ли они вообще — ответить на это трудно, особенно для раннего периода (X—первая половина XI в.). Следовательно, женский убор объединял обе группы украшений, одна из которых была особенно богата и разнообразна. Другими словами — почти все, что найдено в русских вещевых кладах домонгольской поры, входило или могло входить в состав женского убора. Поэтому, подходя к изучению истории развития древнерусского парадного убора с точки зрения художественно-исторической, можно пользоваться материалами кладов целиком, зная, что все вещи кладов входили в состав в сущности одного характерного для каждой данной эпохи убора.

В течение домонгольского периода парадный металлический убор в зависимости от времени значительно менялся. По материалам кладов прослеживается четыре последовательно сменивших друг друга периода, в течение которых сложились существенно отличавшиеся один от другого стилистически единые уборы. Из них три прослеживаются совершенно отчетливо, четвертый же значительно слабее. Хронологически эти периоды существования различных уборов не совпадают с теми четырьмя периодами, на которые делятся клады по дате зарытия: 1-й убор относится ко второй половине X в.—началу XI в., 2-й — к первой половине XI в., 3-й — ко второй половине XI—середине XII в. и 4-й — к середине XII—первой половине XIII в.

В IX — первой половине X в. нельзя уловить какого-либо единого художественного замысла, руководившего заказчиком или мастером при выполнении отдельных предметов убора. Усиление внимания к убору, к пополнению его новыми видами украшений и к усложнению их декоровки заметно только со второй половины X в. В это время в добавление к тяжелым кованым вещам в Среднем Поднепровье складывается женский убор из изящных легких тисненых серебряных украшений, для выполнения которых были необходимы навыки и мастерство настоящих ювелиров. Вещи, спаянные из отдельных тонких пластин (плоские медальоны, лунницы) или из тисненых полых деталей (серьги, бусы, пуговицы, перстни, полусферические медальоны), декорируются мельчайшей зернью, образующей изумительно правильные ряды треугольников, ромбов, каемки, полоски и другой орнамент геометрического характера. В целом все эти изящные изделия составляют стилистически единый убор — первый древнерусский убор, исполненный по единому замыслу.

Происхождение входящих в него вещей пока не совсем ясно. Лунницы и серьги в виде кольца с крупной сложной подвеской известны в искусстве Причерноморья в античную и эллинистическую пору. Однако между искусством рубежа и первых столетий н. э. и искусством Киевской Руси X в. связующие звенья почти не известны, и если для сережек можно указать какие-то промежуточные, переходные типы, то лунницы появляются в Киевской Руси в X в. достаточно внезапно. То же самое можно сказать и о технике зерни. Последние памятники, декорированные зернью, относятся к VII в., и вплоть до второй половины X в. этот сложный декоративный прием либо не был в ходу, либо мы недостаточно знаем памятники этого времени.

Может быть, разгадку происхождения этого убора следует искать, руководствуясь топографией находок зерневых вещей. Основным районом их распространения, определяемым не столько по кладам, сколько по сравнительно многочисленным погребениям, в которых встречены вещи с зернью, оказывается Волынь. Очень богаты вещами с зернью также Польша и Чехия, но польская и чешская зернь, сама по себе не отличаясь от русской, декорирует совершенно иные по форме украшения. Много в польских кладах этого времени

и русских вещей с зернью, но по форме их сразу можно отличить от местных. С другой стороны, в древней Руси попадаются вещи чешские и польские. Это взаимное проникновение близких друг другу вещей, техника выполнения которых была одинаковой, а также район распространения их в древней Руси, лежащий по соседству с Польшей и Чехией, указывают, в какую сторону следует направлять поиски причин такого внезапного появления в древней Руси X в. вполне сложившегося и в художественном и в техническом отношениях искусства обработки драгоценных металлов. То искусство, которое в Среднем Поднепровье на довольно длительный срок по каким-то причинам было забыто, могло теплиться вдали от Днепра — на Волыни, очень мало еще изученной, и на соседних славянских территориях. Включение Волыни в состав Киевской Руси и активизация в связи с этим всех сторон деятельности ее населения могли дать толчок к развитию здесь этого древнего искусства. В пределах территории Волыни, на которой найдена основная масса вещей с зернью, в том числе 3 лучших клада (**15, 16, 17**), обнаружено и погребение ювелира, похороненного со своими инструментами для изготовления основных вещей зерневого убора — лунниц, сережек и бус. Очевидно, ювелир, похороненный в срубной могиле сложного устройства, жил и работал в Пересопнице, близ которой он и похоронен. В окружающих его небольших курганах оказались сделанные им зерневые бусы и сережки.

К востоку от Волыни, по направлению к Днепру находки вещей с зернью попадаются реже, а в самом Киеве найдено ничтожное их количество. Зато в районе Гнездова известно значительное число предметов зерневого убора, так же как и в других местах северо-запада и северо-востока (Шалаховский клад Витебской губ., **49**; Белогостицкий клад Ярославской губ., **63**; Денисовский клад Полтавской губ., **18**, состав которого связан с северо-западом; см. стр. 38). Создается впечатление, что древние племенные центры в районе Гнездова и на Волыни стояли друг к другу в более близких отношениях, чем к Киеву, и что зерневой убор — это убор племенной знати, включившейся в общий процесс развития феодальных отношений в Поднепровье. Как в районе Гнездова, так и в крупных населенных пунктах Волыни в X в. начинает развиваться местное ремесленное производство. Однако быстро увеличивающееся значение Киева как политического и культурного центра огромной территории прервало развитие местных вариантов парадного убора и на долгое время сделало Киев законодателем мод и центром изготовления самых лучших изделий ювелирного искусства.

Рис. 12. Золотой браслет X в. из Киевского клада 1851 г. (**12**).

Уже в X в. в Киеве появляется в уборе золото — большие кованые и витые браслеты весом до 200 г (табл. V и рис. 12). Это то „злато", к которому так жадно стремились первые киевские князья и их дружинники и которым, наравне с оружием, они клялись перед Перуном (Киевские клады 1851 г. на Печерске, **12** и в ус. Сикорского, **13**). В этих кладах никаких легких зерневых украшений нет. Накопление ценностей отличается серьезной деловитостью. В обоих кладах было по нескольку тысяч диргемов и тяжелые золотые браслеты, больше похожие на слитки. Повидимому, в самом Киеве в X в. ничего бóльшего, чем этот суровый мужской убор, и не создалось. Отдельные ювелирные изделия женского убора, известные по киевским языческим могильникам, были приобретены на Волыни,[1] в Чехии,[2] в Скандинавии.[3] Во всяком случае по материалам киевских могильников существование в Киеве собственных ювелирных мастерских, изготовляющих предметы женского стилистически единого убора, не ощущается.

Наименее ясным представляется в настоящее время парадный убор Среднего Поднепровья первой половины XI в., т. е. эпохи Ярослава. Для этого периода сравнительно легко восстанавливается убор только северо-западных областей (Полоцкое княжество, Новгородская земля), состоящий из гривен, браслетов, височных колец, кольцевых пряжек, т. е. из тех украшений, которые, как говорилось выше, связаны с украшениями еще дофеодального времени. Это крупные, тяжелые вещи, изготовленные из серебра с помощью ковки. В изготовлении вещей широко используется проволока, толстая и тонкая (гривны, браслеты, височные кольца). Ряд украшений делается из тонкой кованой пластины (медальоны, полые гривны). Серьги в уборе отсутствуют, их заменяют височные кольца. Основной декоративный прием — геометрический орнамент, выбитый пунсоном. Изредка встречается чернь. Весь убор выглядит тяжеловесным. Некоторые вещи сделаны неряшливо. Так, на пластинчатых медальонах орнамент нанесен небрежно, криво, и даже самый кружок медальона имеет неправильную форму, зазубрины и срезы. Ушко грубо приклепано, как

[1] Погребение на ус. Марра. ОАК за 1895 г., стр. 119 и 236.

[2] Погребение на ус. Петровского, раскопанное в 1935 г.

[3] Погребение на ус. Десятинной церкви. ОАК за 1908 г., рис. 211.

к монете-подвеске. У гривен наконечники бывают разной величины и формы и орнаментированы по-разному. Удары пунсона находят друг на друга или неполностью отпечатываются, или попадают не на место. Один из лучших кладов с убором этого времени — Путиловский клад 1927 г (**59**, табл. XXVIII), зарытый к югу-западу от Ладоги. Но далеко не во всех кладах убор этот так полон. В большинстве кладов он как раз не выдержан и состоит из самых разнообразных изделий, выполненных в разных манерах и технике. Убор этот продержался на севере в течение не только первой, но и второй половины XI в.

Совсем другой характер имеют клады первой половины XI в. на юге, в Среднем Поднепровье. Почти все, что входит в их состав, сделано из золота — вещи, слитки, монеты. Несмотря на такое высокое достоинство материала, употребленного на изготовление украшений, все вещи очень просты и напоминают массивные украшения, бывшие в Киеве в ходу еще в X в. Это все те же гладкие и витые браслеты из чистого золота и гладкие толстые сомкнутые кольца (не височные), назначение которых неизвестно (Киевские клады 1787 г., **29** и с ус. Бродского, **30**; Великоселецкий клад Полтавской губ., **38**). В Черниговском кладе, кроме золотых кованых браслетов, оказалось еще 2 золотых перстня с мелкими литыми шариками вокруг гнезд с камнями, несколько небольших серебряных тисненых медальонов с зернью, похожих на такие же медальоны X в., и пояс с серебряными литыми накладками (**35**). В кладе Овручского у. (Б. Хайча, **31**) такие же браслеты, как во всех кладах, оказались сделанными из серебра. Кроме них, в кладе было 2 гривны, одна плетеная (возможно, X в.) и вторая полая пластинчатая — привозная с севера.

Вот и все, что оказалось в кладах Поднепровья, зарытых около середины XI в. Всего этого, конечно, слишком мало, чтобы судить о ювелирном искусстве блестящей эпохи Ярослава и реконструировать парадный убор его времени.

Количество вещей, относящихся к первой половине XI в., может быть, немного увеличено за счет нескольких украшений этого времени, оказавшихся в более поздних кладах.

В Киевском кладе с ус. Гребеновского (**99**), зарытом не ранее конца XII в., один браслет был более старым, чем все остальные вещи. Это массивный гладкий золотой браслет с несомкнутыми концами того типа, который хорошо известен по кладам X—XI вв.[1]

В Киевском кладе, найденном в 1841 г. на территории Михайловского монастыря (**110**), зарытом также не ранее конца XII в., оказался второй золотой браслет, но совсем иного вида. Он свит из 5—6 тонких попарно скрученных проволок, обвитых вокруг толстого дрота, составляющего его каркас. На концах его литые головы драконов (табл. XLVII, *3*). Витые браслеты на каркасе и браслеты с точно такими же головами драконов на концах, у которых даже моделировка щек завитками совершенно тождественна с киевским браслетом, не раз найдены в кладах XI в. о. Готланд.[2] Очевидно, этот браслет был завезен сюда с севера в XI в. В Сахновском кладе (Каневский у. Киевской губ., **127**), зарытом во время татарского нашествия, имелось четыре золотых исключительно красивых бусины. Они тяжелые, круглые и украшены птицами и зверьми, выполненными типичным для скандинавского искусства приемом: контур выложен гладкой проволокой, а внутри контура весь силуэт заполнен бессистемно напаянной мелкой зернью (табл. LI).

В Киевском кладе, найденном в 1903 г. на территории Михайловского монастыря (**103**), зарытом не ранее конца XII в., оказались подвески к ожерелью крестовидной формы, сделанные из серебра (рис. 13). Края их оконтурены тонкой проволокой, а вся поверхность покрыта бессистемно напаянной мелкой зернью. Эти подвески тоже нерусские. Фрагменты и целые подвески, то совершенно аналогичные киевским, то немного иные, найдены в большом количестве в кладах о. Готланд первой половины XI в.[3] Богатое ожерелье из чудесных золотых подвесок этого же типа найдено в кладе в Хиддензе (Дания).[4] Несмотря на то, что эти подвески из ожерелья Киевского клада были в употреблении на Руси не менее 150 лет, они не вызвали подражания и остались одинокими среди множества других подвесок. Только однажды такая же подвеска была найдена в позднем (XII—XIII вв.) мордовском могильнике на р. Мокше у с. Ефаево Мордовской АССР.[5] Она попала сюда, повидимому, по Оке или Волге, а не из Поднепровья.

В Киевском кладе с ус. Раковского (**97**), зарытом не ранее конца XII в., найден серебряный витой браслет, оканчивающийся двумя головами драконов (табл. XXXVII, *7*). Типологически он повторяет золотой браслет Киевского клада 1841 г., упомянутый выше, однако выглядит совсем по-иному. Обод его не полый, а свитый из двух гладких дротов. Головы драконов меньше, чем у золотого, и сплющены с боков, а моде-

---

[1] Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, табл. IX, *9*.

[2] M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, т. II. Лунд, 1947, рис. 242, 247, 250, 407, 417 и др.

[3] M. Stenberger, ук. соч., клады №№ 146 (рис. 185), 256 (рис. 250), 300 (рис. 181), 504 (рис. 223) и 562 (рис. 147 и в тексте рис. 87).

[4] W. A. Jenny. Die Kunst der Germanen im frühen Mittelalter. Берлин, 1940, стр. 137. — K. T. Strasser. Wikinger und Normannen. 1928, таблица между стр. 96 и 97.

[5] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник. Археологический сборник, в. I, Саранск, 1948, стр. 125—126, табл. XXV, *14*, погребение № 6 (женское).

лировка их другая. Таких браслетов в XII—XIII вв. нет. Все типы браслетов этого времени известны по большому количеству экземпляров, и браслет с ус. Раковского не находит себе места между ними. Сходство этого браслета с золотым браслетом из Киевского клада 1841 г. позволяет отнести его к XI в.

К этому же времени могут быть отнесены золотые дужки очелья из случайной находки у д. Колесище Каневского у. Киевской губ., о которых говорилось выше (стр. 60—61, рис. 10). Поверхность их украшена рубчатой проволокой, коническими возвышениями с зернью и сканными колечками, а также жемчугом.

Таким образом, к вещам эпохи Ярослава, найденным в кладах XI в., добавилось еще несколько вещей из кладов XII—XIII вв.: 2 золотых и 1 серебряный браслет, золотые бусы и дужки очелья, серебряные подвески к ожерелью. Из этих вещей только 2 браслета и очелье оказались русской работы, все же остальные вещи были привезены, скорее всего, с о. Готланд.

Несмотря на то, что количество вещей первой половины XI в. удалось несколько увеличить, убор эпохи Ярослава не стал от этого выглядеть более парадным. Перечисленные только что вещи связаны, в основном с той дофеодальной традицией в русском уборе домонгольской поры, о которой говорилось

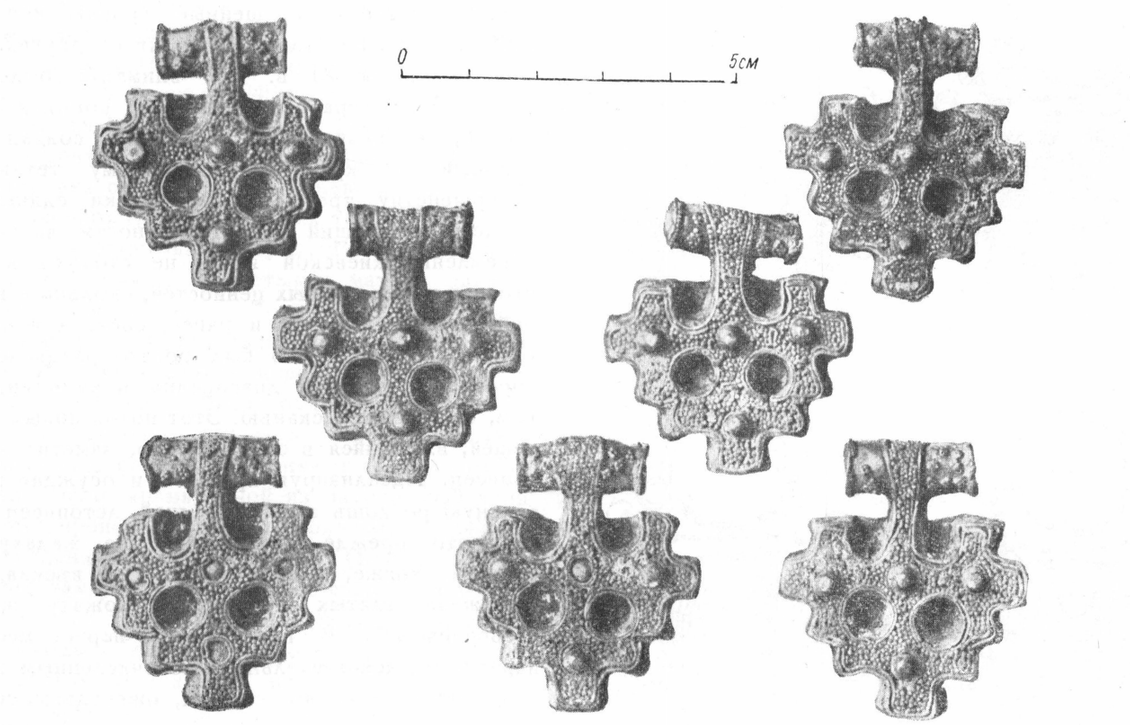

Рис. 13. Серебряные подвески ожерелья из Киевского клада 1903 г. (103).

выше. Судя по данным письменных источников, кроме золотых браслетов, колец, перстней, в это время носили и золотые шейные гривны (Елизавета Ярославна, Георгий — отрок князя Бориса), но как они выглядели — что для нас особенно важно — неизвестно. Основной тон всему убору эпохи Ярослава дают попрежнему все те же тяжелые золотые вещи, иногда похожие просто на куски золота. Как русские, так и привозные украшения одинаково массивны, тяжелы и внушительны по своей материальной ценности. Как и прежде, в уборе нет сережек или других каких-либо височных украшений, столь характерных для женского убора. Среди украшений этого времени вообще нет специально женских украшений, если не считать привозных золотых бус и серебряных подвесок ожерелья. Как и в X в., убор выглядит мужским и несколько суровым.

Можно ли, однако, быть уверенным, что клады, найденные в Поднепровье, в частности в Киеве, достаточно полно отображают княжеско-боярский убор эпохи Ярослава? Повидимому, нет. Повидимому, клады создают немного искаженное впечатление о ювелирном искусстве эпохи Ярослава, изображая его несколько более бедным, чем это было на самом деле. Забегая вперед, укажу, что парадный убор эпохи Ярославичей, т. е. второй половины XI в., поражает внезапно появившимся разнообразием, сложностью, иногда даже вычурностью входящих в него украшений. Повидимому, элементы этого убора начали складываться еще при Ярославе. Намеки на появление специально женских украшений есть и в том материале, который имеется в кладах ярославова времени. Желание иметь какие-то более нарядные вещи, чем кованые куски золота, заметно по бусам из Сахновского клада, искусно орнаментированным фигурками зверей и птиц, и по легким серебряным подвескам к ожерелью из Киевского клада 1903 г. И в том и в другом случаях названные вещи пред-

ставляют собой части специально женских украшений. Однако, какие сережки носили женщины во времена Ярослава и носили ли они их вообще, или довольствовались золотыми височными колечками, остается неизвестным.

От эпохи Ярослава предметов убора сохранилось меньше, чем от любой другой. Их мало в кладах XI в. и еще меньше в более поздних кладах. Очевидно, тяжеловесные простые украшения ярославовой поры, представляющие большую материальную ценность, в более позднее время никому больше не нравились, поэтому они были сплавлены и переделаны на более изысканные украшения эпохи Ярославичей. Показательно, что уцелевшие в поздних кладах вещи первой половины XI в. — в основном не простые куски золота, а более нарядные и искусно сделанные вещи.

Дальнейшее развитие русского парадного убора в Поднепровье пошло в сторону усложнения именно женского убора. Весь комплекс вещей, вошедший в убор эпохи Киевской Руси из убора дофеодального периода, стал привлекать так мало внимания, что за два столетия в нем не произошло никаких изменений: браслеты и шейные гривны конца XI и XIII в. почти не отличаются одни от других. Со второй половины XI в. все внимание было обращено на разработку другого комплекса украшений, в результате чего был создан изумительный по красоте и высокому техническому совершенству третий стилистически единый убор, свидетельствующий об утонченности вкусов и о стремлении киевской знати не столько к демонстрации материальных ценностей, сколько к изысканной роскоши. Он, как и ранее, состоял в основном из золотых вещей, но был богато расцвечен перегородчатой эмалью, драгоценными камнями, жемчугом, сложнейшей сканью. Этот поток новых золотых вещей, влившийся в старый убор, заметил даже летописец. Идеализируя прошлое и осуждая расточительную роскошь знати его дней, летописец посетовал, что прежде дружинники „не жадаху — мало ми есть, княже, двесте гривен; не въскладаху на своя жены златых обручь, нъ хожаху жены их в сьребряных".[1] В новом уборе первое место принадлежало, действительно, многочисленным женским украшениям — колтам, очельям, ожерельям, сережкам и др. Именно эти специально женские украшения, сделанные искуснейшими мастерами, а не гривны, браслеты и другие тяжелые кованые вещи, составляют специфику вещевых кладов второй половины XI—XIII в. Именно они и создали славу русским кладам, ставшую, к сожалению, причиной гибели многих из них.

Рис. 14. Золотые колты с гравированным орнаментом из коллекции М. П. Боткина (колл. Гос. Русского музея).

Этот сложный и богатый убор в основном не претерпел изменений до самого монгольского завоевания. Те изменения, которые в нем произошли за два столетия, в сущности были чисто внешними. Варьировалась форма, менялась декоровка вещей, но весь комплекс предметов убора оставался неизменным в течение всего этого периода. Для каждого вида ранних украшений можно указать их поздние варианты. Есть колты ранние, относящиеся к началу периода, и колты поздние; ожерелья с круглыми большими медальонами — ранние и поздние; очелья, цепи из бляшек на шарнирах, низки колодочек, лилиевидные подвески и т. д. — ранние и поздние. В конце концов из одних этих поздних украшений возник совершенно новый, цельный, самостоятельный убор, состоящий из вещей, связанных едиными стилистическими особенностями. Внешне этот четвертый и последний стилистически единый убор домонгольской поры сильно отличался от убора конца XI — начала XII в., хотя и состоял из набора тех же украшений. Если более ранний убор состоял в основном из вещей, сделанных, как и прежде, из золота, и был богато расцвечен перегородчатой эмалью, камнями и жемчугом, то убор поздний состоял в основном из серебра, декорированного чернью.

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет. I. Пгр., 1916, стр. 363. Данный текст он относит к 1095 г.

Смена одного убора другим в середине XII в. происходила постепенно. Можно указать ряд предметов, отмеченных чертами, свойственными вещам как того, так и другого убора. Известны, например, золотые колты, украшенные не перегородчатой эмалью, а характерной для серебряных вещей чернью (Киев, ус. Орлова, **85**, табл. XXXV, *3*, *4*; ус. Чайковского, **96**, рис. 17) или гравировкой (коллекция М. П. Боткина, рис. 14). Есть серебряные медальоны, у которых изображения нанесены не на основную пластину, как обычно у медальонов из серебра, а на вставной щиток, обнизанный жемчугом, как у медальонов золотых (Киев, ус. Орлова, **85**, табл. XXXIV, *9*). Эта близость двух уборов обеспечила более древним вещам значительную долговечность. Старые золотые с эмалью вещи не вышли из моды даже тогда, когда убор из серебра с чернью сложился окончательно. Они продолжали нравиться и могли быть использованы в новом уборе. Поэтому они не были сплавлены и переделаны на новые украшения, как украшения эпохи Ярослава, которые позже никому уже не нравились, а вошли на равных правах в новый убор. Потому-то в кладах, зарытых в дни осады Киева Батыем, те и другие украшения оказались смешанными.

Последнее обстоятельство создало ряд трудностей в воссоздании личного парадного убора, характерного для отдельных периодов с XI в. до монгольского завоевания. Для того чтобы их воссоздать, нужно хорошо датировать вещи, входящие в эти смешанные клады. О трудности датировки этих кладов говорилось выше. Поэтому очень долго ясного представления о времени входивших в них вещей и не существовало. Но с тех пор, как Б. А. Рыбаков в 1940 г. выступил со статьей „Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.“,[1] в литературе установилось мнение, что серебряные с чернью и золотые с эмалью украшения синхронны, т. е. что серебряные с чернью вещи, в частности колты, изготовлялись уже в XI в.

Датировка серебряных с чернью колтов, данная Б. А. Рыбаковым, основана на находке „знака Рюриковичей“ на обороте матрицы для тиснения серебряных колтов. Б. А. Рыбаков обратил внимание на группу беспаспортных бронзовых матриц, поступивших в 1868 г. в Государственный Исторический музей из собрания Румянцевского музея. Из четырех матриц одна предназначалась для тиснения лилиевидных подвесок,[2] а три остальные — для колтов.

На одной самой маленькой матрице для колта — грубое изображение большеголовой птицы.[3] На второй — плохо выработанный силуэт животного с листком во рту.[4] На третьей, наиболее четкой, — изображение животного с узлом плетенки перед грудью и вместо хвоста.[5] Значок нацарапан на обороте второй матрицы.[6] Этот знак Б. А. Рыбаков, ссылаясь на А. В. Орешникова, который в свою очередь опирался на авторитет Н. П. Лихачева, связывает с князем Всеволодом Ярославичем (1030—1093 гг.),[7] что позволяет ему определить достаточно точно время одной из матриц. Эта атрибуция знака как будто подтверждается тем, что матрицы, повидимому, происходят из Чернигова или его района, так как при помощи одной из матриц (третьей) оттиснуты колты, найденные в Черниговском (**150**) и Святоозерском, близ Чернигова, кладах (**152**). Князь же Всеволод Ярославич, как указывает Б. А. Рыбаков, был тесно связан с Черниговом и даже одно время княжил в нем.

Совпадение всех приведенных Б. А. Рыбаковым доводов представляется настолько полным, что сделанные им отсюда выводы о датировке некоторых серебряных с чернью колтов XI в. кажутся бесспорными. Эта чрезвычайно редкая возможность получить для целой большой группы вещей устойчивую датировку могла бы оказать неоценимую услугу при датировке кладов. Однако целый ряд фактов не позволяет согласиться с соображениями Б. А. Рыбакова. При ближайшем рассмотрении эта заманчивая возможность точной датировки вещей теряет свою безупречную точность. Ввиду того, что от правильности датировки данной матрицы зависит датировка не только серебряных с чернью колтов, но и целой группы вещей с чернью, т. е. зависит правильность реконструкции парадного убора последних десятилетий домонгольской поры, придется на этом вопросе остановиться подробнее.

Наши сведения о знаках, называемых то „знаками собственности“, то „знаками Рюриковичей“, еще далеко недостаточны и находятся пока в той стадии, когда сами они нуждаются в расшифровке с помощью фундаментально изученных и хорошо датированных памятников. В вопросе об атрибуции знаков собственности, об увязке знаков определенного начертания с именем того или иного князя существует еще много неясного. Б. А. Рыбаков в упомянутой статье о знаках собственности не раз сам сталкивался со случаями несоответствия знака и имени князя, которому привыкли приписывать данный знак. Так, знак, который ныне считается принадлежащим Андрею Боголюбскому, известен на печати, на обороте которой изображен Георгий. А. В. Орешников связывал этот знак с князем Святославом Ярославичем Черниговским, но Святослав в крещении был не

---

[1] СА, т. VI, М.—Л., 1940, стр. 227—257.
[2] Там же, рис. 80.
[3] Там же, рис. 81.
[4] Там же, рис. 82.
[5] Там же, рис. 78.
[6] Там же, рис. 83 и 85.
[7] Там же, стр. 253.

Георгий, а Николай. Поэтому А. В. Орешникову пришлось сделать натяжку и допустить, что писец синодика, из которого известно крестное имя Святослава, сделал ошибку. Исправляя догадку А. В. Орешникова, Б. А. Рыбаков сам был вынужден сделать натяжку и предложить следующее объяснение: знак принадлежит не Святославу, а Андрею Боголюбскому; Георгий на обороте — патрон отца Андрея — Юрия Долгорукого. Так как Юрий умер скоропостижно, то „Андрей, став князем, использовал штамп отцовской печати, оставив на печати изображение Георгия и заменив только то, что было заменить легче всего, — именно знак на обороте".[1] Подобные случаи, заставляющие создавать сложные объяснения, чтобы сохранить установившееся представление о связи того или иного знака с именем определенного князя, не могут внушать доверия к этому источнику до тех пор, пока он не будет хорошо изучен. Во всяком случае, при современных наших знаниях знак того или иного начертания не может служить неопровержимым, бесспорным датирующим признаком, исключающим необходимость проверки даты другими способами. Поэтому и датировка матрицы для колта только по вырезанному на ее обороте значку, связываемому с князем Всеволодом Ярославичем, ненадежна. Этот знак мог бы не вызывать подозрения только в том случае, если бы все остальные данные, связанные с производством и использованием колтов, не находились бы в полном противоречии с данной датировкой. Но все, что известно о серебряных с чернью колтах, как раз ее не подтверждает.

Чтобы покончить с вопросом о знаках, укажу лишь еще, что печать с изображением Андрея, имеющая на обороте знак, аналогичный знаку на матрице, и послужившая Б. А. Рыбакову отправной точкой для датировки матрицы XI веком, в настоящее время нуждается в дополнительном изучении. С тех пор, как ее смотрел Н. П. Лихачев, прошло много времени, и наши познания в области истории культуры древней Руси ушли далеко вперед. К тому же Н. П. Лихачев датировал печать, не зная, с каким кругом вопросов свяжет ее эта датировка. Исходным моментом для датировки было для Н. П. Лихачева, конечно, имя святого, изображенного на печати, которое ему нужно было связать с именем какого-нибудь князя, имевшего христианское имя Андрея. Замечание же о фактуре и стиле печати следует рассматривать лишь как указания дополнительные, не противоречащие отнесению печати к князю Всеволоду Ярославичу. Если бы Н. П. Лихачев знал те факты, которые противоречат его атрибуции и датировке печати, может быть, он предложил бы и иное решение этого вопроса или во всяком случае не был бы так категоричен в своем заключении. Другими словами, атрибуцию печати, данную Н. П. Лихачевым, следует рассматривать лишь как один из возможных вариантов решения этого вопроса при отсутствии противопоказаний.

Что же противоречит датировке матрицы и колтов этого типа XI в.?

Большинство серебряных колтов Б. А. Рыбаков датирует XII в. и лишь некоторые экземпляры их относит к XI в. Отличить ранние колты от более поздних, по мнению Б. А. Рыбакова, можно по характеру орнамента: на ранних колтах рисунок более примитивен и не имеет плетенки. Свое наблюдение Б. А. Рыбаков подкрепляет тем, что матрица с изображением животного без плетенки более сношена, а матрица с плетенкой имеет лучшую сохранность. Оба аргумента мало надежны. Сношенность матрицы без плетенки, на обороте которой нанесен знак, указывает не на бóльшую ее древность, а только на бóльшую работу на ней. Изготовление десятка пар колтов на одной матрице могло заметно отразиться на ее сохранности, но для этого не требуется десятилетий. Она могла сноситься в течение года или даже нескольких месяцев. Поэтому на основании сношенности матрицы установить хронологическую разницу между двумя матрицами невозможно. Примитивность же изображения и отсутствие плетенки также не показательны. На серебряных колтах есть крайне примитивные изображения животных, но с ременным плетением, и, наоборот, есть изображения не примитивные и без плетенки (например колты Тереховского клада Орловской губ., **154**). Есть случаи, когда животные с плетенкой и без плетенки изображены на одной и той же вещи (например наручи Тереховского клада, **154**).[2]

Основное внимание следует обращать не на эти детали и незначительные различия, которых в украшениях из серебра бесчисленное количество. Гораздо важнее то, что колты, изготовленные на матрицах Государственного Исторического музея, всеми своими чертами и стилистическими и техническими неразрывно связаны не только со всеми другими серебряными колтами, но и вообще со всей массой серебряных украшений кладов, декорированных чернью. Все они выполнены в одном стиле, одними и теми же приемами, все они в уборе дополняют друг друга, и если какую-нибудь часть их отнести к XI в., то это неизбежно потянет за собой в XI в. и все остальные.

Невозможность такой датировки всего комплекса вещей из серебра с чернью может быть подтверждена целым рядом обстоятельств.

Орнамент золотых украшений XI в. не имеет ничего общего с орнаментом украшений из серебра. В XI в. на золотых вещах изображаются райские птицы, сирины, святые, акант, пышные „древа жизни". На серебряных же изделиях — фантастические чудовища, львы, кентавры, плетенка и другой неизобразительный

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, стр. 248.

[2] Подавляющее большинство изображений животных и птиц на церкви Покрова на Нерли (60-е годы XII в.), Дмитриевского собора во Владимире (1194 г.) и собора в Юрьеве Польском (1234 г.) лишено ременного плетения.

орнамент. Орнамент золотых вещей XI в. ближайшим образом связан с орнаментом древнейших русских и византийских лицевых рукописей XI в. Серебряные же вещи украшены орнаментом того же стиля, что и хорошо датированные скульптурные памятники Владимира и Чернигова XII—XIII вв. и многие изделия из металла, время которых — XII—XIII вв. — давно признано бесспорным (хоросы, Вщижские арки, крест Дмитриевского собора, шлем Ярослава Всеволодовича, многие мелкие поделки с городищ в слоях XII—XIII вв.).

Колты, отлитые в имитационных формах, появившихся накануне монгольского завоевания, были украшены орнаментом того же стиля, что и изделия из серебра с чернью.

По сравнению с украшениями из золота, серебряные вещи гораздо более разнообразны. Если золотые колты известны только трех типов — округлые обнизанные жемчугом, округлые с каймой из колпачков на остриях и звездчатые, то серебряные колты имеют значительное количество вариантов — звездчатые, круглые разных типов: с ажурной каймой, с каймой из серебряных полых бус, с каймой из крупных полых шариков, припаянных на горлышках, с каймой из литых шариков и рубчатой проволоки, с каймой из одной рубчатой проволоки или одних литых шариков, с каймой из плющеной проволоки, изогнутой восьмерками, и, наконец, совсем без каймы. Размеры их постепенно мельчают, форма из круглой, слегка сплюснутой в вертикальном направлении, становится, наоборот, несколько вытянутой в том же направлении. Все эти черты серебряных колтов нашли отражение и в имитационных формах.

Обилие вариантов серебряных колтов по сравнению с золотыми связано со значительным развитием городского ремесла в XII—XIII вв., с увеличением количества мастерских, имевших к тому же в это время гораздо более широкий круг заказчиков, чем в XI в. Если подавляющее большинство золотых с эмалью вещей найдено в Киеве, то серебряные украшения найдены не только во всех политических центрах отдельных самостоятельных княжеств, но и во многих маленьких городах. Существенно то, что украшения с чернью попадали во все эти места не только путем торговли или случайного завоза. Во многих городах в XII—XIII вв. развилось свое, местное художественное ремесло, доказательством чему служат найденные во многих местах (Киев, Княжа Гора, Вышгород, Райки, Вщиж, Рязань) матрицы для бус, колодочек, перстней, бляшек, колтов, аналогичные матрицам Государственного Исторического музея. Многие из них отмечены чертами, свойственными серебряным колтам последних десятилетий, предшествовавших татарскому нашествию (малый размер, плетенка и другой неизобразительный орнамент).

Топография ювелирных мастерских очень знаменательна. Мастерские возникают не только в городах Среднего Поднепровья, но и в северных княжествах — Владимиро-Суздальском, Рязанском и др. Со второй половины XII в. Киев перестает быть единственным центром, где создавалось все новое в ювелирном искусстве. Унаследовав лучшие традиции ювелиров Поднепровья, мастера Владимира, Суздаля, Рязани, Вщижа и других городов вносят свой вклад в дальнейшее развитие русского ювелирного искусства. Они обогащают убор новыми, местными особенностями, которые становятся настолько значительными, что начинают оказывать влияние даже на древнее искусство Поднепровья.

Могли ли быть матрицы Государственного Исторического музея, действительно, связаны с Черниговом, как это полагает Б. А. Рыбаков? Конечно, могли, если даже в Райках, на Княжей Горе и в других небольших городках в XII—XIII вв. существовали свои ювелирные мастерские. Однако это не стоит ни в какой связи со знаком на матрице и с князем Всеволодом Ярославичем. К тому же связь его с Черниговом была совсем не так крепка, как это может показаться из слов Б. А. Рыбакова. Из 40 лет княжения Всеволода Ярославича в разных городах 22 года он княжил в Переяславле (1054—1076 гг.), 15 лет в Киеве (1078—1093 гг.) и только один 1076 г. в Чернигове. Отчиной его считался Переяславль, что и подтвердил Любечский съезд, закрепив Переяславль за его сыном Владимиром Мономахом. Его монастырем считался Выдубицкий монастырь под Киевом, где в 1078—1088 гг. он строит церковь Михаила. Сам он, его дочь Янка и вторая жена Анна похоронены в Киеве. Черниговский Красный двор, о котором упоминает Мономах в своем „Поучении", — это не личный его двор, а двор вообще черниговских князей, на котором жил и Всеволод Ярославич в тот год, когда он был черниговским князем.

В заключение необходимо указать на фреску Боянской церкви 1259 г. в Болгарии, о которой говорилось выше (стр. 53). На этой фреске у жены ктитора севастократора Калояна Десиславы надеты колты, обнизанные крупными полыми шариками, т. е. именно того типа, который известен по колтам, сделанным из серебра.

Приведенные факты не позволяют согласиться с существующей датировкой XI в. украшений из серебра с чернью. Все данные об этой группе изделий с неизбежностью приводят к одному и тому же времени — ко второй половине XII—XIII в. В противоречии со всеми этими фактами, органически связанными друг с другом, стоит только один значок, вырезанный на обороте матрицы. Он уводит целую группу вещей совсем в другую эпоху, в другой мир. Для всей этой группы вещей среди памятников XI в. места нет. Разрывать же ее на части и искать в ней отдельные вещи, которые могли бы быть почти на сто лет старше всех остальных, равносильно недооценке значения характерного для каждой данной эпохи стилистически единого комплекса вещей, связанных в неразрывное целое не только между собой, но и со всем прикладным искусством своей эпохи.

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА

К решению вопроса о том, кто были мастера, руками которых созданы все эти ценности, пришли далеко не сразу. Русские буржуазные ученые, за редкими исключениями, не допускали мысли, что древняя Русь могла иметь свое собственное развитое, в том числе художественное ремесло. Представление о неспособности славян к производству даже простейших операций доходило иногда до абсурда — даже проволоку для височных колец, этого наиболее массового славянского украшения, готовы были относить к предметам ввоза, так что русскому мастеру оставалось только делить ее на куски и сгибать в кольца. В конце XIX в. Н. П. Кондаков, впервые задавшийся целью систематизировать накопившиеся к тому времени русские древности, потратил немало труда, чтобы доказать славянское происхождение вещей в славянских курганах. „Все заключения историков о примитивном быте русских славян в эпоху основания ими государства, — писал он, — сделаны на основании буквально понятой морали начального летописца и язно грешат против всех свидетельств археологии".[1]

Но, отстаивая самостоятельность русского ремесла, Н. П. Кондаков отказывал славянам в способности к самостоятельному творчеству. Вечное ученичество, способность лишь к усвоению достижений соседних „культурных" народов — вот что оставлял он на долю славян. Основными учителями, формировавшими русскую культуру, были, по мнению Н. П. Кондакова, Византия и Восток. „То Сирия, то Персия, то Индия и Средняя Азия, — писал он, — выступают здесь своего рода руководителями русской культуры. Все дело в том, чтобы и нам самим, наследникам этой культуры, стать на истинную точку зрения теснейших родственных связей древнего населения европейской России с Азиею".[2] Эти культурные влияния проникали в искусство древней Руси в результате обширных торговых связей, которым Н. П. Кондаков, как и многие другие, придавал огромное значение. Те области, которые не были ими затронуты, оставались якобы на очень низком уровне культурного развития. „Мы видим, — писал он, — у северян, древлян особое характерное оскудение: словно поток вещей, откуда-то прежде шедших, стал мелеть".[3] В этот „поток вещей", шедших из соседних стран, включались все самые лучшие произведения художественного ремесла древней Руси. Из Византии через Херсонес ввозились сосуды, хоросы и другие предметы церковной утвари. С Востока же, по мнению Н. П. Кондакова, шли ткани, серебро и все то, чему он не мог найти объяснения ни в византийских, ни в русских древностях.

Особенно упорно держалось, и отчасти держится до сих пор, мнение о широком ввозе вещей с арабского Востока. Так, В. И. Сизов утверждал как совершенно непреложную истину, что „в древнейший языческий период нашей истории предметы арабской индустрии, преимущественно из серебра... проникали в центральную и северо-западную Россию в весьма значительном количестве", что „происхождение или изобретение семизубчатых и семилепестных височных колец с полной достоверностью можно приписать арабам" и что лунницы Гнездовского клада дают „прекрасный материал для знакомства с арабской техникой серебряных изделий", декорированных зернью.[4]

Мысль об арабском происхождении вещей с зернью, принятая на веру и не подкрепленная абсолютно никакими примерами и доказательствами, оказалась удивительно жизнеспособной. Гораздо легче назвать имена ученых, не считавших серебряные с зернью вещи арабскими, чем перечислить всех тех, кто не избежал соблазна и признал их арабское происхождение.

Совершенно непонятно, каким образом в плену у этой старой теории оказался Б. А. Рыбаков, прославивший в своей замечательной книге о ремесле древней Руси уменье и труд русских мастеров. Вслед за В. И. Сизовым, он к числу „даров Востока" отнес, например, семилучевые кольца. „Вместе с Сизовым, — пишет он, — можно предполагать их завозное арабское происхождение, так как никаких предшествующих местных типов украшений, к которым восходили бы височные кольца, указать нельзя".[5] Появление в древней Руси зерни на вещах X в. он объясняет тем, что „искусство зерни, знакомое южнорусским племенам с VI—VII вв. по керченским образцам, в VIII—IX вв., благодаря притоку зерненых и сканных изделий с Востока, начинает широко прививаться на русской почве. Воспроизводятся арабские образцы и создаются свои местные формы".[6]

Б. А. Рыбаков ждет находки ювелирной мастерской по изготовлению зерневых украшений, чтобы доказать раннее знакомство русских мастеров с этой техникой.[7] Между тем, остатки такой мастерской давно уже найдены.

---

[1] Н. П. Кондаков. Р. др., в. V, 1897, стр. 10.

[2] Там же, стр. 25.

[3] Там же, стр. 12.

[4] В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т. н. московского типа. АИЗ, т. III, М., 1895, стр. 179 и 182.

[5] Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, стр. 335.

[6] Там же, стр. 107.

[7] Там же, стр. 336.

В 1897 г. в Пересопницком могильнике на Волыни, в большом кургане, заключавшем в себе сруб, было найдено погребение ювелира, вместе с которым в могилу был положен весь инструментарий его мастерской: большие и маленькие весы, маленькая наковальня, небольшой молоток и в кожаном мешочке бронзовые матрицы для изготовления украшений с зернью — лунниц, сережек в виде кольца со сложной подвеской, овальных и сложных лопастных бус (рис. 15). Правда, раскопавшая это интересное погребение Е. Н. Мельник считала, что оно принадлежит купцу, что штампы являются разновесками к найденным весам.[1] Однако простое сравнение найденных штампов с сережками и бусами Гущинского, Борщевского, Копиевского, Юрковецкого и других кладов конца X в. (**21, 17, 16, 15**) не оставляет сомнений в том, что небольшие бронзовые предметы были безусловно не гирьками, а штампами для вещей с зернью.[2] Это погребение, найденное на коренных славянских землях, полностью опровергает миф об арабском происхождении зерневых изделий из серебра. Пересопницкий ювелир был похоронен по обычному в Поднепровье обряду погребения, он жил и работал в Пересопнице, подле которой и похоронен, а вокруг большой насыпи над ним в небольших курганах горожан найдены украшения с зернью.

Искусство мельчайшей зерни было известно славянам, жившим не только на территории Волыни. В Чехии и Польше это сложное ювелирное искусство было в это время также широко распространено. Не арабы воскресили это древнее искусство. Толчком к его развитию, как и к развитию всех других ремесел, послужил переход в IX в. к новым общественным отношениям, создавшим к X в. слой новой, могущественной знати, стремившейся к богатству, роскоши, к дорогому оружию и одежде. Созданный в это время русскими ювелирами парадный княжеско-боярский зерневой убор отличается изумительной цельностью. В таком законченном виде он нигде больше не известен.

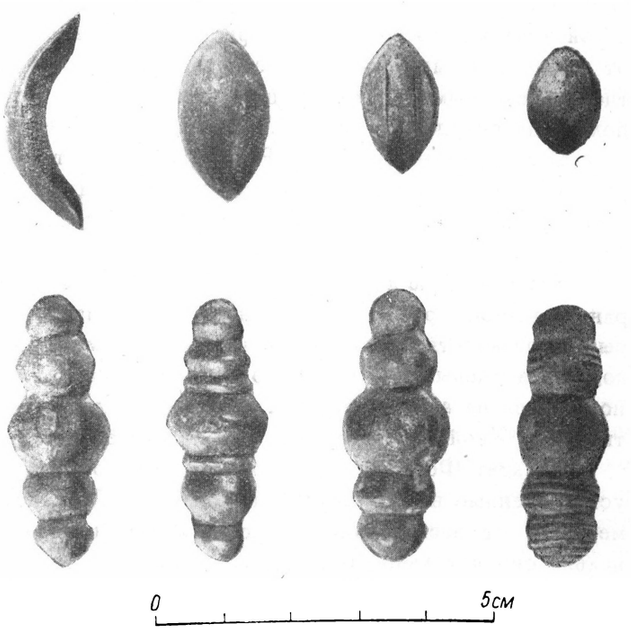

Рис. 15. Бронзовые штампы из погребения ювелира в Пересопницком могильнике на Волыни X в.

С таким же трудом прививалась мысль о существовании в древней Руси местной русской перегородчатой эмали. Преклонение перед искусством Византии создало новый миф о всепокоряющей силе его воздействия на искусство соседних с ней народов.

Вопрос о существовании в древней Руси своих собственных мастеров, владевших искусством перегородчатой эмали, в принципе давно уже не вызывает сомнений. Даже такой горячий поклонник Византии, как Н. П. Кондаков, не мог не признать этого. Однако желание все самое лучшее приписать грекам не позволяло ему быть объективным. Об эмали русской он был самого низкого мнения. „Большинство этих изделий, — писал он, — настолько грубо, что при всей подражательности более напоминает древние варварские эмали, чем свой прекрасный образец".[3] Поэтому многие прекрасно выполненные русские эмали были им либо сочтены за греческие, либо он старался не высказываться в отношении их более или менее определенно.

Искусству перегородчатой эмали русские мастера выучились у знатоков этого вида искусства — у мастеров византийских. Однако с первых же шагов, которые мы можем проследить по памятникам русской эмали, русские ювелиры избрали свой собственный путь. Они искусно применили усвоенную ими от византийцев технику к декоровке убора, сложившегося в местных условиях. Убора, аналогичного древнерусскому, нет ни в Византии, ни в Западной Европе, ни в странах Переднего Востока. Выбор сюжетов, закрепление определенных изображений за теми или иными украшениями, создание своеобразных орнаментальных композиций, парных композиций из птиц и сиринов, пользование изображениями святых для декоровки светских украшений — все это свойственно только русскому убору и создано самими русскими, скорее всего киевскими ювелирами.

Материалы кладов убедительно показывают, что искусство перегородчатой эмали появилось в древней Руси около середины XI в. Расцвет ее падает на вторую половину XI—первую половину XII в.

---

[1] Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан. Тр. XI АС, т. I, Киев, 1901, стр. 506—511 и 540—542, табл. VIII, погребение № 29.

[2] Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. КСИИМК, в. XIII, М. — Л., 1946, стр. 45—52.

[3] Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 186—188.

Перегородчатая эмаль появилась в древней Руси тогда же, когда русское ювелирное искусство вообще обогатилось целым рядом новых декоративных средств: драгоценные камни, жемчуг, ранее известная чернь, богатейшая скань, раковинки, колпачки, зернь, литые шарики — все эти средства наряду с перегородчатой эмалью стали применяться ювелирами для декоровки золотых ожерелий, колтов, очелий и других предметов убора эпохи Ярославичей.

Однако вопрос о времени появления перегородчатой эмали в древней Руси иногда решается и по-иному. С тех пор как трактат монаха Гельмергаузенского монастыря Феофила, много раз уже передатированный, сочли возможным датировать X в., появилось желание отыскать в древней Руси памятники перегородчатой эмали более ранние, чем эмали, найденные в кладах.

Большое внимание этому вопросу уделил и Б. А. Рыбаков. Ход его мыслей таков: знакомство древней Руси с выемчатой эмалью началось, вероятно, в IX—X вв. в результате связей с верхним Дунаем и Рейном. К этому времени относится найденный в Киеве бронзовый колт с красной выемчатой эмалью кеттлахского типа; к несколько более позднему времени относятся часто встречающиеся в курганах крестики также с выемчатой эмалью. Но едва ли Феофил мог обратить внимание на эти незначительные массовые изделия. Переход от выемчатой эмали к перегородчатой совершился при Ольге, когда на Руси уже установились связи с Византией. Косвенным подтверждением этому служит находка стеклянных браслетов в Черной могиле и эмалевая полива на посуде, которую В. В. Хвойко относит к X в.[1]

С соображениями Б. А. Рыбакова согласиться никак нельзя. Бронзовый колт с выемчатой эмалью, который он датирует IX—X вв. (кстати, он найден не в Киеве, а на Княжей Горе), на самом деле относится к концу XII—XIII в. и связан с кругом памятников, отливавшихся в имитационных формочках предмонгольского периода.[2]

Косвенные же данные, указанные Б. А. Рыбаковым, тоже никак не подтверждают появление эмали в столь раннее время. Браслеты из Черной Могилы найдены, во-первых, не на кострище, а в насыпи кургана; во-вторых, производство стеклянных изделий не может служить доказательством наличия одновременно и производства эмалевых изделий и, конечно, уже ничего не говорит об эмали перегородчатой. Вряд ли также следует полагаться на авторитет В. В. Хвойки при датировке найденной им в Киеве поливной керамики X в. Вскрытые В. В. Хвойкой мастерские, как и другие памятники, за редчайшими исключениями, относятся к XII—XIII вв.[3]

Трактат Феофила — до сих пор слишком плохо изученный памятник, чтобы, руководствуясь им, ломать установленные нашей наукой положения. Трактат до сих пор не имеет твердо установленной даты. Она меняется от исследования к исследованию, колеблясь в пределах трех столетий (X—XII вв.). В конце концов нельзя окончательно быть даже уверенным, что Феофил упоминал в нем именно Русь. Во всяком случае, если речь в нем идет о Руси X—первой половины XI в., то можно с уверенностью сказать, что русские материалы не подтверждают его сообщений. В материалах, дошедших до нас от X—первой половины XI в., нет такой эмали, которая могла бы обратить на себя внимание Феофила, как нет эмали и вообще. Изучение этого трактата до сих пор ведется в отрыве от конкретных памятников и вращается в области литературных и палеографических штудий. Трактат тогда только найдет свое место, когда изучающие его специалисты со всей тщательностью проверят его на хорошо изученных вещественных памятниках. В угоду же его колеблющейся дате не следует силой притягивать факты, которые никак не подтверждают появления эмали в древней Руси в столь раннее время. К тому же в этом нет и особой надобности. Художественное ремесло древней Руси X в. и без этого достаточно богато и многообразно, и от того, что в нем не будет еще одного технического приема, русская культура не станет ни менее богатой, ни менее передовой.

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, стр. 394—395.

[2] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, т. XIV, М.—Л., 1950, стр. 217—234.

[3] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 70.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территория древней Руси богата кладами. Те из них, которые дошли до нас, составляют несомненно лишь незначительную часть сокровищ, зарытых в далекие времена. Какая-то часть кладов была, безусловно, найдена уже в древности и бесследно пропала для науки. Немало кладов скрыто в земле и до сих пор.

Интерес к кладам всегда был очень велик, но в разные времена и среди различных групп населения он проявлялся по-разному. Еще в глубокой древности о кладах слагались поэтические легенды и предания. Любители русской старины и искусства издавна коллекционировали клады драгоценных памятников тончайшего ювелирного искусства. Ученые с интересом следили за появлением на свет каждого нового клада.

Однако при общем низком уровне изучения русского ремесла, в частности художественного, в дореволюционное время всестороннее использование кладов в качестве одного из источников для изучения истории русской культуры было невозможно. Работа по изучению кладов велась только в одном направлении — в плане искусствоведческих проблем. Несовершенство методических приемов дореволюционного искусствознания, изучение памятников с помощью формально-типологического метода, без учета конкретной исторической обстановки, превращали исследования по художественному ремеслу в хаотические нагромождения ничем не оправданных сопоставлений, проводившихся на материале огромной территории, охватывавшей три части света — Европу, Азию и Африку. Исследователей занимало в первую очередь то общее, что было в культуре народов, населявших эти территории, и в значительно меньшей степени интересовали пути развития культуры отдельных народов, в том числе и русского.

В советское время положение в корне изменилось. Внимание исследователей сосредоточилось на изучении именно русской культуры, незаслуженно приниженной буржуазными учеными. Богатство и многообразие культуры древней Руси в полной мере раскрылось только в результате работы советских ученых. Освобожденные от „византийского миража" советская историческая наука и искусствознание по-новому подошли и к изучению кладов. Богатейшие комплексы предметов ювелирного искусства, свидетельствующие о высоком уровне древнерусской культуры, неоднократно появлялись на страницах исследований советских ученых. Однако отсутствие четкой хронологической систематизации кладов давало себя чувствовать и в наше время. Многие выводы, построенные на плохо датированном материале, оказывались неверными. Поэтому, чтобы превратить клады в полноценный исторический источник, необходимо было уточнить вопросы их датировки.

Наблюдения показали, что наиболее устойчивой и надежной является датировка не каждого клада в отдельности, а датировка их группами, в которых клады объединены общими, неизменно повторяющимися признаками. Этими признаками являются прежде всего стилистические особенности ювелирных изделий. Парадный металлический убор, который составляет ядро каждого клада, не был случайным набором разнородных, разнохарактерных вещей. Он выполнялся обычно по единому замыслу, из стилистически однородных украшений. Смена одного стилистически единого убора другим с IX по XIII в. происходила несколько раз. Каждый новый убор был связан с определенным периодом в истории культуры древней Руси в целом. Соответственно этим уборам клады и могли быть разделены на ряд последовательных групп. Уточнению абсолютной хронологии каждой группы значительно помог содержащийся во многих вещевых кладах нумизматический материал.

В результате хронологической систематизации кладов выяснилось, что клады, зарытые на рубеже IX и X вв., содержат очень простой убор из бронзовых и серебряных украшений, целиком связанный еще с убором дофеодального периода. Многие типы украшений IX в. в несколько измененном виде сохранились и позже, но в основном в сельских местностях.

С развитием городского ремесла парадный металлический убор значительно усложнился и обогатился новыми типами украшений, выполненными с помощью сложнейших приемов ювелирной техники, доступной

лучшим ювелирам древности. Сложные по форме, спаянные из множества мельчайших деталей украшения богато декорировались зернью, сканью, гравировкой, чернью, перегородчатой эмалью, камнями, жемчугом. Для каждого исторического периода был характерен убор, состоявший из вещей, в декоровке которых преобладали те или иные приемы. В кладах, зарытых в конце X в., все основные украшения декорировались зернью. Во второй половине XI в. этот легкий серебряный убор сменился богатейшим убором из золотых украшений с перегородчатой эмалью, который с середины XII в. постепенно уступил место убору из серебра с черневым орнаментом. Около середины XIII в. развитие парадного металлического убора было прервано монгольским нашествием.

В X—XI вв. парадный металлический убор был связан в основном лишь с княжеско-боярской средой. Начиная с XII в. те же украшения, но несколько упрощенные и менее дорогие, стали проникать и в среду наиболее зажиточных горожан.

Характерной чертой дореволюционной археологии и искусствознания была переоценка роли Византии в сложении древнерусской культуры. Только в наше время с неопровержимой убедительностью доказана огромная роль местных творческих сил в сложении русской культуры и высокое мастерство русских ювелиров уже в самую раннюю пору. Инструментарий русских ювелиров X—XIII вв., найденный во многих городах древней Руси, свидетельствует о широком распространении этой сложной отрасли русского ремесла. Наибольшего совершенства в нем достигли киевские ювелиры, изделия которых наполняют не только многочисленные клады, найденные в Киеве и его окрестностях, но встречаются также и далеко за пределами Киевского княжества. Киевские ювелиры в течение долгого времени были законодателями мод в металлическом уборе и по разнообразию и обилию изделий оставили далеко позади мастерские других княжеств.

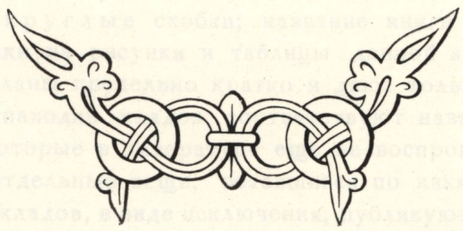
Однако обилие кладов как в Киеве, так и в любом другом месте не следует считать, как это часто делают, признаком особо развитого в районе находки кладов ремесла. Иногда по топографии вещевых кладов пытаются также проследить направление торговых путей. Если это и можно делать на основании монетных находок, которые в какой-то мере действительно указывают направление торговых путей и районы, более или менее интенсивно участвовавшие в торговле, то топография вещевых кладов никакого отношения к торговым путям не имеет. В состав вещевых кладов попадало имущество наименее подвижной части населения древнерусских городов и усадеб, это „женская ларечная кузнь“, которую в момент опасности зарывали возле дома. Поэтому топография вещевых кладов отражает не районы с наиболее развитым ремеслом и не направление торговых путей, она указывает пункты и целые районы, испытавшие те или иные бедствия. Обилие одновременно зарытых и невыкопанных кладов прежде всего свидетельствует о гибели части населения в результате каких-то серьезных событий.

Наблюдения над топографией кладов, как правило, дают возможность восстановить эти события. Беспрерывная борьба со степью, социальная борьба, междукняжеские усобицы — все эти обстоятельства вызывали массовое зарытие кладов.

Огромные разрушения, причиненные древней Руси монгольскими ордами в первой половине XIII в., с полной отчетливостью могут быть прослежены по кладам. Весь путь монгольских полчищ по русской земле отмечен массовым зарытием кладов. Две трети русских вещевых кладов были зарыты именно в это время. От Поволжья до Днестра, на огромной территории, население, независимо от общественного положения, прятало свои ценности в землю. Люди убегали в леса Заволжья, в далекое Прикамье, зарывали вещи даже там, куда татары не дошли, из одного опасения, что общая участь постигнет и их.

О силе удара монголов по городам древней Руси свидетельствует золотой поток вещей, ушедший в землю в страшные дни монгольского нашествия. Эти драгоценные памятники русского ювелирного искусства, не попавшие в руки монголов, ныне составляют гордость русской культуры.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕЧЕНЬ КЛАДОВ

Ниже дается перечень русских вещевых кладов IX—XIII вв. Клады разбиты на ряд хронологических групп, а в пределах групп — по бассейнам рек или княжествам. Номер клада, данный ему в сводке, сохраняется за ним в тексте и на картах. По каждому кладу указана основная литература; мелкие упоминания о кладе не учтены. Особое внимание обращено на публикацию изображений клада в целом или отдельных его вещей. Поэтому в перечне кладов, вслед за вещью, где-либо изданной, стоит ссылка на номер таблицы или рисунка того издания, где эта вещь изображена; в ней для краткости указывается только автор и номер таблицы или рисунка, помещенные в круглые скобки; название книги или статьи данного автора следует смотреть в библиографии клада. Ссылки на рисунки и таблицы данной книги помещены в прямые скобки. Описания вещей, монет и слитков сделаны предельно кратко и дают только общее представление о составе клада. Географические названия мест находки кладов соответствуют названию их в год находки. На таблицах представлены только те клады, которые в литературе еще не воспроизводились. В ряде случаев из ранее опубликованных кладов доиздаются отдельные вещи, оставшиеся по каким-то причинам не опубликованными (**32**, **95**, **105** и **145**). Только несколько кладов, в виде исключения, публикуются вторично. Эти клады были плохо изданы, либо опубликованы в малодоступных изданиях, либо необходимы в качестве иллюстративного материала в данной работе (**2**, **18**, **76** и **157**). Повторно публикуются также 7 кладов Княжей Горы (**115**, **117**, **119**, **120**, **121**, **122** и **123**), вещи которых, разбросанные по страницам различных изданий, ни разу не были опубликованы как комплексы.

ГРУППА I. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ В IX в. И НА РУБЕЖЕ IX и X вв. 1—11

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

1. В 1905 г. в г. Полтава, на соборной площади при земляных работах по устройству водопровода был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривна шейная серебряная, обруч гладкий, замок в двойную петлю с усами, расплющенными в виде треугольных вытянутых лопастей, украшенных гравировкой. (Макаренко, I, *1*).
2) Браслеты серебряные — 8, кованые из гладкого круглого в сечении дрота, слегка утолщенного к концам; концы обрубленные. (Макаренко, I, *3*).
3) Височные кольца серебряные семилучевые — пара; поверхность их украшена зигзагообразными бороздками. (Макаренко, I, *2*).
4) Кольца височные серебряные, проволочные односпиральные — 10. (Макаренко, I, *4*).

Клад был передан в Полтавский земский естественно-исторический музей.

Н. Макаренко. Материалы по археологии Полтавской губернии. Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. 5, Полтава, 1908, стр. 5—9, табл. I (и отд. отт.). — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, стр. 109—110.

2. В 1905 г. в мае близ с. Ивахники Лохвицкого у. Полтавской губ., в уроч. Скляровщина, во время пахоты был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривны шейные серебряные, ~~витые~~ крученые из граненого дрота — 3; средняя часть не ~~витая~~ крученая. Замок в двойную петлю с усами; петля, служащая крючком, расплющена; вторая петля — двойная (в виде буквы „М"). (ОАК за 1905 г., рис. 124, нижняя; Макаренко, II, *3* и *6*). [Табл. I, *4*].

2) Гривны шейные серебряные, витые из граненого дрота — 2; средняя часть не витая. Замок в двойную петлю с усами, расплющенными в виде небольших овальных лопастей. (ОАК за 1905 г., рис. 124, средняя; Макаренко, II, *2*). [Табл. I, *3*].

3) Гривна шейная серебряная — 1, в двух фрагментах (часть утрачена); обруч с мелкой нарезкой, подражающей витью. Замок в двойную петлю с усами, заканчивающимися граненными бусинами. (ОАК за 1905 г., рис. 124, верхняя; Макаренко, II, *4* и *5*). [Табл. I, *2*].

4) Бляхи овальные с многолопастными краями — 2; каждая сделана из двух пластин — вверху тонкая серебряная, снизу — медная толстая. С лицевой стороны бляхи украшены ложной тисненой зернью и полушариками, в центре по одной выпуклой кнопке (дериваты антропоморфных фибул). (ОАК за 1905 г., рис. 127; Макаренко, II, *1*). [Табл. I, *5*].

5) Перстни серебряные — 2; на гнездах по 4 почки; в одном гнезде сохранился темный камень. (ОАК за 1905 г., рис. 124; Макаренко, II, *7*). [Табл. I, *1*].

6) Подвески медные трапециевидные пластинчатые — 2; одна целая на цепочке; от другой сохранилась только часть и отдельно цепочка. Цепочки из проволочных звеньев разной формы; на одном конце каждой цепочки по бусинке. (ОАК за 1905 г., рис. 126; Макаренко, II, *8*, *9*, *14*). [Табл. I, *6*].

7) Спиральки медные — 6.

8) Бубенчики медные — 4, круглые и граненые. (ОАК за 1905 г., рис. 129; Макаренко, II, *13*).

9) Бляшка медная „чудская" с петлями на обороте. (ОАК за 1905 г., рис. 125; Макаренко, II, *11*).

10) Скобочки медные — 2. (ОАК за 1905 г., рис. 128; Макаренко, II, *10*).

11) Бусы стеклянные синие, зеленые, голубые, желтые, белые; круглые, сдвоенные и строенные — ок. 200. (Макаренко, II, *12*).

Клад был доставлен в Археологическую комиссию, откуда в ноябре 1907 г. был передан в Исторический музей в Москве.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1905 г., № 96 (фотогр. и рис.). — Архив ИИМК АН СССР, фонд № 5 (А. А. Спицына), № 329, лл. 132—134. — ОАК за 1905 г., стр. 98—99 и 126, рис. 124—129. — Д. Я. Самоквасов. Сведения об археологических находках в Полтавской губернии, извлеченные из дел имп. Археологической комиссии последних лет. Труды Моск. предв. комитета по устройству XIV археолог. съезда в Чернигове, в. I, М., 1905, стр. 126 (состав клада указан не полно, а номер дела — не верно: 91 вместо 96). — Н. Макаренко. Материалы по археологии Полтавской губернии. Труды Полтавской ученой архивной комиссии, в. 5, Полтава, 1908, стр. 9—13, табл. II (и отд. отт.).

ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

3. В 1870-х годах в Оршанском у. Могилевской губ. в именье Суходрево, принадлежавшем Г. П. Матюнину, в 20 верстах от Витебска, в поле кургана, на берегу речки Суходревки, был найден клад, в состав которого входили:

1) Монеты куфические серебряные — „значительное количество".

2) Гривны шейные серебряные нескольких разных форм; сохранилось 2 с мелкой нарезкой на обруче, подражающей витью; замок в виде крючка и петли с отходящим усом. (Сементовский, рис. 47).

3) Перстни „с камнями и резьбой".

За исключением двух шейных гривен, все вещи и монеты клада погибли.

А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890, стр. 76—77, рис. 47. — КВ VIII АС в Москве. М., 1890, зал IX, стр. 24, № IX. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 139, доп. № 15.

БАССЕЙН ОКИ

4. В 1892 г. 8 апреля близ с. Мишнево Русановской вол. Лихвинского у. Калужской губ., в местности Городище на левом берегу р. Упы, найден клад, в состав которого входили:

1) Диргемы 742/43 — 867 гг. (или 869 г.) — 101.

2) Серебряная цепочка из рубчатой проволоки западноевропейской работы — фрагмент. [Табл. II, *1*].

Цепь и 32 монеты хранятся в Гос. Эрмитаже, остальные, как стертые, сплавлены.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1892 г., № 73, фотогр. — ОАК за 1892 г., стр. 96 и 160—161. — Обозр. некот. губ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 194. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 12, № 66.

5. Около 1807 г. близ г. Кашира Тульской губ. крестьянин нашел клад, весивший свыше трех фунтов. В состав его входили:

1) Монеты куфические, из них 2 — аббасидские диргемы VIII или начала IX в.

2) Прутики серебряные.

3) Гривны шейные серебряные.
4) Подвески серебряные.
5) Перстни серебряные; один из них с изумрудом.
6) Серьги серебряные.

Клад разошелся по рукам. Несколько вещей и монет купил местный помещик, подаривший впоследствии пять монет и кольцо с изумрудом Челищеву. От Челищева кольцо перешло к Н. А. Янькову, где его видел А. И. Черепнин, по мнению которого, кольцо несомненно восточного происхождения. Оставшиеся у Челищева две монеты по определению А. И. Черепнина — аббасидские диргемы VIII или начала IX в. Клад не сохранился.

А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 1.— Обозр. некот. губ...., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 199.— А. А. Ильин. Топогр. кладов ... слитков. Пгр., 1921, стр. 49, № 209.

6. В 1823 г. близ сел Лапотково и Покровское Крапивенского у. Тульской губ. крестьянин при вспашке поля нашел клад, в состав которого входили:

1) Монеты куфические 710/11—816/17 гг.— 62.
2) „Две серебряные рукоятки".
3) „Печать, как кажется, на зеленом воске" — фрагмент.

Клад поступил в минц-кабинет местного помещика Лазарева. Монеты были определены Х. М. Френом; общий вес клада, повидимому, не превышал одного фунта.

St.-Petersburgische Zeitung, 1828, № 18. — Русский инвалид, 1828, № 45—46. — П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. 17—18. — В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873, стр. XXXIV. — А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 2. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 49, № 281.

7. В 1861 г. близ. с. Баскач Каширского у. Тульской губ. крестьянин, поднимая пар, нашел клад в глиняном кувшине; общий вес его был около двух фунтов; в состав его входили:

1) Монеты рубленые и целые. Четыре из них были аббасидскими диргемами 765/6—807/8 гг.
2) Прутики серебряные.
3) Бляшки серебряные — 2.

Крестьянин продал клад кабатчику; у кабатчика 6 целых и несколько рубленых монет купил С. И. Сахаров; от Сахарова 4 монеты перешли А. И. Черепнину. Остальные монеты и вещи кабатчик продал в Кашире золотых дел мастеру.

А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 1. — Обозр. некот. губ. ...., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 199. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... 1901, стр. 163.

8. В 1855 г. близ с. Железницы Зарайского у. Рязанской губ., в 20 верстах от г. Зарайска, на берегу р. Осетр был найден клад; общий вес — более трех фунтов. В состав его входили:

1) Диргемы — 258 (по другим сведениям 170 целых и 102 рубленых). Среди монет одна 618 г., остальные аббасидские; позднейшая 877/8 г.; бóльшая часть монет относится ко второй половине IX в.; саманидских монет нет ни одной.
2) Гривны шейные серебряные — 2, из круглого дрота с винтообразной нарезкой, с гладкими промежутками; на одном конце петля, на другом массивная шляпка в виде гриба, продевающаяся в петлю.
3) Браслеты серебряные — 6, из толстого круглого дрота, слегка утолщенного к концам; концы не сомкнуты и орнаментированы елочкой. (Aspelin, рис. 923).
4) Височные кольца серебряные — 8; из них четыре семилучевых и четыре пятилучевых; лучи покрыты ложной зернью. (Там же, рис. 924; Арциховский, рис. 48, 49; Рыбаков, ВДИ, рис. 4-*ж*; Рыбаков. Ремесло..., рис. 14—15).
5) Сережки серебряные — 5, состоящие из кольца с неспаянными концами, с надетой на него подвеской — овальное колечко с балясинкой. (Aspelin, рис. 922; Рыбаков. Ремесло..., рис. 14).
6) Височные кольца, серебряные проволочные — 2 целых и несколько фрагментов.
7) Наконечник поясного ремня серебряный позолоченный, литой, с изображением льва, преследующего лань, стоящую у дерева. По краю рамка из чередующихся круглых и овальных бусин. (Рыбаков. Ремесло..., рис. 14).

Клад был в 1856 г. прислан соревнователем Общества истории и древностей российских, зарайским купцом А. П. Бахрушиным в Московское общество истории и древностей российских, где он хранился в минц-кабинете; в 1874 г. вещевая часть клада была передана в Московский публичный музей, откуда между 1921 и 1925 гг. перешла в Гос. Исторический музей в Москве.

Временник МОИДР, кн. 25, М., 1857, прот. засед. МОИДР от 28 мая 1855 г., стр. LII, § 9. — П. С. Савельев. Рязанский клад. Тр. Вост. отд. Археолог. общ., ч. III, СПб., 1858, стр. 166. — Сообщение П. С. Савельева о монетах Железницкого клада. Протокол заседания АО от 24 декабря 1856 г., § 2. ИАО, т. I, СПб., 1859, стр. 118. — В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873, стр. XXXIV. — Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1873—1875 гг. М., 1877, стр. 95—96. — J. K. Aspelin. Antiquités du nord finno-ougrien, в. III. Гельсингфорс, 1878, стр. 197, рис. 922—924. — А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 5. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 72. — Обозр. некот. губ...., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 241. — Московский публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей. в) Древности доисторические. М., 1905, стр. 90, №№ 1973—1994. — Béla Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Будапешт—Лейпциг, 1905, стр. 297, рис. 184. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 40, № 222. (А. К. Марков ошибочно отнес диргем 965 г. из клада с. Белый Омут Ряз. губ. 1850 г. (№ 27) к Железницкому кладу). — Отчет Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 46. — А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 55—58, 70, 71, 138, рис. 48—49. — Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, рис. 4-*ж*. (Датировку вещей клада автор теперь изменил). — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, стр. 106—107, рис. 14, 15.

ВЕРХНЯЯ ВОЛГА

9. В 1914 г. 28 июня в с. Угодичи Ростовского у. Ярославской губ. найден клад, в состав которого входили:

1) Диргемы — около 140 целых и 8 половинок; сохранилось 119 диргемов, из них 4 сасанидских 582 г. н. э. (Хосрой II), остальные куфические 699—812/13 гг.
2) Браслеты серебряные кованые граненые — 2; один с сомкнутыми концами, другой с обрубленными утонченными концами. [Табл. II, *2*].

Клад поступил в Археологическую комиссию; 26 монет и браслеты были переданы в Эрмитаж, остальные монеты возвращены Ярославской ученой архивной комиссии, передавшей их в Ярославское древлехранилище.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1914 г., № 270, фотогр. — ОАК за 1913—1915 гг., стр. 190 и 270. — Прибавл. к в. 58 ИАК, Пгр., 1915, стр. 82 (Археолог. хроника за перв. пол. 1915 г.). — Р. Р. Фасмер. Два клада куфических монет. Труды Нумизматической комиссии, т. VI, Л., 1927, стр. 19—57.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

10. В 1889 г. близ д. Узьмина Гдовского у. Петербургской губ. на „старинном вековечном поле", которое обрабатывается „с незапамятных времен", крестьянин при глубокой пахоте обнаружил клад, в состав которого входили:

1) Гривна шейная серебряная, весь обруч покрыт мелкими продолговатыми шестиугольными гранями; замок в двойную петлю с отходящими усами; петля, служащая крючком, посередине расплющена. (Рыдзевская, VII, нижняя). [Табл. III, *2*].
2) Гривны шейные серебряные — 2, обруч покрыт мелкой нарезкой, подражающей витью; замок в двойную петлю с усами; петля, служащая крючком, посередине расплющена. [Табл. III, *1*, *3*].
3) Шейные серебряные гривны с мелкой нарезкой, подражающей витью, фрагменты — 5; два из них сцеплены вместе; у двух других фрагментов на концах замочная петля, свободный конец которой обмотан вокруг тулова гривны. [Табл. III, *4—6*].

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда в 1891 г. граненая гривна была передана в Эрмитаж, а витые (целые и фрагменты) в Исторический музей в Москве.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1889 г., № 85, рис. — ОАК за 1889 г., стр. 92, 124—125. — Обозр. некот. губ...., ЗРАО, т. IX, в. 1—2, нов. сер., СПб., 1897, стр. 277. — Е. А. Рыдзевская. Клады старых шейных серебряных гривен западного типа. ЗОРСА, т. XI, Пгр., 1915, стр. 193, табл. VII (нижняя).

11. В 1875 г. у д. Горки близ Передольского погоста Лужского у. Петербургской губ. был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривна шейная серебряная, весь обруч покрыт мелкими вытянутыми ромбическими гранями. Замок в двойную петлю, концы петель обмотаны вокруг тулова гривны; петля, служащая крючком, посередине расплющена. [Табл. IV].
2) Гривна шейная серебряная, весь обруч покрыт мелкой нарезкой, подражающей витью. Замок в двойную петлю с усами; петля, служащая крючком, расплющена. Концы гривны, не покрытые нарезкой, и усы украшены кружочным орнаментом. (Рыдзевская, VII, верхняя).
3) Гривна шейная серебряная, свитая из граненого дрота. Замок в двойную петлю с усами; петля, служащая крючком, посередине расплющена. (Рыдзевская, VII, средняя).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан на хранение в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1875 г., № 17, рис. — Обозр. некот. губ. ...., ЗРАО, т. IX, в. 1—2, нов. сер., СПб., 1897, стр. 277 (указание на ОАК за 1875 г., стр. XXXVI — ошибочно). — Е. А. Рыдзевская. Клады старых шейных серебряных гривен западного типа. ЗОРСА, т. XI, Пгр., 1915, стр. 193, табл. VII (две верхние).

ГРУППА II. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в. И НА РУБЕЖЕ X и XI вв. 12—28

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

12. В 1851 г. 30 мая в Киеве близ Пустынно-Никольского монастыря, на склоне горы, обращенной к Днепру, недалеко от Аскольдовой могилы, при рытье рвов для фундамента строившейся крепости солдатами был найден клад. Он был уложен в „толстый кувшин из нежжоной глины, залитый воском". Кувшин был разбит лопатой и выброшен, а его содержимое разошлось по рукам. На протяжении многих месяцев в музеи и частные коллекции поступали вещи и монеты из этого клада, но бóльшая часть его все же пропала. Поэтому состав его не может быть полностью восстановлен. По имеющимся сведениям, клад составляли:

1) Диргемы; по словам современников находки, их было несколько тысяч (2—3 тысячи). Из них сохранилось 529 целых и фрагментов, многие сильно потерты. Определено только 150. Среди определенных древнейшая монета относится к 746/7 г., новейшая — к 905/6 г. Среди диргемов оказалось 3 подражания монетам Измаила бен-Ахмеда (ум. в 907 г.), чеканенные, повидимому, волжскими бóлгарами. Судя по значительному количеству рубленых диргемов и подражаний диргемам, клад был зарыт, повидимому, не в начале, а во второй половине X в.
2) Браслеты золотые — 2; каждый свит из двух дротов, утонченных к концам. У одного концы прежде были, видимо, завязанными, но теперь деформированы; у другого, судя по описанию, они были несомкнутыми, что скорее всего тоже является результатом деформации. [Рис. 12].

Вещи и монеты разошлись по нескольким музеям и частным собраниям. Первый золотой браслет и 25 диргемов были переданы киевским губернатором И. И. Фундуклеем в Киевский университет — монеты в минц-кабинет (13 июля 1851 г.), а браслет — в Музей (записан в инвентарь Музея под № 680 в 70-х годах); второй браслет и 401 диргем поступили в 1851 г. в Эрмитаж. Остальные монеты попали в Музей Археологического общества в Петербурге, в Дерптское эстонское общество и в коллекции П. С. Савельева, Н. М. Сементовского, Крыжановского и Юзефовича.

Рукописный каталог музея Киевского университета, № 680. — Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 59, л. 79. — Фотоархив ИИМК АН СССР, $\frac{Q-516}{39}$. — С.-Петербургские ведомости, 1851, № 191. — M. Brosset. Notice sur des monnaies coufiques trouvées à Kieff et déposées à l'Ermitage impérial. Journal de St.-Pétersbourg, 1851, 20 декабря, № 1575, стр. 6363. — P. Sawélieff. Monnaies coufiques d'argent, trouvées à Kieff en 1851. Mémoires de la Société impériale d'archéologie, т. V, СПб., Париж—Берлин, 1851, стр. 397—398. — Нумизматическая находка в Киеве. ЖМНП, ч. LXXI, СПб., 1851, отд. VII (Новости и смесь), стр. 66. — Куфические монеты, найденные в Киеве и поступившие в имп. Эрмитаж. ЖМНП, ч. LXXIII, СПб., 1852, отд. VII (Новости и смесь), стр. 16—18. — Сообщение П. Савельева о монетах Киевского клада 1851 г. ЗАО, т. IV, СПб., 1852, перечень заседаний, стр. 121, 122 и 150. — Сообщение П. Савельева о Киевском кладе 1851 г. ЗАО, т. V, СПб., 1853, перечень заседаний, стр. 57—58. — П. С. Савельев. Дополнения к описанию саманидских монет. ЗАО, т. VI, СПб., 1853, стр. 406, 407. — P. Sawéljew. Vierzehn unedierte Samaniden-Münzen. Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, т. II (1852—1856), СПб., 1856, стр. 399, № 1. — Сообщение П. С. Савельева о монете из Киевского клада 1851 г. ИАО, т. I, СПб., 1859, стр. 44. — К. Ф. Страшкевич. Клады, рассмотренные в минц-кабинете Университета св. Владимира с 1838 по 1866 г. Университетские известия за 1866 г., Киев, 1866, № 10 (октябрь), стр. 28, № 44. — КВ III АС, Киев, 1874, стр. 16, № 234 (ср. №№ 233 и 235). — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 137. — В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и в минц-кабинете Университета св. Владимира. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 120 и 129. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 98, № 324. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 13, № 68.

13. В 1913 г. в Киеве на ус. проф. Киевского университета И. А. Сикорского по Б. Подвальной улице, д. № 15, в глубине усадьбы, при нивелировке ее, на глубине около полутора аршин был найден медный луженый котелок, сверху залитый воском. В котелке оказались:

1) Диргемы серебряные 709/10—905/6 гг. — 2930.
2) Браслеты золотые кованые — 6; из них 3 гладких, утолщенных к середине, с завязанными концами; 2 витых из двух утолщающихся к середине дротов, также с завязанными концами, и последний витой из трех пар дротов; концы соединены и расклепаны в виде ромба с выбитыми пунсоном треугольниками и точками. [Табл. V].

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда 337 монет и все браслеты были переданы в Эрмитаж; остальные монеты были возвращены владельцу клада.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1913 г., № 308. — ОАК за 1913—1915 гг., стр. 198 и 253. — Прибавл. к в. 52 ИАК, СПб., 1914, стр. 97 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1913 г.).

14. В 1863 г. 27 октября в Киеве на Подоле, на кладбище Иорданской (Дмитриевской) церкви, при рытье могилы, на глубине двух аршин был найден клад в глиняном горшке; в состав клада входили:

1) Диргемы 892/3—935/6 гг. — 192; из них 8 с пробитыми дырочками для подвешивания.
2) Перстни серебряные пластинчатые с завязанными концами — 2. (В. Т., рис.).
3) Подвеска серебряная круглая выпуклая с зерневыми треугольниками и полушариками. (В. Т., рис.).
4) Кусок серебряной проволоки.

Один диргем (911/12 г.) взят в Эрмитаж, остальные монеты и вещи отосланы в минц-кабинет Киевского университета, откуда после Великой Октябрьской социалистической революции были переданы в Киевский исторический музей. Вещевая часть клада в настоящее время в фондах музея не обнаружена.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1865 г., № 6, лл. 5—18. — Киевлянин, 1866, № 29; 1870, № 137; 1871, № 84.—В. Т. О кладе куфических монет, найденном в Киеве. Древности. Археолог. вестн., т. I, М., 1867, май—июнь, стр. 138—139, рис. — Д. И. Прозоровский. Опись предметов, хранящихся в музее ИРАО. СПб., 1869, стр. 106 — В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 120. — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 137. — Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, стр. 21—24. — Обозр. некот. губ. ..., ЭРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 275. — А. И. Черепнин. О киевских денежных гривнах. Тр. XI АС, т. II, М., 1902, стр. 58. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 12, № 67.

Определения монет сделаны вновь в 1941 г. научным сотрудником Киевского исторического музея С. В. Коршенко.

15. В 1864 г. близ с. Юрковцы Липовецкого у. Киевской губ. выпахан был клад в горшке, стянутом серебряной проволокой, в состав которого входили:

1) Гривна шейная серебряная из гладкого круглого в сечении дрота с обломанными концами. [Табл. VI, *20*].
2) Лунницы серебряные с зернью — 4. (Гущин, рис. 3 и 4). [Табл. VI, *1*; VII, *14—16*].
3) Сережки серебряные так наз. „волынского“ типа — 6 (3 целых и 3 в семи фрагментах), от трех разных пар. [Табл. VI, *6—11*, *18*].
4) Бусы серебряные лопастные — 5 целых и 4 фрагмента от одной или двух бус. (Гущин, рис. 3). [Табл. VI, *2—5*; VII, *7—11*].
5) Буса серебряная реберчатая. [Табл. VII, *6*].
6) Наруч серебряный, украшенный накладной проволокой („косичкой“), фрагменты. [Табл. VI, *16*].
7) „Косичка“, фрагменты. [Табл. VI, *12—15*, *21*].
8) Проволока толстая серебряная, кусок. [Табл. VI, *19*].
9) Бусы сердоликовые граненые плоские — 3. [Табл. VI, *17*; VII, *12*, *13*].

Клад хранится в Киевском историческом музее. Поступил в Исторический музей из Музея Киевского университета, где с 1864 г. по 1880-е годы хранился не записанным в инвентарь. В 1880-х годах найден при разборке старой кладовой и вписан в инвентарь музея.

Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 65. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 101, 102, №№ 443—449. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. 1895, стр. 72. — А. С. Гущин. Памятники ... 1936, стр. 32, рис. 3 и 4.

16. В 1928 г. 20 октября близ с. Копиевка Дашевского района Винницкого окр. Киевской обл. был найден клад в глиняном горшке, в состав которого входили:

1) Диргемы 549—954/55 гг. — 500; из них 108 с дырочками для подвешивания; в подвески превращены все 4 диргема VI—VIII вв. и ряд диргемов между 836 и 952 гг. Бо́льшая часть монет (416) относится ко времени саманидов (с 896 по 954/55 г.).
2) Слитки серебряные в виде палочек — 2, из них большой сломан (общий вес 83.33 г), маленький целый (29.77 г). (Линка, табл. I, *6—7*).
3) Лунница серебряная с зернью. (Линка, табл. II, *10*).
4) Бусы серебряные лопастные — 1 целая и 6 фрагментов. (Линка, табл. III, *6—11* и *13*).
5) Буса маленькая овальная с зерневыми углами. (Линка, табл. III, *12*).
6) Гривна шейная серебряная плетеная в виде петель из тонкой проволоки. (Линка, табл. II, *6*).
7) Браслеты серебряные — 5, из них 2 из круглого (слегка граненого) в сечении дрота с обрубленными концами; 3 — из граненого дрота, из них 2 с обрубленными концами, третий с завязанными. (Линка, табл. III, *1—5*).
8) Перстни серебряные с полусферическими щитками, украшенными зернью,—2. (Линка, табл. II, *8*, *9*).
9) Серьги серебряные „волынского“ типа — 27. (Линка, табл. I, *8—11*; II, *1—3*, *7*; III, *14*; IV, *1—18*)
10) Пуговицы серебряные — 9, с плотно напаянной зернью и крупным литым шариком в центре.

Клад хранится в Киевском историческом музее. От горшка сохранилось 9 фрагментов; горшок вылеплен на круге, на дне клейма нет. Поверхность покрыта густым линейным орнаментом от венчика до самого низа (Линка, табл. V, *3—11*).

Н. В. Линка. Копиівський скарб. Археологія, т. II. Киев, 1948, стр. 182—190, табл. I—V.

ВОЛЫНЬ

17. В 1883 г. в *д.* Борщевка Дубенского у. Волынской губ. при неизвестных обстоятельствах был найден клад, в состав которого входили:

1) Слитки серебряные — 42, из них один круглый, скрученный в трубку; остальные длинные, разной величины и веса от 25 до 108 г. (Гущин, рис. 24).
2) Лунницы серебряные с зернью, крупные — 2. (Там же, табл. XI, *4* и *7*).
3) Серьги серебряные „волынского" типа — 8 (три пары и две серьги от разных пар). (Там же, табл. XI, *1—3*, *5*, *6*, *8—10*).
4) Гривны шейные серебряные целые и фрагментированные — 5; две большие витые, у одной концы завязанные; одна малая витая и фрагменты двух витых. (Там же, рис. 20 и 22).
5) Гривна шейная плетеная серебряная, замок — крючок и петля. (Там же, рис. 21).
6) Гривна шейная серебряная тонкая плетеная — фрагмент; концы были завязанными; починена.

Клад поступил в Археологическую комиссию и передан на хранение в Эрмитаж. (Там же, рис. 23).

Архив ИИМК, фонд № 1 (АК), 1884 г., № 3, рис., фотогр. — ОАК за 1883 г., стр. LVI. — Волынские губернские ведомости, 1884, № 91. — Н. П. Кондаков. Указатель ... 1891, стр. 263. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 64—65, рис. 64—67. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 287. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 68. — А. А. Ильин. Топогр. кладов ... слитков. 1921, стр. 15, № 13. — А. С. Гущин. Памятники ... 1936, стр. 64—66, рис. 20—24 и табл. XI.—NZ, т. 62, 1929, № 16 и 38, стр. 85—86 и 98, табл. I—II.

ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

18. В 1912 г. 13 сентября на земле с. Денис Переяславского у. Полтавской губ. жителем села Тимофеем Форостовским был найден клад в глиняном кувшине; в состав клада входили:

1) Монеты 805/6—1002/26 гг.[1] — 5400, из них целых 419, обломков 4960, брактеатов (целых и обломков) — 21:
   а) диргемы 805/6—1008/9 гг. — 5325 (целых 402, обломков 4923);
   б) подражания диргемам — 5 обломков;
   в) западноевропейские (богемские, датские, англосаксонские, немецкие) 919/936—1002/1026 гг. — 41 (целых 13, обломков 28, по А. К. Маркову, Архив ИИМК, или целых 16 и много обломков, по ZfN);
   г) подражания западноевропейским монетам X—XI вв. — 15 (целых 3, обломков 12);
   д) византийские 969—1025 гг. — 4 (3 обломка монет Иоанна Цимисхия 969—976 гг.; 1 обломок монеты Василия II и Константина VIII 976—1025 гг.);
   е) подражание византийской монете Василия II и Константина VIII 976—1025 гг. — 1 (медь);
   ж) индийские X в. — 2 (целая — X в., обломок — 900 г.);
   з) русские — 6 или 7 (Владимира — 2 целые и 3 или 4 обломка и Ярослава — 1 целая).
2) Слиток серебряный в виде трехгранной палочки — 1, длина 10.5 см, вес 139 г (ОАК за 1912 г., рис. 88).
3) Серебряный лом от украшений (ОАК за 1912 г., рис. 88):
   а) серьги в виде кольца с подвеской из шариков — не менее 5 экз. (все от разных пар); все поломаны, одна сильно потерта. [Табл. VIII, *9*, *15*, *21*, *28*, *30*];
   б) медальон круглый с ушком трубочкой, украшен зерневыми треугольниками и крупными тисненными полушариями по кайме (12) и в центре (3). Полушария помяты, некоторые утрачены, медальон разломан на много мелких кусков. [Табл. VIII, *7*, *8*];
   в) пуговицы крупные, половинки — 6; одна из них украшена крупной зернью, остальные — мелкой, напаянной рядами. [Табл. VIII, *1—6*];
   г) бусы овальные с пояском из зерни посередине и напаянными тисненными колпачками — 2; обе помяты. [Табл. VIII, *10* и *11*];
   д) буса (фрагмент) овальная реберчатая, напоминающая лопастные; лопасти украшены зерневыми треугольниками. [Табл. VIII, *16*];
   е) щитки двух перстней (?) — 2 фрагмента; на одном орнамент из встречных треугольников, сделанных пунсоном. [Табл. VIII, *12*, *20*];
   ж) украшения фрагмент, орнаментированный грубой сканью. [Табл. VIII, *24*];
   з) проволоки куски, пластинки, мелкие обломки украшений. [Табл. VIII, *13*, *14*, *17—19*, *22*, *23*, *25—27*, *29*].

[1] Среди них 1 обломок I в. х. династии Омейядов.

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда 12 октября 1912 г. 168 монет и вещи были переданы в Эрмитаж, 73 монеты приобретены частным лицом (П. В. Зубовым), а остальные возвращены находчику. Кувшин, в котором найден клад, в Комиссию доставлен не был.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1912 г., № 295, фотогр. — ОАК за 1912 г., стр. 85—86 и 113, рис. 88. — Прибавление к в. 48 ИАК, СПб., 1913, стр. 2 и 7—8 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1912 г.). — Сообщение А. К. Маркова о монетах Денисовского клада на заседании Нумизматического отделения РАО 27 X 1912 г. ЗНО РАО, т. II, в. 3—4, СПб., 1913, стр. 119—120. — Р. Р. Фасмер. Куфические монеты переяславского клада. ИАК, в. 51, Пгр., 1914, стр. 17—66. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 42, № 180. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... монет. 1924, стр. 15, № 20. — ИРАИМК, т. V, Л., 1927, стр. 306, 307 и прим. 2. — Mitteilungen für Münzsammler, 1928, август, стр. 203, 204. — NZ, т. 62, 1929, стр. 82, № 6. — ZfN, т. XXXIX, вып. 1—2, 1929, стр. 165—167, № 77 (зарыт ок. 1010 г.). — ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 241.

В отношении количества монет, особенно русских, в литературе существуют разногласия; указывается, что русских монет найдено 7 (ОАК за 1912 г., стр. 85); 3 монеты и 4 обломка (Прибавл. к в. 48 ИАК, стр. 7—8); 3 попорченных и несколько обломков монет (ЗНО РАО, т. II, в. 3—4, стр. 119—120; там же указан неправильно вес клада: вместо 8 ф. 63 зол. — 13 ф. 63 зол.); 3 монеты (Фасмер, ИАК, в. 51, стр. 17); 7 монет и обломки (Ильин. Топогр. кладов... слитков, стр. 42); 3 монеты и обломки (ИРАИМК, т. V, стр. 307, прим. 2; Ильин. Топогр. кладов... монет, стр. 15).

19. В 1887 г. летом близ с. Шпилевка Сумского у. Харьковской губ., „у горы Бойковой, крестьянин, роя землю, наткнулся на камень, довольно больших размеров. Когда камень был отвален, под ним оказался глиняный сосуд, немного уже раздавленный, а в сосуде оказались“:

1) Монеты 896/7—966/7 гг. — 99, из них:
   а) диргемов 896/7—966/7 гг. — 98, из них 6 подражаний сасанидским диргемам;
   б) византийская монета 948—959 гг. (Константина VII Багрянородного и Романа II).
2) Браслет серебряный с ребром посередине и завязанными концами (так называемый завязанный двускатнопластинчатый; по данным „Харьковск. губ. ведомостей“, браслетов было четыре). [Табл. IX, *1*].
3) Бляшки от поясного набора серебряные — 3; две из них пятиугольные, третья сердцевидная с подвижным кольцом; все три украшены пальметтой (по данным „Харьковск. губ. ведомостей“, серебряных бляшек было много — от „нескольких уздечек; кроме того, одна серебряная пряжка“). [Табл. IX, *2—4*].
4) „Довольно ценное золотое кольцо“ (по данным „Харьковск. губ. ведомостей“, в Петербург не поступало).

Клад разошелся по рукам между крестьянами и помещиками и высылался в Петербург из разных мест: исправником (12 монет) и двумя лицами (серебряный браслет, 3 бляшки, 41 монета и 36 монет). Клад был ошибочно прислан в Петербургский археологический институт, откуда его переслали в Археологическую комиссию. По рассмотрении его в Комиссии он был возвращен в Археологический институт.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1887 г., № 57, рис. на л. 14. — Харьковск. губ. ведомости, 1887, 29 мая, № 134. — Д. И. Багалей. Археологические, этнографические и топографические заметки о Харьковской губернии. Харьковск. сборн. на 1888 г., Харьков, 1888, стр. 140, 141. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 53, № 335 (насчитывает на 10 монет меньше, чем опись в деле Археологической комиссии).

20. В 1915 г. в с. Коробкино Льговского у. Курской губ. при вспашке поля был найден клад, в состав которого входили:

1) Монета византийская золотая, обрезанная, без ушка, 921—944 гг. (Роман I, Константин VII и Христофор). (ОАК за 1913—1915 гг., рис. 251).
2) Браслеты серебряные — 7:
   а) витой из двух толстых проволок, перевит сканной нитью; концы завязанные. (Там же);
   б) из четырехгранного дрота; две грани покрыты пунсонными колечками; концы завязанные. (Там же);
   в) из четырехгранного дрота — 3; концы обрубленные. (Там же);
   г) из восьмигранного дрота — 2; концы обрубленные. (Там же).

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда был передан на хранение в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1915 г., № 181, фотогр. — ОАК за 1913—1915 гг., стр. 196 и 255, рис. 251.

21. В начале 1930-х годов в районе курганной группы у с. Гущино, недалеко от Чернигова, был найден клад серебряных тисненых с зернью украшений, полный состав которого остался неизвестным. Судя по сохранившейся фотографии, в нем были найдены:

1) Лунница большая серебряная с зернью. [Табл. VII, *2*].
2) Серьги серебряные в виде кольца с тисненой подвеской — 2. [Табл. VII, *1*, *3*].
3) Буса серебряная лопастная. [Табл. VII, *5*].

4) Перстень серебряный с полым полусферическим щитком, густо покрытым мелкой зернью. [Табл. VII, *4*].

Клад поступил на хранение в Черниговский исторический музей, однако в настоящее время в коллекциях музея его нет (сообщение директора Музея А. Левенко).

Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 53.

ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

22. До 1868 г. „в Смоленской губернии, в самом губернском городе вместе с другими вещами была найдена серебряная саманидская монета, чеканеная в 342 г." (953/54 г.). Судьба клада не известна.

А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 141, доп. № 30.

23. В 1868 г. в д. Гнездово, в 9 верстах от г. Смоленска, был найден клад. Подробности находки клада не известны. Состав клада в настоящее время не может быть уточнен, так как часть его, поступившая в Оружейную Палату в Москве, в изданной Описи Оружейной Палаты не значится. В состав клада входили:[1]

1) Монет 20, из них:
   а) сасанидских — 3, две 532 и 595 гг. (Эрм., обращены в подвески) и одна неизвестного года. (Оруж. Пал.);
   б) диргемов — 10 целых и 4 фрагмента; из них два 737/38—748 гг., превращенные в подвески; остальные 904/5—953/54 гг. (Гущин. Памятники..., табл. III, *18*, *19*, *23*, *24*, *26*, *27*);
   в) византийская монета 780—797 гг. (Оруж. Пал.);
   г) англосаксонская монета. (Оруж. Пал.);
   д) индийская монета, превращенная в подвеску (по Прозоровскому — не позже XI в.; Гущин. Памятники..., табл. III, *15*).[2]

Вещи русские:

2) Гривны шейные серебряные, витые из трех сдвоенных дротов — 4; концы завязанные. (Гущин. Памятники..., табл. I, *2*; III, *25*).
3) Лунницы серебряные с зернью, большие и малые — 10. (Там же, IV, *3—5*, *8—13*).
4) Подвески серебряные с зернью — 2, лицевая сторона конически возвышается, в центре напаянный полушарик. (Там же, IV, *16*, *18*).
5) Бусы серебряные — 39, из них:
   а) круглых гладких — 15. (Там же, II, *3*);
   б) лопастных — 3. (Там же, II, *1*);
   в) с зернью и напаянными колпачками — 21. (Там же, II, *1*, *6*; IV, *1*, *2*, *6*, *7*).
6) Подвески серебряные литые — 2; одна из них с растительным орнаментом, другая с изображением двух птиц по сторонам человеческой фигуры; у обеих одинаковые рамки из чередующихся круглых и овальных бусин. (Там же, III, *3*, *13*).
7) Пряжка серебряная литая с растительным орнаментом, превращенная в подвеску; ушко приклепано; рамка аналогична предыдущим подвескам. (Там же, III, *14*).
8) Кольца височные серебряные, браслетообразные с завязанными концами — 2; на обоих по две пастовых бусины. (Там же, III, *17*, *20*).

Вещи привозные:

9) Гривна шейная серебряная полая, очень большая, с шестью тисненными полыми реберчатыми бусинами, равномерно размещенными по всей длине гривны. На концах, далеко заходящих друг за друга, реберчатые розетки. В центре бус и розеток вставные щитки с орнаментом из проволочных дужек; проволока рубчатая. (Там же, I, *1*).
10) Фибулы бронзовые овальные скандинавские — 2. (Там же, II, *4*).
11) Фибулы серебряные литые круглые скандинавские — 2, с плетеным орнаментом и скульптурными фигурками оленей. У одной фибулы на кольце 3 цепочки из рубчатой проволоки, на концах их ромбические подвески с орнаментом из проволоки (дужки и колечки). (Там же, II, *2*, *5*; рис. 11—14 на стр. 55).

---

[1] В перечне вещевого состава клада нами учтены только вещи Эрмитажа, так как количество и характер вещей, находившихся в Оружейной Палате, установить не удалось.

[2] Из перечисленных монет в Оружейной Палате находилось восемь: сасанидская, византийская, англосаксонская и пять диргемов, один из которых относился к 737/38 гг.

12) Подвески серебряные позолоченные — 19 (от девятнадцатой сохранилось только ушко), литые прорезные, с изображениями чудовищ. (Там же, III, *1*, *2*, *4*, *5*, *7—12*, *16*).
13) Подвеска серебряная литая — 1, изображающая бородатое мужское лицо под забралом. (Там же, III, *6*).
14) Подвески серебряные круглые — 8 (у Гущина ошибочно — 7), орнаментированные дужками из рубчатой проволоки, сопоставленные в различных комбинациях; между дужками отдельные шарики крупной зерни в колечках. (Там же, IV, *19—25*).
15) Подвеска серебряная круглая, с выполненным зернью изображением геральдически распластанного двуглавого орла; контуры изображения выложены проволокой. (Там же, IV, *17*).
16) Подвески (бляшки) серебряные — 2, круглые, с ушком на обороте вверху; на лицевой стороне в центре полусферическое возвышение, покрытое крупной зернью; вокруг вихревидный орнамент из рубчатой проволоки и редко посаженной крупной зерни в колечках. (Там же, IV, *14*, *15*).
17) Бусы серебряные — 8, с орнаментом из крупной редко посаженной зерни и рубчатой проволоки. (Там же, II, *1*, *6*).
18) Бусина серебряная овальная из спирально свитой рубчатой проволоки. (Там же, III, *21*).
19) Фигурка поясная серебряная, повидимому, божка; прическа и одежда выполнены при помощи крупной зерни и грубой скани. (Там же, рис. 15 на стр. 57).
20) Гривна шейная серебряная, кованая на восемь граней; на концах большие фасетированные квадратные пластинки. На самой гривне ближе к концам четыре граненые бусины. Концевые пластины, бусины и бóльшая часть дрота гривны покрыты орнаментом, выбитым пунсоном (крестики, ромбы, кружки). (Там же, I, *3*).

Вещи невыясненного происхождения:

21) Коробочка-капторга серебряная, украшенная тремя скульптурными головками быков, узором из зерневых ромбов и бахромой из цепочек с ромбическими подвесками; вверху петля из рубчатой проволоки для подвешивания капторги. (Там же, III, *22*).
22) Меч железный — фрагменты клинка; средняя часть его и рукоять не сохранились. (Там же I, *4*).

Часть монет и бóльшая часть вещей хранятся в Гос. Эрмитаже; меньшая часть вещей и вышеуказанные 8 монет находятся в Московской Оружейной Палате.

Д. И. Прозоровский. Опись предметов, хранящихся в Музее ИРАО. СПб., 1859, стр. 104—128, №№ 448—467. Монеты определены акад. М. И. Броссе. — Д. И. Прозоровский. Смоленский клад. ИРАО, т. VII, СПб., 1872, стр. 72—88, табл. VI—VIII. — В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873, стр. XXXVI. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 252—256, рис. 35—37. — Российский Исторический музей. Указатель памятников. 2-е доп. изд., М., 1893, стр. 88. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 61—64, рис. 48, 50—63. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 184. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 42, № 236. — Прибавление к в. 34 ИАК, СПб., 1910, стр. 132 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1909 г.). — Прибавление к в. 58 ИАК, СПб., 1915, стр. 77 (Археолог. хрон. за перв. пол. 1915 г.). — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 53—57, рис. 11—15 и табл. I — IV.

24. В 1870 г., по сообщению от 27 августа, при земляных работах по выемке балласта для прокладки Орлово-Витебской железной дороги, на 372-й версте от г. Орла, между Смоленском и Ольшанским полустанком, недалеко от д. Гнездово, на земле помещицы Кордосысоевой был найден клад, заключавшийся в двух медных котелках; в состав клада входили:

1) Монеты и подражания им — 6:
   а) диргемы с 722—810 по 928/9 гг. — 4;
   б) подражания диргемам — 2: одно — аббасидскому диргему, другое — саманидскому диргему Насра бен-Ахмеда 914—943 гг.
2) Лунницы серебряные небольшие, с зернью — 2. [Табл. VIII, *32*, *34*].
3) Топор железный, боевой? [Рис. *16*].

В том же 1870 г., по сообщению от 11 августа, на земле той же помещицы Кордосысоевой в кургане близ Днепра рабочими были найдены:

1) Диргемы — 5 целых 832—948/9 гг. и 53 фрагмента.
2) Бусы серебряные круглые гладкие — 7. [Табл. VIII, *31*].
3) Бусы стеклянные круглые приплюснутые — 14; из них две светлозеленые и двенадцать синих. [Табл. VIII, *37*].
4) Бусы пастовые — 9; из них одна круглая с продольными черными полосками по серому фону, четыре круглые приплюснутые, утратившие свой первоначальный цвет (ныне светлые грязно-коричневые), и четыре биконические того же цвета. [Табл. VIII, *35*, *36*].
5) Бляшка бронзовая, круглая с углублением в центре и дужкой на обороте. В дужку продето кольцо с завязанными концами и высокой петлей. На то же кольцо надет фрагмент какого-то

предмета, похожий на маленькую стрелку со сквозным большим отверстием посередине. [Табл. VIII, *33*].

Найденные как в кладе, так и в кургане вещи были присланы в АК (при отношениях от 11 и от 27 августа) и переданы на хранение в Эрмитаж, за исключением 53 фрагментов диргемов (сплавлены), двух диргемов (722—810 гг. и 832 г.) и одного подражания аббасидскому диргему, поступивших в Смоленский музей. В Эрмитаже все вещи были объединены, а на топоре, который считается происходящим из клада, подвешена современная году находки этикетка с надписью: „из кургана близ Днепра в именье Кордосысоевой... От правления Общества Орлово-Витебской ж. д. 27 августа 1870 г., № 1093".

Нет уверенности в том, что этикетка не перевешена по ошибке позднее на топор с вещи, найденной в кургане, но не исключена возможность, что все вещи, найденные в августе 1870 г. — и из клада и из погребения, — составляют один и тот же комплекс. Был ли этот комплекс кладом или погребением — сказать трудно. Наличие топора делает его похожим на погребение, хотя в Киевском кладе 1893 г. тоже оказался топор, подложенный под горшок. Наличие же большого количества фрагментов диргемов (53) заставляет заподозрить в нем клад. Котелки и украшения могли быть как в кладе, так и в погребении. О находке костей при вещах сведений нет. Сочетание лунниц с зернью (из „клада") и гладких серебряных бус (из „кургана") заставляет вспомнить Гнездовские клады 1868 г. (**23**) и 1885 г. (**25**), где они встречены вместе.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1870 г., № 25, рис. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 43, № 238.

25. В 1885 г. в Смоленской губ. у полустанка Гнездово при постройке Орлово-Витебской железной дороги был найден клад, в состав которого входили:

1) Диргемы 902/3—960/61 гг. — 154 (из них целых 90, обломков 63 и 1 подражание саманидскому диргему Насра бен-Ахмеда 914—943 гг.).
2) Лунницы серебряные с зернью — 2; одна большая, другая маленькая. (Сизов, АИЗ, 1895, табл. II, *1*, *2*; Сизов, МАР, № 28, табл. IV, *6*, *7*; Рыбаков, рис. 87).
3) Пуговица серебряная в виде гладкого полого шарика с ушком.
4) Бусы серебряные гладкие — 6; одна поломана. (Сизов, МАР, № 28, табл. IV, *8*, *9*).
5) Бусы стеклянные синие — 3.

Вещевая часть клада и 77 монет хранятся в Гос. Историческом музее в Москве; 6 монет — в Гос. Эрмитаже; потертые и ломаные монеты сплавлены.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 13, фотогр. — ОАК за 1885 г., стр. XCII—XCIII. — Находки в пределах России за 1885 г. и конец 1884 г. (выборки из дел АК). ЗРАО, т. II, нов. сер., СПб., 1887, стр. LXVIII, № 50. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 184 и 185, прим. 3. — Российский Исторический музей. Указатель памятников, изд. 2-е, М., 1893, стр. 88, 89. — В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т. н. московского типа. АИЗ, т. III, М., 1895, № 6, стр. 179, табл. II, *1*, *2* (о принадлежности лунниц к кладу 1885 г. не упоминает). — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 64 (сведения о кладе не точны). — В. И. Сизов. Гнездовский могильник. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. IV, *6—9* (не указывает на принадлежность лунниц к кладу 1885 г.). — Прибавление к в. 34 ИАК, СПб., 1910, стр. 132 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1909 г.). — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 43, № 239. — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, рис. 87.

26. В 1909 г. в Смоленской губ. и у., в 2 верстах от ст. Гнездово, при установке телеграфных столбов на полотне Риго-Орловской железной дороги был найден клад, в состав которого входили:

1) Монеты куфические — 781, относящиеся к 884/5—953/4 гг., из них 7 подражаний саманидским диргемам, 163 потертых, 290 обломков и 1 монетный кружок.
2) Бус 16, из них:
   а) сдвоенных и строенных „цвета жемчужин" — 13;
   б) стеклянная, круглая, большая, светловишневого цвета;
   в) пастовых, „голубая и темная" — 2. (ОАК за 1909—1910 гг., рис. 241).
3) Шашка из зеленоватого стекла, оббитая. (Там же).
4) Перстни серебряные — 2, пластинчатые с завязанными концами. (Там же).
5) Фибула медная позолоченная, круглая, ажурная с ременным плетением, скандинавской работы. (Там же).

Вскоре после находки клад был отправлен в Витебск, откуда отослан в Археологическую комиссию. Отсюда клад был распределен между следующими музеями: 43 монеты — для коллекций Эрмитажа, 31 монета — в Восточный кабинет Петербургского университета, 20 монет — в Херсонский музей, вещи и все остальные монеты — в Смоленский музей.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1909 г., № 184. — ОАК за 1909—1910 гг., стр. 203, рис. 241, и стр. 262. — Прибавление к в. 34 ИАК, СПб., 1910, стр. 132 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1909 г.). — Прибавление к в. 58 ИАК, Пгр., 1915, стр. 77 (Археолог. хрон. за перв. пол. 1915 г.).

БАССЕЙН ОКИ

27. В 1850 г. в с. Белый Омут (на берегу Оки) Зарайского у. Рязанской губ. (между Рязанью и Коломной) найден клад, в состав которого входили:

1) Куфические монеты; „саманидские диргемы составляли большую часть клада"; один из них относился к 965 г.
2) „Серебряные изделия".

Судьба клада не известна.

П. С. Савельев. Дополнение к описанию саманидских монет. ЗАО, т. VI, СПб., 1853, стр. 407 и 420. — P. Sawe l j e w. Vierzehn unedierte Samaniden-Münzen. Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, т. II (1852—1856), СПб., 1856, стр. 399, № 2. — А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 5. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 40, № 221.

28. В 1880 г. близ с. Канищево (Капищево) Рязанской губ., верстах в 10 от г. Рязань, недалеко от Оки, на хуторе купца Логинова, при рытье подвала был найден клад общим весом более двух фунтов, в состав которого входили:

1) Монеты куфические целые и рубленые, преимущественно аббасидские и саманидские IX — начала X в.
2) Прутики серебряные — 5 или 6, четырехгранные в сечении с округлыми ребрами. Вес одного 28 зол.
3) „Несколько штук серебряных украшений".

Клад разошелся по рукам: часть монет и 1—2 прутика попали к местному собирателю древностей А. В. Антонову.

А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 3. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 241. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 43, № 184.

ГРУППА III. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ В XI — НАЧАЛЕ XII в. 29—64

КИЕВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

29. В 1787 г. в мае в Киеве, на склоне Михайловой горы к Крещатику, был найден клад, о котором известно только из записок И. Ф. Тимковского, бывшего с 1785 по 1789 г. учеником Киевской Духовной академии.

„В мае 1787 г. трое мы вышли на Крещатик с своими уроками. Оба другие были старше меня. Средний, бродя в размытых провальях меж кустов, увидев снизу близ вéрху нависшую выпуклость, сухими комами глины выбил ее; свалился кувшин полный серебряных монет. В находке сделали участником и меня. Монеты были древние разной величины (разрядка моя, — *Г. К.*), три или четыре слитка серебра в виде палок сургуча, несколько золотых колец и перстней".

По аналогии с рядом других кладов этого времени мы предполагаем, что в кладе, кроме золотых колец, перстней и серебряных слитков в виде палочек, могли быть восточные и византийские монеты (ср. „древние монеты разной величины"), частые в кладах XI в., содержащих золотые кольца и слитки-палочки.

Часть клада попала к киевскому серебрянику, часть — к итальянским торговцам книгами и эстампами, приехавшим в Киев из Ломбардии, а часть была обменена на мячи и другие игрушки.

Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, 1874 г., стр. 166. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 96.

30. В 1899 г. 28 августа в Киеве в ус. Л. И. Бродского по Екатерининской улице, д. № 9, при рытье ямы на полуаршинной глубине был найден клад. Клад, повидимому, был уложен в низкогорлую амфору красной глины, часть которой сохранилась (обломок горлышка и одно ухо). В состав клада входили:

1) Монеты 963/69—1057/59 гг. — 20; сохранилось 16, из них:
   а) византийских золотых 963/69—1057/59 гг. — 15 (от Никифора Фоки до Исаака Комнина);
   б) западного халифата (испанских мавров) золотая 1033 г. (арабский динар).
2) Слитки золотые в виде палочек — 2; вес 141 г (с концом, обрубленным до зарытия клада) и 95 г. [Табл. X, *4* и *5*].
3) Браслеты золотые кованые — 2, гладкие, круглые в сечении, утончающиеся к концам; концы не сомкнуты (ср. с браслетом из клада с ус. Гребеновского в Киеве 1889 г., **99**; Кондаков. Р. кл., табл. IX, *9*). [Табл. X, *1*, *2*].

4) Золотой браслет, свитый из двух более тонких проволок, утончающихся к концам, перевитый сканной нитью; концы обломаны; повидимому, они были завязаны узлом. [Табл. X, *3*].

5) Железный замок.

В. Б. Антонович, на основании состава и хорошей сохранности монет, полагал, что клад был зарыт не позже второй половины или конца XI в. (может быть, во время занятия Киева Болеславом II в 1077 г.). По мнению других, клад был зарыт около 1059 г.

Клад был пожертвован А. И. Бродским в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № I (АК), 1899 г., № 207, фотогр. (здесь же вырезки из газет: Новое время, 6 сент. 1899 г., № 8450; Новости, 6 сент. 1899 г., № 245 и 16 сент. 1899 г., № 255; Правительственный вестник, 17 сент. 1899 г., № 202; Московские ведомости, 20 сент. 1899 г., № 259). — В. Б. Антонович. Замечательный клад. Киевск. стар., 1899, октябрь, отд. II, стр. 1—2. — Археологическая хроника: „Клад XI в. в Киеве" и „Интересный клад", АИЗ, т. VII, М., 1900, стр. 234—236 и 365—367. — Сообщение о кладе с ус. Бродского А. К. Маркова. ЗРАО, т. XII, в. 1—2, нов. сер., СПб., 1901, стр. 381, 382, протокол заседания ОРСА РАО от 16 X 1899, § III. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 180—181. — Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 34. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 138, доп. № 11. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 27, № 90. — NZ, т. 62, 1929, стр. 90, № 19 (зарыт ок. 1059 г.).

31. В начале 60-х годов XIX в. близ д. Б. Хайча, на уроч. Богдыхов Овручского у. Волынской губ., в поле, но „не в курганах и не при костях", был найден клад, в состав которого входили:

1) Браслет серебряный витой из двух дротов, перевитый сканной проволокой; концы заходят друг на друга и закручены вокруг дротов в 5—6 оборотов. [Табл. XI, *1*].

2) Браслет серебряный, трехгранный в сечении; концы обрублены и не сходятся, форма браслета не круглая, а слегка вытянутая. [Табл. XII, *1*].

3) Гривна шейная серебряная полая, плетеная из нескольких тонких проволок; концы в виде полых трубочек, заканчивающихся двумя крючками; гривна не утратила своей эластичности и гнется, как цепочка (ср. гривну Копиевского клада, **16**). [Табл. XI, *2*].

4) Гривна шейная серебряная полая, из согнутой трубкой пластины, утолщающаяся к середине. Один конец гривны движется на шарнире. Замок в виде полой тисненой розетки, украшенной ложной зернью и черневым кружочком в центре. На обороте розетки имеется овальная дырочка, за которую зацеплялся крючок другого конца гривны. [Табл. XII, *2*; рис. 4].

Кроме этих четырех вещей клада, в Каталоге выставки к XI археологическому съезду перечислен еще ряд мелких вещей, якобы принадлежащих к этому же комплексу, а именно: 2 бусы (стеклянная и пастовая), глиняный плоский кружок с дырочкой в центре, маленькая плиточка ромбической формы из светлого сланца, 2 фрагмента стеклянных витых браслетов (синего и коричневатого), 2 железных наконечника стрел, 2 железных ножа и 2 фрагмента ножей. Принадлежность перечисленных вещей к кладу несколько сомнительна.

Клад поступил в коллекцию Музея Киевского университета 20 апреля 1863 г. Ныне хранится в Киевском историческом музее.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 1250—1253. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 118. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 287. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, т. I, М., 1900, стр. 19.

32. В 1883 г. в Мироновском фольварке Каневского у. Киевской губ., на глубине полуаршина был найден клад в горшке серой глины (сохр. 3 фрагмента); в клад входили следующие вещи:

1) Гривны шейные серебряные — 2, витые из трех пар сдвоенных дротов с перевитью (Гущин, табл. X *12* и фрагменты третьей [табл. XIII, *1*]. У одной на концах трубочки, у другой крючок и петля.

2) Цепь серебряная, звенья из толстой проволоки; наконечники в виде сдвоенных литых голов драконов, держащих во рту кольцо, орнаментированных под скань и зернь. (Там же, X, *7*).

3) Браслет серебряный витой, наконечники с чернью. (Там же, X, *3*).

4) Подвески серебряные позолоченные литые — 3, копирующие сканные подвески типа гнездовских (ср. подвески Гнездовского клада 1868 г., № 23; Гущин, IV, *21*, *22*). (Там же, X, *11*).

5) Бусы серебряные большие, овальные, типа лопастных (уплощены) — 4, концы обмотаны сканью на средней части зерневые тругольники. (Там же, X, *10*).

6) Височное кольцо серебряное, перстнеобразное, сомкнутое. (Там же, X, *4*).

7) Бусина серебряная, зернчатая. (Там же, X, *9*).

8) Бусина стеклянная, золоченая, бочоночком. (Там же, X, *5*).

9) Бусины сердоликовые — 2: восьмигранная призматическая и плоская четырехугольная на двенадцать граней. (Там же, X, *8* и *6*).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1883 г., № 30, рис. — ОАК за 1883 г., стр. LVI. — Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и проч. в России и за границей. АИЭ, т. I, М., 1893, стр. 18. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 263—265. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 121. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 116, 117, рис. 178 (описание состава клада спутано с Мартыновским кладом, **129**). — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 271—272. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 63, 64, табл. X.

33. В 1891 г. в предместье г. Канев Каневского у. Киевской губ., носящем название Исковщина, при обработке огорода мещанином Афанасием Цапом был найден клад, в состав которого входили:

1) Браслет серебряный плетеный с черневыми наконечниками. [Табл. XIII, *2*].

2) Браслет серебряный, витой из двух дротов, попорченный и без наконечников. [Табл. XIII, *3*].

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Московский исторический музей.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1891 г., № 81, фотогр. — ОАК за 1891 г., стр. 125 (предместье ошибочно названо „Псковщина").

34. В 1895 г. близ с. Пилява Каневского у. Киевской губ., на берегу р. Россава, мальчик, разоряя гнезда речных ласточек в обрыве крутого берега реки, вытащил из одного гнезда:

1) Гривны серебряные — 6.

2) Браслеты серебряные — несколько.

Клад поступил в 1897 г. в Киевский музей древностей и искусств и хранится ныне в Киевском историческом музее. В настоящее время от клада сохранилось:

Гривен шейных серебряных витых — 2, замки в два крючка. [Табл. XIV, *4*; XV, *2*].

Браслетов серебряных — 3, из них два витых и один плетеный. На наконечниках одного из витых браслетов чернь. [Табл. XIV, *1—3*].

Сообщение А. М. Лазарева о находке клада близ с. Пилява. ЧИОНЛ, кн. XI, Киев, 1896, стр. 10, 11, протокол. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 272. — NZ, т. 62, 1929, стр. 108, примеч. 1.

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

35. В 1848 г. в Чернигове близ Елецкого монастыря при очистке канавы на монастырском огороде был найден клад, в состав которого входили:

1) Браслеты из золотой гладкой толстой проволоки, круглой в сечении, — 2; концы обрублены. Один браслет деформирован.

2) Перстни золотые — 2; щитки по краю обведены ободком из крупных шариков зерни. В центре щитков вставки — у одного камень темный, у другого светлый, прозрачный.

3) Подвески серебряные полусферической формы, с ушком трубочкой — 5; поверхность орнаментирована крупной зернью и сканью. (Рыбаков, рис. 21—22; ошибочно отнесены к украшению пояса).

4) Бляшки серебряные позолоченные поясные и наконечники различной формы — 57. Один наконечник, повидимому, от другого набора. (Рыбаков, рис. 21—22).

Клад поступил в Московскую Оружейную Палату, откуда в 1868 г. был передан в Московский публичный музей. Ныне клад хранится в Гос. Историческом музее в Москве.

Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг. М., 1871, стр. 176. — Г. Д. Филимонов. Каталог отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М., 1873, стр. 96, №№ 2482—2485. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. VIII, в. 1—2, СПб., 1896, нов. сер., стр. 131. — Московский публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей. в) Древности доисторические. М., 1905, стр. 90, 91, №№ 2002—2003. — Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 53, 54, рис. 21, 22.

36. В 1883 г. в октябре в уроч. Струпово в поле около с. Глубоцкое Гомельского у. Могилевской губ., к югу от г. Гомель, на границе с Городницким у. Черниговской губ. был найден большой клад, завернутый в кожу. Клад разошелся по рукам. По имеющимся сведениям, в состав клада входили:

1) Монеты куфические — „более четверика" (около 2 ведер); из них сохранилось — 79, относящихся к 892/3—911/12 гг. (саманиды). Основная масса монет падает на 902/3—911/12 гг. (60 монет); за эти годы монеты идут без пропусков.

2) „Ожерелье из крупных кораллов, соединенных друг с другом посредством серебряных трубочек". Ожерелье не сохранилось, и по описанию очень трудно представить себе, каким оно было. Кораллами на Украине называют любые бусы, так что не следует думать о настоящих кораллах. Что представляли собою „серебряные трубочки" — сказать трудно.

3) Пряжка бронзовая кольцевая, на концах — многогранные бусины, обод пряжки снизу плоский, сверху трехгранный. По средней грани и на бусинах пунсонный точечный, местами стершийся орнамент. Сломана на две части, иглы нет. [Табл. XV, *1*].

Монеты и пряжка поступили в Археологическую комиссию и были переданы на хранение в Эрмитаж, за исключением двух монет 896/97 и 910/11 гг., отосланных могилевскому губернатору для передачи в Могилевский музей. Ожерелье не сохранилось.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1884 г., № 4, лл. 1—6. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 26—27, № 144.

37. В 1946 г. весной на „приусадебном участке в колхозе «Большевик»“ (дер. Льговка Воронежского сельсовета Калужской обл. и района, в 4 км от г. Воротынска) при вспашке земли плугом, на глубине около 30 см был найден клад в глиняном горшке, имеющем вид кринки, выс. 25 см.

Клад частично разошелся по рукам. Часть его была собрана сотрудником Московского Гос. исторического музея, выехавшим на место находки клада. В состав клада входили:

1) Монеты серебряные — западноевропейские денары 1038/57—1068/90 гг. Подавляющее большинство монет относится к 1059/71—1068/90 гг.
2) Слиток серебряный (гривна?).
3) Пластинка серебряная с прикрепленными к одному краю колечками (от поясного набора?); сохранилось 4 фрагмента. (Реконструкция — Маслов, рис. 46, *1—2*).
4) Фигурки животных, повидимому, подвески (не сохранились).
5) Спирали из тонких металлических ленточек, свитые в виде трубочек. (Реконструкция — Маслов, рис. 46, *3*).

Клад хранится в Московском Гос. историческом музее.

Н. М. Маслов. Льговский клад. КСИИМК, в. XXIII, М.—Л., 1948, стр. 105—107, рис. 46, *1—4*.

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

38. В 1903 г. на ус. казака С. И. Игнатко в с. Великоселецкое Лубенского у. Полтавской губ. был найден клад, в состав которого входили:

1) Монеты золотые византийские 976/1025—1042/54 гг. — 2 (Василий II, Константин VIII и Константин IX), без отверстий. (ОАК за 1903 г., рис. 273; в ОАК за 1903 г. и у Ильина указано, повидимому, ошибочно: „Две золотые византийские монеты XI в. Василия II и Константина XI и Константина XII“).
2) Слитки серебряные в виде палочек — 2, утонченных посередине; вес 194.07 и 198.20 г. (ОАК за 1903 г., рис. 275 и 276).
3) Кольца золотые из круглого дрота с неспаянными концами — 2. (Там же, рис. 274).

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда был передан в Эрмитаж, за исключением одной монеты, переданной в музей Полтавского земства.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1903 г., № 141, фотогр. — ОАК за 1903 г., стр. 143 и 212, рис. 273—276. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 42, № 178. — NZ, т. 62, 1929, стр. 84, № 10.

За год до находки клада в 1902 г. тот же казак при обработке поля у с. Великоселецкое нашел большой слиток золотистого серебра, переломленный надвое и имевший необычный вес — 245.91 г. Около 1895 г. здесь же была найдена золотая византийская монета Василия II и Константина VIII 976—1025 гг Слиток поступил в Эрмитаж, а монета в Киевский исторический музей.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1902 г., № 133. — ОАК за 1902 г., стр. 129 и 170. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 42, № 177 и стр. 5, 6. — NZ, т. 62, 1929, стр. 84, № 7.

39. Около 1912 г. на берегу р. Трубеж близ г. Переяслав Полтавской губ. при неизвестных обстоятельствах был найден клад, в состав которого входили:

1) Обод от чаши серебряный, позолоченный, орнаментированный подражанием куфической надписи. Буквы выполнены чеканом и заполнены чернью. Диам. обода 17—19 см. Ручка имела форму полочки (не сохранилась), под ней „букв“ не было. [Табл. XVI, *8—10*; рис. 5].
2) Медальон круглый серебряный позолоченный с чеканным погрудным изображением св. Николая с греческой надписью ΟΑ ΝΙΚΟΛΑΟΣ. Вокруг изображения рамка из ложной чеканной крупной зерни. По краю медальона 10 дырочек, в одной из них гвоздик. Медальон поврежден. Диам. 7 см. [Табл. XVI, *1*].
3) Голова хищного зверя серебряная, позолоченная, чеканная, полая, составленная из двух половинок (ныне распалась надвое). Моделировка головы условно-орнаментальная. Глаза миндалевидные, выпуклые. В нескольких местах есть дырочки для гвоздей. Повидимому, голова являлась навершием какого-то деревянного предмета (палки, жезла). [Табл. XVI, *2* и *3*].

4) Пластинки узкие прямоугольные серебряные, позолоченные, с чеканными изображениями животных — 2. Обе пластинки сохранились не полностью. На сохранившихся частях — одинаковые изображения, повернутые в разные стороны. На каждой пластинке изображен заяц и преследующий его более крупный зверь, от которого сохранилась на обеих пластинках только передняя часть. Вокруг изображений прямоугольная зернчатая рамка. По краям дырочки для гвоздиков. [Табл. XVI, *4* и 5].

5) Пластинка узкая прямоугольная серебряная позолоченная. По середине пластинки, вдоль ее, ряд чеканных сильно выпуклых полушарий. Вдоль обоих длинных краев напаяно по две сканных толстых проволочки, местами отпаявшихся. У торцевых концов — дырочки для гвоздей. [Табл. XVI, *6*].

6) Бусина янтарная в виде двух сложенных основаниями усеченных конусов. Бусина надета на серебряный стерженек с конической бронзовой шляпкой внизу и гаечкой вверху. Повидимому, на стерженьке прежде было надето еще что-то, так как бусина свободно по нему передвигается. [Табл. XVI, *7*].

Клад поступил в декабре 1912 г. в Киевский музей древностей и искусств, ныне Киевский исторический музей.

ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

40. В 1916 г. летом близ с. Киково Новоградволынского у. Волынской губ., в урочище Терно, при выборке песка был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривны шейные серебряные витые — 3. (ИАК, в. 65, рис. 2).

Одна гривна была отнята у находчиц крестьянином. Две остальные поступили в Археологическую комиссию и были переданы в Эрмитаж, а 13 мая 1930 г. переданы в Гос. Русский музей в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1917 г., № 52. — Случайные находки и приобретения за 1916 и 1917 годы. ИАК, в. 65, Пгр., 1918, стр. 163, рис. 2.

41. В 1933 г. весной, к северу от д. Козлин Ровенского у. Волынской губ., при исправлении канавы, идущей к мосту через р. Горынь, в 2 метрах от правого берега старого русла р. Горыни и в 8—10 метрах от моста и дороги, крестьянами д. Козлин, копавшими землю, был найден клад. Несколько мелких вещей они выбросили в реку, одну вещь поломали и несколько кусочков ее также выбросили в реку или в землю, вывезенную из канавы. Вещи лежали не вместе, а на некотором расстоянии друг от друга. Осенью того же года в нескольких метрах от места находки была найдена еще одна вещь. Среди сохранившихся вещей имеются:

1) Гривны шейные серебряные (парные) витые — 2, каждая из пяти пар скрученных друг с другом дротов. Наконечники пластинчатые, с трубочками и дырочками на концах, орнаментированы геометрическим узором, выполненным наколом (найдены весной 1933 г.; Jakimowicz, рис. 1—2).

2) Гривны шейные серебряные (парные) витые — 2, каждая из трех пар скрученных друг с другом дротов. Наконечники полые с двумя крючками на концах. Одна гривна в шести фрагментах (найдена весной 1933 г.; вторая гривна найдена осенью 1933 г.; Jakimowicz, рис. 3).

3) Бусина серебряная тисненая, овальной формы; по концам обмотана сканной нитью. Орнаментирована зерневыми продольными поясками, делящими ее поверхность на три поля; между поясками по два ряда зерневых треугольников. (Jakimowicz, рис. 4).

4) Бусина серебряная тисненая, сложного профиля: в центре шар, по сторонам по два сплюснутых шара поменьше, по краям два конуса. Буса не орнаментирована. (Jakimowicz, рис. 5).

Клад поступил в коллекции Гос. Археологического волынского музея в г. Ровно.

R. Jakimowicz. Skarb srebrny z Kozłina na Wołyniu. Przegląd Archeologiczny, т. V, в. 1. Познань, 1933—1934, стр. 83—90, рис. 1—5.

42. В 1890 г. близ с. Бегень на р. Горынь Ровенского у. Волынской губ., в поле, во время пахоты был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривны шейные серебряные — 3; из них одна целая, от двух других 2 фрагмента. Гривны свиты из трех пар дротов. Концы пластинчатые, заканчивающиеся двумя крючками или петлей и крючком.

2) Гривны шейные бронзовые — 2, свитые из четырех пар дротов, два фрагмента, концы пластинчатые, заканчивающиеся двумя крючками.

Клад поступил в коллекцию Ф. Р. Штейнгеля.

Н. Ф. Беляшевский. Отчет Городецкого музея Волынской губернии барона Ф. Р. Штейнгеля за первый год. Варшава, 1898, стр. 22, №№ 721—725. — В. Б. Антонович (Археологическая карта Волынской губернии, Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 44) указывает, что в том же году в с. Бегень был найден золотой перстень. Полагаю, что он не имел отношения к кладу гривен. — R. Jakimowicz. Skarb srebrny z Kozłina na Wołyniu. Przegląd Archeologiczny, т. V, в. 1. Познань, 1933—1934, стр. 89.

43. В 1885 г. 23 февраля на улице д. Бужиски Бельского у. Гродненской губ. кабан вырыл клад в горшке красного цвета; в состав клада входили:

1) Гривны монетные серебряные — 5, в виде коротких толстых палочек; у двух оба конца расплющены; у трех один расплющен, другой закруглен. Вес от 76.78 до 183.95 г. (Орешников, V, *16—20*). [Табл. XX, *1*—5].
2) Гривны шейные серебряные — 8 (из них одна в двух кусках):
   а) гривна витая полая, утолщающаяся к середине; концы пластинчатые, широкие, украшенные гравировкой (треугольники и ромбы). Один конец закручен в трубочку; на обоих концах дырочки для шнурка. [Табл. XVII, *3*];
   б) гривны витые — 2, из четырех пар скрученных дротов. Концы пластинчатые (у одной, маленькой гривны обломаны), заканчивающиеся трубочками, возле которых дырочки для шнурка. [Табл. XVII, *1*, *2*];
   в) гривны из двух или трех дротов — 5 (одна в двух фрагментах), согнутые в полтора и два оборота. Концы пластинчатые в виде широких лопастей; у одной гривны концы закручены в трубочки; у другой оба конца обломаны. Все сохранившиеся наконечники украшены пунсонным орнаментом. [Табл. XVIII и XIX].

А. И. Черепнин три из пяти монетных гривен датирует XV в. (табл. V, *17—19*), а один из слитков заподозрил как подделку (табл. V, *20*), поскольку по весу он не соответствует ни гривнам, ни рублям.

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Московский исторический музей.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 17, рис. — ОАК за 1882—1888 гг., стр. XCIII. — Находки в пределах России за 1885 г. и конец 1884 г. (выборки из дел АК). ЗРАО, т. II, СПб., 1887, нов. сер., стр. LXVII, № 23. — Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, №№ 4237, 4238. — Московский исторический музей. Указатель памятников, 2-е изд., М., 1893, стр. 157, №№ 1143—1156. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 297. — А. В. Орешников. Опись серебряных монетных слитков из собрания имп. Российского исторического музея. ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 219—220, табл. V, *16—20*. — А. И. Черепнин. О гривенной системе ... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 163 и 201. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 122. — А. А. Ильин. Топогр. кладов ... слитков. 1921, стр. 19—20, № 42. — NZ, т. 62, 1929, стр. 86, № 17.

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

44. В 1853 г. в р. Луппа в Зверовицкой волости Краснинского у. Смоленской губ. были найдены серебряные слитки и серебряный лом весом всего 37 ф. 77 зол. Весь клад сплавлен.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 9 (Канцелярии Министерства уделов), 1853 г., № 1 (220). — Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических раскопках 1853 г., СПб., 1855, стр. 11. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб. 1899, нов. сер., стр. 185. — А. А. Ильин. Топогр. кладов ... слитков. 1921, стр. 46, № 197.

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

45. В 1898 г. в д. Стражевич Черейской вол. Сенненского у. Могилевской губ. при вспашке поля крестьянином Давыдовым был найден клад, завернутый в бересту, в состав которого входили:

1) Монеты серебряные X и XI вв. — 207:
   а) диргемы 916/17—995 гг. — 48; из них 16 целых и 32 обломка;
   б) западноевропейские, целые и обломки X—XI вв. — 159, кельнские, германские, англосаксонские (по Черепнину, 130 экз.), очень плохой сохранности, почти все поломанные.
2) Слитки длинные трехгранные в сечении — 2. [Табл. XXI, *10*, *11*].
3) Слитки трехгранные поменьше — 2. [Табл. XXI, *9*].
4) Слитки в виде плиток с шероховатой поверхностью — 5. [Табл. XXI, *7*].
5) Пластина узкая, закрученная кольцом в два оборота (шир. 0.2 дюйма) и 11 кусков такой же пластины различной длины и ширины.
6) Пуговица серебряная, позолоченная, обломок.
7) Бляшки поясные — 3, с чеканным (?) орнаментом. [Табл. XXI, *3*, *4*, *5*].

8) Головка от булавки (?) ромбической формы, полая, орнамент в виде цветка с восемью лепестками. [Табл. XXI, *6*].

9) Проволока серебряная, моток и 11 отдельных кусков. [Табл. XXI, *2*].

10) Проволоки четырехгранной четыре куска. [Табл. XXI, *1*].

11) Металла желтого небольшой кусок, повидимому электра. [Табл. XXI, *8*].

12) „Пять мелких обрубленных кусков серебра и

13) одиннадцать небольших кусков серебряной бляхи".

14) Кружков серебряных — 9, повидимому, неудачно штампованных или расплющенных впоследствии монет. Общий вес клада 1 ф. $87^1/_8$ зол. 36 д. Вес слитков и серебряного лома (254 экз.) 527 г.

Е. Р. Романов считает, что клад представляет собой запас лома серебряника, изготовлявшего гривны, браслеты, серьги, пряжки, кольца и т. п. Он отмечает, что клад найден в треугольнике между Березиной, Зап. Двиной и Днепром, т. е. в районе пересечения путей с севера и запада на юг и восток. Клад найден в 5 километрах от древнего Лукомля, разрушенного Мономахом (см. „Могилевские губ. ведомости", 1898 г., № 38). Зарыт в середине XI в.

Клад поступил в Археологическую комиссию; после рассмотрения его часть серебряных обломков была сплавлена, а остальные обломки и монеты были переданы на хранение в Музей Губ. статистического комитета г. Могилева. В 1926 г. в Могилевском музее клад обнаружен не был.

Ср. с кладом из д. Стражевич 1903 г. (**46**).

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1898 г., № 119, фотогр.; фонд № 2 (ГАИМК), 1926 г., № 226, лл. 12, 13, 24. — ОАК за 1898 г., стр. 72 и 183. — „Два клада, найденные в Сенненском у. Могилевской губ." (перепеч. из „Могилевских губ. ведомостей" за 1898 г., № 38), АИЭ, т. VI, М., 1898, стр. 241—243. — Правительственный вестник, 1898, № 123. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 164. — Е. Р. Романов. Еще два клада близ древнего Лукомля. Прибавл. к в. 6 ИАК, СПб., 1903, стр. 73 (Археолог. хрон. за перв. пол. 1903 г.). — К. Т. Аникиевич. Сеннинский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907, стр. 65. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 139, доп. № 18. — А. А. Ильин. Топогр. кладов ... слитков. 1921, стр. 36, № 150. — ПИДО, 1935, в. 9—10, стр. 241. — NZ, т. 62, 1929, стр. 84, № 8. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 161—162, № 68 (зарыт ок. 1040 г.).

46. В 1903 г. близ д. Стражевич Черейской вол. Сенненского у. Могилевской губ. в поле был выпахан крестьянином Давыдовым клад, в состав которого входили:

1) Монеты 915—1059 гг. — 319 (или 318), из них:

а) диргемов 915/16—1013/14 гг. — 46 целых и обломков; многие с ушками или отверстиями;

б) западноевропейских 936/76—1011/59 гг. — 273.

2) Слиток золотой с желобком внизу, дл. 2.5 дюйма, шир. 0.5 дюйма, вес 18 зол. 46 д. (ИАК, в. 17, рис. 1). [Табл. XXII, *5*].

3) Кольцо золотое из круглого толстого дрота, концы неспаянные, вес 4 зол. 56 д. (Там же, рис. 1). [Табл. XXII, *5*].

4) Кольцо золотое из четырехгранной проволоки, концы неспаянные, вес 3 зол. 78 д. (Там же, рис. 1). [Табл. XXII, *5*].

Все три предмета нанизаны на серебряное витое колечко.

5) Слиток серебряный в виде граненой палочки дл. 7 дюймов, вес 47 зол. 51 д. (Там же, рис. 2). [Табл. XXII, *11*].

6) Слиток серебряный также в виде граненой палочки, меньше предыдущего, дл. $5^3/_8$ дюйма, вес 23 зол. 80 д. (Там же, рис. 3). [Табл. XXII, *12*].

7) Слиток серебряный граненый — 2 фрагмента. [Табл. XXII, *9*, *10*].

8) Обрубки серебра — 4. [Табл. XXII, *1*, *4*, *6*, *7*].

9) Гривны шейной 4 фрагмента из серебряного граненого дрота; один фрагмент согнут дугой, второй — петлей, третий — с замочной частью гривны. [Табл. XXII, *2*, *3*].

10) Проволока тонкая серебряная, свернутая в виде кольца в $2^1/_4$ оборота. [Табл. XXII, *8*].

Е. Р. Романов считает, что клад 1903 г., как и первый Стражевичский клад 1898 г. (**45**), найденный тем же крестьянином Давыдовым, принадлежал также серебряных дел мастеру, может быть тому же самому, что и клад 1898 г.

А. К. Марков, отмечая пестроту нумизматической части клада, определяет время его зарытия серединой XI в. и считает, что состав его определяют монеты, бывшие в ходу в Полоцкой земле во второй трети XI в.; деревня Стражевич расположена на верховьях р. Улла близ древнего Лукомля, который стоял на переволоке между реками Уллой и Березиной. Путь этот имел местное значение, главная магистраль шла с Западной Двины на Днепр через Смоленск.

Клад поступил в Археологическую комиссию; слитки были переданы в Эрмитаж, монеты распределены между Эрмитажем, Варшавским университетом и Могилевским музеем.

Ср. с кладом из д. Стражевич 1898 г. (**45**).

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1903 г., № 156. — ОАК за 1903 г., стр. 137 и 210. — Е. Р. Романов. Еще два клада близ древнего Лукомля. Прибавление к в. 6 ИАК, СПб., 1903, стр. 73—74 (Археолог. хрон. за перв. пол. 1903 г.). — А. К. Марков. Два монетные клада 1903 г. ИАК, в. 17, СПб., 1905, стр. 133—136, рис. 1—3. — К. Т. Аникиевич. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907, стр. 65. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 36, № 151. — ПИДО, 1935, в. 9—10, стр. 241. — NZ, т. 62, 1929, стр. 84, 90, 92, №№ 9, 18, 24; табл. I—II. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 162, 163, № 69 (зарыт ок. 1045 г.).

47. В Витебской губ. в неизвестное время (до 1907 г.) и при неизвестных обстоятельствах был найден клад. В него входили:

1) Подвески серебряные — 3; представляют собой варварские подражания саманидским диргемам второй половины X в. Мансура ибн-Нуха. (Ханенко, в. VI, табл. XXXV, *1127—1129*).
2) Гривны шейные серебряные полые — 3; две из них с розетчатым замком (ср. гривны Белогостицкого клада 1836 г., **63**; Спицын, рис. 117 и 120), третья с крупным сложным тисненым замком в виде бусины, средняя часть которой украшена крупными овальными выступами, а боковые стилизованными головками животных. (Ханенко, в. VI, табл. XXXV, *1121—1122*; одна гривна, с розетчатым замком, не изображена).
3) Пряжки большие — 2, кольцевые серебряные двускатнопластинчатые, с пластинчатыми муфточками у игл, орнаментированными треугольниками, выбитыми пунсоном. Концы пряжек обломаны. (Ханенко, в. VI, табл. XXXV, *1124—1125*).
4) Подвеска круглая серебряная пластинчатая с приклепанным ушком, украшенная точками, выбитыми с обратной стороны пунсоном (розетка с полусферическим возвышением в центре). (Ханенко, в. VI, табл. XXXV, *1126*).

Клад поступил в собрание Б. И. Ханенко; ныне хранится в Киевском историческом музее (инв. №№ 13420, 13421, 13426, 13429).

Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, табл. XXXV, *1121—1129*.

Определение подражаний диргемам сделано в 1939 г. ст. научн. сотр. Гос. Эрмитажа А. А. Быковым.

48. В 1910 г. в г. Полоцк Витебской губ. при рытье водосточной канавы в саду земской больницы был найден клад, весивший 9430 г. В состав его входили:

1) Монеты:
   а) западноевропейские 936/73—1054/76 гг. — 142 целых и 14 обломков;
   б) несколько фрагментов арабских диргемов.
2) Слитки серебряные — 4 целых и 28 фрагментов больших, в виде палочек, 11 фрагментов маленьких, тоже в виде палочек, и 3 фрагмента круглых слитков.
3) Большое количество „обрезков браслетов и шейных гривен".

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Исторический музей в Москве.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1910 г., № 64, фотогр. — ОАК за 1909—1910 гг., стр. 201 и 252. — Отчет РИМ за 1910 г., М., 1911, стр. 23. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 5—6 и 15, № 10. — ПИДО, 1935, в. 9—10, стр. 241. — NZ, т. 62, 1929, стр. 84 и 92—93, №№ 11 и 25 (зарыт ок. 1060 г.). — NfZ, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 149—156, № 6 (зарыт в середине XI в.).

49. В 1892 г. при вспашке поля крестьянином Осипом Титовым близ д. Шалахова Невельского у. Витебской губ. был найден завернутым в бересту клад серебряных украшений из 23 предметов. В состав его входили следующие вещи:

1) Ожерелье из 11 бус и 10 круглых серебряных подвесок с полусферической лицевой стороной и ушком трубочкой. Оборот подвесок гладкий, на лицевой стороне две перекрещивающиеся полосы из полушариков; между ними, в сегментах, зерневые уголки. (Гущин, V, *5*; ср. с подвесками Белогостицкого клада 1836 г., **63**; Спицын, рис. 126). Бусы — разные: шесть меньших — овальные с полосками редкой зерни на средней части, концы обмотаны сканной проволокой; остальные пять бусин крупные, основа овальная, на средней части напаяны ряды колечек из тонких ленточек, поставленных на ребро. У трех из них колечки соединены между собой, как цепочка. Концы обмотаны сканной проволокой. Все подвески и бусы ожерелья нанизаны на толстый серебряный дрот, загнутый на концах крючками. (Гущин, V, *5*; ср с бусами Забельского клада, **54**, ОАК за 1913—1915 гг., рис. 243; Тереховского клада, **154**, Гущин, XIV, *7* и XV, *8*; Тверского клада 1906 г., **170**, ЗОРСА, XI, табл. I, *9*).
2) Пряжка кольцевая большая, литая, серебряная двускатнопластинчатая, с пластинчатой муфточкой иглы. На муфточке и на концах пряжки, загнутых в трубочки, узор из треугольников, колечек и точек, выбитых пунсоном. (Гущин, VII, *4*; ср. с двумя пряжками Белогостицкого клада 1836 г., **63**; Спицын, рис. 123 и 130).

3) Серьга в виде кольца из толстого дрота, утонченного к концам, с надетой на него большой овальной бусиной, украшенной зерневыми треугольниками и овалами (имитация лопастной бусины). (Гущин, VI, *2*; ср. с серьгой Белогостицкого клада 1836 г., **63**; Спицын, рис. 112).
4) Гривна шейная серебряная кованая, на концах большие фасетированные квадратные пластинки с розетками. Нижние части гривны (у пластин) — четырехгранные, с выпуклым геометрическим орнаментом и четырьмя бусами на двенадцать граней. Выше дрот восьмигранный с орнаментом из треугольников, выбитых пунсоном; средняя часть дрота — круглая в сечении, гладкая. Сверху гривна позолоченная (снизу обтерлась?). (Гущин, VIII, *1*; ОАК за 1892 г., рис. 53; ср. с гривной Гнездовского клада 1868 г., **23**; Гущин, I, *3*).
5) Височные кольца браслетообразные завязанные — 4. (Гущин, VIII, *2—3*).
6) Кольцо ромбощитковое серебряное завязанное и 3 фрагмента другого кольца; на щитках крестообразный узор из колечек и точек, выбитых пунсоном. (Гущин, VIII, *4*).
7) Кольцо многобусинное височное или ожерелье (детское?), состоящее из серебряного проволочного кольца (диам. 103 мм) с крючками на концах, с надетыми на него пятнадцатью разными бусами, из них три овальные (две с редкой зернью на средней части, аналогичные бусам первого ожерелья, третья с овальными выпуклостями) и двенадцать круглых, примерно сходных между собой: по диаметру широкий гладкий поясок, по сторонам его зерневые треугольники. (Гущин, VI, *3*; ср. с бусами Белогостицкого клада 1836 г., **63**; Спицын, рис. 121).
8) „Аграфы" серебряные большие, согнутые дужкой, — 2, с пятью гладкими круглыми бусами на каждом. Между бусами дрот обмотан проволокой; на концах петли. (Гущин, V, *3* и *7*).
9) Венчик из широкой гладкой серебряной пластины — 5 фрагментов; заканчивается крючками для застегивания. (Гущин, V, *1*, один фрагмент).
10) Гривны шейные серебряные витые — 5; три из них свиты из трех пар дротов, одна с перевитью. (Гущин, VI, *1*). Две свиты из четырех пар дротов, одна с перевитью. (Гущин, VII, *3*). Наконечники, полые у основания, к концам сплющены и загнуты в трубочки за исключением одной (Гущин, VII, *3*), у которой на концах петля и крючок. (Гущин, VI, *1* и *4*; VII, *1*, *2* и *3*).
11) Браслет серебряный витой из четырех пар дротов с обычными литыми наконечниками. (Гущин, V, *4*).
12) Перстни серебряные — 4; из них два с полусферическими щитками, украшенными зернью; у одного на щитке четыре гнезда с синими стеклами. (Гущин, V, *2* и *6*). Два других перстня сломаны: у одного гнездо утрачено и сохранилось только дно его; у другого гнездо в виде низкого полого цилиндра, украшенного зернью. (Архив ИИМК, фонд № 1, 1892 г., № 171, л. 15, рисунок).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан на хранение в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1892 г., № 171, фотогр. и рис. — ОАК за 1892 г., стр. 91—92 и 156—157, рис. 53 и 54. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. IX, в. 1—2, СПб., 1897, нов. сер., стр. 266. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 59—60. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 57—59, табл. V—VIII.

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

50. В 1923 г. в октябре в д. Васьково Великолукского у. Псковской губ. был найден клад, состоявший из серебряных вещей и монет. Часть монет была доставлена через два года после находки клада (в 1925 г.).

В настоящее время в кладе находятся:

1) Монеты — 378 целых и 4372 обломка, всего 4750, из них:
   а) куфических — 155 целых и 4121 обломок, всего 4276, позднейшая 1012/1013 гг.;
   б) византийских — 4 целых и 1 обломок, 921/44—976/1025 гг.;
   в) западноевропейских — 219 целых и 250 обломков, всего 469 за 936/73—1011/59 гг.
2) Браслеты серебряные — 2; каждый свит из двух проволок, концы завязанные. [Табл. XXIII, *1*, *2*].
3) Височные кольца большие из тонкой серебряной проволоки — 7; некоторые сильно деформированы. [Табл. XXIV, *1*, *4—6*, *8*, *10*, *11*].
4) Височные кольца маленькие из серебряной проволоки с далеко заходящими, закрученными концами — 4. [Табл. XXIV, *2*, *3*, *7*, *9*].
5) Пряжки кольцевые серебряные — 2, с выступающим ребром (двускатнопластинчатые). На муфточках игл — треугольники, выбитые пунсоном. [Табл. XXIII, *6*, *7*].

6) Медальон из тонкой серебряной пластины с пунсонным орнаментом, расстрижен на 5 частей. В центре и у края заметны сквозные дырочки. [Табл. XXIII, *3*].

7) Проволоки серебряной куски, согнутые в дужки, — 5. [Табл. XXIII, *9*].

8) Лунницы серебряной фрагмент, украшенный зернью. [Табл. XXIII, *21*].

9) Украшений различных фрагменты, со сканью, зернью, гравированным и пунсонным орнаментом — 26. [Табл. XXIII, *4, 8, 10—20, 22*].

10) Пластинки серебряные гладкие различной толщины и формы — 29. [Табл. XXIII, 5].

В 1924 и 1925 гг. клад был куплен Гос. Эрмитажем. Общий вес клада более 2725 г.

ZfN, т. XXXV, в. 4, 1925, стр. 280. — Р. Р. Фасмер. Список монетных находок... 1926, стр. 290, № 22; стр. 293, № 6. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 140—146, № 56.

51. В 1891 г. 2 сентября в огороде д. Демшина Туровской вол. Новоржевского у. Псковской губ., на правом притоке р. Великой, был найден большой клад, весивший 6350 г. (5 ф. 49½ зол.), в состав которого входили:

1) Монеты IX—XI вв.; в Археологическую комиссию было доставлено 6748 монет, из них 5921 целая и 827 обломков. Клад не был полностью изучен; определено немногим более половины монет — 3638, из них:
   а) куфических 893/94—1013/14 гг. — 270;
   б) западноевропейских X—XI вв. — 3368.

2) Пряжка серебряная большая кольцевая южношведского происхождения, состоящая из толстого гладкого дрота с несомкнутыми обрубленными концами; недалеко от концов на дрот насажены две серебряные литые бусины с плетеным орнаментом, исполненным чернью; третья такая же бусина составляет основание иглы пряжки (Arne, рис. 368). [Табл. XXV, *1*].

3) Кольцо ромбощитковое маленькое, с двумя ромбическими расширениями, орнаментированное пунсонными колечками. На кольцо надета серебряная литая подвеска (?) со стилизованной куфической (?) надписью, исполненной чернью. Подвеска четырехгранная, расширяющаяся книзу, по ребрам украшена рубчатыми полосками. Внизу кнопка; вверху заканчивается стилизованной головой зверя с крупными выпуклыми миндалевидными глазами и раскрытой пастью. На шее — плетенка. Между глазами сквозное отверстие, через которое продет конец ромбощиткового кольца. [Табл. XXV, *2*].

Клад был доставлен в Археологическую комиссию. Вещи были ею переданы в Музей Псковского археологического общества, монетная же часть была распределена по разным местам: в Эрмитаж — 1714 г, в Гос. Исторический музей в Москве — 1896 монет; в Музей Псковского археологического общества — 1539 монет; в коллекцию Н. П. Лихачева — 25 монет; сплавлено — 1500 г. В Музее Псковского археологического общества монеты клада вскоре перемешались с другими монетами; бóльшая часть их, а также вещи, были похищены из Музея в 1920-х годах.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1891 г., № 147, фотогр., рис. — ОАК за 1891 г., стр. 131 и 182—183. — Выставка древностей, представляемых Археологической комиссией... за 1894 год. СПб., 1895, стр. 27, № XLIII. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. IX, в. 1—2, 1897, нов. сер., стр. 255. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 131, № 212. — Н. Окулич-Казарин. Материалы для археологической карты Псковской губернии. Труды Псковск. археолог. общ., вып. 10, Псков, 1913—1914, стр. 161, 162. — T. Arne. La Suède et l'Orient. Упсала, 1914, стр. 60, 227, рис. 368. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 135—140, № 54. — ПИДО, 1935, в. 9—10, стр. 240.

52. В 1904 г. близ с. Крыжово Новоржевского у. Псковской губ. в поле был найден клад, в состав которого входили:

1) Монеты западноевропейские, пфениги XI в. — около 1 фунта.

2) Подвеска серебряная штампованная, подражающая монете, фрагмент. [Табл. XXVI, *2*].

3) Гривна шейная серебряная, витая из двух дротов, с пластинчатыми концами, орнаментированными пунсоном; концы обломаны. [Табл. XXVI, *8*].

4) Гривна серебряная витая из трех пар дротов; из наконечников сохранился один, орнаментирован пунсоном. [Табл. XXVI, *7а, б*].

5) Замочка от гривны фрагмент, серебряный, квадратный, с рельефной розеткой в квадратной рамке (ср. гривну Шалаховского клада 1892 г., **49**; Гущин. Памятники, табл. VIII, *1*). [Табл. XXVI, *3*].

6) Крестик серебряный, литой, четырехконечный, с кружком на перекрестии и тремя кружками на каждом конце. [Табл. XXVI, *1*].

7) Бусы стеклянные — 3; одна позолоченная, из четырех долек; другая крупная белая прозрачная, ребристая; третья оранжевая с зеленым, длинная, призматическая. [Табл. XXVI, *4—6*].

Клад, кроме монет, попавших в частные руки, поступил в Археологическую комиссию и в 1906 г. был передан в Исторический музей в Москве.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1904 г., № 88, фотогр. — ОАК за 1904 г., стр. 110 и 161. — Отчет РИМ за 1906 г., М., 1907, стр. 12. — Н. Окулич-Казарин. Материалы для археологической карты Псковской губернии. Труды Псковск. археолог. общ., вып. 10, Псков, 1913—1914, стр. 162, 163. — ZfN, т. XXXIX, вып. 1—2, 1929, стр. 135, № 53.

53. Летом 1928 г. близ д. Скадино в районе г. Остров Псковского окр. Ленинградской обл., на дороге, гражд. Пискуновым был найден клад, в состав которого входили:

1) Монеты 919—1060/84 гг. — 793 целых и 37 обломков, всего 830, из них:
   а) диргемов 7 целых и 4 обломка; самый поздний 1006 г.;
   б) византийских 976—1025 гг. — 2 (Василий II и Константин VIII);
   в) западноевропейских 978/1066—1060/84 гг. — 746 целых и 23 обломка;
   г) неопределенных — 38 целых и 10 обломков.

Одна монета, которую нумизматы, по их собственному признанию, повидимому, неправильно атрибуируют, относится к 1099—1112 гг.

2) Лунница серебряная, небольшая, украшенная зернью. [Табл. XXV, *10*].
3) Лунница серебряная с завязанными рожками, перевернутыми вверх; украшена пунсонными колечками. [Табл. XXV, *11*].
4) Подвеска серебряная полая, тисненая, в виде усеченного конуса (типа полусферических), орнаментированная зернью. Подпайка на обороте отпала. [Табл. XXV, *12*].

Клад был продан находчиком в Гос. Эрмитаж.

ZfN, т. XLII, в. 3—4, 1935, стр. 161—171, № 10. (Клад зарыт около 1075 г.).

54. В 1914 г. весной близ д. Забельская Гдовского у. Петроградской губ. был выпахан в поле клад в глиняном горшке, разошедшийся по рукам. Сохранилось следующее:

1) Монеты 947/48—1068/90 гг. — 128, из них:
   а) арабских 947/48—968/969 гг. — 3 и 1 подражание монете Насра бен-Ахмеда 914/5—942/3 гг.;
   б) немецких 1027/54—1068/90 гг. — 120 (109 целых и 11 обл.) (архиепископы Кельнские, Девентерские, г. Эмден и др.);
   в) англосаксонских 978/1016—1016/35 гг. — 4.
2) Лунница серебряная, отлитая в форме, оттиснутой с зерневой лунницы (типа Гнездовского и Борщевского кладов X в.). (ОАК за 1913—1915 гг., рис. 243).
3) Бусы серебряные крупные — 3, в основе овальные; на средней части напаяны ряды колечек из тонких ленточек, поставленных на ребро, соединенных между собой, как цепочка. Концы бусин обмотаны сканной проволокой (ОАК за 1913—1915 гг., рис. 243; ср. с бусами Шалаховского клада 1892 г., **49**, Гущин, V, 5; Тереховского клада 1876 г., **154**, Гущин, XIV, *7* и XV, *8*; Тверского клада 1906 г., **170**, ЗОРСА, XI, табл. I, *9*).
4) Подвески серебряные — 2, одинаковые, похожие на утиные головки. Орнамент типично скандинавский, из дужек, скобочек, колечек из зерни, оконтуренный проволокой. (ОАК за 1913—1915 г., рис. 243).

Клад сохранился не полностью; он разошелся по рукам и поступал в Археологическую комиссию по частям; оттуда был передан на хранение в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1914 г., № 236, фотогр. — ОАК за 1913—1915 гг., стр. 181 и 260, рис. 243. — ZfN, т. XXXV, в. 4, 1925, стр. 280—281; т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 124—126, № 36 (зарыт около 1080 г.).

55. В 1906 г. близ Новгорода, в местности Собачьи Горбы, при неизвестных обстоятельствах был найден клад, приобретенный Археологической комиссией от частного лица. В кладе были:

1) Монеты 898—1075 гг. — 336, из них:
   а) диргемов 898—998/99 гг. — 267;
   б) византийских — 2: Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) и Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.);
   в) западноевропейских 925/61—1038/75 гг. — 67 (из них 53 целых и 14 обломков).

В подсчете монет имеются неточности.

2) Фибула круглая с орнаментом из зерни и скани, позолоченная, с тремя цепочками на кольце различного плетения и длины. (ОАК за 1906 г., рис. 159).
3) Гривны шейные серебряные — 3, полые, витые, одна со сканной перевитью; наконечники у двух пластинчатые, с пунктирным и кружочным орнаментом, с крючком и петлей на концах; у третьей — полые у основания и сплюснутые у концов с дырочками для шнура. (Там же, рис. 160).
4) Браслет слабо витой из двух дротов, перевит сканной нитью; концы завязаны в несколько оборотов. (Там же, рис. 159).
5) Браслет слабо витой из двух дротов, наконечники с чернью. (Там же, рис. 159).

6) Браслет витой из шести попарно свитых проволок; наконечники не сохранились; повидимому, они были обычные, черневые. (Там же, рис. 160).
7) Бусинки круглые — 3, с зерневыми треугольниками и позолотой. (Там же, рис. 159).
8) Бусина (?) серебряная позолоченная большая, с тисненым орнаментом, фрагмент. (Там же, рис. 159).

Клад поступил в Археологическую комиссию. Вещи и часть монет были переданы на хранение в Эрмитаж, другая часть монет — в Новгородский музей. В собрании Н. П. Лихачева имелось 43 целых и 153 обломка монет из этого же клада.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1906 г., № 135. — ОАК за 1906 г., стр. 117, 118 и 148, рис. 159—160. — Р. Р. Фасмер. Список монетных находок... 1926, стр. 291, № 29; стр. 293, № 7 (зарыт около 1050 г.). — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 127—131, № 43. — ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 238 и 240.

56. В 1913 г. 20 апреля в церковном приходе Спанка (Шпаньково) Петергофского у. Петербургской губ., близ станции Елизаветинская, был найден клад в горшке, от которого сохранились черепки. В состав клада входили:

1) Монеты, целые и обломки — 1850 экз., из них:
   а) римская монета Гордиана 238—244 гг., обломок;
   б) куфических монет 914/15—1004/5 гг. — 13, из них 5 подражаний куфическим монетам;
   в) византийских монет — 1 целая (Василий II и Константин VIII, 976—1025 гг.) и 1 обломок, (подражание монете XI в.);
   г) англосаксонских монет 978/1016—1087/1100 гг. — 24;
   д) норвежских монет — 2;
   е) датских монет 1018/35—1042/47 гг. — 7;
   ж) немецких монет 936/62—1111/37 гг. — 1801.

В счете монет в литературе имеется неточность.

2) Пряжка серебряная подковообразная целая с богатым литым и пунсонным орнаментом (ср. пряжки Белогостицкого клада, **63**, Спицын, рис. 123 и 130, и Шалаховского клада 1892 г., **49**, Гущин, VII, *4*) и 2 фрагмента двух других пряжек. [Табл. XXVII, *14*, *29*, *30*].
3) Лунница серебряная с зернью, фрагмент. [Табл. XXVII, *3*].
4) Медальоны круглые из тонкой серебряной пластины с тисненым и пунсонным орнаментом — 3 целых и 4 фрагмента ободка четвертого большого медальона. [Табл. XXVII, *1*, *11—13*].
5) Бусы серебряные — 2 целые и 8 фрагментов, украшены зернью и сканью, а также гладкие. Одна из целых бус — со сканными спиралями и редкой крупной зернью — скандинавской работы. [Табл. XXVII, *17—19*, *21—26*].
6) Височные кольца ромбощитковые серебряные — 1 целое и 4 фрагмента. [Табл. XXVII, *2*, *5*, *27*, *31*].
7) Височное кольцо из гладкой серебряной проволоки. [Табл. XXVII, *16*].
8) Обломки каких-то серебряных украшений — 5. [Табл. XXVII, *4*, *20*, *33—35*].
9) Кусок кованой и кусок витой серебряной проволоки. [Табл. XXVII, *15*, *28*].
10) Кусочки нарезанных серебряных пластинок, преимущественно прямоугольной формы — 6 (вес 1.2 г, 1.4 г, 1.6 г, 1.63 г, 2.3 г). [Табл. XXVII, *6—10*, *32*].
11) Бляшка серебряная литая с чернью. [Табл. XXVII, *36*].

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда вещи были переданы на хранение в Археологический кабинет Петербургского университета. Позже вещи и 6 или 7 монет были переданы в Гос. Русский музей в Ленинграде, а основная масса монет — в Эрмитаж. В апреле 1952 г. вещи и монеты из Русского музея переданы также в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1913 г., № 268, фотогр. — ОАК за 1913—1915 гг., стр. 180. — Прибавл. к в. 52 ИАК, стр. 6—7 (Археолог. хрон. за втор пол. 1913 г.). — ZfN, т. XXXVI, в. 1—2, 1926, стр. 75—94; т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 75—78, № 12.

57. В августе 1852 г. в имении Сверчковой, у дер. Буянцы и села Белая Кирка (близ почт. станции Чирковицы) Ямбургского у. Петербургской губ., был найден крестьянином клад в глиняном сосуде, в состав которого входили:

1) Монеты — ок. 300, среди них:
   а) саманидские диргемы;
   б) немецкие;
   в) англосаксонские („в том числе редкие виды Гарда-кунта").
2) „Ожерелье, браслеты, цепочки, крест и некоторые другие вещи" из серебра.

Ни вещи, ни монеты не были представлены для изучения в Археологическое общество. С несколькими монетами клада ознакомился бар. Врангель; вещи остались у владелицы имения Сверчковой. В 1852 г. П. С. Савельев видел, вероятно, этот клад у А. А. Гвоздева.

Бар. Врангель. Курганы в Ямбургском уезде С.-Петербургской губернии (с примечанием П. С. Савельева на стр. 152—153). ИАО, т. I, СПб., 1859, стр. 151—153. — В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873, стр. XXXV. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. IX, в. 1—2, СПб., 1897, нов. сер., стр. 277. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 31, № 176. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 73, № 4.

58. В 1846 г. на мызе Боровская, принадлежавшей Денисовой, Ораниенбаумского у. Петербургской губ., между Ропшей и Дятлицами, в 30 верстах от Ораниенбаума, при распашке поля крестьянином был найден значительный клад, в состав которого входили:

1) Монеты серебряные 838—1035 гг. — ок. 478 (по другим сведениям, ок. 4000), сохранилось 278, из них:
   а) диргемов 838—1012 гг.—14 (по другим данным, несколько сот);
   б) немецких и англосаксонских 936—1035 гг. — 264 (по другим данным, ок. 2500);
   в) византийских монет 969—1025 гг. — 11 (1 — Иоанна Цимисхия, 969—976 гг. и 10 — Василия II и Константина VIII, 976—1025 гг.).
2) Браслет серебряный.

Клад сохранился не полностью: 278 монет были отобраны помещиком Денисовым у крестьянина и доставлены в Академию Наук; у крестьянина осталось еще около двухсот монет и серебряный браслет, которые он кому-то продал.

П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. 157—159. — В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. ЗАО, т. VI, СПб., 1853, стр. 50. — Б. В. Кёне. Описание европейских монет X, XI и XII вв., найденных в России. ЗАО, т. IV, СПб., 1852, стр. 16—17, № 1. — В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873, стр. XXXV. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 31, №№ 174, 175. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 78, 79, № 4.

59. В 1927 г. близ с. Путилово Шлиссельбургского у. Ленинградской губ., около станции Назия Мурманской железной дороги, был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривна шейная серебряная, витая из трех пар скрученных дротов, перевитая довольно толстой сканной нитью. Концы пластинчатые, с пунсонным точечным орнаментом. Замок в виде петли и крючка. [Табл. XXVIII, *5*].
2) Пряжки серебряные — 2, кольцевые, большие с выступающим ребром сверху и плоским низом (двускатнопластинчатые). На концах граненые шляпки. Вдоль краев, на муфтах игл и на шляпках одной из пряжек — пунсонный орнамент из треугольников, точек и колечек. Одна пряжка меньше другой. [Табл. XXVIII, *1*, *4*].
3) Браслет серебряный пластинчатый, выпуклый, с сильно утончающимися несомкнутыми концами и пунсонным орнаментом из ромбиков и точек. [Табл. XXVIII, *2*].
4) Кольцо серебряное гладкое с утончающимися заходящими друг за друга концами. [Табл. XXVIII, *3*].

Клад был в мае 1927 г. доставлен в ГАИМК следователем Бобровым; 28 октября 1930 г. он был передан в Музей этнографии в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 2 (ГАИМК), 1927 г., № 223, фотогр.; 1930 г., № 62.

60. В 1920 г. в Старой Ладоге Новоладожского у. Петроградской губ., на юго-запад от Каменной крепости, не доходя до шоссе в Званку, был найден клад, весивший 225.41 г и содержавший следующие предметы

1) Монеты с 936 по 1025 г. — 67, из них 17 целых и 50 обломков:
   а) куфических конца X в. (самая поздняя — 976/7 г.) — 11 целых и 45 обломков, всего 56;
   б) западноевропейских с 936/62 по 1002/14 гг. — 6 целых и 4 обломка, всего 10;
   в) византийских 976—1025 гг. (Василия II и Константина VIII) — 1 обломок.
2) Слитки в виде палочек — 2 (101.56 и 118.60 г).
3) Медальоны — 2 фрагмента от двух экз. (ободки), из тонкой серебряной пластины с гравированным и тисненым орнаментом. [Табл. XXV, *3*, *4*].
4) Украшения серебряные, орнаментированные зернью и пунсоном, 3 фрагмента. [Табл. XXV, *5—7*].
5) Пластинки гладкие серебряные — 2 фрагмента. [Табл. XXV, *8*, *9*].

Клад был куплен РАИМК у Н. И. Репникова. Ныне клад хранится в Гос. Эрмитаже.

А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1925, стр. 41, № 173. — ZfN, т. XXXV, в. 4, 1925, стр. 280. — Р. Р. Фасмер. Список монетных находок... 1926, стр. 291, № 37, стр. 294, № 3. — NZ, т. 62, 1929, стр. 82, № 5. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 80, 81, № 17.

61. В начале XIX в. близ с. Озера Лодейнопольского у. Олонецкой губ. найден клад, в состав которого входили:

1) Монеты куфические.
2) „Браслет из широкой серебряной пластины, с лица украшенный выбитыми ромбами, с концами, соединенными перевитою проволокой".

3) Крест-тельник „четвероконечный серебряный с треугольными оконечностями, украшен рядами пирамид, точками и кружочками. В ушке кольцо из витой серебряной проволоки".

Клад поступил в собрание гр. Румянцева, а затем был передан в Отделение доисторических древностей Московского публичного и Румянцевского музеев. Ныне хранится в ГИМ.

Г. Д. Филимонов. Каталог отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М., 1873, стр. 102, №№ 2583—2584. — Материалы для истории Румянцевского музея, в. 1, М., 1882, стр. 197. — Московский публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей. в) Древности доисторические. М., 1905, стр. 74, №№ 1637—1638. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 29, № 161.

62. В 1929 г. 5 октября около станции Лодейное Поле Ленинградской обл. в песчаном откосе найден клад, в состав которого входили:

1) Монеты 978—1105 гг. — 255 целых и 3 фрагмента, из них:
   а) английских 978/1016—1016/35 гг. — 2;
   б) датских 1035/42—1047/75 гг. — 2;
   в) немецких 1002/24—1056/1105 гг. — 251 целая и 3 фрагмента.
2) Гладкий кружок (заготовка для монеты).
3) „Сердцевидных украшений" — 2.

Клад поступил в Окружной краеведческий музей.

ZfN, т. XLII, 1935, стр. 154—159, № 3 (зарыт ок. 1085 г.).

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

63. Летом 1836 г. при устройстве Ярославского шоссе на участке его между г. Ростовом и дер. Новоселки, в двух верстах от с. Никольское (по Спицыну), при р. Устье близ Белогостицкого монастыря (по Строганову), при копании резервов был найден клад в горшке, состоявший из нескольких сотен монет (по Строганову, Уварову, Тизенгаузену) и серебряных украшений. Из этого клада 1 ф. 84 зол., главным образом. вещей, инж. Стремоухов передал ярославскому военному губернатору Полторацкому, последний препроводил их министру Внутренних дел Блудову, Блудов — министру Народного просвещения Уварову. Уваров переслал клад в Академию Наук; по рассмотрении его, клад был передан на хранение в Азиатский музей Академии Наук и тогда же был описан Х. М. Френом. Он состоял в то время из 108 вещей и весил 1 ф. 23 зол. 29 д.

Кроме вещей клада, хранившихся в Азиатском музее Академии Наук, часть клада попала в руки гр. С. Г. Строганова. Какое количество вещей находилось у него и какие именно вещи — не известно. Нет уверенности в том, что на таблицах, приложенных к статье С. Г. Строганова, помещены все вещи, находившиеся в его руках, как не полностью издан им в той же статье и Владимирский клад 1837 г. Отдельные разновидности вещей, повидимому, представлены полностью. В собрании С. Г. Строганова, по его словам, „находилось несколько серебряных оконечников (сохранивших остатки ремня) и запонок с арабскими надписями, сходными с письмом XI века, и 2 монеты необыкновенной величины" (подражания диргемам X в.). Надписи на вещах были: „Берекет" (повидимому, на лунице), „Алла" (повидимому, на наконечниках) и „Лиллаги" (повидимому, на многолопастных бляшках). Уже в начале XX в., в период изучения клада А. А. Спицыным, некоторых вещей в Азиатском музее недоставало по сравнению с описью Х. М. Френа, поэтому вещи описаны им по старым рисункам.

По имеющимся данным, состав клада представляется в следующем виде:

1) Диргемы — несколько сот; из них уцелел один (Нух II ибн-Мансур 982 или 985 г.), превращенный в подвеску. (Азиатский музей. Dorn, рис. 18; подражание ?).
2) Подражания саманидским диргемам 961—976 и 976—997 гг. — 2, превращенные в подвески, с необыкновенно широкими полями, отчего диаметр их примерно вдвое больше диаметра обычного диргема. (Строганов, табл. VIII).

Вещи клада могут быть поделены на две группы.

Вещи личного убора:

3) Гривны серебряные полые — 2, замки розетчатые, у одной с зернью. (Спицын, рис. 117 и 120).
4) Пряжки большие серебряные двускатнопластинчатые, кольцевые — 2, с крупными пластинчатыми муфточками у игл; у одной пряжки концы свернуты в трубочки, у другой на концах кубики со срезанными углами. Орнамент — треугольники, колечки, точки, выбитые пунсоном. Одна пряжка не сохранилась. (Спицын, рис. 123 и 130; Уваров, рис, на стр. 661).
5) Лунницы серебряные большие с зернью — 4. (Спицын, рис. 113 и 125; Уваров, рис. на стр. 661; Строганов, табл. VIII).

6) Подвески серебряные с полусферической лицевой стороной, украшенной зерневым орнаментом, — 3; от третьей сохранилось только ушко — трубочкой. (Спицын, рис. 126; Уваров, рис. на стр. 661).
7) Бусы — 2 круглых и 1 слегка овальная, серебряные, с гладким пояском по диаметру и зерневыми треугольниками по сторонам его. (Спицын, рис. 118 и 121; Уваров, рис. на стр. 661).
8) Бусы гладкие серебряные — 4. (Спицын, рис. 116).
9) Пуговка серебряная, круглая, полая, с узким валиком по диаметру; ушко проволочное. (Спицын, рис. 119).
10) Височные кольца гладкие проволочные перстне- и браслетообразные, сомкнутые — 7. (Спицын насчитал только шесть; рис. 114).
11) Ромбощитковые (щитковоконечные) кольца небольшие — 2, со слабыми расширениями и орнаментом на щитках. (Спицын, рис. 115).
12) Ромбощитковое кольцо маленькое, со слабыми расширениями и орнаментом на щитках; на кольцо надета большая овальная бусина с зерневыми треугольниками и полушариками. (Спицын, рис. 112; Строганов, табл. VII; Уваров, рис. на стр. 661 и 736; Др. Росс. госуд., табл. 37).

Украшения пояса или конской сбруи:

Всего, по описи Х. М. Френа, бляшек было 70; во время изучения клада Спицыным насчитывалось их только 31. У Строганова, кроме того, было не менее трех бляшек.

13) Бляшки круглые — 3; орнамент — звездочка. Не сохранились. (Спицын, рис. 134).
14) Бляшка круглая с четырьмя почковидными выступами; орнамент — узелок. (Спицын, рис. 132).
15) Бляшки пятиугольные с позолотой (?) и чернью — 43. Вместо орнамента надпись „Аллах". Сохранилась 21 бляшка. (Спицын, рис. 129; Уваров, рис. на стр. 660).
16) Бляшки пятиугольные с подвижным колечком, продетым в ушко, — 5. Сохранилось три. (Спицын, рис. 124; Уваров, рис. на стр. 660).
17) Бляшки многолопастные в основном овальной формы, с чернью и арабской надписью „Лиллаги" („в честь") — 8. Не сохранились. (Спицын, рис. 131; Строганов, табл. VII).
18) Бляшка формы неправильного четырехугольника с чернью и надписью „Лиллаги". Не сохранилась. (Спицын, рис. 128).
19) Бляшки-скобочки с четырехугольным верхним щитком, с чернью и надписью „Эль-султан" — 6 (Спицын, рис. 127).
20) Наконечник ремня длинный (дл. 0.088 м), с заострением на одном конце. Вместо орнамента многократное повторение слова „Аллах". (Спицын, рис. 133; Уваров, рис. на стр. 661).
21) Бляшки длинные, типа предыдущего наконечника, без заострения с одной стороны — 3; сохранилось 2 бляшки.
22) Наконечники ремня с арабскими надписями („Аллах"), аналогичные вышеуказанному, но короче его, — 2, дл. 0.04 м. (Строганов, табл. VII).
23) Подвески-лунницы с сомкнутыми рожками — 3 литых, из плохого серебра, полых; внутри горошина; на черневом фоне плохо читаемая арабская надпись (в середине сглажена). Х. М. Френ читал ее „бен-Тюкле", т. е. „сын Тюкле"; государи с таким именем известны в XII—XIII вв. между персидскими и курдскими атабеками; возможно, однако, что надпись передает благочестивое изречение, но Х. М. Френ предпочитал первое чтение. (Спицын, рис. 122; Строганов, табл. VII; Уваров, рис. на стр. 660; Др.Р о сс. госуд., табл. 37).

Восстановить точно состав клада вряд ли удастся; большую путаницу вносит группа вещей С. Г. Строганова. Местонахождение вещей, виденных А. А. Спицыным в начале XX в., и вещей С. Г. Строганова не известно. Количество вещей, насчитанных Х. М. Френом (108 экз.), больше количества украшений, перечисленных А. А. Спицыным (98 экз.). Если прибавить к ним 8 вещей собрания С. Г. Строганова, то и тогда их будет только 106 экз.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 6 (Министерства внутренних дел), 1836 г., № 44. — Ch. M. Fraehn. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Bulletin scientifique publié par l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, т. IX, №№ 20, 21, СПб., 1842, стр. 318—321. — B. Dorn. Das Asiatische Museum der K. Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Текст Ch. Fraehn: Bericht über einen im J. 1836 im Rostowschen Kreise gemachten Silberfund. СПб., 1846, стр. 500—508, рисунки. — ЖМВД, ч. XXV, СПб., 1837, стр. 135, 136. — С. Г. Строганов. О серебряных вещах, найденных во Владимире и Ярославской губ. в 1836 и 1837 гг. Русск. истор. сборник, т. IV, кн. 2—3, М., 1841, стр. 453—455, табл. VII—VIII. — П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. 19—21 и 153—154 (текст Х. М. Френа, перев. П. С. Савельева). — В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. ЗАО, т. VI, СПб., 1853, стр. 49, 50. — А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Тр. I АС, т. II, М., 1871, рисунки на стр. 660, 661 и 736. — Обозр. некот. губ. . . ., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 224, 225. — А. С[пицын]. Белогостицкий клад 1836 г. ЗОРСА, т. VII, в. 1, СПб., 1905, стр. 154—159, рис. 112—133. — Древности Российского государства, отд. IV, М., 1851, табл. 37. — А. К. Марков. Топогр. кладов вост. монет. 1910, стр. 53, № 306.

РЯЗАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

64. В сентябре 1891 г. в с. Коростово на левом берегу Оки, в 8 верстах от Рязани, крестьянин, роя яму для картофеля, на глубине $2^1/_2$ аршин нашел клад, лежавший без следов горшка. Клад был продан находчиком часовых дел мастеру Е. Соколову в Рязани, у которого его полностью купил А. И. Черепнин. В. А. Городцов от матери находчика получил еще две монеты, из которых одну — византийскую монету Иоанна Цимисхия — она пробила и повесила себе на шею. В состав клада входили:

1) Монеты 908—1002 гг. — 950, из них 34 целых и 916 обломков:
   а) диргемов 908/933—976/997 гг. — 933; из них целых 15, с обрезанными краями 14 и обломков 904;
   б) византийских — 3, из них одна целая и 2 обломка монет Иоанна Цимисхия 969—976 гг.;
   в) немецких пфеннигов серебряных — 14, из них 2 — Оттона I, 962—973 гг., 2 — повидимому, Оттона III, 996—1002 гг., и 10 обломков пфеннигов.
2) Прутик серебряный четырехгранный в сечении, согнутый петлей, переломлен в изгибе. Вес $13^1/_4$ зол. (Черепнин. Коростовский клад, табл. I, *15*).
3) Подвеска серебряная круглая, литая (?), с изображением птицы или животного, повернутого вправо. Ушко проношено и под ним пробито отверстие. На обороте впадины, повторяющие выпуклости лицевой стороны. А. И. Черепнин пишет, что изображение птицы „выбито". На приведенном им рисунке подвеска больше похожа на литую, чем на чеканную. (Там же, табл. I, *12*).
4) Серебряных украшений — 4 фрагмента; на трех из них орнамент из зерневых треугольников, ромбов и поясков.

По мнению А. И. Черепнина, клад относится к концу X в. и был зарыт, вероятно, не ранее начала XI в. Клад принадлежал А. И. Черепнину.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1893 г., № 80. — А. И. Черепнин. Коростовский клад. Рязань, 1892. (Приложение к Тр. Ряз. уч. арх. комиссии, т. VII, в. 3), стр. 1—5, табл. I. — А. И. Черепнин. Значение кладов... 1892, стр. 4. — Сын отечества, 25 мая 1893 г., № 140. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 241. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 163. — В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины р. Оки. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 617. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 43. № 185. — ZfN, т. XXXIX, в. 1—2, 1929, стр. 184, № 130.

ГРУППА IV. КЛАДЫ, ЗАРЫТЫЕ МЕЖДУ 70-ми годами XII в. и 1240 г. 65—175

КИЕВ

ВЛАДИМИРОВ ГОРОД

65. В 1842 г. в Киеве после окончания строительства новой Десятинной церкви, при планировке площадки вокруг нее, рабочие А. С. Анненкова, строителя этой церкви и владельца соседней с ней усадьбы, нашли огромный клад, лежавший „в одной пещере или же лёхе, то есть помещении, несколько напоминавшем собою погреб, вырытый в отвесной толще земли или глины". Клад едва уместился в два мешка. Он был спрятан А. С. Анненковым, а позднее увезен в купленный им в Полтавской губ. хутор Дымный, где и погиб почти полностью. О характере вещей, входивших в клад, сохранились только самые отрывочные данные. Мелкие вещи, среди которых основную массу составляли золотые колты, занимали два больших ящика комода. На некоторых вещах были „цветные изображения человеческих лиц на манер святых". Игравшие ими дети бросали их в огород, колодцы, сажалку, делали ошейники собакам. В состав клада входили:

1) Сосуды золотые; от продажи их на сплав владельцы сосудов выручили „несколько тысяч рублей".
2) Колты золотые с перегородчатой эмалью — несколько сотен. Г. С. Кирьяков, мировой судья г. Лубны, приобрел от детей нового владельца хутора Дымного 7 колтов, среди них:
   а) колт с сиринами на лицевой стороне и птичками среди побегов на оборотной. Колт был куплен у Г. С. Кирьякова А. В. Звенигородским в г. Лубны Полтавской губ. (Кондаков. Виз. эм., табл. 20 bis и 21, посередине; Кондаков. Р. кл., рис. 107, 108);
   б) колт с двумя птицами по сторонам крина на лицевой стороне и геометрическим орнаментом на оборотной. Колт был куплен у Г. С. Кирьякова А. В. Звенигородским в г. Лубны Полтавской губ. (Кондаков. Виз. эм., табл. 20 bis и 21, справа);
   в—г) колт с двумя птицами по сторонам крина; оборот не известен. Этот колт, а может быть — два колта, были пожертвованы Г. С. Кирьяковым в Лубенскую гимназию. В настоящее время в Лубенском музее колтов нет;

д—ж) в 1874 г. на выставку III Археологического съезда Г. С. Кирьяков представил несколько золотых вещей, среди них: три больших византийской работы золотых с эмалью „медальона". Медальонами в старой археологической литературе называли самые различные вещи, в том числе и колты. Повидимому, это были три из остававшихся у Г. С. Кирьякова семи колтов. Судьба их не известна. (КВ III АС, стр. 8, № 92).

Кроме того, по описаниям В. Г. Ляскоронского, составленным на основании рисунков из записной книжки В. В. Хвойко, можно примерно восстановить, как выглядели еще 3 колта:

з) колт без каймы; на лицевой стороне одна птица, на оборотной композиция из сегментов (?). (Ляскоронский, колты №№ 2 и 3, стр. 96);

и) колт с многолучевой каймой; на вставном щитке эмалевое изображение птицы и трехлепесткового цветка за ней. (Там же, № 1. стр. 95—96);

к) колт с многолучевой каймой, изображения не известны. (Там же, № 4, стр. 96).

Кроме колтов, в той же записной книжке были изображены:

3) Медальон овальный со жгутовой рамкой по краю; вверху кольцо (?) для шнурка. На медальоне изображение Христа с евангелием и надписью ІС.ХС. (Там же, № 5, стр. 96).

4 и 5) „Ряд небольших кружков, как бы нанизанных на ленту в небольшом расстоянии друг от друга. Каждый кружок украшен по краям как бы бисером или же мелкими шариками... В средине каждого такого кружка помещался небольшой щиток, на котором были изображены... лики святых". Из этих украшений делали собакам ожерелья. (Там же, № 6, стр. 96).

Думаю, что в этом рисунке соединены украшения двух различных типов. Следует учесть, что рисунок в записной книжке В. В. Хвойко был сделан по памяти через много десятков лет после того, как рисовавший вещи держал их в руках. Первая фраза § 4 и 5 описывает, очевидно, украшение, составлявшееся из круглых полых бляшек, соединенных шарнирами вместе по 10 штук. С одного конца к ним приделывалась цепочка, с другого — замочное кольцо. На бляшках бывает либо орнамент, либо птицы. Такие цепи, застегивавшиеся при помощи цепочки и кольца, легче всего было надевать на шею собакам. Вторая и третья фразы § 4 и 5 описывают другое украшение. Кружки с небольшими щитками, на которых были лики святых, повидимому, представляли собой те медальоны, из которых, в перемежку с крупными бусами, делались ожерелья или мониста. На вставных щитках золотых медальонов, обнизанных жемчугом, делались изображения деисусных поясных фигур.

В 1874 г. вместе с колтами Г. С. Кирьяковым были представлены на выставку III Археологического съезда четыре малых медальона, соединенных цепочками. Очевидно, это обрывок такой же цепи, как только что описанная (КВ III АС, стр. 8, № 92). Ниже о ней еще будет итти речь. Судьба ее не известна.

КВ III АС, Киев, 1874, стр. 8, № 92. — Joh. Schulz. Die byzantinischen Zellen-Emails der Sammlung Swenigorodskoi. Aахен, 1884, стр. 48 и сл., табл. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 327, табл. 20 bis и 21, рисунки средние и правые. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, рис. 107, 108. — В. Г. Ляскоронский. О судьбе археологической находки, сделанной в Киеве около 1827 г. ЧИОНЛ, т. XII, Киев, 1898, стр. 13, 14. — В. Г. Ляскоронский. Судьба одной археологической находки. ЖМНП, 1913, март, стр. 90—98; отд отт., СПб., 1913, стр. 1—11.

Известны еще 4 группы вещей, связанных с именем А. С. Анненкова. Все они относятся к 40-м годам. В литературе они считаются самостоятельными кладами, найденными А. С. Анненковым в 1846 и 1847 гг. Есть, однако, все основания думать, что эти маленькие клады, разосланные А. С. Анненковым в разные музеи, на самом деле являются частями одного большого клада 1842 г. Отобрав полтора десятка вещей из того огромного сокровища, которое было найдено близ Десятинной церкви, и разделив их на примерно равные части, А. С. Анненков послал их в Оружейную Палату, в Московский университет и в Киевский исторический музей. Кроме того, три вещи какими-то путями попали в коллекцию А. С. Уварова. Описываю каждую из групп вещей, отделившихся от клада 1842 г., так, как они представлены в литературе.

А. В 1846 г. на усадьбе А. С. Анненкова, прилегающей к Десятинной церкви, при производстве владельцем усадьбы раскопок, был найден „клад", в состав которого входили:

1) Колты звездчатые золотые — пара, с напаянными вдоль лучей проволочными ребрышками. (Опись Моск. Оруж. Палаты, табл. 78, рис. 9).

2) Серьги золотые киевского типа — пара. (Там же, табл. 78, рис. 10).

Вещи были посланы в Москву, в Оружейную Палату, где и хранятся ныне.

Опись Московской Оружейной Палаты, ч. II, кн. 3, М., 1884, стр. 156, 157, №№ 3385 и 3386, табл. 78, рис. 9, 10.

Б. В 1846 г. от А. С. Анненкова в Кабинет изящных искусств при Московском университете поступили следующие найденные в Киеве вещи:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа.

2) Серьги золотые киевского типа с ажурными бусами — пара.

3) Браслеты серебряные витые с гравированным узором на наконечниках — пара.

Кроме того, им был послан также бронзовый энколпион, явно не относящийся к домонгольскому времени. Повидимому, это какая-то случайная находка, которую А. С. Анненков присоединил к посланным вещам. Из университета вещи были переданы в Российский исторический музей.

Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, 2-е доп. изд., стр. 532. — Гос. Российский исторический музей. Краткий путеводитель по музею. М., 1921, 2-е изд., стр. 161.

В. В 1847 г. в саду усадьбы А. С. Анненкова, прилегающей к усадьбе Десятинной церкви, при нивелировке сада на глубине более двух аршин был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа малого веса (153.56 г).
2) Колты парные золотые с эмалью — 2; на лицевой стороне два сирина, на оборотной — птички среди побегов (ср. с колтом, проданным Г. С. Кирьяковым А. В. Звенигородскому). Один из этих колтов хранится в Киевском историческом музее, судьба второго колта не известна. И. Шульц пишет, что один колт А. С. Анненков продал в Киевский исторический музей, парный же попал в частные руки и в 1882 г. стал собственностью А. В. Звенигородского. Повидимому, И. Шульц не совсем точен. Видя, насколько близки друг другу колты Киевского музея и коллекции А. В. Звенигородского, он составил из них пару. На самом же деле их было, видимо, не менее трех.
3) Серьги золотые киевского типа, пара.
4) Браслеты серебряные витые с чернью на наконечниках.

Вещи были поднесены имп. Александру II, а в 1850 г. поступили в Музей Киевского университета (за исключением одного колта, см.: каталог Музея Киевского университета №№ 446—450). После Великой Октябрьской социалистической революции клад был передан в Киевский исторический музей.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, инв. №№ 446—450. — Сообщение Ф. А. Жиля о находке в Киеве в 1847 г. клада в ус. Анненкова. ЗАО, т. III, СПб., 1851, перечень заседаний, стр. 133. — Ф. Жиль. Древности, найденные в Киеве в 1847 г. ЗАО, т. IV, СПб., 1852, перечень заседаний, стр. 152. — Н. В. Закревский. Описание Киева. М., 1868, стр. 558, 559. — В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 123, 124. (Третья серьга киевского типа не относится к кладу). — Joh. Schulz. Die byzantinischen Zellen-Emails der Sammlung Swenigorodskoi. Aахен, 1884, стр. 48. — Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губ. Киев, 1889, стр. 11. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 327. (Неправильно указан год находки — 1826). — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 94, №№ 195—199. — А. И. Черепнин. О киевских денежных гривнах. Тр. XI АС, т. II, М., 1902, стр. 56. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 24, № 69. — NZ, т. 62, 1929, стр. 102, № 44.

Г. В 40-х годах XIX ст. близ Десятинной церкви был найден клад (погребение, по А. С. Уварову), из которого сохранились:

1) Колты золотые — пара, с эмалью, с двумя птицами на лицевой стороне и орнаментом на оборотной. (Каталог Уварова, таблица; Слово о полку Игореве, рис. 16; ср. колт из колл. А. В. Звенигородского. Кондаков. Виз. эм., табл. 20 bis и 21, левые).
2) Цепь из десяти золотых круглых полых бляшек на шарнирах, с перегородчатой эмалью. На бляшках изображения птиц и орнамент из кругов и треугольников. С одной стороны цепочка, с другой замочное кольцо. (Каталог Уварова, таблица; Слово о полку Игореве, рис. 16).

Вещи поступили в коллекцию А. С. Уварова, откуда перешли в ГИМ.

Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 107. — Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, отд. IV—VI, М., 1907, стр. 181, 182, табл. — П. С. Уварова. Финифть в Порецком музее. Древности МАО, т. XXII, в. 1, М., 1909, Прибавл. к проток. № 667. — Слово о полку Игореве. Изд. Academia, 1934, рис. 16 (цепь и пара колтов).

При сопоставлении цепи из десяти бляшек Уваровской коллекции с двумя фрагментами цепи из коллекции А. В. Звенигородского (по три бляшки в каждом фрагменте) видно, что все они принадлежат одному и тому же украшению. Обычно такое украшение, назначение которого пока не ясно, состоит из двух парных цепей; в каждой по десять бляшек, цепочка и замочное кольцо. Очевидно, эта цепь была разорвана на четыре части; самая большая часть ее из десяти бляшек попала в коллекцию А. С. Уварова; две меньшие, по три бляшки — в коллекцию А. В. Звенигородского, купившего их, повидимому, вместе с колтами у Г. С. Кирьякова. Последние, четыре бляшки до 1874 г. оставались у Г. С. Кирьякова, который посылал их в этом году на выставку III Археологического съезда (см. „4 малых медальона, соединенных цепочками“, КВ III АС, стр. 8, № 92). Где находится эта часть цепи ныне, неизвестно.[1] Следует также указать на близость колтов из коллекции А. С. Уварова колту А. В. Звенигородского; все три сделаны, повидимому, по одному трафарету. В других кладах таких колтов не найдено. Не из коллекции ли Г. С. Кирьякова происходят два колта собрания А. С. Уварова?

[1] В собрании Е. Н. Скаржинской хранилось „византийское эмальированное ожерелье“, приобретенное вместе с гривной киевского типа „от наследников лица, принимавшего в одно время большое участие в делах Анненкова“, и относившееся „по слухам... к числу вещей, найденных при раскопках Владимировского фундамента алтарной части Десятинной церкви... Анненковым“. (КВ VIII АС, М., 1890, зала 8-я, стр. 10, № 67).

В целом из Анненковского клада 1842 г. удалось разыскать, не считая золотых сосудов, упомянутых В. Г. Ляскоронским, следующие вещи или их следы:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа — 2.
2) Колты золотые с перегородчатой эмалью — 12; из них: 7 колтов было у Г. С. Кирьякова (он продал А. В. Звенигородскому — 2, А. С. Уварову? — 2, в Лубенскую гимназию — 2; судьба седьмого не известна), 3 колта зарисованы в записной книжке В. В. Хвойко, 1 колт хранится в Киевском историческом музее и последний — парный ему — неизвестно где.
3) Колты звездчатые золотые — пара; хранятся в Оружейной Палате.
4) Медальоны золотые с деисусными фигурами, исполненными перегородчатой эмалью и с жемчужной обнизью.
5) Цепи золотые из полых бляшек на шарнирах с изображениями, исполненными перегородчатой эмалью. Из них одна была разорвана на четыре части и попала в коллекции А. С. Уварова (одна часть) и А. В. Звенигородского (две части); четвертая часть до 1874 г. была у Г. С. Кирьякова.
6) Серьги золотые киевского типа — 3 пары.
7) Браслеты серебряные витые с чернью на наконечниках — 2 пары.

Вещи, попавшие в коллекцию А. В. Звенигородского, были проданы им за границу.

Огромный Анненковский клад 1842 г., судя по описанию условий его находки, был спрятан, повидимому, в такой же тайник, вырытый в лёссе, какие были вскрыты М. К. Каргером на территории Десятинной церкви в 1939 г. Тайник, в котором был обнаружен Анненковский клад, находился тоже, повидимому, в Десятинной церкви, в ее апсидах, выступавших за пределы стен новой Десятинной церкви, и был открыт при планировке площадки вокруг нее.

66. В XIX в. (до 1868 г.) в Киеве во время раскопок на территории Десятинной церкви был найден клад (?), в состав которого входили:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа.
2) Браслеты серебряные витые — пара.
3) Серьги золотые трехбусинные — 2 пары; одна пара с ажурными бусами, другая — с глухими.

Клад поступил в Московскую Оружейную Палату, откуда в 1868 г. был передан в Московский публичный музей. Ныне хранится в Московском историческом музее.

Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг., М., 1871, стр. 177. — Г. Д. Филимонов. Каталог отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М., 1873, стр. 97, №№ 2509—2512. — Московский публичный и Румянцевский музеи. Каталог Отделения древностей. в) Древности доисторические. М., 1905, стр. 92, №№ 2011—2014.

67. В 1936 г. 15 мая в Киеве близ Десятинной церкви на месте бывш. ус. Петровского во время работ археологической экспедиции Института археологии АН УССР у обрыва горы к Подолу (траншея Nord № 1) был найден клад. В него входили следующие вещи:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа малого веса.
2) Колт золотой с эмалью, на лицевой стороне два сирина, на оборотной композиция из сегментов, круга и треугольника. [Табл. XXXIII, *1*].
3) Колодочки золотые — 23. [Табл. XXXIII, *3*].
4) Височное кольцо золотое. [Табл. XXXIII, *2*].
5) Бляшек нашивных серебряных 10 фрагментов.

Клад хранится в Киевском историческом музее.

68. В 1936 г. в Киеве на ус. Десятинной церкви, на северо-восток от церкви, на северо-западном склоне рва, окружавшего древнейший до-Владимиров Киев, во время работ Киевской археологической экспедиции Академии Наук УССР на глубине трех метров был найден клад, в состав которого входили:

1) Браслеты серебряные витые со следами позолоты и с чернью на наконечниках — 3. [Табл. XXIX, *11*, *12*, *17*].
2) Колты серебряные с ажурной каймой — 2 (парные). [Табл. XXIX, *1*, *2*].
3) Колодочки серебряные — 40. [Табл. XXIX, *5*].
4) Перстни серебряные — 4, на одном из них армянская надпись *ՀԱՐԵՆ* 'Арзен' (повидимому, имя Арсен). [Табл. XXIX, *13—16*].
5) Серьги серебряные киевского типа — 9. [Табл. XXIX, *4*, *6—10*].
6) Бляшка медная тисненая с перегородчатой эмалью. [Табл. XXIX, *3*].

Клад хранится в Киевском историческом музее.

Дневник Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР, 1936 г. и отчет о работах той же экспедиции за 1936—1937 гг. Архив Инст. археологии Академии Наук УССР.

Надпись на перстне прочтена канд. ист. наук Р. М. Джанполадян.

69. В 1911 г. 23 августа в Киеве на ус. Десятинной церкви во время работ по раскрытию остатков Десятинной церкви под руководством Д. В. Милеева в четырех метрах от северной стены древней церкви С. П. Вельминым, помощником Д. В. Милеева, был найден клад. Вещи лежали в слое великокняжеского времени, перекрытом сверху слоем щебня, образовавшимся от разрушения церкви после 1240 г. Клад составляли следующие вещи:

1) Гривны монетные киевского типа малого веса (от 146.29 до 165.76 г) — 6. (ОАК за 1911 г., рис. 104).
2) Колты золотые с перегородчатой эмалью — пара; на лицевой стороне погрудные изображения святых, на оборотной — композиция из сегментов и круга. (Там же, рис. 100 *а*, *б* — 101).
3) Цепочки золотые — 2; звенья из рубчатых пластин, свернутых в трубочки. (Там же, рис. 100 *а*, *б* — 101).
4) Сережки золотые киевского типа — 7. (Там же, рис. 102).
5) Браслет серебряный витой. (Там же, рис. 103).
6) Перстни серебряные — 5. (Там же, рис. 103).

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда был передан на хранение в Эрмитаж. В январе 1932 г. отослан в Харьковский исторический музей им. Сковороды. Погиб во время Великой Отечественной войны.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1908 г., № 30. — ОАК за 1911 г., стр. 62 и 96, рис. 100—104. — Прибавление к в. № 44 ИАК, СПб., 1912, стр. 97—98 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1911 г.). — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 25, № 74. — NZ, т. 62, 1929, стр. 103, № 51.

70. В мае 1898 г. в Киеве на ус. Десятинной церкви при прокладке канализационных труб на глубине около четырех метров, в культурном слое, между многочисленными погребениями, рабочим Арефою Овсянниковым был найден клад, лежавший прямо в земле. В состав его входили:

1) Серьги серебряные киевского типа — 8 (из них две поломаны) с ажурными и зерневыми бусинами. [Табл. XXX, *3*, *5—9*].
2) Браслет серебряный витой со следами черни на наконечниках. [Табл. XXX, *4*].
3) Крестик-тельник бронзовый. [Табл. XXX, *10*].

В прессе, современной находке, состав клада определялся несколько иначе: 1 золотая и 7 серебряных сережек киевского типа, 3 серебряных витых браслета, 1 серебряный полуцилиндрик и 1 бронзовый крестик („Новости", „Киевское слово"). Четыре серьги и один браслет купил якобы у рабочих какой-то офицер; второй браслет был изломан рабочими, остальные вещи взял священник Десятинной церкви. Однако, по словам киевского губернатора (Архив ИИМК), „...заявление это полицейским дознанием не подтвердилось". Состав клада указан мною на основании вещей, присланных киевским губернатором в Археологическую комиссию, которая передала клад на хранение в Музей Киевского университета. Ныне клад хранится в Киевском историческом музее. От него сохранились только те вещи, которые изображены на таблице XXX (за исключением крестика, рисунок которого взят из дела Археологической комиссии).

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1898 г., № 140, рис. — Киевское слово, 1898, № 3725. — Новости, 1898, 9 июня, № 156. — Археологические находки в усадьбе Десятинной церкви. АИЗ, т. VI, М., 1898, стр. 197—198.

71. До 1899 г. в Киеве на ус. Десятинной церкви был найден клад в глиняном горшочке с отбитым ушком; клад содержал следующие вещи:

1) Полоса серебряная толстая, узкая, с поперечными желобками (ср. клад из м. Мирополь, **137**).
2) Колодочки серебряные — 36.
3) Серьги серебряные киевского типа — 7.

Судьба клада не известна.

КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 95, №№ 221—230.

72. В 1908 г. в Киеве во время раскопок Д. В. Милеева на усадьбе Десятинной церкви был найден небольшой клад, состав которого остался неустановленным. Известно только, что „наиболее интересным предметом" клада была „большая серебряная шейная цепь".

Местонахождение клада не известно.

Прибавление к в. 27 ИАК, СПб., 1908, стр. 54 (Археолог. хрон. за перв. пол. 1908 г.).

73. В 1909 г. в Киеве на ус. Десятинной церкви, к востоку от апсид, во время раскопок Д. В. Милеева был найден клад, в состав которого входили:

1) Колты серебряные — пара, с ажурной каймой, плохой сохранности; сохранились только ободки, дужки, а также щиток одного из колтов, с гравированным изображением двух птиц. [Табл. XXX, *1*, *2*].
2) Серьги трехбусинные золотые с ажурными бусами — 10; одна из них украшена жемчужинами.

3) Серьги трехбусинные серебряные — 10.
4) Браслеты серебряные витые — 2.
5) Образок-складень бронзовый.

Клад был доставлен в Археологическую комиссию вместе с материалами из раскопок Д. В. Милеева; хранился в нераспакованных ящиках до 1939 г. в ИИМК АН СССР. При разборке материалов в 1939 г. восстановить весь состав клада не удалось.

Раскопки в Киеве в 1909 г. Прибавление к в. 32 ИАК, СПб., 1909, стр. 125 и 126. — С. Вельмин. Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. Военно-исторический вестник. Киев, 1910, № 7—8, стр. 21.

74. В 1909 г. 29 мая в Киеве на ус. Десятинной церкви, к востоку от апсид, во время раскопок Д. В. Милеева был найден клад, в состав которого входили:

1) Колты серебряные — пара, с ажурной каймой. На вставных щитках гравированные изображения на черневом фоне; на лицевой стороне — грифон, на оборотной — плетенка. [Табл. XXXI, *1*, *2*].
2) Браслеты витые серебряные, непарные — 2. [Табл. XXXI, *5*, *6*].
3) Серьги трехбусинные серебряные — 7. [Табл. XXXI, *7—14*].
4) Височные кольца из толстой серебряной проволоки с неспаянными концами — 18. [Табл. XXXI, *3*, *4*].
5) Крестик с шариками на концах.

Клад был доставлен в Археологическую комиссию вместе с материалами из раскопок Д. В. Милеева. Хранился в нераспакованных ящиках до 1939 г. в ИИМК АН СССР.

Раскопки в Киеве в 1909 г. Прибавление к в. 32 ИАК, СПб., 1909, стр. 127. — С. Вельмин. Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. Военно-исторический вестник, Киев, 1910, № 7—8, стр. 21.

75. В 1912 г. 12 июля в Киеве на ус. Десятинной церкви во время раскопок Д. В. Милеева, в слоях XVIII—XIX вв. найден клад, попавший туда, повидимому, при перестройке церкви в 1824—1842 гг. В состав его входили следующие вещи:

1) Колт серебряный.
2) Браслет электровый с орнаментом на концах.
3) Серьги киевского типа серебряные — 12; из них целые — 2, остальные в фрагментах.

Судьба клада не известна.

Прибавление к в. 48 ИАК, Пгр., 1913, стр. 116, 117 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1912 г.).

76. В 1857 г. в апреле месяце в Киеве на ус. Климовича (бывш. ус. А. С. Анненкова), на косогоре, обращенном к Б. Владимирской улице и Андреевскому спуску, при выемке под домом земли для подведения под него кирпичного нижнего этажа была обнаружена древняя кирпичная кладка. В одной из стен, в нише, найден клад в небольшом глиняном орнаментированном горшочке черного цвета с отбитым верхом. В горшочке оказались:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа весом от 152.6 до 160.9 г — 6. (Галлерея, рис. *1—3*). [Табл. XXXII, *4—6*].
2) Браслета золотого фрагмент.
3) Браслеты серебряные витые с черневыми наконечниками — 6. (Там же, рис. *4*). [Табл. XXXII, *2*].
4) Перстень золотой с полым шестиугольным щитком. На щитке нанесен точками орнамент, отдаленно напоминающий так называемый знак Рюриковичей и состоящий из нескольких соединенных вместе крестиков с усиками между ними. По краю щитка кайма также с усиками. (Там же, рис. 5). [Табл. XXXII, *1*].
5) Шарик глиняный — погремушка, покрытая светлокоричневой глазурью и орнаментированная четырьмя поясками, перекрещивающимися в полюсах шарика. (Там же, рис. *6*; принадлежность его к кладу сомнительна.). [Табл. XXXII, *3*].
6) Кочедык костяной с отверстием на рукояти. (Там же, рис. *7*; принадлежность его к кладу сомнительна). [Табл. XXXII, *7*].

Клад поступил в Музей Киевского университета.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 1235—1238. — Архив. ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 59, л. 73. — Фотоархив ИИМК АН СССР, Q $\frac{516}{39}$. — Галлерея киевских достопримечательных видов и древностей, тетр. V, Киев, 1857, стр. 35, табл. — ИАО, т. I, в. 5, СПб., 1859, стр. 306, 307, протокол от 18 апреля 1858 г. — А. Ю. Киевская летопись (фельетон). Киевский телеграф, 1862, 23 августа, № 64, стр. 264. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 94, №№ 200—208. Спутан с вещами клада 1862 г. с ус. Климовича (**77**) и другими случайными находками с той же усадьбы.

77. В 1862 г. 17 августа в Киеве возле дома Климовича, стоявшего к юго-востоку от Десятинной церкви, при планировке Б. Владимирской улицы был найден клад, состав которого точно не может быть восстановлен. По имеющимся сведениям, в него входили:

1) Гривны монетные киевского типа малого веса — 3.
2) Колт серебряный с ажурной каймой в фрагментах; на вставном щитке изображение двух птиц, переплетенных друг с другом.
3) Браслеты большие серебряные — 2.
4) Височные кольца золотые из тонкой гладкой проволоки с несомкнутыми концами — 4.
5) Дужка серебряной трехбусинной серьги.
6) Цепочка серебряная из пластинчатых рубчатых звеньев.
7) „Серебряные священнические нарукавники".
8) Ключика железного фрагмент.

Клад поступил в минц-кабинет Киевского университета.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 1243—1249. — Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 59, л. 73. — Фотоархив ИИМК АН СССР Q $\frac{516}{39, 41}$. — А. Ю. Киевская летопись (фельетон). Киевский телеграф, 1862, 23 августа, № 64, стр. 264. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 94, №№ 200—208. Спутан с вещами клада 1857 г. с ус. Климовича (**76**) и с другими случайными находками с той же усадьбы.

78. В 1914 г. в Киеве во время археологических работ Д. В. Милеева и С. П. Вельмина в Десятинном переулке по раскрытию фундаментов каменного гражданского здания под мостовой против дома № 6 был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривны монетные, электровые, повидимому, в виде палочек — 4.
2) Сосуды стеклянные формы „стаканов", с красочным орнаментом — 3. На одном из них, кроме орнамента, человеческие фигуры с нимбами, средняя — на троне; одежды золотые.

Клад был передан С. П. Вельминым и Н. И. Титовым (членом Общества охраны памятников старины и искусства) представителю распорядительного комитета Общества охраны памятников старины и искусства А. И. Мердеру. Дальнейшая судьба клада не известна.

Прибавление к в. 57 ИАК, СПб., 1915, стр. 43, 44 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1914 г.).

79. В 1872 г. в Киеве на углу Б. Владимирской ул. и Десятинного переулка в ус. Якова Масютина был найден клад в глиняном горшке; в клад входили следующие вещи:

1) Браслет серебряный сломанный.
2) Колодочки серебряные — 32 целых и 12 фрагментов. [Табл. XXXIII, *12*].
3) Сережки серебряные киевского типа — 8. [Табл. XXXIII, *4—11*].

Клад приобретен 12 мая 1876 г. Музеем Киевского университета у А. С. Роговича.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 1668—1725. — В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 124. — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 140. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 34. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, ст. 112.

80. В 1876 г. 18 марта в Киеве на ус. Игната Лескова на углу Б. Владимирской ул. и Десятинного переулка был найден клад. Он был уложен в два сосуда — глиняный и красной меди в виде ведерка (диам. 12 см, выс. 17.6 см) с низким цилиндрическим горлышком (диам. 4.4 см, выс. к. 1.5 см); в горлышке с одной стороны дырочка, наподобие замочной скважины. Крышка плотно входит в горлышко, в ней тоже дырочка для замка. Глиняный горшок был разбит рабочими, нашедшими клад. Состав клада и материал вещей опубликованы Н. П. Кондаковым ошибочно. Даю состав его по описи, сделанной в 1895 г. в Музее Киевского университета в связи с посылкой клада Н. П. Кондакову,[1] и по инвентарю Музея Киевского университета.

1) Гривны монетные серебряные — 14 (похищены при находке).
2) Колты маленькие золотые — пара, с перегородчатой эмалью, на лицевой стороне две птицы по сторонам дерева, на оборотной — женская голова в венке. (Кондаков. Р. кл., табл. XV *12—15*, *18*, *19*).
3) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне две птицы по сторонам дерева, на оборотной — композиция из сегментов, круга и треугольника. (Ханенко. Др. Пр., в. V, табл. XXVII, *998*, *999*).
4) Колт золотой с перегородчатой эмалью, аналогичный предыдущим. (Кондаков. Виз. эм., табл. 20 bis и 21, слева).

---

[1] Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1876 г., № 10, л. 24; Н. П. Кондаков спутал вещи клада с ус. Лескова с найденным в том же году кладом на ус. Чайковского (см. **96**).

5) Колт звездчатый золотой с семью лучами, без дужки. (Кондаков. Р. кл., табл XV, *6*, *17*).
6) Сережки золотые трехбусинные — 3, из них две с ажурными бусами и одна с зерневыми.
7) Скобочки от очелья золотые — 34, из них 4 концевые со вставками, украшенными перегородчатой эмалью и жемчужной обнизью. (Там же, табл. XV, *9—11* и *16*).
8) Ожерелье золотое из семи реберчатых бус и семи лилиевидных подвесок. (Там же, табл. XV, *3*, *7*, *8*).
9) Цепь золотая из рубчатых пластинчатых звеньев. Цепь разорвана на 3 куска, общая длина 54 см, у двух фрагментов на концах замочные кольца. (Там же, рис. 77).
10) Перстни золотые полые — 2 (или 3[1]). На одном гравированное изображение льва, на другом неясное изображение. (Там же, табл. XV, *4*, *5*).
11) Цепь серебряная толстая, плетеная на четыре грани, наконечники в виде звериных голов, соединенные кольцом. (Там же, рис. 76).
12) Цепь серебряная тоньше предыдущей, плетеная на четыре грани, наконечники в виде звериных голов с чернью. Кольцо утрачено.
13) Обломки железных гвоздей, лежавшие в сосуде вместе с вещами.

Пара колтов (§ 3) поступила в собрание Б. И. Ханенко, один колт (§ 4) был куплен в 1882 г. А. В. Звенигородским, считавшим, что он происходит из клада с ус. Чайковского 1876 г. (**96**). Остальные вещи, за исключением разбитого горшка и похищенных монетных гривен, поступили в Музей Киевского университета, а после Великой Октябрьской социалистической революции были переданы в Киевский исторический музей. Медный сосуд в музее не разыскан.

Архив ИИМК АН СССР, Р — I, инв. №№ 5978—5980; фонд № 1 (АК), 1875 г., № 10, рис. — Инвентарь Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 2320—2335. — ОАК за 1876 г., стр. XXXIX. — В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губернии в течение 1876 г. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1879, стр. 253, 254. — Joh. Schulz. Die byzantinischen Zellen-Emails der Sammlung Swenigorodskoi. Aахен, 1884, стр. 49, табл. — В. Б. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 124—125. — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 140—141. — Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, стр. 24—26. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 95—96, №№ 231—244. — Обозр. некот. губ. . . ., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 269—270. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 328, табл. 20 bis и 21 (левые). — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 112—116, рис. 76—77, табл. XV, *3—9*. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 111—113, рис. 164—168 и 200. — Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 47, №№ 998, 999, табл. XXVII. — А. И. Черепнин. О киевских денежных гривнах. Тр. XI АС, т. II, М., 1902, стр. 56. — А. И. Черепнин. О гривенной системе. . . ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 178. — М. С. Грушевський. Ілюстрована історія України. Киев—Львов, 1913, рис. 48 на стр. 49. — А. А. Ильин. Топогр. кладов. . . слитков. 1921, стр. 24, № 71. — NZ, т. 62, 1929, стр. 106, № 68.

81. В 1910 г. в Киеве во время раскопок Д. В. Милеева в восточной части ус. Трубецкого со стороны Трехсвятительской улицы в небольшом холщевом мешочке был найден клад, в состав которого входили:

1) Колты серебряные — 2.
2) Серьги трехбусинные серебряные — 8.
3) Серьга трехбусинная электровая.
4) Браслет серебряный.
5) Перстни из сплава серебра и меди — 3.

Судьба клада не известна.

Прибавление к в. 37 ИАК, СПб., 1910, стр. 208 (перепечатано из газ. „Киевские вести", 2 мая 1910 г., № 128). — Київ. Путеводитель. Киев, 1930, стр. 348.

82. В 1872 г. в Киеве перед домом кн. Е. И. Трубецкой по Б. Владимирской улице, на тротуаре, при рытье ямы для установки газового фонаря было найдено два глиняных кувшинчика, один с ручкой, выс. 4 вершка (Хойновский, табл. III, *4*), пустой; другой побольше, со следующими вещами:

1) Колты серебряные с ажурной каймой — пара; на вставных щитках, на черневом фоне гравированное изображение грифона. (Хойновский, табл. IV, *5*; ОАК за 1896 г., рис. 435; Кондаков. Р. кл., рис. 90).
2) Наруч серебряный, местами с позолотой и чернью; изображения в два яруса: в нижнем плетенка и растительный мотив; верхний поделен на каждой створке на три части накладными тиснеными позолоченными бляшками формы квадрифолия; между ними на черневом фоне гравированные фантастические животные и птицы. (Хойновский, табл. IV, *13—15*; Кондаков. Р. кл., рис. 89; Кондаков. Р. др., рис. 218; ОАК за 1896 г., рис. 434; Рыбаков. Ремесло. . . рис. 59, *в*).

---

[1] По музейной описи 1895 г. — 2 перстня; по описи, сделанной в канцелярии киевского губернатора в 1876 г. — 3 перстня. [Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1876 г., № 10, лл. 24 и 15—15 об.].

3) Серьги киевского типа серебряные с зерневыми бусами — 5 (Хойновский, табл. IV, *6*).

4) Перстень серебряный с черневым орнаментом.

5) Кость игральная, в виде низкой шестигранной призмы со сквозным отверстием в центре; на гранях призмы вырезаны кружки — „очки" от одного до шести (Хойновский, табл. IV, *17*).

Клад поступил в коллекцию кн. Трубецкого, а в 1896 г. вместе со всей коллекцией был куплен Археологической комиссией и передан на хранение в Исторический музей в Москве.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 59. — ОАК за 1896 г., стр. 121, 122 и 236, 237, рис. 434—436. — И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 11—13, табл. IV, *5, 6, 13—15, 17*. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 142, 143, рис. 89, 90. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, рис. 218. — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, рис. 59, *в*. — История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, рис. 214.

83. В 1877 г. весной в Киеве на углу Трехсвятительской и Б. Владимирской улиц при исправлении забора на усадьбе П. А. Трубецкого со стороны Трехсвятительской улицы, в осыпавшейся земле был найден клад в глиняном сосуде. В состав клада входили:

1) „Пара серег серебряных".

2) „Пряжка от кушака" серебряная.

3) „Кольцо золотое".

Судьба клада не известна.

Киевлянин, 23 апреля 1877 г., № 48.

84. В 1903 г. в Киеве в ус. Н. А. Гирича по Трехсвятительской улице был найден клад, в состав которого входили:

1) Колт звездчатый серебряный, лучи покрыты зернью.

2) Колт звездчатый серебряный, лучи с напаянными долевыми проволочными ребрышками.

3) Перстни серебряные — 2, на щитках черневые изображения; на одном крестик, на другом розетка.

4) Серьги серебряные киевского типа — 8.

Клад был пожертвован владельцем усадьбы в Киевский городской музей.

Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 37.

85. В 1901 г. 10 сентября в Киеве в ус. Б. А. Орлова по Трехсвятительской ул., в 50 саженях от Трехсвятительской церкви, при рытье ямы для погреба в глубине усадьбы был найден клад в разбитом глиняном горшке, стоявшем в яме, вырытой в материке. Горшок имел одно ушко и был орнаментирован линейным и ногтевым орнаментом (выс. 21 см, шир. 20 см, диам. дна 8 см). В горшке найдены следующие вещи, завернутые в парчу, остатки которой рабочие выкинули:

1) Колты золотые — пара, с чернью по гравировке; на лицевой стороне две птицы по сторонам опрокинутой вниз лилии; на обороте — одна птица в круге, по сторонам два сегмента с разводами, внизу — два соединенных вершинами треугольника. [Табл. XXXV, *3, 4*].

2) Дужки золотые от очелья — 9.

3) Серьги золотые киевского типа с ажурными бусами — 4.

4) Ожерелье из восьми серебряных маленьких круглых медальонов, передающих в миниатюре все черты крупных золотых медальонов. На вставных щитках вместо перегородчатой эмали орнамент растительного характера, исполненный чернью на золоченом конфаренном фоне. Вокруг щитка желобок для жемчужной обнизи. Изображения сохранились только у четырех медальонов. [Табл. XXXIV, *9*].

5) Ожерелье из девяти серебряных позолоченных подвесок в виде кринов и девяти продолговатых серебряных позолоченных реберчатых бус. Два крина поломаны. [Табл. XXXV, 5].

6) Колодочки серебряные маленькие — 4.

7) Бляшек нашивных серебряных мелких обломки; одна из них крестообразная с лилиевидными концами.

Клад был пожертвован Б. А. Орловым в Киевский музей древностей и искусств. Ныне хранится в Киевском историческом музее.

Клад в усадьбе Б. А. Орлова на Трехсвятительской ул. в г. Киеве. АЛЮР за 1901 г., т. III, Киев, 1901, стр. 185—187. — Прибавление к в. 2 ИАК, СПб., 1902, стр. 26 (Археолог. хрон. за последнюю треть 1901 г.). — Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 35.

ЯРОСЛАВОВ ГОРОД

86. В 1904 г. в июле в Киеве, во дворе Софийского собора, на глубине $^3/_4$ аршина был найден клад, в состав которого входили:

1) Серьги серебряные киевского типа — 7, с ажурными и зерневыми бусами. [Табл. XXXIV, *2—8*].

2) Браслет низкопробного серебра пластинчатый с несомкнутыми концами. [Табл. XXXIV, *1*].

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в 1906 г. в Музей Киевской духовной академии.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1904 г., № 206, фотогр.

87. В 1854 г. в Киеве на площади около б. Присутственных мест найден клад (?), в состав которого входили:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа — 2.

2) Серьги трехбусинные золотые—5.

3) Браслет серебряный витой.

Местонахождение клада не известно.

В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 36. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 26, № 83.

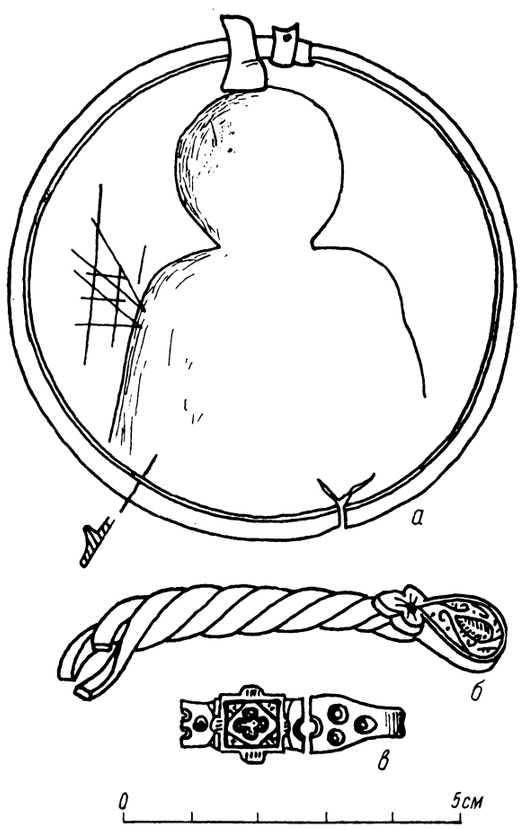

Рис. 16. Киевский клад 1938 г. (**88**). *а* — оборотная сторона медальона; *б* — фрагмент браслета; *в* — фрагменты перстня.

88. В 1938 г. 10 июня в Киеве, против здания б. Присутственных мест в начале М. Житомирской ул., при прокладке водоотливной магистрали и асфальтировании площади был найден клад, уложенный в глиняный горшок. Горшок был вставлен в небольшую низкую медную чашку, посеребренную снаружи. Около венчика чашки три дырочки (возможно, это была лампада). (Самойловський, рис. 1). Часть вещей попорчена в момент находки. В состав клада входили:

1) Цепь золотая из 17 полых круглых бляшек на шарнирах, с перегородчатой эмалью; цепь разорвана на много частей, некоторые бляшки повреждены, трех бляшек и обеих цепочек нехватает. На пяти бляшках изображен геральдический распластанный орел, на четырех — птица с головой, повернутой назад, на пяти — крин и на трех — крестообразный орнамент из миндалин. Повидимому, к ней же относится фрагмент небольшого колечка. (Самойловський, рис. 5).

2) Цепочки золотые — 2; звенья из рубчатых пластин, свернутых в трубочку; на концах цепей кольца. (Там же, рис. 3).

3) Сережки золотые киевского типа — 7; бусы трех видов: три серьги — с зерневыми бусами (одна большая и две маленькие от разных пар); две — с ажурными бусами (от разных пар) и две — со сплошными бусами, украшенными зерневыми треугольниками и пирамидками крупной зерни (непарные, одна сломана). (Там же, рис. 3 и 4).

4) Браслет серебряный витой с наконечником, украшенным чернью, фрагмент. [Рис. 16, *б*].

5) Медальон серебряный литой, позолоченный, с рельефным поясным изображением богоматери в фас, с ладонями перед грудью (копия с чеканной дробницы от оклада евангелия или иконы, или крышки сосуда); с лицевой стороны подправлен гравировкой (надписи, точки на нимбе и одежде, складки, руки, лицо), вверху две припаянные петли (одна отломана). Повидимому, к ним прикреплялось на шарнире ушко в виде бусины, как обычно у крупных медальонов от ожерелий. (Там же, рис. 2). [Рис. 16, *а*].

6) Перстня серебряного литого 2 фрагмента. На квадратном щитке черневой орнамент (розетка), по сторонам щитка, в утолщенной части дужки, по четыре сквозных отверстия. [Рис. 16, *в*].

Клад поступил в Институт археологии Академии Наук УССР, откуда в 1940 г. был передан в Киевский исторический музей.

Правда, 11 июня 1938 г., № 159 (7484). — І. Самойловський. Скарб часів Київської Русі. Археологія, т. II, Киев, 1948, стр. 192—198, рис. 1—5.

89. В 1900 г. в Киеве на усадьбе Реального училища на Михайловской площади при производстве земляных работ для расширения здания училища найден в сосуде клад, в состав которого входили:

1) Гривны монетные серебряные — 2.
2) Браслета серебряного витого фрагмент.

Судьба клада не известна.

АЛЮР за 1900 г., т. II, Киев, 1900, стр. 205.

90. В 1880 г. в Киеве на Б. Житомирской улице, близ дома генерала Кушинова, при рытье канавы для водопроводной трубы на глубине $2^1/_2$ аршин был найден клад, состоявший из следующих предметов:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа малого веса (от 141.84 до 164.12 г) — 34. (Кондаков. Р. кл., табл. II, *14*, *15*).
2) Медальоны золотые — 3, с изображениями Христа, богоматери и предтечи (деисус), исполненными перегородчатой эмалью на вставных щитках. Вокруг кайма из сканных дужек, камней и „раковин" с жемчужиной в центре (ср. с диадемой Каменнобродского клада, **138**, ОАК за 1903 г., табл. VII, *1*; Гущин. Памятники, рис. 16). Жемчужная обнизь вокруг щитков утрачена. (Кондаков. Р. кл., табл. I, *4*, *6*).
3) Цепь золотая с перегородчатой эмалью из двадцати полых круглых бляшек на шарнирах с изображениями птиц, крина и крестообразного орнамента из миндалин. (Кондаков. Р. кл. табл. I, *1*; Кондаков. Р. др., рис. 196).
4) Колты золотые с эмалью — 2. На лицевой стороне два сирина, на оборотной композиция из двух сегментов, круга и треугольника. (Кондаков. Р. кл., табл. II, *9*, *10*).
5) Бляшки золотые с перегородчатой эмалью — 3; на двух птица, на третьей крин. Повидимому, это вставные щитки, выпавшие из каких-то украшений, побывавших в огне. (Кондаков. Р. кл., табл. I, *2*, *3*; II, *13*).
6) Дужки золотые от очелья — 3; одна из них концевая, со щитком с перегородчатой эмалью. (Кондаков. Р. кл., табл. II, *6—8*).
7) Бусы большие золотые ажурные продолговатые — 3. (Кондаков. Р. кл., табл. II, *1—3*).
8) Сережки золотые трехбусинные — 4. (Кондаков. Р. кл., табл. II, *4—5*, *11—12*).
9) Бронзовый водолей в виде барана. (Кондаков. Р. кл., рис. 78; Тревер, табл. XV).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж. В январе 1932 г. клад был передан из Гос. Эрмитажа в Харьковский Гос. исторический музей им. Сковороды и погиб во время Великой Отечественной войны.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1880 г., № 12, фотогр.; 1885 г., № 59, л. 49. — ОАК за 1880 г., стр. XXIII. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 39. — А. И. Черепнин. О киевских денежных гривнах. Тр. XI АС, т. II, М., 1902, стр. 56. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 328. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 117—120, рис. 78, табл. I—II. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 116, рис. 20, 192—194 и 196 (последний ошибочно отнесен к Михайловскому монастырю). — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 275—279, рис. 42. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 178. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 26, № 84. — К. В. Тревер. Бронзовый водолей Киевского клада. ИРАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 311—317, табл. XV. — NZ, т. 62, 1929, стр. 102, № 45.

91. В 1902 г. в Киеве на Б. Житомирской ул. при земляных работах был найден клад в небольшом глиняном, грубой работы горшке, прикрытом кольчугой. В состав клада входили следующие вещи:

1) Цепь серебряная позолоченная из рубчатых пластинчатых звеньев с замочным кольцом на одном конце.
2) Колт серебряный с ажурной каймой; на вставном щитке, на черневом фоне гравированное схематическое изображение грифона. (Ханенко, в. V, табл. XXVIII, *973*).
3) Браслеты серебряные витые — 2.
4) Сережки серебряные киевского типа — 11 целых и фрагменты. [Табл. LVII, 5].
5) Подвеска свинцовая.
6) Крестик бронзовый маленький с выемчатой эмалью.
7) Замка железного маленького фрагмент.

Клад поступил в коллекцию Б. И. Ханенко, а впоследствии был передан в Киевский исторический музей.

Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 23—24, табл. XXVIII, *973*.

92. В 80-х годах XIX в. в Киеве на Львовской площади в усадьбе Гребеня был найден клад, в состав которого входили:

1) Браслет витой серебряный.
2) Сережки киевского типа серебряные — 8.
3) „Кольцо" серебряное.

Клад был приобретен И. А. Хойновским.

В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 39.

93. До 1898 г. в Киеве близ Скорбященской церкви был найден клад, в состав которого входили:

1) Браслет серебряный витой с черневыми наконечниками. [Табл. XLVII, *7*].
2) Сережки серебряные киевского типа — 12, из них одна с ажурными бусами, остальные с зерневыми.

Клад пожертвован 25 августа 1898 г. П. А. Божком в Музей Киевского университета. Ныне хранится в Киевском историческом музее. Серьги, повидимому, депаспортизованы и поэтому не обнаружены.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 11263—11275.

94. В 1893 г. 28 апреля в Киеве, на углу Сретенской и М. Владимирской улиц, при канализационных работах на значительной глубине найден клад в глиняном горшочке с ушком (выс. 0.10, шир. 0.11 м; табл. XXXVI, *10*), стоявшем на железном топоре [рис. 1, *а*] и прикрытом железным кружком вроде сковородки. В кладе найдено:

1) Колты серебряные — пара, с каймой из проволочных петель; на обеих сторонах на черневом фоне гравированные лилии. (Кондаков. Р. кл., рис. 120 на стр. 203). От второго колта сохранилась только дужка. [Табл. XXXV, *2*; XXXVI, *8*].
2) Наруч серебряный с чернью; изображения в один ярус; на каждой створке по три арочки из накладной зернчатой проволоки; под арками гравированные изображения типа птиц и грифонов-василисков (последние в средних арочках); у василисков фон черневой, контуры гравированные; у птиц контуры черневые, а фон — передвижка. (Там же, рис. 88). [Табл. XXXV, *1*].
3) Сережки серебряные киевского типа — 4 пары (из них одна в фрагментах). [Табл. XXXVI, *1—7*, *9*].

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж; 13 мая 1930 г. клад был передан в Гос. Русский музей в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1893 г., № 66. — ОАК за 1893 г., стр. 41, 42 и 112, 113. — Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и проч. в России и за границей. АИЭ, т. I, М., стр. 171, 172. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 140, 141, рис. 88 и 120.

95. В 1827 г. в Киеве, в ус. Августиновича на Львовской ул. близ Сретенской церкви, при рытье погреба, в медном проржавевшем котелке был найден клад, от которого сохранились следующие вещи:

1) Цепь золотая из 23 полых бляшек формы квадрифолиев на шарнирах, разорванная на части. На бляшках перегородчатой эмалью выполнены птицы (четыре бляшки) и орнамент семи различных рисунков. Повидимому, это части двух разных цепей, так как количество бляшек превышает нормальное для подобных цепей количество их (20 бляшек), а разнообразие в орнаменте слишком велико (Кондаков. Р. кл., табл. X, *2*).
2) Колты золотые — пара, с многолучевой каймой и вставными щитками с перегородчатой эмалью. На лицевой стороне изображена птица, на оборотной орнамент — два сегмента с городчатым узором и круг, находящийся между ними; в круге опрокинутая вниз лилия. Вокруг щитков была жемчужная обнизь. (Там же, табл. X, *3*, *4*).
3) Часть второй пары золотых колтов с перегородчатой эмалью. Сохранился один щиток — оборотная сторона колта без каймы, с колечками для жемчужной обнизи по краю и эмалевым орнаментом из кругов и трапеций. (Там же, табл. X, *1*).
4) Дужки золотые от очелья — 11, узкие и большого диаметра (диам. 0.045 м) из гладкой и рубчатой проволоки. [Рис. 9].
5) Цепочки тонкой золотой обрывки.
6) Жемчуга около ста зерен.

Обрывки цепочки и жемчуг не сохранились или депаспортизованы.

Клад хранился в Эрмитаже. В январе 1932 г. он был передан в Харьковский Гос. исторический музей им. Сковороды и погиб во время Великой Отечественной войны.

Архив Гос. Эрмитажа, 1829 г., № 22, по архиву № 140. — Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 26, л. 7, фотогр. — О ходе открытия древностей в Киеве до начала 1836 г., ЖМНП, 1836, ноябрь, отд. II, стр. 278, 279. — Н. В. Закревский. Описание Киева. М., 1868, стр. 557. — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, март, стр. 140. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 38. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 107, 108, табл. X. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 279, 280, рис. 44. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 107, рис. 153, 154.

96. В 1876 г. 13 апреля в Киеве в ус. Юлиана Чайковского на Рейтарской ул. (по другим сведениям, на Б. Житомирской ул.) при земляных работах был найден клад, в состав которого входили:

1) Чаши серебряные — 2, на ножках; одна из них, в которую были уложены вещи клада, с латинской надписью по краю (qui reficis ventrem pauperis + esto memor) и русскими графитти XII в. на дне (**КНАЖА СПАСОВА**). Другая чаша также не русской работы; ею были прикрыты (?) вещи, уложенные в первой чаше. (Корзухина, рис. 1—5).

2) Колты золотые с чернью(?), гравировкой и с каймой из шариков — пара. [Рис. 17].
3) Колты серебряные — пара, с ажурной каймой; на вставных щитках черневые изображения: на лицевой стороне две птицы, на оборотной одна профильная птица. (Корзухина, рис. 7).
4) Браслеты серебряные витые — 4. (Корзухина, рис. 6, *а—г*).
5) Сережки киевского типа — 25, из них серебряных 11 и золотых 14. (Корзухина, рис. 6, *д—ж*).
6) „Колец" серебряных — 2.
7) Серебряный и золотой лом, повидимому, части перечисленных и ряда других сломанных украшений.

После находки клад был прислан в Археологическую комиссию, где с него были сделаны рисунки, но 31 мая 1876 г. почему-то был отослан обратно в Киев Ю. Чайковскому. В 1883 г. часть клада — серебряные вещи (§§ 1, 3, 4, частично 5 и 6) купил А. В. Звенигородский. Остальные вещи — золотые (§ 2 и частично § 5) были Ю. Чайковским сплавлены. До 1895 г. А. В. Звенигородский продал свои вещи в Музей Штиглица, откуда после Великой Октябрьской социалистической революции они были переданы в Гос. Эрмитаж. В январе 1932 г. вещи клада, за исключением двух чаш, были переданы в Харьковский Гос. исторический музей им. Сковороды и погибли во время Великой Отечественной войны. Чаши хранятся в Гос. Эрмитаже.

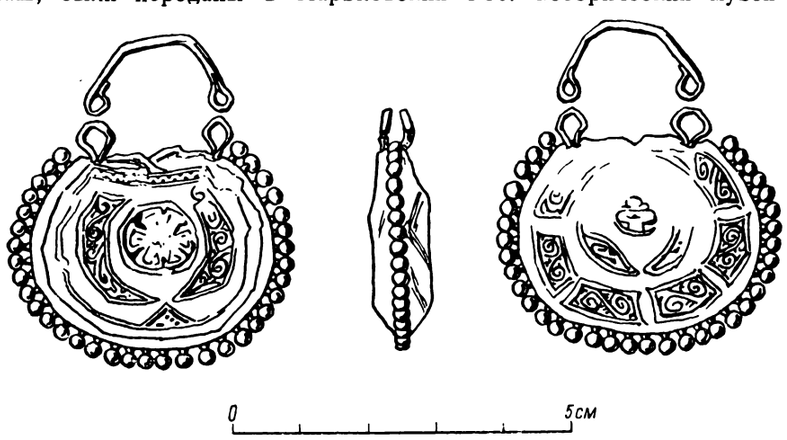

Рис. 17. Киевский клад с ус Чайковского (96). Золотой колт.

Архив ИИМК АН СССР, Р — I, инв. №№ 5978 и 5980; фонд № 1 (АК), 1876 г., № 10; фонд. № 11 (Я. И. Смирнова), № 96.—ОАК за 1876 г., стр. XXXIX.— В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губ. в течение 1876 г. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1879, стр. 254. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ., 1895, стр. 38. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. III, табл. 20 bis и 21, средний. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 116, 117.— Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 113—115. — Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. СА, т. XV, М.—Л., 1951, стр. 64—81, рис. 1—7.

97. В 1889 г. 2 мая в Киеве в ус. У. Ф. Раковского по Рейтарской ул. рабочие Андрей Слепченко и Доронин, рывшие яму, нашли клад в небольшом сосуде (котелке) красной меди шарообразной формы с остроконечной крышкой. В состав клада входили:

1) Гривна монетная киевского типа, серебряная. [Табл. XXXVII, *8*].
2) Гривна шейная, серебряная, витая. [Табл. XXXVII, *4*].
3) Наруч серебряный с чернью; изображения в два яруса; на каждой створке верхний ярус поделен арочками на три части, под ними сирины и лилейные пальметты; в нижнем — растительная и геометрическая плетенка. На кайме, разделяющей верхний и нижний ярусы, стилизованная, орнаментальная арабская надпись. (Кондаков. Р. кл., рис. 85). [Табл. XXXVII, *10*].
4) Браслеты серебряные витые — 2; у одного наконечники в виде крупных звериных голов, у другого треугольные, гладкие. [Табл. XXXVII, *7* и *9*].
5) Серьги киевского типа низкопробного золота — 3, от разных пар. [Табл. XXXVII, *1*, *5*, *6*].
6) Перстни низкопробного золота — 2. На одном искаженное подражание арабскому слову „Аллах" в обратном начертании почерком куфи; элементы письма восходят к X в. На другом — орнамент из элементов арабских букв (?). (Рыбаков, рис. 29, 30). [Табл. XXXVII, *2*, *3*].

Клад был куплен на месте у рабочих В. Б. Антоновичем для Археологического кабинета Киевского университета, однако по распоряжению киевского губернатора вещи были возвращены владельцу усадьбы У. Ф. Раковскому. Местонахождение их в настоящее время не известно.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1889 г., № 15, фотогр. — Московские ведомости, 9 мая 1889 г., № 126. — ЗРАО, т. IV, в. 3—4, СПб., 1890, нов. сер., стр. 389, газетные известия за лето и осень 1889 г. — Обозр. некот. губ. . . ., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 270. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 137, 138, рис. 85. — Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X — XII вв. СА, т. VI, М.—Л., 1940, стр. 237, рис. 29, 30.

Чтение и датировка надписи на перстне сделаны В. А. Крачковской.

98. В 1885 г. 16 апреля в Киеве в ус. Есикорского по Троицкому (Рыльскому) переулку, к востоку (северу, по Прахову) от Софийского собора, против соборного дома, в 12 (в 7, по Прахову) саженях от ограды собора, при рытье траншеи для фундамента, на глубине $2^1/_2$ арш., был найден клад, положенный в горшок

серой глины с ручкой (Кондаков. Р. кл., рис. 79), прикрытый глиняным ковшиком (там же, рис. 80). В горшке на оческах пакли лежали следующие вещи:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа малого веса (от 150.51 до 162.14 г) — 9. (Кондаков. Р. кл., табл. III, *10*).
2) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне два сирина, на оборотной — композиция из круга, сегментов и треугольника. (Там же, табл. III, *2*, *3*).
3) Колты серебряные — пара, с ажурной каймой и обрывками цепочек на дужках; на вставных щитках черневые изображения: на лицевой стороне двух птиц, на оборотной орнамента. (Там же, табл. III, *5*, *6*).
4) Сережки золотые киевского типа — 30 и одна сережка электровая. (Там же, табл. IV).
5) Сережки серебряные киевского типа целые и фрагментированные — более 23. (Там же, табл. III, *8*, *9*).
6) Височные кольца золотые перстнеобразные сомкнутые — 13 и одно электровое. (Там же, табл. III, *4*; V, *14*).
7) Гривна шейная серебряная витая из трех толстых дротов с перевитью, наконечники полые у основания и сплюснутые у концов, заканчиваются трубочками. (Там же, табл. V, *10*).
8) Браслеты витые серебряные — 3, с чернью на наконечниках. (Там же, табл. III, *7*; V, *9*).
9) Колодочки серебряные — 53, две из них концевые, одна с цепочкой; 8 из них приржавели к железному замку, бывшему в кладе. (Там же, табл. V, *15*; III, *1*).
10) Перстень золотой с аметистом в овальном гнезде. (Там же, табл. V, *3*).
11) Перстни серебряные литые — 7, три из них (а может быть, пять) — печатки с изображениями льва, равноконечного и многоконечного крестов; у двух на центральных гладких щитках изображений нет (стерлись?); у трех щитки имеют форму квадрифолиев. (Там же, табл V, *1*, *2*, *4—8*).
12) Оправа серебряная от черенка ножа — 4 фрагмента, с орнаментом в виде птиц в плетенке чрезвычайно вытянутых пропорций. (Там же, табл. V, *11*, *12*; рис. 81).
13) Замки железные висячие трубчатые — 2, к одному из них приржавело 8 серебряных колодочек и кусочек ткани. (Там же, табл. V, *13*, *15*).
14) Галуна и льняной ткани с золотыми нитями остатки.
15) Волос остатки.

Клад поступил в Археологическую комиссию полностью. До января 1932 г. хранился в Гос. Эрмитаже, в 1932 г. был передан в Харьковский Гос. исторический музей им. Сковороды и погиб во время Великой Отечественной войны.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 33, рис., фотогр. — ОАК за 1882—1888 гг., стр. XCIII, XCIV. — А. В. Прахов. Резюме доклада о кладе Есикорского в протоколах ЗРАО, т. II, СПб., 1887, нов. сер., стр. LIII — LV, протокол от 16 XI 1885. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 283—285, рис. 45—47. — Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и проч. в России и за границею. АИЭ, т. I, М., 1893, стр. 18. — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 141—142. — Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1899, стр. 42—44. — Н. И. Петров. Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. 2-е изд., Киев, 1897, стр. 226. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 124—132, рис. 79—82, табл. III—V. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 329, 330. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 119—121, рис. 181—188. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 269. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 173. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 26, № 85. — NZ, т. 62, 1929, стр. 102, № 47.

99. В 1889 г. 18 или 20 апреля в Киеве в ус. подпоручика Гребеновского по Троицкому переулку, во дворе дома, при земляных работах на глубине полутора аршин рабочими был найден клад. В состав его входили:

1) Гривны ~~монетные~~ денежные серебряные киевского типа малого веса (от 155.95 до 167.86 г) — 7 или 9. (Кондаков. Р. кл., табл. IX, *1—7*).
2) Монеты золотые византийские (солиды) — 2 (1081—1118 гг. и 1118—1143 гг. Алексея и Иоанна Комнинов) с припаянными ушками. (Там же, табл. IX, *10*, *11*).
3) Диадема золотая с перегородчатой эмалью из семи киотцев с изображением деисуса в рост (Христос, предтеча, богоматерь, архангелы, Петр и Павел) и женских головок в круглых медальонах на двух концевых звеньях. (Там же, табл. VIII).
4) Гривна шейная золотая из витого четырехгранного в сечении дрота. (Там же, табл. IX, *15*).
5) Гривна серебряная витая. (Там же, табл. IX, *14*).
6) Колта серебряного фрагменты — части ажурного ободка из проволочных петель восьмеркой. (Там же, табл. IX, *16*).
7) Сережки киевского типа серебряные — фрагменты. (Там же, табл. IX, *18—25*).
8) Браслет золотой гладкий кованый, круглый в сечении, утончающийся к концам; концы не сомкнуты. (Там же, табл. IX, 9; ср. с двумя браслетами из клада с ус. Л. И. Бродского, **30**).
9) Браслет серебряный витой. (Там же, табл. IX, *8*).

10) Перстень-печатка золотой с чернью, дужка проволочная, на щитке углубленное изображение арх. Михаила в рост, вокруг черневой орнамент. (Там же, табл. IX, *13* и рис. 86, 87 на стр. 139).
11) Перстень золотой, дужка проволочная, щиток — овальное гнездо с темной яшмой. (Там же, табл. IX, *12*).
12) Перстень серебряный с полым щитком — фрагменты; на щитке черневое изображение Христа. (Там же, табл. IX, *26*).
13) Колодочки серебряные целые и поломанные — 13. (Там же, табл. IX, *17*).
14) Парчи золотой кусочек длиной 4 см.
15) Кусочки смолы (янтаря?) — 2.

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан на хранение в Эрмитаж, откуда 13 мая 1930 г. был передан в Гос. Русский музей в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1889 г., № 15, фотогр.; Р—I, инв. № 1899 (рис. диадемы). — ОАК за 1889 г., стр. 90, 91 и 119, рис. 31. — Киевлянин, 1889, № 90. — ЗРАО, т. IV, СПб., 1890, стр. 163—166 и 433, извлечения из газеты „Киевлянин", №№ 88—91 и 97 за 22—26 апреля и 3 мая 1889 г. — Сообщение В. Б. Антоновича о находке клада на ус. Гребеновского в заседании ИОНЛ 30 апреля 1889 г., ЧИОНЛ, т. IV, Киев, 1890, отд. I, стр. 9, 10, протокол, § г. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 36. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 138, 139, рис. 86, 87, табл. VIII, IX. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, табл. 28. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. СПб., 1897, стр. 123—127, рис. 189—191. — А. И. Черепнин. О киевских денежных гривнах. Тр. XI АС, т. II, М., 1902, стр. 54. — Обозр. некот. губ. . . ., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 269. — М. С. Грушевський. Ілюстрована історія України. Киев—Львов, 1913, рис. 88 на стр. 96. — А. А. Ильин. Топогр. кладов. . . слитков. 1921, стр. 26, № 87. — NZ, т. 62, 1929, стр. 101, № 39.

100. В неизвестное время (до 1914 г.) в Киеве при копании ямы для фундамента дома № 14 по Стрелецкой улице был найден клад, в состав которого входили:

1) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью на вставных щитках и многолучевой с колпачками каймой. На вставных щитках с одной стороны пальметка в круге между двумя сегментами, на другой — четыре сектора, расположенные крестообразно. [Табл. XXXVIII, *1*, *2*].
2) Колодочки золотые — 42, из них одна с цепочкой, другая с кольцом. [Табл. XXXVIII, *6*].
3) Серьги золотые киевского типа — 2 пары; из них одна с зерневыми бусами, вторая с ажурными.
4) Кольца височные золотые несомкнутые — 4.
5) Браслет серебряный витой с черневыми наконечниками.
6) Гривны шейные серебряные — 2, свитые из трех толстых дротов; наконечники пластинчатые, узкие, концы обломаны; судя по сохранившимся следам дырочек на концах обоих наконечников, они были закручены в трубочки. [Табл. XXXVIII, *4*, *5*].
7) Перстень серебряный с шестиугольным щитком, орнаментированным с чернью. [Табл. XXXVIII, *3*].

Клад был пожертвован наследниками И. Н. Терещенко в Киевский музей древностей и искусств и в декабре 1914 г. был записан в инвентарь Археологического отдела музея под №№ 17390—17445. В 1949 г. в Киевском историческом музее удалось найти только 2 шейные гривны (третья гривна, имеющая номер с. 65127, получила по ошибке второй номер 17444 — и к данному кладу не относится; она найдена в Дубенском у. Волынской губ.; см.: Ханенко. Др. Пр., вып. V, табл. XXII, *1082*).

Рукописный каталог Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 17390—17445.

101. В 1939 г. в Киеве на Стрелецкой улице при земляных работах был найден клад, в состав которого входили:

1) Медальоны серебряные — 3; на двух круглых гравированные с чернью изображения богоматери типа знамения и архангела в рост; третий овальный позолоченный, в центре большой овальный камень (горный хрусталь), вокруг четыре малых овальных камня, между ними четыре группы по три гладких напаянных колечка. Ушки у всех неподвижные, бусиной. [Табл. XXXIX, *1—3*].
2) Наручи серебряные с чернью — 2, с изображениями птиц под арочками. [XL, *1*, *2*].

Клад хранится в Киевском историческом музее.

МИХАЙЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

102. В 1887 г. 19 ноября в Киеве, в ограде Михайловского монастыря, при рытье канавы для водопроводной трубы близ архиерейского дома, на глубине более двух аршин в глиняной кубышке с крышкой (не сохр.) был найден клад. В него входили:

1) Цепь золотая из 20 круглых полых бляшек на шарнирах с изображениями птиц, композиции из миндалин и композиции из кругов и треугольников. Цепь сохранила старые скрепы в шарнирах. Бляшки с птицами чередуются с орнаментальными бляшками. (Кондаков. Р. кл., табл. VI, *4*).

2) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне два сирина, на оборотной композиция из сегментов, круга и треугольника. (Там же, табл. VI, *1*, *2*).
3) Дужки золотые от очелья — 22, из них две концевые с эмалью. (Там же, табл. VI, *3*; VII, *1—7*).
4) Бусы золотые бочонком со сканью — 41, одного рисунка, но разные по работе и цвету золота. (Там же, табл. VII, *8*).
5) Подвеска „сионец" в виде церковки темного золота со сканью, аналогичной скани бус из темного золота. Эмаль на вставных щитках расстекловалась, несколько жемчужин утрачено; под сионцем вместо цепочек девять грушевидных реберчатых подвесок грубой работы светлого золота, не современные сионцу и плохо умещающиеся под ним. (Там же, табл. VII, *8*).
6) Колечки золотые штампованные — 163; полые, спаянные из двух половинок, с шестью сквозными дырочками каждая; колечки двух диаметров (0.011 м — 53 экз. и 0.009 м — 110 экз.).
7) Жемчуг мелкий, осыпавшийся с украшений.

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан на хранение в Эрмитаж. 13 мая 1930 г. из Гос. Эрмитажа передан в Гос. Русский музей в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 59; 1887 г., № 2, л. 95 и сл., фотогр. — ОАК за 1887 г., стр. CXCIX.— Случайные вырезки из газет. Сообщение о находке клада, перепечатанное из газ. „Новое время", 21 ноября 1887 г., № 325, ЗРАО, т. III, в. 2, нов. сер., СПб., 1887, стр. 285. — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 142. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 329, 330. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 285—288. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 134—136, табл. VI, VII. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 122.

103. В 1903 г. 4 июня в Киеве в ограде Михайловского монастыря, к югу от древнего собора, при закладке фундамента для монастырской гостиницы на глубине 2.30 м лошадь провалилась ногой в небольшую яму, в которой был найден клад в горшке желтовато-серой глины, выс. 0.31 м с одной ручкой, узким дном и орнаментом линейным и ногтевым (ОАК за 1903 г., рис. 342). Клад сохранился полностью; в состав его входили следующие вещи:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа малого веса — 2, на обороте одной нарезка „П" (вес 157.60 и 160.54 г). [Табл. XLI, *8*, *9*].
2) Колты серебряные — пара, с ажурным ободком; на вставных щитках на черневом фоне изображение грифона. [Табл. XLI, *1*, *2*].
3) Колты серебряные — пара; кайма из мелких литых шариков, поверх которых напаяна зернчатая проволока; на черневом фоне животное с цветком во рту. (ОАК за 1903 г., табл. V, *24*).
4) Колты звездчатые серебряные — пара; на лучах продольные ребрышки из гладкой проволоки. (Там же, табл. V, *25*).
5) Гривна шейная, серебряная, витая из трех пар дротов; концы закручены в трубочки. [Табл. XLI, *7*).
6) „Аграфы" серебряные с изогнутыми дужками — 13 целых и 1 фрагмент. (Там же, табл. V, *21*).
7) Ожерелье (Беляшевский, табл. XV), которое составляют:
   а) медальон серебряный позолоченный, круглый, с процветшим крестом; чернь по гравировке (ОАК за 1903 г., табл. V, *26*);
   б) подвески крестовидные — 7, полые, покрытые бессистемно напаянной мелкой зернью, ушки трубочками. (Там же, табл. V, *23*). [Рис. 13];
   в) крестик серебряный литой, позолоченный, четырехконечный, со стеклянными вставками на шаровидных концах и на перекрестии. (Там же, табл. V, *13*);
   г) бусы серебряные, большие, овальные — 4, из них три реберчатые (там же, табл. V, *7*), одна с зернью и обмотанными сканью концами. (Там же, табл. V, *12*).

Все перечисленные предметы были нанизаны на пучок не скрученных нитей. (Беляшевский, табл. XV).

8) Ожерелье, которое составляют:
   а) подвески серебряные лилиевидные — 7, из них две несколько отличны по рисунку — имеют рубчатые полоски. (ОАК за 1903 г., табл. V, *20*, *22*);
   б) подвеска серебряная круглая, пластинчатая, слегка выпуклая, с потертым гравированным изображением опрокинутой пальметки. (Там же, табл. V, *10*);
   в) корсунчики — 2, маленький и побольше, с серебряными наконечниками; у большого на наконечниках зерневые ромбы. (Там же, табл. V, *15*, *17*);
   г) бусы серебряные — 10, из них две маленькие овальные, с валиком по диаметру. (Там же, табл. V, *1*), и восемь реберчатых.
9) Ожерелье, которое составляют:
   а) подвески-лилии серебряные — 2, двух видов;
   б) бусы — 3.
10) Колодочки серебряные — 2 низки, в обеих 48 штук; у двух колодочек припаяны колечки, у двух

других — цепочки, длиной 0.10 м. Колодочки не все одинаковые — три из них сделаны другими штампами.

11) Низка из 15 прямоугольных полых серебряных с черневым геометрическим орнаментом бляшек, соединенных четырьмя рядами жемчужных нитей; у двух концевых бляшек ушки, одна из них с цепочкой; общая длина 0.40 м. (Там же, табл. V, *2*).

12) Бляшки серебряные полусферические, полые, на шарнирах, составляющие цепь, поверхность их сплошь покрыта напаянными колечками; у двух концевых по замочному колечку, в двух местах двойные шарниры; цепь не полна, сохранилось 17 целых бляшек и несколько фрагментов. (Там же, табл. V, *6*).

13) Наруч серебряный, изображения в квадратных клеймах на черневом фоне в один ярус; на одной створке два льва, на другой птица и собака. (Рыбаков. Ремесло..., рис. 59, *б*). [Табл. XLII, *4*].

14) Наруч серебряный, изображения на черневом фоне в два яруса; в верхнем ярусе на одной створке изображения льва и двух птиц, на другой две птицы по сторонам пальметки. Вокруг изображений плетенка. В нижних узких клеймах — плетенка. (ОАК за 1903 г., рис. 355 на стр. 191; Рыбаков. Ремесло..., рис. 59, *а*).

15) Браслет серебряный с позолотой, тисненый, полый, на шарнире, с львиными головками на концах; на браслете гравированные пальметки и птицы; на полях чернь. (ОАК за 1903 г., табл. V, *14*).

16) Браслеты серебряные витые — 2, с черневыми наконечниками. [Табл. XLI, *5*, *6*].

17) Перстни серебряные — 9: литые — 2 (там же, рис. 352) и с шестиугольными полыми щитками — 7 (там же, рис. 354, 356, 372, 378, 379 и 385); на щитках черневой орнамент или орнамент на черневом фоне; на двух тамга (там же, рис. 356 и 372; Рыбаков. Знаки..., рис. 23 и 27. Ср. рис. 378 с перстнем Святоозерского клада 1908 г., **152**, Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV археолог. съезда. М., 1916, рис. 12). [Табл. XLI, *3*, *4*].

18) Кольцо серебряное литое гладкое, круглое в сечении, утонченное к концам. (ОАК за 1903 г., табл. V, *16* и рис. 353 на стр. 191).

19) Перстень серебряный, половина его окружности витая в три дрота с перевитью. (Там же, табл. V, *18*).

20) Серьги серебряные киевского типа — 16 целых и сломанных. (Там же, табл. V, *9*, *19*).

21) Кольцо височное перстнеобразное, сомкнутое, бронзовое. (Там же, рис. 364 на стр. 191).

22) Кольцо бронзовое замочное для подвешивания колтов (ср. с кольцом Святоозерского клада 1908 г., **152**: Отчет РИМ за 1910 г., М., 1911, табл. II; Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV археолог. съезда. М., 1916, рис. 2). (Там же, рис. 351 на стр. 191).

23) Бляшки нашивные серебряные позолоченные, с перегородчатой эмалью, круглые, тисненые — 16. (Там же, табл. V, *5*).

24) Бляшки нашивные серебряные двадцати четырех различных видов — около 200; все бляшки с прорезями имели вставные цветные стекла (там же, рис. 346, 358—363, 365—371, 373—377, 380—384). Некоторые их них нашиты на ткань.

25) Пуговки золотые, пришитые к ткани. (Там же, рис. 344).

26) Пуговки медные позолоченные — 8, пришиты к ткани от ворота.

27) Замок железный круглый — фрагмент (коробка).

28) Позумент и парчевые, шелковые и холщевые ткани семи-десяти сортов — фрагменты. (Там же, рис. 344—346, 348—350).

Кроме перечисленных вещей к тому же кладу относятся еще 7 предметов, каким-то образом отделившихся от остальных вещей клада, поступивших в частные коллекции и лишь впоследствии попавших в Киевский исторический музей; это были:

29) Наруч серебряный с гравированными изображениями трех человеческих фигур и трех фантастических животных или птиц на черневом фоне. Изображения помещены под арочками в один ярус по 3 на каждой створке. (Петров, табл. X, *1*; Гущин, рис. на стр. 53).

30) Браслеты серебряные витые — 4, с чернью на наконечниках. [Табл. XLII, *1—3*].

31) Серьги золотые — пара.

Принадлежность этих вещей к данному кладу доказывается тем, что в письме от 31 октября 1906 г. В. В. Гезе писал из Киева А. А. Спицыну, чтобы вновь найденный в 1906 г. в Михайловском монастыре клад был скорее затребован в Археологическую комиссию, „а то кое-что успеет исчезнуть, как то было с тем кладом, который был у Вас в Комиссии, из которого взяты 4 браслета, 2 золотых серьги и один интересный серебряный широкий браслет с черневыми изображениями людских фигур“ (Архив ИИМК, фонд № 1, 1906 г., д. № 142, лл. 1—2). Кроме того, в перечне вещей Михайловского клада 1903 г. Б. И. Ханенко в составе клада упоминает не только те два наруча, что изданы в ОАК, но и третий, хранящийся в Киевском музее. Наконец, в рукописном каталоге Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств, хранящемся в Киевском историческом музее, под инв. №№ 9712—9715 записано четыре серебряных витых

браслета, найденных в ограде Михайловского монастыря и пожертвованных в музей в 1905 г. С. С. Могилевцевым (в 1949 г. три из них удалось разыскать, четвертый, повидимому, депаспортизован), а под инв. № 30866 в том же каталоге записан наруч из клада Михайловского монастыря 1903 г. Очень может быть, что и серьги тоже находятся в коллекции Киевского исторического музея, но депаспортизованы.

Основная часть клада была прислана в Археологическую комиссию, но вскоре была возвращена в Михайловский монастырь. Впоследствии, между 1921 и 1925 гг., эта часть клада поступила на хранение в Гос. Исторический музей в Москве. Меньшая часть клада (§§ 29 и 30, а может быть, и 31) хранится в Киевском историческом музее.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1903 г., № 143, фотогр.; 1906 г., № 142, лл. 1—2. — Рукописный каталог Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 9712—9715 и 30866.— ОАК за 1903 г., стр. 184—192 и 208, табл. V и рис. 342—385. — В. Георгиевский. Новооткрытый клад в усадьбе Киево-Михайловского Златоверхого монастыря. Прибавление к в. 6 ИАК, СПб., 1903, стр. 68—70 (Археолог. хрон. за перв. пол. 1903 г.). — Терские ведомости, 19 июня 1903 г., № 132. — Клад великокняжеской эпохи. АЛЮР за 1903 г., Киев, 1904, стр. 258, 259, хроника. — Н. Ф. Беляшевский. Ценный клад великокняжеской эпохи. АЛЮР за 1903 г., Киев, 1904, стр. 297—304, табл. XV и без номера. — Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 36, 37, рис. на стр. 39. — Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, в. IV—V. Киев, 1915, табл. X, *1* и стр. 18.— А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 25, № 77. — NZ, т. 62, 1929, стр. 102, № 49. — Слово о полку Игореве. Изд. Academia, 1934, рис 16 (13 бляшек с эмалью). — А. С. Гущин. Памятники... 1936, рис. на стр. 53. — Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X — XII вв. СА, т. VI, 1940, рис. 23 и 27, стр. 237, 238. (Ошибочно относит клад к 1906 г.). — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, рис. 59, *а*, *б*. — История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, рис. 214 и 215, *2*.

104. В 1940 г. 17 августа в Киеве на ус. Михайловского монастыря, в 18 м к югу от южной стены древнего собора, во время работ Киевской археологической экспедиции на глубине 1.35—1.40 м был найден клад, лежавший прямо в земле. В него входили:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа малого веса (от 150 до 160 г) — 15. На обороте большинства гривен штриховые пометки (большей частью просто линии, иногда перекрещивающиеся). [Табл. XLIII, *1*, *2*].
2) Браслет серебряный витой с черневыми наконечниками. [Табл. XLIII, *1*].

Клад поступил в Институт археологии АН УССР, откуда перед Великой Отечественной войной был передан в Киевский исторический музей.

105. В 1906 г. 31 октября в Киеве в ограде Михайловского монастыря при земляных работах был найден клад в горшке, разошедшийся по рукам. Часть вещей была взята у рабочих сторожами-монахами. Уцелели следующие вещи:

1) Слиток золотой в виде палочки, в трех кусках. (ОАК за 1906 г., рис. 173, 174). [Табл. XLIV, *13*].
2) Гривны монетные киевского типа серебряные, малого веса, — 2 (159.96 и 161.83 г). [Табл. XLIV, *14*, *15*].
3) Колт золотой (в прессе, современной находке, говорится о паре колтов) с петельками для жемчужной обнизи по краю и изображениями, исполненными перегородчатой эмалью: на лицевой стороне — двух птиц по сторонам круга и треугольника, на оборотной — композиции из сегментов и круга. (Там же, рис. 169). [Табл. XLIV, *1*].
4) Колт золотой с многолучевой каймой; изображения на вставных щитках исполнены перегородчатой эмалью: на лицевой стороне — крин, на оборотной — два сегмента с городчатым узором, круг с лилией и городок вверху. (Там же, рис. 170). [Табл. XLIV, *2*].
5) Колты серебряные, позолоченные с ажурной каймой — 2; на вставных щитках изображения: на лицевой стороне двух сопоставленных птиц, на оборотной композиции из сегментов и круга. (Там же, рис. 171). [Табл. XLIV, *3—7*].
6) Браслет серебряный витой. [Табл. XLIV, *12*].
7) Серьга золотая киевского типа с ажурными бусами, украшенными жемчужинками. (Там же, рис. 172). [Табл. XLIV, *9*].
8) Серьга серебряная с зерневыми бусами и фрагменты бусин и кольца второй такой же серьги. [Табл. XLIV, *8* и *10*].
9) Перстень золотой витой. [Табл. XLIV, *11*].

Клад поступил в Археологическую комиссию и был возвращен в монастырь, но между 1921 и 1925 гг. был приобретен Гос. Историческим музеем в Москве.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1906 г., № 142, фотогр. — ОАК за 1906 г., стр. 124 и 147, рис. 169—174.— Прибавление к в. 21 ИАК, СПб., 1907, стр. 22—23 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1906 г.). — Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 38, 39. — Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 11 и 46. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 25, № 78. (На стр. 7 А. А. Ильин сообщает неверное сведение о находке в кладе византийской монеты Мануила Комнина 1143—1180 гг.). — NZ, т. 62, 1929, стр. 90 и 101, №№ 21 и 41. — Слово о полку Игореве. Изд. Academia, 1934, рис. 16 (на этом рисунке к кладу 1906 г. относится один колт с многолучевой каймой, неправильно обозначенный как серебряный).

106. В 1907 г. 5 апреля в Киеве в ограде Михайловского монастыря, при земляных работах во время закладки фундамента для странноприимного дома на глубине трех аршин был найден клад в двух глиняных горшках. В одном горшке [табл. XLV, *15*, размер горшка не известен] с ручкой, были положены:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа малого веса (от 152.23 до 164.49 г) — 53.
2) Гривны монетные серебряные новгородского типа, одна из них южного веса, перв. пол. XIII в. (128, 192.88 и 192.88 г) — 3. [Табл. XLV, *12*].

В другом низком горшке, покрытом донышком разбитого горшка, находились:

3) Сережки золотые киевского типа с ажурными бусами — 2 парные. [Табл. XLV, *13*, *14*].

Клад поступил в Археологическую комиссию, но был возвращен монастырю, а затем между 1921 и 1925 гг. был приобретен Гос. Историческим музеем в Москве.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1907 г., № 89. — ОАК за 1907 г., стр. 114 и 137. — Прибавление к в. 22 ИАК, СПб., 1907, стр. 16, 17. (Археолог. хрон. за перв. пол. 1907 г.). — Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 11 и 46. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 25, № 79. — NZ, т. 62, 1929, стр. 105 и 119, №№ 63 и 108; т. 64, 1931, стр. 64, № 116.

107. В 1824 г. 25 мая в Киеве близ Михайловского монастыря („на Боричевом взвозе"), близ северной стены его ограды, „на скате старого вала" киевским мещанином Василием Харщевским, поднимавшимся с Подола, был найден клад в большом конической формы сосуде красной глины с канелюрами, типа амфоры, но без горла и ручек, с одним маленьким ушком, вышиной $9^1/_2$ вершков (Кондаков. Р. кл., рис. 52). Горшок был накрыт крышкой. Вещи клада были покрыты в сосуде золототканной парчой с узором в клетку. В кладе оказались:

1) Потир серебряный с чеканными поясными изображениями в круглых медальонах Христа, богоматери, предтечи и Иоанна Златоуста, с греческими надписями. (Кондаков. Р. кл., рис. 53—55).
2) Тарель серебряная, погнутая (в описаниях везде названа дискосом без подножки); в мишени чеканное изображение богоматери поясной, в круглом медальоне; по краю русская литургическая надпись. (Там же, рис. 56).
3) Медальоны золотые — 3, с изображениями Христа и двух юных мучеников, исполненными перегородчатой эмалью. На кайме мелкие камни в гнездах и S-образные сканные завитки. (Там же, рис. 57—58; Айналов, рис. 7).
4) Колты золотые — пара, с дужками для жемчужной обнизи по краю и изображениями, исполненными перегородчатой эмалью, на одной стороне — птица, на другой — дракон. (Кондаков. Р. кл., рис. 59—60).
5) Сережки киевского типа — пара (три?) с крупными зерневыми бусами (серебро?). (Там же, рис. 60—61).
6) Корсунчик (два?) с золотыми наконечниками, украшенными перегородчатой эмалью (с одной стороны городчатый орнамент, с другой надписи IC XC НИ КА). (Там же, рис. 62).
7) Перстень (два?), на шестиугольном щитке кентавр с соколом в руке. (Там же, рис. 63).
8) Сионцы золотые в виде церковки — 25, каждый с четырьмя грушевидными подвесками и обнизью из мелкого жемчуга. (Там же, рис. 64).
9) Дужки золотые от очелья — 8; на каждой три больших и много мелких камней, вставленных в высокие ажурные гнезда. В отличие от обычных дужек очелий у дужек этого клада с обоих концов шарниры. (Там же, рис. 65).
10) Пластинки из листового серебра позолоченные — 20, с прорезным узором из встречных S-образных завитков и с дырочками по краям для пришивания. (Там же, рис. 66).
11) Пластинка золотая трапециевидной формы с растительным орнаментом, исполненным перегородчатой эмалью. (Там же, рис. 67).

За исключением серебряных с камнями „сережной привески, креста и перстня", купленных одним киевским(?) чиновником, и золотого медальона с эмалевым изображением св. Дмитрия, клад якобы был „представлен ко Двору", но с 1825 г. он бесследно исчез и известен только по рисункам. Золотой медальон с изображением Дмитрия попал за границу в собрание принца Карла Прусского (ум. в 1883 г.) и в 1880 г. был выставлен на Дюссельдорфской выставке, а в 90-х годах XIX ст. хранился в Королевском художественно-промышленном музее в Берлине.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 59, лл. 223—234; 1887 г., № 2, рис. — Е[вгений, митр. Киевский]. О древностях, найденных в Киеве. Труды и Записки ОИДР, ч. III, кн. 1, М., 1826, стр. 152—163, табл. II—V.—П. П. Свиньин. Извлечение из археологического путешествия по России в 1825 г. Труды и Записки ОИДР, ч. III, кн. 1, М., 1826, стр. 205.— Письмо П. Муханова из Киева к А. О. Корниловичу от 28 V 1824. Северный архив, ч. X, № 11, 1824, май, стр. 277, 278.— Отечественные записки, 1824, кн. 19, стр. 272—285. О древностях, недавно найденных в Киеве (повидимому, митр. Евгений). — М. Ф. Берлинский. Описание найденных недавно в Киеве разных старинных золотых и серебряных вещей. Украинский журнал, ч. 2, Харьков, 1824, стр. 332—338. — Н. В. Закревский. Описание Киева. М., 1868, стр. 554, 555 и 557, табл. 13, №№ 7 и 8.— О ходе открытия древностей в Киеве до начала 1836 года, ЖМНП, 1836, ноябрь, стр. 275—278. — М. П. Погодин. Древняя

русская история до монгольского ига, т. III, отд. I. Таблицы, указатели. М., 1871, табл. 43 и 69, текст — стр. 22 и 28. — ОАК, за 1887 г., стр. CXCIX. — Н. М. Сементовский. Киев, его святыни, древности, достопамятности. Киев, 1864, стр. 46 (издает рисунок колта, указывает неправильную дату находки и неточное место находки). — Н. Ф. Беляшевский. Клады великокняжеской эпохи, найденные в Киеве. Киевск. стар., 1888, июль, стр. 139, 140. — Fr. Bock. Die byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung D-r von Swenigorodskoi... Аахен, 1896, стр. 375—378, табл. XXVI, рис. 1. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 96—105, рис. 52—67. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 105—107, рис. 151, 152. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 270. — Д. В. Айналов. Заметка о Киевском кладе 1824 г. ЗОРСА, т. XI, СПб., 1915, стр. 1—8, рис. 1—7.

108. В 1906 г. 5 июля в Киеве посреди Трехсвятительской улицы, против ворот гостиницы Михайловского монастыря, вблизи водонапорной башни, при прокладке водопроводных труб на глубине полутора аршин землекопом Яковом Беляковым под плитой красного шифера был найден клад в овальном металлическом сосуде около 6 вершков высоты. Расхищение клада началось с момента его находки. Первоначальный объем клада равнялся объему картуза находчика, из которого людьми, собравшимися вокруг него, было взято несколько серебряных перстней и две серебряные монетные гривны киевского типа. Золотую сережку и серебряный образок купил торговец из соседнего рундука, а весь остальной клад забрал подрядчик Быстров, продавший его затем, за исключением нескольких вещей, скупщику древностей М. Золотницкому за 200 руб. М. Золотницкий, сделав фотоснимки с вещей, разослал эти снимки местным и иногородним любителям древностей и объявил клад в продажу, назначив цену в 30 тысяч руб. Эти фотографии видел В. Б. Антонович, оценивавший клад в 5—6 тысяч. В августе 1906 г. у М. Золотницкого видел вещи клада А. А. Бобринский, зарисовавший изображения на щитках двух перстней. [Рис. 18].

Рис. 18. Знаки на перстнях из Киевского клада 1906 г. **(108)**.

Через некоторое время вещи, оставшиеся у подрядчика Быстрова и у рундукового торговца, были отобраны полицией и присланы на 1 месяц в Археологическую комиссию, добивавшуюся получения клада также и от М. Золотницкого. Боясь, что клад будет у него отнят, М. Золотницкий тайно увез его сначала во Франкфурт-на-Майне, а затем в Лондон, где через антиквара Маркса продал его по частям в Кенсингтонский музей и Пирпонту Моргану. Видевшие клад в момент его находки или по фотографиям М. Золотницкого, а также у следователя в Окружном суде, следующим образом описывают его состав:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа — 2.
2) Монеты золотые (по определению местных нумизматов — „Владимирово злато") — 3. Принадлежность их князю Владимиру А. А. Ильин подвергает большому сомнению.
3) Цепи золотые с эмалью — 2, каждая из 20 круглых полых бляшек на шарнирах (подобные цепи Михайловского клада 1887 г., **102**) с чередующимися изображениями птицы и крина.
4) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне две птицы по сторонам крина и треугольника, на обороте композиция из двух сегментов, круга и треугольника.
5) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне две птицы по сторонам кружка и треугольника, на оборотной два сегмента и кружок между ними с женской головой.
6) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне погрудное изображение святого, по сторонам его кружки и треугольники; на обороте композиция из сегментов, круга и треугольника.
7) Колт серебряный, раздавленный, со следами гравированных изображений, кайма была из полых шариков, припаянных к коротким трубочкам; шарики и бóльшая часть трубочек утрачены. [Табл. XLV, *1*.]
8) Колты серебряные с ажурной каймой — 3 пары, фрагменты; на вставных щитках черневые изображения фантастических животных и плетенки. [Табл. XLV, *6*, *9—11*].
9) Наруч серебряный с фантастическими птицами и лилиями.
10) Браслет серебряный витой с черневыми наконечниками.
11) Сережки серебряные киевского типа — 10, с ажурными и сплошными бусами.
12) Перстни серебряные — около 20, с позолотой и чернью (по Ханенко, четыре серебряных перстня). [Табл. XLV, *4*, *5*].
13) Серьги золотые киевского типа — 2 (по другим данным, три или четыре серьги), с ажурными бусами, украшенными жемчужинками. [Табл. XLV, *2*].
14) Корсунчик с серебряными наконечниками (по другим данным, с золотыми, соединенными цепочкой; возможно, их было два). [Табл. XLV, *3*].
15) Золотые и серебряные фигурные подвески и бусы — около 50 (повидимому, лилиевидные, — *Г. К.*).
16) Серебряные колодочки — около полуфунта. [Табл. XLV, *7*, *8*].
17) В деле Археологической комиссии (письмо В. В. Гезе) упоминается еще большая золотая брошка с цветами.

В Археологическую комиссию из Окружного суда были присланы следующие вещи: помятый колт (§ 7), одна золотая серьга с жемчугом (§ 13), два серебряных литых перстня (§ 12), корсунчик с серебряными наконечниками (§ 14), 30 серебряных колодочек, из них две с цепочками (§ 16), 4 целых дужки колтов (§ 8) и 1 фрагмент дужки и ряд предметов, повидимому, не имеющих отношения к кладу (16 фрагментов серебряных пластинок с тисненым растительным орнаментом от оклада иконы, генуезская монета не ранее второй половины XV в. См. Фотоархив ИИМК, нег. III-10968). Местонахождение этих вещей не известно. Судьба вещей, проданных за границу, также не известна.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1906 г., № 116. — Хаченко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 38. — Прибавление к в. 21 ИАК, СПб., 1907, стр. 21—22 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1906 г.). — А. А. Ильин. Топогр. кладов... монет. 1924, стр. 5 и 13, № 10.

Определение генуезской монеты сделано по фотографии Е. Ч. Скржинской в 1951 г.

109. В 1949 г. 31 мая в Киеве на улице Жертв Революции (б. Трехсвятительской) против дома № 4 (недалеко от Крещатика), в траншее, вырытой для газопровода, на глубине 1 метра был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа малого веса — 3 (157.6, 159.7, 159.9 г). (Самойловський. Новий скарб, рис. 2).
2) Гривны монетные серебряные в виде трехгранных палочек — 3; из них одна целая (196.25 г), у второй обломан один конец (195.3 г), от третьей сохранился только маленький кусочек кончика, отрубленный от гривны (повидимому, более тонкой) после ее находки. (Самойловський. Новий скарб, рис. 2).
3) Чаша низкопробного серебра низкая, плоская, орнаментированная только в мишени; мишень слегка приподнята над дном, на ней грубое, исполненное гравировкой изображение креста с многолопастными концами, похожими на листья. Фон вокруг креста покрыт зигзагообразными линиями („передвижкой"). Мишень окаймляют шесть слегка выпуклых полукружий. Мишень и полукружия обведены зигзагообразной линией. Чаша помята. (Самойловський. Новий скарб, рис. 1). [Табл. XLVI].
4) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью и многолучевой каймой. На лучах конические колпачки. Между лучей сохранилось несколько жемчужин, нанизанных на тонкую проволочку, проходящую как сквозь жемчужины, так и сквозь лучи. Стенки колтов составляют большие вставные щитки, вокруг которых идет желобок с петельками для жемчужной обнизи. На вставных щитках изображения, выполненные перегородчатой эмалью. На одной стороне женская головка в круге, по сторонам ее два сегмента с побегом, вверху — прямоугольник. На другой стороне — четырехлепестковая розетка в круге, по сторонам его — два небольших сегмента и два листка, вверху — такой же прямоугольник. (Самойловський. Новий скарб, рис. 5).
5) Бусы и подвески от ожерелий, серебряные позолоченные и электровые, разных типов — всего 17 бус и 15 целых и поломанных подвесок, из них:
   а) бус реберчатых сильно выпуклых — 9;
   б) бус реберчатых менее выпуклых — 7;
   в) буса реберчатая еще менее выпуклая.

Подвески представлены четырьмя типами; все они являются вариантами лилиевидных подвесок. (Самойловський. Новий скарб, рис. 3 и 4).

Клад поступил в Институт археологии АН УССР в день его находки — 31 мая 1949 г.

Вечерняя Москва, 3 июня 1949 г., № 131. — Правда, 10 июня 1949 г. — І. Самойловський. Скарб часів Київської Русі. „Украина", 1950, № 1, стр. 35, рис. — І. М. Самойловський. Новий скарб часів Київської Русі. Археологія, т. VI. Киев, 1952, стр. 120—125, рис. 1—5.

110. В 1841 г. в июне в Киеве, при обрезе Михайловской (Александровской) горы над Александровским съездом с Крещатика, был найден клад, в состав которого входили:

1) Браслет золотой большой, сделан из пяти или шести проволочек, обвитых вокруг толстого стержня, составляющего основу браслета; на концах литые головы драконов. (Опись Моск. Оруж. Палаты, табл. 78, № 12; Фундуклей, табл. V, стр. 92; Закревский, табл. 13, № 27). [Табл. XLVII, *3*].
2) Браслет серебряный витой с черневыми наконечниками. (Фундуклей, табл. V, стр. 92; Закревский, табл. 13, № 28). [Табл. XLVII, *6*].
3) Колт серебряный с ажурной каймой и черневым, повидимому, орнаментом на вставных щитках. [Табл. XLVII, *1*].
4) Серьги киевского типа — 2 пары; одна пара с зерневыми бусами, другая — с ажурными. [Табл. XLVII, *2, 4*].

5) Перстень с круглым щитком, в который вставлена, повидимому, камея с изображением головы в профиль. [Табл. XLVII, 5].

Клад был отправлен киевским губернатором Д. Г. Бибиковым в Петербург Николаю I, а затем в августе 1841 г. попал в Московскую Оружейную Палату.

Архив ИИМК АН СССР, Р—I, инв. № 1920. Рисунок вещей клада сделан акварелью около 1841 г. — И. И. Фундуклей. Обозрение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847, стр. 92, табл. к стр. 92 и стр. 111, № 62. — Н. В. Закревский. Описание Киева, т. II, М., 1868, стр. 558 и атлас, табл. 13, №№ 27 и 28. Находка датирована 1846 г. — Опись Московской Оружейной Палаты, ч. II, кн. 3, М., 1884, стр. 157, № 3390, табл. 78, № 12.

111. В 1914 г. в Киеве „в Старом городе" был найден клад, от которого сохранилась лишь незначительная часть:

1) Серьга золотая киевского типа, с зерневыми бусами.
2) Серьга золотая киевского типа, с ажурными бусами, украшенными зернью.
3) Браслет серебряный витой, с наконечниками в виде змеиных головок.

Клад поступил в Киевский музей древностей и искусств и был записан в инвентарь Археологического отдела Музея в 1914 г. под №№ 17006—17008.

Рукописный каталог Археологического отдела Музея древностей и искусств, хранящийся в Киевском историческом музее, под №№ 17006—17008.

КИЕВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

112. В 1908 г. близ с. Старая Буда Звенигородского у. Киевской губ. при вспашке поля, в 120 саж. от села, на вершине горы, крестьянин Аким Миргородский (он же — Янчук) на глубине четырех вершков нашел клад в глиняном горшке. На другой день на том же месте нашел еще несколько вещей Лука Матюшенко, а также владелица земли крестьянка Мария Янчукова.

В состав клада входили:

1) Слитки серебряные восточно-русского (татарского) типа — 2.
2) Колты серебряные с чернью — пара, вытянутые по вертикали; кайма из крупных полых шариков на горлышках. На щитках примитивно исполненный гравировкой и чернью крин. (ОАК за 1908 г., рис. 236; Рыбаков, рис. 83, *в*).
3) Медальоны серебряные круглые — 4, с изображениями — на одном Христа, на другом богоматери (деисус, недостает предтечи), на двух последних процветшего креста. Гравировка, чернь. (ОАК за 1908 г., рис. 236; Рыбаков, рис. 83, *г*).
4) Наруч серебряный с гравированным черневым орнаментом (грубая, примитивная плетенка). В застегнутом виде имеет вид усеченного конуса. (ОАК за 1908 г., рис. 237).
5) Наруч подобный предыдущему; на каждой створке по две гравированные картуши. (Там же, рис. 237).
6) Браслеты серебряные — 3; один из двух сдвоенных, но не перевитых между собой дротов, концы треугольной формы, плоские, с шарниром, с литыми шариками крупной зерни (там же, рис. 237), другой витой из трех сдвоенных дротов, наконечники подобны предыдущему браслету, в шарнире чека. (Там же, рис. 237).
7) Серьги золотые киевского типа — 2 парные, с ажурными бусами. (Там же, рис. 236).
8) Серьги золотые киевского типа — 2 парные; бусы разной формы и величины: средняя — крупная овальная, боковые — маленькие круглые; украшены по гладкому полю редкими литыми шариками. (Там же, рис. 236).
9) Перстни серебряные витые — 2. (Там же, рис. 236).
10) Перстни серебряные — 3; один с полым щитком, другой с камнем (там же, рис. 236), третий не известен.
11) Бусы серебряные большие овальные прорезные — 2; концы сильно выдаются и обмотаны проволокой. (Там же, рис. 236).

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда был передан в Эрмитаж. В январе 1932 г. он был отослан в Харьковский исторический музей им. Сковороды и погиб во время Великой Отечественной войны.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1908 г., № 206, фотогр. — ОАК за 1908 г., стр. 177, 178 и 203, рис. 236, 237 (о слитках не упоминается). — Прибавление к в. 32 ИАК, 1909, стр. 73 (Археолог. хрон. за перв. пол. 1909 г.). — NZ, т. 64, 1931, стр. 92, № 209; слитки датируются XIV—XV вв. — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, рис. 83, *в*—*г*.

113. В 1877 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок Д. Я. Самоквасова над обрывом к Днепру, с внутренней стороны вскрытых обугленных остатков частокола, у основания столба одного из трех рядом стоящих срубных жилищ, был найден клад, лежавший в черепках глиняного сосуда. В него входили следующие вещи:

1) Браслеты серебряные — 2, на одном из них были нанизаны:
2) сережки киевского типа золотые — 5;
3) сережки киевского типа серебряные — 8;
4) цепочка серебряная.

Клад поступил в коллекцию Д. Я. Самоквасова и впоследствии был передан в Гос. Исторический музей в Москве.

Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 263. — Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV археолог. съезда. Посмертное издание, М., 1916, стр. 36, рис. 5.

114. В 1877 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок Д. Я. Самоквасова на узкой возвышенности, соединяющей городище с полем, был найден клад, в который входили:

1) Сережки золотые киевского типа — 2.
2) Кольца (височные?) серебряные — 3.

Клад поступил в коллекцию Д. Я. Самоквасова и впоследствии был передан в Гос. Исторический музей в Москве.

Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 263. — Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV археолог. съезда. Посмертное издание, М., 1916, стр. 36, рис. 5.

115. В 1891 г. 26 июня на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок Н. Ф. Беляшевского на юго-западном (юго-восточном, по „Киевской старине") склоне горы, недалеко от вала, на глубине 6 вершков был найден клад в небольшом горшке (выс. 11 см, диам. венчика 10 см); в состав клада входили;

1) Гривны монетные серебряные киевского типа, малого веса (от 38 до $38^3/_4$ зол.) — 5.
2) Колты серебряные с ажурной каймой — 3; на вставных щитках, на лицевой стороне птица, на оборотной — орнамент наколом (стерт). (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *14*). [Табл. XLVIII, *24*].
3) Колт серебряный без каймы и дужки, с гравированным орнаментом; на лицевой стороне две птицы со сдвинутыми вместе головами и расставленными врозь лапами; на оборотной — в середине полумесяц, по сторонам четыре полоски, орнаментированые гравировкой. (Тарновский, табл. II, *321*). [Табл. XLVIII, *26*].
4) Колт серебряный с каймой из рубчатой проволоки. В центре его гладкий кружок, окаймленный широкой полосой, заштрихованной гравированными линиями в косую клетку. (Тарновский, табл. II, *320*). [Табл. XLVIII, *27*].
5) Колт серебряный с каймой из мелких литых шариков на шпеньках; на черневом фоне узел плетенки. (Тарновский, табл. II, *322*; Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *12*). [Табл. XLVIII, *25*].
6) Сережки киевского типа серебряные — 19. (Тарновский, табл. II, *263, 264, 278, 280, 288, 296, 300*; Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *6, 15, 16, 20, 23, 25*). [Табл. XLVIII, *28—35*].
7) Кольца височные серебряные — 16; один конец загнут спиралью. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *31*). [Табл. XLVIII, *36*].
8) Кольцо височное золотое из тонкой проволоки.

Клад поступил в коллекцию В. В. Тарновского.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1891 г., № 108. — Правительственный вестник, 16 июля 1891 г., № 154 г., — Киевлянин. 1891, № 1325. — Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. Киевск. стар., 1892, январь, стр. 88, 89, 102 и табл. II, *6, 12, 14—16, 20, 23, 25, 31*. — Сообщение Н. Ф. Беляшевского о результатах раскопок на Княжей Горе в 1891 г., ЧИОНЛ, кн. VI, Киев, 1892, отд. I, стр. 23, протоколы. — И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 12. — Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898, стр. 6, 13—16, 25, №№ 5—9, 174—193, 261—269, 278, 283, 282, 288—293, 295, 296, 300, 301, 320—322, 325, 326 и 1375 и табл. II, *263, 264, 278, 280, 288, 296, 320, 321, 322*. — Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе. Древности МАО, т. XVI, М., 1900, стр. 86, прилож. к протоколу № 396. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 30, № 114. — NZ, т. 62, 1929, стр. 106, № 78.

116. В 1891 г. 24 июля на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок Н. Ф. Беляшевского на юго-западном (юго-восточном, по „Киевской старине") склоне горы, недалеко от вала, на глубине шести вершков был найден клад, без горшка, прямо в земле; в состав клада входили:

1) Кольца височные серебряные — 33, у одного один конец расплющен и отогнут назад.
2) Серьги киевского типа серебряные — 7.
3) Перстень серебряный с шестиугольным гладким щитком.
4) Кольцо серебряное из узкой гладкой неспаянной пластины.

Клад поступил в коллекцию В. В. Тарновского.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1891 г., № 108. — Киевлянин, 1891, № 1325. — Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. Киевск. стар., 1892, январь, стр. 102, 103. — Сообщение Н. Ф. Беляшевского о результатах раскопок на Княжей Горе в 1891 г., ЧИОНЛ, кн. VI, Киев, 1892, отд. I, стр. 23, протоколы. — Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, Киев, 1898, стр. 13—16, №№ 121—153, 270—272, 283, 291, 292, 616 и 628. — Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе. Древности МАО, т. XVI, М., 1900, прилож. к протоколу № 396, стр. 86.

117. В 1891 г. 8 августа на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок под руководством Н. Ф. Беляшевского с юго-западной (юго-восточной, по „Киевской старине") стороны городища, недалеко от вала, был найден клад, лежавший прямо в земле. Клад подвергся действию огня — некоторые вещи попорчены, несколько золотых и серебряных вещей расплавилось и слилось в одну массу. Клад найден на глубине 6—7 вершков, чем и объясняется, что огонь достал его (ср. с другими кладами Княжей Горы 1891 г.). В кладе найдены следующие вещи:

1) Гривны шейные серебряные, витые из нескольких дротов — 2. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *32*; Тарновский, табл. II, *327*, *328*). [Табл. XLVIII, *21*, *22*].
2) Гривны шейные серебряные, витые из пластины — 2. (Тарновский, табл. II, *329*). [Табл. XLVIII, *23*].
3) Медальоны золотые круглые — 2; на вставных щитках изображения богоматери и предтечи из деисуса, исполненные перегородчатой эмалью; вокруг щитка жемчужная обнизь и кайма из камней и сканных дужек. (Ханенко. Др. р., в. II, табл. XX, *239-б*, *240-б*; Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *2*, *4*; Беляшевский, АЛЮР, таблица). [Табл. XLVIII, *4*, *5*].
4) Колт золотой маленький с перегородчатой эмалью, поврежденный огнем; на лицевой стороне птица, на оборотной орнамент. (Тарновский, табл. II, *318*). [Табл. XLVIII, *2*].
5) Колт серебряный с ажурной каймой, щитки утрачены. [Тарновский, табл. II, *323*). [Табл. XLVIII, *1*].
6) Колт серебряный.
7) Сережки золотые киевского типа — 5. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *21*, *26*, *28*; Тарновский, табл. II, *277*, *294*). [Табл. XLVIII, *6—8*].
8) Браслет серебряный витой, с чернью на наконечниках (Тарновский, табл. II, *599*). [Табл. XLVIII, *17*].
9) Цепи серебряной фрагмент из 14 полусферических гладких бляшек, соединенных шарнирами; на среднем сдвоенном шарнире две подвешенные на цепочках биконические бусинки. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *7*). [Табл. XLVIII, *9*].
10) Колодочки серебряные — 29, из них одиннадцать с позолотой; четыре концевые — с цепочками и кольцами. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *18*; Тарновский, рис. 114—116). [Табл. XLVIII, *18—20*].
11) Цепочка золотая из мелких рубчатых колечек, сцепленная за концы кольцом, и второй кусочек цепочки дл. 13.5 см. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *9*). [Табл. XLVIII, *12*].
12) Перстни золотые — 2; один с овальным гнездом для камня, другой с четырехугольным щитком.
13) Перстни золотые витые — 2. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *11*; Тарновский, табл. II, *619*). [Табл. XLVIII, *16*].
14) Перстень серебряный с шестиугольным полым щитком, на нем гравированный крест. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *22*; Тарновский, табл. II, *626*). [Табл. XLVIII, *15*].
15) Лунницы золотые — 2, со сканным орнаментом. (Тарновский, табл. II, *336*). [Табл. XLVIII, *3*].
16) Бусинки золотые овальные, реберчатые — 2, одна с продольными, другая со спиральными ребрышками. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *10* и *19*). [Табл. XLVIII, *10*, *11*].
17) Бусинка серебряная маленькая.
18) Корсунчик каменный шестиконечный, концы в золотой оправе. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *3*; Тарновский, табл. I, *21*). [Табл. XLVIII, *13*].
19) Бусы, серьги киевского типа, височные кольца и витая проволока, спаявшиеся от огня.
20) Энколпион бронзовый „средней величины".
21) Чашечка бронзовая, с орнаментом в верхней части; внизу серебряный ободок; орнаментированные части позолочены (диам. вверху — 7 см, дна — 3 см; выс. — 4 см, лампадка?).
22) Подвеска-кинжальчик бронзовая. (Беляшевский, Киевск. стар., табл. II, *29*). [Табл. XLVIII, *14*].
23) Кольцо из бронзовой пластинки.
24) Бронзового хороса части — 7 розеток от свечников, фигурный свечник со стержнем и звено цепи.

Повидимому, часть бронзовых вещей не имеет отношения к кладу.

Клад поступил в коллекцию В. В. Тарновского, владельца городища, на средства которого велись раскопки

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1891 г., № 108, лл. 4—5 (только вырезка из газеты „Киевлянин" за 1891 г. № 1325). — Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе. Киевлянин, 1891, № 1325. — Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. Киевск. стар., 1892, январь, стр. 83, 85, 86, 88, 90, 102, табл. II, *2—5*, *7*, *9—11*, *18*, *19*, *21*, *22*, *26*, *28*, *29*, *32*. — Сообщение Н. Ф. Беляшевского о результатах раскопок на Княжей Горе в 1891 г., ЧИОНЛ, кн. VI, Киев, 1892, отд. I, стр. 23, протоколы. — Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, Киев, 1898, стр. 7, 11—17, 20, 22 и 25, №№ 21, 94, 95, 114—120, 257, 258, 276, 277, 294, 318, 323, 327, 330, 336, 337, 352—354, 599, 608—610, 618, 619, 624—626, 634, 635, 649, 1030, 1031, 1033, 1035, 1036, 1040, 1042, 1057, 1151, 1332; табл. I, *21*; табл. II, *114—116*, *277*, *294*, *318*, *323*, *327—329*, *336*, *599*, *619*, *626*. — Н. Б[еляшевский]. Кресты и образки XI—XII вв., найденные в Киеве и Киевской губ. АЛЮР за 1900 г., т. II, Киев, 1900, стр. 27—29, табл. — Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе. Древности МАО, т. XVI, М., 1900, стр. 86, 87, прилож. к проток. № 396. — Ханенко. Др. р., в. II. Киев, 1900, стр. 8, табл. XX, *239-б*, и *240-б*.

118. В 1891 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок Н. Ф. Беляшевского на юго-восточном склоне горы, в устье глинобитной печи найден клад, состоявший из:

1) Височных колец серебряных, проволочных — 19; у шести один конец отогнут назад.

Клад поступил в коллекцию В. В. Тарновского.

Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. Киевск. стар., 1892, январь, стр. 77 и 103. — Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского, Киев, 1898, стр. 13, №№ 154—173.

119. В 1892 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок Н. Ф. Беляшевского над обрывом горы к Днепру был найден клад, завернутый в холщевую (шелковую?) ткань. В состав его входили:

1) Колт серебряный с ажурной каймой, на вставных щитках на черневом фоне сильно схематизированное изображение грифона. (Тарновский, табл. II, *324*; Ханенко, табл. XXVIII, *973*). [Табл. XLIX, *14*].
2) Браслет пластинчатый, концы утончены и далеко заходят друг за друга. (Тарновский, табл. II, *598*). [Табл. XLIX, *16*].
3) Колодочки серебряные — 21. (Там же, табл. II, *113*). [Табл. XLIX, *15*].
4) Серьги серебряные киевского типа — 8.

Клад поступил в коллекцию В. В. Тарновского.

Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1892 г. Киевск. стар., 1893, апрель, стр. 145. — Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и проч. в России и за границею. АИЭ, т. I, М., 1893, стр. 166. — Каталог украинских, древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898, стр. 13—17, №№ 113, 324, 598, 645 и табл. II, *113*, *324* и *598*. — Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, табл. XXVIII, *973*.

120. В 1896 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. крестьяне-кладоискатели на глубине одного аршина нашли глиняный горшок, наполненный золотыми и серебряными украшениями, из которых в коллекцию Б. И. Ханенко поступили следующие вещи:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа.
2) Колт золотой маленький, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне геральдически распластанная птица, на оборотной — профильная птица. (Ханенко, табл. XXVIII, *1000*). [Табл. XLIX, *9*, *10*].
3) Колты золотые — пара, с многолучевой каймой и перегородчатой эмалью на вставных щитках; на лицевой стороне крин (ср. с бляшкой Житомирского клада 1880 г., **90**; Кондаков. Р. кл., табл. II, *13*), на оборотной четыре изогнутых трапеции с кругом в центре. (Ханенко, табл. XXVIII, *1001*, *1002*). [Табл. XLIX, *11*, *12*].
4) Колодочки серебряные — 37; у двух — цепочки. (Там же, табл. XXV, *1091*). [Табл. XLIX, *13*].

Клад поступил в коллекцию Б. И. Ханенко. Ныне клад хранится в Киевском историческом музее.

Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 19, табл. XXV, *1091* и XXVIII, *1000—1002*.

121. В 1897 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. крестьянами-кладоискателями был найден клад, состоящий из следующих вещей:

1) Колты золотые — пара, с многолучевой каймой и вставными щитками с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне птица, на оборотной два сегмента и круг. Вокруг щитка бороздка для жемчужной обнизи и кайма из полых полушариков. (Ханенко. Др. Пр., табл. XXVIII, *1003*, *1004*). [Табл. XLIX, *2*, *3*].
2) Колт звездчатый серебряный; вдоль лучей напаяна сканная проволока. (Там же, табл. XXVI, *920*). [Табл. XLIX, *1*].
3) Сережки золотые непарные киевского типа — 2. (Там же, табл. XXVII, *978* и *982*). [Табл. XLIX, *7*, *8*].
4) Браслет серебряный витой с чернью на наконечниках. (Там же, табл. XXVI, *1058*). [Табл. XLIX, 6].
5) Энколпион бронзовый с прямыми концами и рельефными изображениями на лицевой стороне гетимасии, богоматери, предтечи и двух святых; на оборотной — богоматери поясной с воздетыми руками и символами евангелистов по концам. (Ханенко. Др. р., табл. IV, *52*, *53*). [Табл. XLIX, *4*, *5*].

Клад поступил в коллекцию Б. И. Ханенко (?).

Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 19, 20, табл. XXVI, *920*, *1058*; XXVII, *978*, *982*; XXVIII, *1003*, *1004*. — Ханенко. Др. р., в. I. Киев, 1899, табл. IV, *52*, *53*.

122. В 1897 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. был найден клад, состоящий из следующих вещей:

1) Гривна шейная серебряная витая, наконечники закручены в трубочки. (Ханенко. Др. Пр., табл. XXII, *1082*). [Табл. L, *23*].

2) „Аграфы" серебряные, изогнутые дужкой — 8. (Там же, табл. XXIV, *960—967*). [Табл. L, *15—22*].
3) Колодочки серебряные позолоченные — 32. (Там же, табл. XXIV, *1092*). [Табл. L, *24*].
4) Серьги серебряные половецкого типа. (Там же, табл. XXIV, *915*). [Табл. L, *11*].
5) Височные кольца серебряные с расплющенным и отогнутым назад концом — 7. (Там же, табл. XXIII, *842—843*).
6) Энколпион бронзовый, с рельефными изображениями Бориса и Глеба и черневыми изображениями в медальонах по концам. (Ханенко. Др. р., табл. IV, *90*; в тексте к таблице описание креста см. под № 88—89). [Табл. L, *12*].
7) Корсунчики каменные без наконечников — 2. (Там же, табл. I, *8* и *10*). [Табл. L, *10, 14*].
8) Пластинки стеклянные — 2 в виде крыльев бабочки. (Ханенко. Др. Пр., табл. XXIV, *1277*; ср. бронзовую подвеску из с. Грищанцы Каневск. у. Киевск. губ.; Ханенко. Др. Пр., в. IV, табл. X, *260*). [Табл. L, *13*].

Клад поступил в коллекцию Ханенко (?).

Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 20, табл. XXII — XXIV. — Ханенко. Др. р., в. I. Киев, 1899, №№ 8, 10, 88, 89 (на табл. VII под № 90).

123. В 1898 г. на городище Княжа Гора Каневского у. Киевской губ. был найден клад, в состав которого входили следующие вещи:

1) Цепь из серебряных круглых тонких колец, в три нити. (Ханенко. Др. Пр., табл. XV, *622*). [Табл. L, *9*].
2) Серьги золотые маленькие киевского типа — 2, непарные, одна с гладкими бусами (там же, табл. XXVII, *983*), другая с розетчатыми бусами из шести литых шариков каждая. (Там же, табл. XXVII, *984*). [Табл. L, *3, 4*].
3) Серьги серебряные киевского типа — 4. (Там же, табл. XXV, *932*; XXVI, *933, 934*; XXVII, *935*). [Табл. L, *5—8*].
4) Колодочек серебряных низка.
5) Перстень серебряный с шестиугольным полым щитком; на нем гравированный крестик среди усиков. (Там же, табл. XXIII, *1016*). [Табл. L, *1*].
6) Розетка из сканной проволоки (фрагмент бусины от серьги киевского типа?).
7) Штамп бронзовый маленький, по форме напоминающий наконечник ножен; на нем рельефное изображение аканфа. (Там же, табл. XV, *262*). [Табл. L, *2*].

Описанная уцелевшая часть клада поступила в коллекцию Б. И. Ханенко.

Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 20, табл. XV, XXV—XXVII.

124. В 1899 г. на Княжей Горе Каневского у. Киевской губ. во время хищнических раскопок крестьян был найден клад, в состав которого входили:

1) Подвеска золотая лилиевидная.
2) Кольца височные серебряные — 13.

Клад поступил в собрание Н. П. Чернева.

П. К. Городище „Княжа Гора" (у с. Пекарей, Черкасского у.). АЛЮР за 1899 г., т. I, январь, Киев, 1899, стр. 12.

125. В 1901 г. на городище Девичья Гора Каневского у. Киевской губ., во время раскопок В. В. Гезе, в центре землянки в неглубокой (ок. 26 см) квадратной (18 × 18 см) ямке был найден клад, в состав которого входили:

1) Серьги половецкого типа — пара; биконические бусы украшены литыми шариками и сканью.
2) Перстень серебряный витой и фрагмент второго такого же перстня.
3) Кольцо серебряное толстое гладкое.
4) Колечки медные — 2, тонкие гладкие.
5) Ключик небольшой железный.

Местонахождение клада не известно.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1901 г., № 65, лл. 23 об. и 24.

126. В 1901 г. на городище Девичья Гора Каневского у. Киевской губ. во время раскопок В. В. Гезе в южной части городища в неглубокой (ок. 18 см) квадратной (18×18 см) ямке, вырытой в материке, был найден клад сильно окислившихся вещей, лежавших в виде кома, в состав его входили:

1) Серьги половецкого типа серебряные — пара; биконические бусины украшены напаянными литыми шариками и сканью.
2) Кольца височные серебряные — 15.
3) Перстень серебряный; на щитке вихревидная розетка из шести завитков.

Местонахождение клада не известно.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1901 г., № 65, л. 24 об.

127. В 1900 г. на городище Девичья Гора близ с. Сахновка Каневского у. Киевской губ. (по другой версии — в Киеве) был найден клад в двух горшках, состоявший из следующих вещей:

1) Слиток золотой (фрагмент) в виде короткой палочки (дл. 0.03 м, шир. 0.008 м, толщ. 0.006 м, вес. 19.7 г) (Ханенко, табл. XXIX, *606*).
2) Монеты золотые византийские — 2; одна 1143—1180 гг. (Мануила Комнина), другая утрачена. (Там же, табл. XXIX, *620*).
3) Гривны монетные серебряные киевского типа малого веса — 8 (от 143.5 до 153.7 г).
4) Диадема золотая с перегородчатой эмалью из семи киотцев и двух концевых звеньев в виде трапеций; на среднем изображение сцены с Александром Македонским, на остальных — орнамент. (Там же, табл. XXXIII, *1104*).
5) Цепи золотые — 2, из полых бляшек формы квадрифолия, на шарнирах, с перегородчатой эмалью, изображения птицы чередуются с орнаментальными мотивами. (Там же, табл. XXXI, *1096*; Боткин, табл. 92). [Табл. LII].
6) Ожерелье золотое из девяти золотых бус и четырех золотых медальонов с перегородчатой эмалью; на вставных щитках изображения Христа, богоматери, предтечи и архангела (деисус; медальона со вторым архангелом недостает); вокруг щитков двойная жемчужная обнизь и кайма из полушариков и камней в больших многогранных гнездах. (Ханенко, табл. XXXII, *1098—1103*). [Табл. LI, *1*, *1а* и *2*, *2а*].
7) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне два сирина, на обратной — композиция из сегментов, круга и треугольника. (Там же, табл. XXXI, *1005*, *1006*).
8) Гривны золотые шейные — 3; две из них из перекрученного четырехгранного в сечении дрота, третья полая, из спирально скрученной пластины, сильно расширяющаяся к середине. (Там же, табл. XXX, *1086—1088*).
9) Дужки золотые от очелья — 18. (Там же, табл. XXIX, *1097*).
10) Колодочек золотых — 2 низки (по 25 штук), с цепочками. (Там же, табл. XXIX, *1089*, *1090*).
11) Ожерелье золотое из десяти реберчатых бус, шести подвесок-кринов и круглого медальона с камнями. (Там же, табл. XXIX, *1095*).
12) Серьги золотые киевского типа — 12; из них одна с одной бусиной. (Там же, табл. XXX, *986*, *987*).
13) Кольца височные золотые — 4.
14) Колты серебряные маленькие — пара, с каймой из крупных полых серебряных шариков на горлышках; на обеих сторонах изображения двух сопоставленных птиц на черневом фоне. (Там же, табл. XXIX, *969*, *970*).
15) Браслеты серебряные плетеные — 2, с черневыми наконечниками. (Там же, табл. XXI, *1065*).
16) Пластинки листового золота — 3.
17) Бусы круглые из граната, янтаря и оникса.
18) Крестик маленький из перламутра.
19) Жемчуг.
20) Обломки перламутра и разных бус.
21) Парчи фрагменты.

По словам находчика в одном горшке лежали 3 золотые шейные гривны (§ 8), пара серебряных колтов с шариками (§ 14) и пара серебряных браслетов (§ 15); во втором все остальные вещи.

Клад поступил в коллекцию Б. И. Ханенко, за исключением золотой цепи с эмалью и, повидимому, четырех серег киевского типа, попавших в коллекцию М. П. Боткина, а позднее в Гос. Русский музей в Ленинграде; остальные вещи хранятся ныне в Киевском историческом музее.

Фотоархив ИИМК АН СССР Q $\frac{463}{45-50}$. — Н. Ф. Беляшевский. Замечательный клад великокняжеской эпохи. АЛЮР за 1901 г., т. III, Киев, 1901, стр. 150—162, табл. — Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 21, 22, табл. XXI и XXIX—XXXIII. — Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911, табл. 92 и рис. на стр. 36. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 27, № 91. — NZ, т. 62, 1929, стр. 90 и 101, №№ 20 и 40.

128. До 1899 г. в с. Черныши Каневского у. Киевской губ. при неизвестных обстоятельствах был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривна шейная, низкопробного серебра, витая из трех пар свитых друг с другом дротов. Наконечники пластинчатые, широкие, на концах закрученные в трубочки, орнаментированные поразному: один — пунктирными черточками, образующими ряд треугольников между двумя прямыми линиями; другой — пунсонными колечками, выбитыми в основном по краю наконечника. [Табл. LIII, *2*].
2) Браслет низкопробного серебра, витой из трех толстых дротов, наконечники обычной формы, без черни (один утрачен). [Табл. LIII, *1*].

КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 103, №№ 480, 481. — Обозр. некот. губ. ...., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 272.

129. В 1886 г. летом у м. Мартыновка Каневского у. Киевской губ. крестьянами был найден клад в горшке; в клад входили следующие вещи:

1) Колты серебряные — пара, с каймой из серебряных полых шариков на горлышках; на обеих сторонах на черневом фоне изображение хищной птицы, вместо хвоста сложный узел плетенки (ср. с колтами Тереховского клада 1876 г., **154**, Гущин, табл. XIV, *4*, *6*; XV, *1*). (Бобринский, табл. XX, *5*, *7* и *8*).
2) Гривна шейная, витая из трех пар сдвоенных дротов — фрагмент. Концы наконечников закручены в трубочки. (Там же, табл. XVIII, *8*).
3) Подвески серебряные с полым коническим верхом и свисающими цепочками — 2. (Там же, табл. XIX, *2*, *3*).
4) „Аграфы" серебряные, согнутые дужками, — 7. (Там же, табл., XX, *1*, *3*, *6*).
5) Колодочки серебряные — 58, двух разных рисунков (повидимому, от двух разных низок); две концевые с кольцами, отдельно замочное колечко и фрагменты цепочки с кольцом. (Там же, табл. XVIII, *3*, *5*; XX, *9*).
6) Бляшки нашивные золотые и серебряные — 20, семи различных форм. (Там же, табл. I, *2*, *4*, *6*, *10*, *11*).
7) Зеркало круглое, серебряное, на оборотной стороне два перекрещивающихся в центре ребра, над перекрестием остатки ушка. (Там же, табл. XVIII, *7*).
8) Шпоры железные — пара, с серебряной насечкой. (Там же, табл. XVIII, *9*).

Клад поступил в собрание А. А. Бобринского.

А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 150—152, табл. XVIII—XX. — Н. П. Кондаков. Р. кл., 1896, стр. 132, 133. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 121, 122, рис. 177. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 272. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 36—38, рис. 6 и 8.

130. В 1891 г. в м. Пивцы Каневского у. Киевской губ. был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривна монетная киевского типа, серебряная.
2) Серьги серебряные половецкого типа — пара. [Табл. LIV, *1*, *2*].
3) Перстень бронзовый с высоким четырехгранным розетчатым щитком. [Табл. LIV, *3*].

Клад поступил в Музей Киевского университета.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 5206—5209. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 83. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 103, №№ 489—492. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 29, № 102.

131. В 1887 г. у с. Ключники Каневского у. Киевской губ.[1] был найден клад, состоявший из следующих вещей:

1) Гривна шейная серебряная из толстой пластины, в середине винтообразно скрученной. [Табл. LIV, *7*].
2) „Аграфы" серебряные позолоченные — 2. [Табл. LIV, *6*].
3) Колодочки серебряные — 2, соединенные цепочкой; к одной из них припаяно проволочное замочное кольцо.

Клад поступил в Музей Киевского университета.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 3743—3746. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 105, №№ 598—601. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 272.

132. В 1887 г. близ с. Пишки Каневского у. Киевской губ. при корчевании леса был найден клад, в состав которого входили:

1) Серьги серебряные с биконической бусиной (половецкого типа) — 4. [Табл. LIV, *4*, *5*].
2) Перстень серебряный с овальным сердоликом.
3) Створка бронзового энколпиона.

Клад хранится в Киевском историческом музее.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 3595—3600. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 94 (включает в состав клада еще один бронзовый перстень). — Н. П. Кондаков. Р. кл., 1896, стр. 133 (повторяет В. Б. Антоновича). — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 107. (Состав клада указан неверно: не упомянута створка энколпиона, но присоединены вещи из погребения у с. Пишки, раскопанного в 1870-х годах — гривна и серьга половецкого типа. См.: Рукописный каталог Музея Киевского университета, №№ 1419, 1420).

133. В 1888 г. осенью близ с. Ольховец Каневского у. Киевской губ. во время осенней запашки крестьянин плугом выпахал большой сосуд, в котором лежали:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа.
2) Слитки серебряные новгородского типа — 4.
3) Гривны шейные серебряные витые, каждая из восьми дротов, — 5.

Клад был продан скупщикам г. Богуслава, перепродавшим его впоследствии неизвестным любителям древностей.

Киевское слово, 1888, № 547. — Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губ. Киев, 1899, стр. 86. — Обозр. некот. губ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 272. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 200. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 28, № 101. — NZ, т. 62, 1929, стр. 106, № 77; т. 64, 1931, стр. 74, № 158 (палочные слитки датированы XIV—началом XV в.).

134. В 1885 г. в уездном городе Василькове Киевской губ. на берегу р. Стугна был найден клад, содержавший несколько золотых слитков и золотые серьги. Клад был находчиками продан.

В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 45. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 122. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 28, № 99. — NZ, т. 62, 1929, стр. 91, № 23.

135. В 1905 г. близ г. Обухов Киевской губ. и у. во время раскопок В. В. Хвойко был найден, повидимому, клад, в состав которого входили:

1) Колты серебряные — пара, с ажурной каймой, плохой сохранности — бóльшая часть каймы обломана, щитки с изображениями не сохранились. [Табл. LV, *1*, *2*].
2) Гривны шейные витые серебряные — 2, концы пластинчатые; у одной частично сохранился лишь один наконечник, у другой наконечники с трубочками на концах. [Табл. LV, *4*, *5*].
3) Браслет витой серебряный с остатками сканной перевити около наконечников; наконечники обычной формы. [Табл. LV, *3*].

Клад был пожертвован С. С. Могилевцевым в Киевский музей древностей и искусств. Ныне хранится в Киевском историческом музее.

Рукописный каталог Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 9716—9718.

136. В 1896 г. в июне в с. Мышеловка Киевской губ. и у. при рытье погреба на усадьбе крестьянина Ефрема Терного в культурном слое был найден клад в небольшой круглодонной амфоре красной глины, у которой в момент находки были отбиты горло и ручки; в состав клада входили:

1) Гривны монетные — 11, из них семь ромбовидной формы и четыре неправильной овальной формы; одна из последних разломана на две части. У большинства гривен один или оба конца расклепаны; на некоторых есть „нарезы в форме букв М и П". Вес от 194.08 до 200.40 г, проба $92^1/_2$. [Табл. LVI, *16—21*].
2) Наконечники, накладки, скобы, кольца и пряжки восточной работы от нескольких поясов — всего 21; они распадаются на следующие группы:
   А. Серебряные с золотой насечкой:
      а) большие накладки — 2, с изображениями человеческих фигур, окруженных арабскими надписями, сделанными довольно безграмотно (благопожелания; читаются слова الدولة, اليمن 'благополучие', 'власть' и пр.; куфический шрифт XI—XII вв.). Обе фигуры в коротких подпоясанных кафтанах, мягких высоких сапожках и плоскодонных шапочках. Вокруг голов—нимбы. У одной фигуры руки скрещены перед туловищем, у другой в руках бокал и какой-то круглый предмет (яблоко?). Надписи и изображения сделаны золотой насечкой. [Табл. LVI, *1*, *2*];
      б) пряжки пятиугольной формы — 2, с двумя петлями от шарнира. Поверхность пряжки занимает надпись اليمن 'благополучие', сделанная насечкой и тем же шрифтом, что и на наконечниках. [Табл. LVI, *3*];
      в) скобы — 2; на них золотой насечкой изображен плетеный растительный орнамент. [Табл. LVI, *4*].
   Б. Серебряные с чернью:
      а) накладки большие — 2; всю поверхность их занимает крупная надпись اقبال 'успех', сделанная куфическим шрифтом XI—XII вв. Между буквами мелкий растительный орнамент; фон черневой. На обороте остатки ремня, к которому накладки грубо прикреплены штифтами, для чего в них пробиты отверстия, попортившие надписи и орнамент. [Табл. LVI, *9*, *10*];
      б) скобка с мелким растительным орнаментом на черневом фоне. [Табл. LVI, *11*].
   В. Серебряные с чернью:
      а) наконечники литые небольшие — 4, с крупным грубовато исполненным черневым растительным орнаментом. [Табл. LVI, *5*, *6*].
   Г. Серебряные с позолотой:
      а) большие кольца — 2; лицевая сторона их, за исключением части, закрывавшейся ремнем, украшена гравированным позолоченным орнаментом в виде цепочки из колец. [Табл. LVI, *8*].

Д. Серебряные:

а) наконечник небольшой с рельефным растительным орнаментом. [Табл. LVI, *12*];

б) накладки небольшие — 2, с фигурным верхом и рельефным орнаментом: лев среди растительных побегов. [Табл. LVI, *13*];

в) прямоугольная накладка, небольшая, с рельефным орнаментом — голова женщины со сложной прической посреди растительных побегов. [Табл. LVI, *14*];

г) скоба с рельефным орнаментом: две птички по сторонам цветка. [Табл. LVI, *15*].

Е. Пряжка желтой меди. [Табл. LVI, *7*].

Клад был приобретен Музеем Киевского университета. В декабре 1896 г. при содействии В. Б. Антоновича клад был прислан для ознакомления и фотографирования в Археологическую комиссию. В августе 1897 г. клад был отослан обратно в Киев. Ныне хранится в Киевском историческом музее.

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 6886—6918. — Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1896 г., № 209, фотогр. — ОАК за 1896 г., стр. 119, 236, 237. — Археологическая хроника. Сообщение В. Б. Антоновича о находке клада в с. Мышеловке. АИЗ, т. IV, М., 1896, стр. 387. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 90, 91, №№ 100—114. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 200. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 29, №108. — NZ, т. 62, 1929, стр. 114, № 93.

Чтение и датировка надписей сделаны А. М. Беленицким и М. М. Дьяконовым.

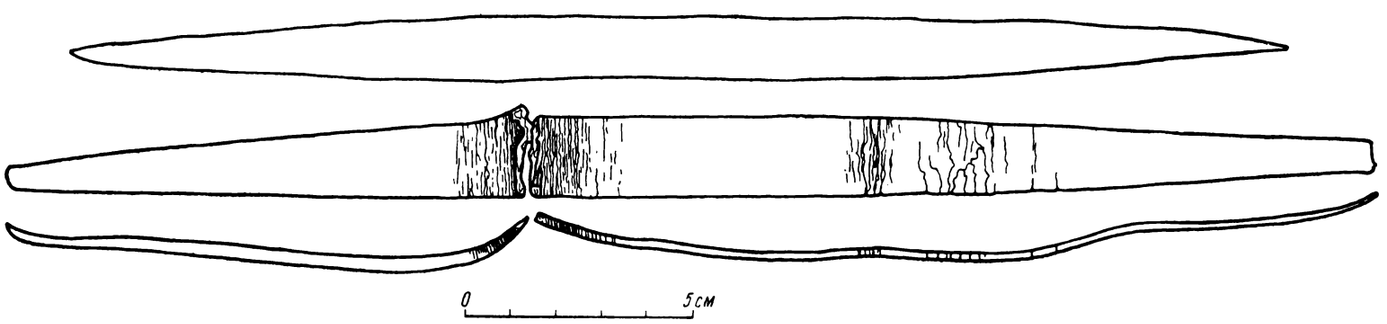

Рис. 19. Кованые серебряные пластины из Миропольского клада (137).

137. В 1938 г. в м. Мирополь Житомирской области УССР был найден клад, доставленный в Киев начальником строительства Ф. С. Чураковым. В него входили:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа малого веса (149.8 г). [Табл. LVII, *4*].

2) Пластины толстые кованые серебряные — 2, суживающиеся к концам (ср. клад **71**, Киев, ус. Дес. церкви, до 1899 г.); одна — целая (дл. 27 см, толщ. 1.25—1.50 мм, вес. 50.95 г), другая сломана надвое (дл. 29.2 см, толщ. 1.5—2.00 мм, вес 98 г); на ребре две зарубки. [Рис. 19].

3) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне два сирина по сторонам крина; на оборотной — в центре круг, вверху две трапеции, внизу два стилизованных растительных побега, между ними четырехлепестковая розетка. [Табл. LVII, *1*].

4) Подвеска серебряная с полым коническим верхом и свисающими с него цепочками — мелкие фрагменты (ср. подвески Старорязанского клада 1868 г., **163**, Тульского клада 1876 г., **157**, Мартыновского клада 1886 г., **129**). [Табл. LVII, *2*, *3*].

Клад хранится в Киевском историческом музее.

138. В 1903 г. 24 апреля „близ с. Каменный Брод Радомысльского у. Киевской губ. при обкапывании скалы для выделки каменнотесных изделий" (или при устройстве дороги, вблизи речки) крестьянами был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа малого веса (160.81 г). (ОАК за 1903 г., табл. VII, *2*).

2) Слитки серебряные в виде палочек — 3 (весом 143.97, 147.05 и 162.73 г). (Там же, табл. VII, *4*).

3) Цата, или гривна, золотая с эмалевыми изображениями поясных фигур, составляющих деисус (Христос, богоматерь, предтеча, Петр, Павел, два архангела, Борис и Глеб). (Гущин, табл. IX; ОАК за 1903 г., табл. VI). [Рис. 7].

4) Диадема золотая в виде узкой пластины, украшенной сложным сканным узором и камнями. (Гущин, рис. 16; ОАК за 1903 г., табл. VII, *1*; ср. со сканью медальонов Старорязанского клада 1822 г., **162**; Кондаков. Р. кл., рис. 44, 45 на стр. 92, 93). Концы диадемы обломаны.

5) Гривна шейная золотая плетеная, полая внутри. (Гущин, рис. 18; ОАК за 1903 г., табл. VII, *6*). [Рис. 11].

6) Колты звездчатые серебряные, с шестью лучами, покрытыми зернью, — пара. (Гущин, рис. 17; ОАК за 1903 г., табл. VII, *3*).

7) Чаша низкая плоскодонная низкопробного серебра — фрагменты, с гравированным изображением геральдически распластанной птицы и каемкой по наружному краю. (Гущин, рис. 19; ОАК за 1903 г., табл. VII, *5*). [Табл. LVIII].

8) Образок мастичный, разбитый, двухсторонний, с полукруглым верхом и изображениями на одной стороне какой-то мученицы в рост, а на другой прор. Аггея в пояс. (ОАК за 1903 г., рис. 347 на стр. 187).

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда был передан в Эрмитаж. В январе 1932 г. из Гос. Эрмитажа он был послан в Харьковский Гос. исторический музей им. Сковороды. Погиб во время Великой Отечественной войны.

А. А. Ильин считал слитки в виде палочек монетными гривнами литовского типа. Однако, как известно, вес гривен литовского типа совсем иной — от 99 до 115 г, т. е. они значительно легче Каменнобродских слитков, весивших от 143.97 до 162.73 г. Повидимому, слитки эти не имеют ничего общего с поздними гривнами литовского типа.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1903 г., № 231. — ОАК за 1903 г., стр. 192—197 и 208, табл. VI—VII и рис. 347. — Прибавление к в. 9 ИАК, СПб., 1904, стр. 40 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1903 г.). — Н. Б[елящевский]. Случайные находки АЛЮР за 1903 г., Киев, 1904, март, стр. 104—107. — Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 35, 36. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 30, № 109. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 59—62, табл. IX и рис. 16—19. — NZ, т. 62, 1929 стр. 104 и 119, №№ 61 и 106, табл. IV.

139. В 1896 г. близ м. Чернобыль Радомысльского у. Киевской губ. во время вспашки поля найден: клад, в состав которого входили:

1) Цепь низкопробного серебра, звенья в виде палочек длиной около 4.5 см сцеплены колечками; по концам цепи две литые плоские шумящие стилизованные подвески — птички; одна с двумя привесками — утиными лапками. (Ханенко. Др. Пр., табл. XVI, *624*).

2) Подвеска шумящая литая в виде барана с полым туловищем и четырьмя привесками-бубенчиками. (Там же, табл. XVI, *380*).

3) Подвеска шумящая литая плоская в виде двуглавой птицы с пятью ромбическими привесками. (Там же, табл. XVI, *379*).

4) Браслеты бронзовые — 3.

5) Кольца височные бронзовые большие — 6. (Там же, табл. XXIII, *836*).

Клад поступил в коллекцию Б. И. Ханенко.

Ханенко. Др. Пр., в. V. Киев, 1902, стр. 19, табл. XVI и XXIII.

140. Около 1909 г. близ д. Збранка Овручского у. Волынской губ. был найден клад, состав которого полностью не известен; в него входили:

1) Колты серебряные — 4, со „звериным орнаментом".

2) Колты серебряные — 3, с геометрическим орнаментом.

Колты были куплены Б. К. Рерихом и Б. Н. Максимовичем.

Прибавление к в. 34 ИАК, СПб., 1910, стр. 82 (Археолог. хрон. за втор. пол. 1909 г.).

ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

141. В 1890 г. в м. Городок Ровенского у. Волынской губ. был найден клад, в состав которого входили

1) Гривна монетная серебряная киевского типа.

2) Гривны шейные витые серебряные — 2.

3) Браслет серебряный витой.

Судьба клада не известна.

В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губ. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 40. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 16, № 24. — NZ, т. 62, 1929, стр. 108, № 84.

142. В 1878 г. в м. Высоцкое Ровенского у. Волынской губ. был найден клад. В него входили:

1) Гривны монетные — 32.

2) Браслеты серебряные — 3.

Судьба клада не известна.

И. А. Орлов. Исследование о кладах Волынской губернии. Волынские Губернские ведомости, 1884, № 89, и отд. книжка, Житомир, 1885, стр. 42. — В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губ. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 46. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 16, № 23.

ГАЛИЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

143. В 20-х годах XX в. близ с. Вербов Бережанского района Львовской области во время пахоты крестьянин Ф. Гевко нашел клад в кувшине; в состав клада входили:

1) Колт серебряный с тисненым орнаментом в виде плетенки, заключенной в обрамление из ложной тисненой зерни. Кайма в виде редких тисненых шишечек. [Табл. LIX].
2) „Аграфы" серебряные — 8, круто согнутые полукруглой дужкой; на каждом по три ажурных бусины. „Аграфы" сгруппированы по 4 штуки и связаны между собой сканными проволочками. [Табл. LIX].
3) Цепь серебряная из пластинчатых рубчатых звеньев. [Табл. LIX].
4) Колодочки серебряные — 40 обычных и 3 осложненных ажурной треугольной тисненой приставкой, с ушком на вершине; повидимому, последние три колодочки являются концевыми, замочными. [Табл. LIX].

Клад поступил в Музей научного товарищества им. Шевченко; в 1940 г. он был передан в Львовский исторический музей, откуда исчез во время немецкой оккупации.

Ю. Полянський. Нові археольогічні знахідки з Галичини. Записки наукового Товариства ім. Шевченка, т. CXLIX. Праці історично-фільософічної секції, Львов, 1928, стр. 11, № 6.

144. До 1842 г. близ с. Залесье Каменецкого у. Подольской губ. на границе с Бессарабией был найден клад, в состав которого входили следующие вещи:

1) Колт серебряный с чернью; на фоне, разделанном передвижкой, гравированное черневое изображение сирина. (Спицын, рис. 45 и 46; Рыбаков, рис. 83, *д*).
2) Колты серебряные — 2 (пара?), с изображениями (гравированными?): на одном — двух сопоставленных грифонов, на другом — двух сопоставленных животных, переплетенных хвостами. Вокруг изображений кайма из кружков (имитация обнизи из шариков). (Там же, рис. 46).
3) Перстень серебряный, с полым четырехлопастным щитком и черневым орнаментом (крестик). (Там же, рис. 46).
4) Перстень серебряный, половина окружности витая. (Там же, рис. 46).
5) Подвеска серебряная тисненая, полая, крестовидная, с лилиями на концах. (Там же, рис. 46).
6) Бусы серебряные овальные ажурные — 24. (Там же, рис. 46).

Местонахождение клада не известно. Рисунки вещей в атласе Флиге 1842 г. были найдены Н. И. Репниковым.

А. А. Спицын. Археологический альбом. ЗОРСА, т. XI, Пгр., 1915, стр. 242, рис. 45, 46 на стр. 245. — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, рис. 83, *д*.

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

145. В 1898 г. близ с. Войтовцы в имении О. В. Томачинской Переяславского у. Полтавской губ. был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа — 29; из них 24 малого веса (от 153.56 до 162.09 г), четыре тяжелые (от 197.11 до 200.92 г) и одна в половину веса тяжелой гривны (108.64 г). На некоторых тонкие нарезки — царапины. (ОАК за 1898 г., рис. 130).
2) Браслеты серебряные витые с черневыми наконечниками — 3. (Там же, рис. 128, 129).
3) Браслеты серебряные тисненые, полые, на шарнирах — 2; на концах львиные головы, на створках чередующиеся черневые изображения розеток и птиц. [Табл. XLIV, *16*, *17*].
4) Перстень-печатка золотой литой; на шестигранном щитке изображение льва. (Там же, рис. 126). [Табл. XLIV, *18*].
5) Перстень золотой витой. (Там же, рис. 127).

Клад был отослан в Археологическую комиссию, но вследствие несхождения в цене возвращен владелице; в 1901 г. клад попал в Киеве на рынок и был приобретен, повидимому, В. В. Гезе. В 1905 г. в Археологическую комиссию поступил еще один витой браслет из того же клада, переданный в Русское Археологическое общество.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1898 г., № 215, фотогр. (см. приписку А. А. Спицына на л. 9); 1905 г., № 85. — ОАК за 1898 г., стр. 75 и 185, рис. 126—130. — ОАК за 1905 г., стр. 99 и 127. — АЛЮР за 1901 г., т. III, Киев, 1901, стр. 31, 32. — Древности МАО, т. XIX, в. 1, М., 1901, Археолог. хрон., стр. 1. — Ханенко. Др. Пр., в. VI. Киев, 1907, стр. 35, клад № XVII. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 42, № 179. — NZ, т. 62, 1929, стр. 104, 116, 119, №№ 59, 97 и 103.

146. В 1884 г. в Переяславе Полтавской губ. во дворе еврейской больницы во время рытья ямы для подвала был найден клад, состоявший из 40 предметов, часть которых пропала. Сохранились следующие вещи:

1) Колт серебряный с ажурной каймой; на вставных щитках геометрический гравированный с чернью узор. (Кондаков. Р. кл., табл. XII, *5*). [Табл. LVII, *6*].

2) Серьги золотые киевского типа — 2. (Там же, табл. XII, *5*).
3) Серьги серебряные киевского типа в фрагментах — более 10. (Там же, табл. XII, *2—4*, *6—12*).
4) Кольца височные золотые, перстнеобразные, сомкнутые — 3. (Там же, табл. XII, *13*).
5) Цепочка серебряная — фрагменты, звенья из тисненой рубчатой пластины, свернутые в трубочку. (Там же, табл. XII, *1*).
6) Браслет стеклянный — фрагмент, синего цвета. (Там же, табл. XII, *14*).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж; 13 мая 1930 г. передан оттуда в Гос. Русский музей в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 20, рис. — ОАК за 1885 г., стр. XCIV. — Сын отечества, 1885, № 46. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 269, 270. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 133, 134, табл. XII.

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

147. В 1850 г. в Чернигове во время рытья траншеи при закладке фундамента для пансиона был найден клад, в состав которого входили:

1) Колт золотой, с многолучевой каймой; на вставных щитках перегородчатой эмалью выполнены на лицевой стороне две птички и кружок между ними; на оборотной крин. Вокруг щитков жемчужная обнизь. (Кондаков. Р. кл., рис. 74).
2) Колт золотой того же типа, но не парный ему; на лицевой стороне на золотом вставном щитке гравированное изображение перевернутого сердечка (Кондаков говорит о перегородчатой эмали), на оборотной выполненный перегородчатой эмалью кружок с четырьмя лилиями. Вокруг щитков жемчужная обнизь и кайма со сканным орнаментом. (Там же, рис. 75).
3) Медальон серебряный, поломанный, с гравированным изображением процветшего креста. [Табл. LVII, *7*].
4) Браслет серебряный ложно-витой.
5) Браслет серебряный витой, приплюснутый ковкой.
6) Перстень серебряный, сломанный.

Клад поступил в минц-кабинет Киевского университета 21 X 1850 г., а после Великой Октябрьской социалистической революции передан в Киевский исторический музей.

Рис. 20. Знаки на шиферных пряслицах из Черниговского клада 1887 г. (**149**).

Рукописный каталог Музея Киевского университета, хранящийся в Киевском историческом музее, №№ 451—457. — КВ III АС Киев, 1874, стр. 53, №№ 771—773. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 330. — Н. П. Кондаков. Р. кл., 1896, стр. 108, 109, рис. 74, 75. — КВ XI АС, Киев, 1899, стр. 128, №№ 1489—1494.

148. В первой половине XIX в. (до 1859 г.) в Чернигове на ус. Елецкого монастыря близ Черной Могилы был найден ларец, окованный железом, наполненный золотыми вещами, часть которых была украшена перегородчатой эмалью. Среди них были „ожерелья", „пояса", „серьги", „браслеты", „кольца" и другие вещи. Клад поступил в Эрмитаж, но уже в конце XIX—начале XX в. в Эрмитаже не было ни клада, ни сведений, куда он исчез.

Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 266. — Д. Я. Самоквасов. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины к XIV археологическому съезду. Труды Моск. предв. комит. по устройству XIV археолог. съезда в Чернигове, в. I, М., 1906, стр. 18.

149. В 1887 г. в Чернигове на Александровой площади двумя мальчиками был найден клад. В состав его входили:

1) Колты золотые с эмалью — пара; на лицевой стороне поясное изображение юного святого, по сторонам его изогнутые сегменты; на оборотной — крин между двумя такими же сегментами. (Кондаков. Р. кл., табл. XI, *2*, *3*).
2) Колодочки золотые — 30. (Там же, табл. XI, *10—22*).
3) Наруча серебряного створка; изображения под арочками утрачены. (Там же, табл. XI, *1*).
4) Цепь серебряная толстая — большой фрагмент. (Там же, табл. XI, *23*).
5) Шиферные пряслицы — 6; из них два с тамгой. (Там же, табл. XI, *4—9*). [Рис. 20].

Клад поступил в Археологическую комиссию, откуда был передан на хранение в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1887 г., № 11. — ОАК за 1887 г., стр. CXCIX. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 288. — Н. П. Кондаков. Виз. эм. 1892, стр. 334. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 122—124, табл. XI. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 118. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. VIII, в. 1—2, СПб., 1896, нов. сер., стр. 131. — Д. Я. Самоквасов и П. С. Уварова. Выписки из дел Археологической комиссии 1860—1905 гг. и Чернигов-

ского статистического комитета 1901 г., пополненные сведениями из архива гр. П. С. Уваровой. Труды Моск. предв. комит. по устройству XIV археолог. съезда в Чернигове, в. 1, М., 1906, стр. 42. — Д. Я. Самоквасов. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины к XIV археологическому съезду. Труды Моск. предв. комит. по устройству XIV археолог. съезда в Чернигове, в. 1, М., 1906, стр. 18. — Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 266, 267.

150. В 1923 г. 10 октября в Чернигове во время раскопок Н. Е. Макаренко вокруг Спасского собора, в юго-восточной пристройке к собору, при расчистке стенки, отделяющей алтарную часть, со стороны алтарной части, на расстоянии 0.75 м от стыка простенка со стеной апсиды, на глубине 0.35 м от поверхности простенка и 0.45 м от современной поверхности был найден клад, завернутый в полотняную ткань. Клад был спущен под пол и положен в углубление в стене, получившееся благодаря неровности ее кладки. В состав клада входили:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа малого веса (159.96 г).
2) Колты серебряные — пара, с каймой из полых крупных шариков на горлышках. На обеих сторонах на черневом фоне изображение животного. (Макаренко. Чернігівський Спас, табл. XIX, *52*; XX, *53*; ср. колты Святоозерского клада 1908 г., **152**, Самоквасов. Раскопки северянск. курганов..., рис. 3; Отчет ГИМ за 1910, табл. II; Рыбаков. Знаки..., рис. 79).
3) Браслеты серебряные с позолотой — 2 парных, полых, на шарнире, на концах львиные морды; на шести медальонах на черневом фоне орнаментальные заставки растительного и геометрического характера. (Макаренко, табл. XX, *54*; XXI, *55*, *56*).
4) Колодочки серебряные, из них 2 с цепочками и 2 с замочными кольцами.
5) Серьги серебряные киевского типа — 2.

Клад был отправлен в Киев в Академию наук УССР.

Р. Р. Фасмер. Список монетных находок... 1926, стр. 294, № 4. — М. Макаренко. Біля Чернігівського Спаса (археологічні досліди року 1923). Сб. Чернігів і північне лівобережжя, Киев, 1928. — М. Макаренко. Чернігівський Спас. Археологічні досліди року 1923. Киев, 1929, стр. 26, 72—76; табл. XIX, *52*; XX, *53*, *54*; XXI, *55*, *56*; место находки клада см. на рис. 20, 21, табл. X, *24*, *26*. — NZ, т. 62, 1929, стр. 103, № 56. — История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 429, 430, рис. 211, *2*.

151. В 1879 г. близ д. Льгов Черниговской губ. и у. в глиняном горшке был найден клад, в который входили:

1) Колты серебряные — пара, с каймой из крупных полых шариков на горлышках; на обеих сторонах на черневом фоне изображения птицы с клубком плетенки вместо хвоста. (Гущин, табл. XII, *143*).
2) „Аграфы“ серебряные прямые, маленькие — 10. (Там же, табл. XII, *2*, *4—11* и *13*).
3) Колодочки серебряные — 52. (Там же, табл. XII, *12*).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж; в январе 1932 г. клад был отослан в Харьковский Гос. исторический музей им. Сковороды и погиб во время Великой Отечественной войны.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1879 г., № 8; 1885 г., № 59, лл. 50 и 50 об., 51. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 270—272, рис. 40, 41. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. VIII, в. 1—2, СПб., 1896, нов. сер., стр. 131. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 115—116, рис. 174—176. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 66, табл. XII.

152. В 1908 г. в урочище Святое Озеро на границе Сосницкого и Черниговского у.у., близ дер. Низовка Сосницкого у. Черниговской губ., крестьянином дер. Новая Буда (в 12 верст. от Св. Озера) был найден клад. „При распашке поля провал земли под копытом лошади обнаружил небольшую ямку под черноземным слоем в глиняном материке; в ямке стоял глиняный горшок, покрытый железной сковородкой с втулкой для ручки“ (Самоквасов, рис. 1). В состав клада входили:

1) Колты серебряные — пара, очень большие, с каймой из крупных полых серебряных шариков на горлышках; на черневом фоне изображения двух сопоставленных грифонов по сторонам плетенки, выполненные гравировкой. На дужке замочное кольцо колта (ср. с колтом Киевского Михайловского клада 1903 г., **103**, ОАК за 1903 г., рис. 351 на стр. 191). (Самоквасов, рис. 2; Отчет РИМ за 1910 г., табл. II; Рыбаков. Ремесло..., рис. 83).
2) Колты серебряные — пара, кайма из мелких литых шариков, поверх которых напаяна зернчатая проволока. На обеих сторонах на черневом фоне изображение животного. (Самоквасов, рис. 3; Отчет РИМ, табл. II; Рыбаков. Знаки..., рис. 79; ср. колты Черниговского клада 1923 г., **150**, Макаренко. Чернігівський Спас, табл. XIX, *52*; XX, *53*; Рыбаков. Ремесло..., рис. 80).
3) Серьги киевского типа серебряные — 15. (Самоквасов, рис. 4; Отчет РИМ, табл. II).
4) Колодочки серебряные — 2 низки по 35 штук (всего 70); у четырех концевых петли, у двух из них — цепочки с замочными колечками. (Самоквасов, рис. 6).
5) Колодочки серебряные, крупнее предыдущих, — 2 низки по 25 штук (всего 50); концевые аналогичны предыдущим. (Самоквасов, рис. 7; Отчет РИМ, табл. II).

6) Браслет серебряный, витой из четырех пар дротов с перевитью из толстой сканной проволоки. Накладки с чернью. (Самоквасов, рис. 8; Отчет РИМ, табл. II).
7) Браслеты серебряные пластинчатые — 2, утонченные концы не сходятся. (Самоквасов, рис. 9)
8) Перстень серебряный, щиток полый в виде восьмигранной усеченной пирамиды, в центре камень (Самоквасов, рис. 10; Отчет РИМ, табл. II).
9) Перстень серебряный, щиток шестигранный, полый с черневым узором. (Самоквасов, рис. 11; Отчет РИМ, табл. II).
10) Перстень серебряный, щиток шестигранный, полый с узором на черневом фоне (ср. с перстнем Киевского Михайловского клада 1903 г., **103**, ОАК за 1903 г., рис. 378 на стр. 191). (Самоквасов, рис. 12; Отчет РИМ, табл. II).
11) Перстень серебряный, с прямоугольным полым щитком, в центре которого гравированная тамга на гладком поле в черневой рамке. (Самоквасов, рис. 13; Отчет РИМ, табл. II; Рыбаков. Знаки..., рис. 24).

Клад был куплен Д. Я. Самоквасовым и пожертвован в Исторический музей в Москве.

Отчет РИМ за 1910 г., М., 1911, стр. 7, табл. II. — Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове во время XIV археолог. съезда. Посмертное издание. М., 1916, стр. 33—40, рис. 1—4, 6—13. — Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, т. VI, М.—Л., 1940, стр. 237, рис. 24 и 79. — Б. А. Рыбаков. Ремесло... 1948, рис. 80 и 83.

153. В 1853 г. 30 марта на земле д. Лески Орловской губ. и у. крестьяне, шедшие проселочной дорогой из д. Лески в с. Никольское, в промоине на правом берегу речки Заревки, в 200 м от берега, в 1.5 км от с. Никольское нашли клад в глиняном горшке объемом в гарнец, засыпанном илом. Увидев края горшка, они обрубили топорами вокруг него мерзлую землю и вынули горшок, который на воздухе распался. Общий вес клада около 1545 г, в состав его входили:

1) Слиток серебряный продолговатый, тонкий, не похожий ни на рязанские, ни на новгородские монетные гривны (194.08 г).
2) Гривны шейные серебряные витые — 9, трех разных рисунков. Одна из них из перекрученной пластины. Концы закручены в трубочки. (Извлечение..., рис. 1).
3) Колты звездчатые серебряные — пара; лучи покрыты зернью, на концах пирамидки из литых шариков. (Там же, рис. 3).
4) Цепочка серебряная, плетеная из тонкой проволоки на четыре грани, длиной 104 см, с наконечниками в виде сильно стилизованных звериных головок, держащих во рту кольцо. К кольцу прикреплены вышеупомянутые звездчатые колты. (Там же, рис. 3).
5) Корсунчики из черного аспида — 4; на концах у двух сохранились серебряные наконечники — у одного гладкие, у другого с зерневым орнаментом. (Там же, рис. 2).
6) Бубенчики серебряные — 6; три более крупных, два поменьше.

П. Азбукин 12 июня 1853 г. ездил от Орловского губернского Статистического комитета осматривать место находки и самый клад, переданный крестьянами на сохранение священнику церкви с. Никольское. Позже клад хранился в Оружейной Палате в Москве, а в 1868 г. был передан в Московский публичный музей В 1869 г. клад был показан на Выставке I археологического съезда в Москве. Между 1873 и 1890 гг. вещи клада, за исключением четырех корсунчиков, были из музея похищены.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 9 (Канцелярии Министерства уделов), 1852 г., № 217, лл. 48, 49. — Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г., СПб., 1856, стр. 12—15, рис. 1—3. — П. Азбукин. О древностях, открытых в окрестностях г. Орла. Вестн. Геогр. общ., 1853, ч. 8, отд. 7, стр. 173—175 (ср. ЗАО, VIII). — Письмо П. Азбукина в АО от 15 VII 1853 г. о найденном кладе в д. Лески. ЗАО, т. VIII, СПб., 1856, стр. 135—137, перечень заседаний АО за 1854 г. (ср. Вестн. Геогр. общ.). — Тр. I АС, т. I, М., 1871, стр. XIV. — Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг. М., 1871, стр. 176. — Г. Д. Филимонов. Каталог Отделения доисторических древностей Московского публичного музея. М., 1873. р. 95, №№ 2466—2481. — Обозр. некот. губ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 189. — Московский публичный и Румянцевский музеи. Каталог Отделения древностей. в) Древности д° сторические. М., 1905, стр. 119, № 3063. — А. А Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 38, № 159. — NZ, т. 64, 1931, стр. 63, № 112 (слиток датируется XIII в.; отмечается, что по форме он не имеет аналогий).

154. В 1876 г. близ д. Терехово Болховского у. Орловской губ. при распашке поля был найден клад в который входили следующие вещи:

1) Гривна монетная серебряная киевского типа, малого веса (159.06 г). (Гущин, табл. XIV, *9*).
2) Колты серебряные — пара, с обнизью из крупных полых шариков; на лицевой стороне две сопоставленные птицы, между ними пальметка; на оборотной — плетеный мотив; контуры черневые по гравировке. (Там же, табл. XIV, *1*, *3*).
3) Колты серебряные — пара, с каймой из крупных полых серебряных шариков на горлышках; на обеих сторонах на черневом фоне изображение хищной птицы, вместо хвоста сложный узел плетенки

(ср. с колтами Мартыновского клада 1886 г., **129**, Бобринский, т. I, табл. XX, *7* и *8*). (Там же, табл. XIV, *4*, *6*; XV, *1*).

4) Колты серебряные маленькие — пара, с каймой из крупных полых серебряных шариков на горлышках; на обеих сторонах на черневом фоне изображение большеголового животного с листом во рту. (Там же, табл. XIV, *5*; XV, *4*).
5) Колты звездчатые серебряные — пара, лучи грушевидной формы покрыты зернью, на концах крупные полые шарики. (Там же, табл. XIV, *11* и *13*).
6) Наруч серебряный широкий; на каждой створке по четыре прямоугольных клейма, в них на черневом фоне в верхнем ярусе изображения птиц под килевидными арками. (Там же, табл. XV, *10*).
7) Наруч серебряный более узкий, изображения на черневом фоне; в верхнем ярусе — три птицы под килевидными арками, в нижнем — плетенка. (Там же, табл. XV, *13*).
8) Гривны шейные серебряные — 6, свитые каждая из трех пар дротов, из них три с перевитью.
9) „Аграфы" серебряные — 14, согнутые дужкой. (Там же, табл. XIV, *8* и *10*).
10) Колодочки серебряные — 119 от двух низок, с цепочками. (Там же, табл. XIV, *12* и *14*; XV, *12*).
11) Бусина серебряная большая овальная с зернью.
12) Бусы серебряные овальные — 6 по концам обмотаны сканью, на середине напаяны колечки из узких ленточек. (Там же, табл. XIV, *7*; XV, *8*).
13) Перстень серебряный позолоченный, литой, дужка заканчивается двумя животными, поддерживающими щиток; на щитке скульптурная фигурка льва. (Там же, табл. XIV, *2*; XV, *5—6*).
14) Сошник железный (в Комиссию не был доставлен). Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж, а 13 V 1930 г. был передан оттуда в Гос. Русский музей в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1878 г., № 5, рис. и фотогр.; 1885 г., № 59, лл. 44—44 об. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 115, рис. 169—173. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 256—258, рис. 38, 39. — А. Н. Шульгин. Заметка о Тереховском кладе. Тр. Орловской уч. архивн. комиссии, в. 1, 1897, стр. 39—41. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 189. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 38, № 160. — NZ, т. 62, 1929, стр. 104, № 58. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 67, 68, табл. XIV и частично XV.

155. В 1849 г. в ус. Морозовой близ с. Шмарово Лихвинского у. Калужской губ. при рытье канавы был найден клад, состоявший из следующих вещей:

1) Перстень серебряный, щиток полый, формы квадрифолия с изображением льва. Контуры по гравировке заполнены чернью (ныне щиток утрачен). (Сизов, рис.; Арциховский, рис. 76).
2) Перстень, во всем аналогичный предыдущему, с изображением птицы на щитке. (Сизов, рис.; Арциховский, рис. 75).
3) Перстень серебряный, щиток полый, круглый; на черневом фоне четыре крестообразно расположенные петли (утрачен). (Сизов, рис.).
4) Перстень серебряный, щиток пластинчатый, овальный; на черневом фоне две сопоставленные пальметки. (Сизов, рис.).
5) Перстень серебряный, щиток пластинчатый, круглый; на черневом фоне пальметка. (Сизов, рис.).
6) Бусы серебряные овальные — 2, с напаянными полушариками; концы обмотаны сканью (одна утрачена). (Сизов, рис.).
7) Семилопастная подвеска вятичского типа; под дужкой две сопоставленные птицы. (Сизов, рис.; Арциховский, рис. 39).

Клад был пожертвован в Московский университет, затем передан Обществу истории и древностей Российских, а позднее — в Исторический музей в Москве.

Древние вещи, найденные в Лихвинском уезде. Временник МОИДР, кн. 5, М., 1850, стр. 36—39. — Российский Исторический музей. Указатель памятников, 2-е изд., М., 1893, стр. 309—311, №№ 830—836. — В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т. н. московского типа. АИЭ, 1895, стр. 185—186, рис. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 71, рис. 68. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 194. — А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 50, рис. 39, 75—76.

156. Около 1911 г. близ д. Пискова Мещовского у. Калужской губ. при рытье погреба найден клад, в состав которого входили:

1) Наруч серебряный узкий, украшенный гравированным растительным узором (побег). (Отчет РИМ, рис. 2).
2) Перстни серебряные — 3; два сломанных и один целый с круглым щитком; на щитке гравированное изображение птицы в профиль, с распущенными крыльями. (Там же, рис. 3).

В 1911 г. клад был принесен в дар Историческому музею в Москве Н. И. Булычевым.

Отчет РИМ за 1911 г. М., 1912, стр. 11—12.

157. В 1876 г. у с. Кресты близ г. Ефремов Тульской губ. на р. Красивая Меча был найден клад, в который входили следующие вещи:

1) Колт серебряный с петлями для обнизи полыми серебряными шариками и 3 шариков отдельно, на черневом фоне изображения сопоставленных грифонов с пальметкой между ними. (Опись Моск. Оруж. Пал., табл. 78, № 9491). [Табл. LX, *3*—5].
2) Подвески серебряные с полым коническим верхом и свисающими цепочками — 2. (Там же, №№ 9484, 9485). [Табл. LX, *1*, *2*,].
3) Колт звездчатый серебряный, короткие лучи грушевидной формы покрыты зернью и заканчиваются крупными полыми шариками. (Там же, № 9486). Повидимому, их было два, но от второго сохранился только один луч. [Табл. LX, 10 и *10а*].
4) Бусы серебряные большие овальные с зерневыми треугольниками — 4; концы обмотаны сканью. (Там же, № 9488). [Табл. LX, *8*, *9*].
5) Подвеска серебряная крестообразная с лилиевидными концами, тисненая, полая. (Там же, № 9492). [Табл. LX, *6*].
6) Колодочки серебряные — 6. (Там же, № 9490). [Табл. LX, *7*].

Клад хранится в Московской Оружейной Палате.

Опись Московской Оружейной Палаты, ч. VII, М., 1893, стр. 25, №№ 9484—9492 и Альбом рисунков к Описи, табл. 78. — Обозр. некот губ...., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 198. — А. С. Гущин. Памятники... М.—Л., 1936, стр. 36—38.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВО

158. В 1883 г. близ с. Стариково Корочанского у. Курской губ. при распашке поля был найден клад, в который входили следующие вещи:

1) Гривны монетные серебряные новгородского типа — 7; из них 5 целых и 2 половинки (целые от 187.62 до 213.20 г и две половинки 105.15 г).
2) Колты серебряные — пара, с каймой из крупных серебряных шариков на горлышках; на обеих сторонах на черневом фоне грубое гравированное изображение растительного побега с пальметкой в центре. (Гущин, табл. XIII, *5*, *7*).
3) Браслет серебряный из двух створок, тисненый, полый, без львиных головок на концах; на черневом фоне изображения розеток. (Там же, табл. XIII, *3*).
4) Браслет серебряный из четырех дротов, скрученных попарно и соединенных на концах наконечниками с чернью (там же, табл. XIII, *1*); фрагменты скрученных дротов.
5) Гривна шейная серебряная из широкой перекрученной пластины, концы обломаны. (Там же, табл. XIII, *2*); фрагмент такой же гривны из более широкой пластины.
6) Серьги серебряные маленькие киевского типа — пара. (Там же, табл. XIII, *4*).
7) Серьги серебряные киевского типа — пара; средняя бусина крупнее боковых. (Там же, табл. XIII, *6*).
8) Серьги серебряные киевского типа — пара, средняя бусина крупнее боковых. (Там же, табл. XIII, *8*).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж. Одна из гривен оставлена в церкви с. Стариково.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1883 г., № 32, фотогр. и рис. — ОАК за 1882—1888 гг., стр. LVI. — А. И. Черепнин. О гривенной системе... ТМНО, т. II, М., 1901, стр. 199. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 260. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 245. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 32, № 128. — NZ, т. 64, 1931, стр. 65 и 78, №№ 121 и 168 (слитки датированы началом XIII в.). — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 66—67, табл. XIII. — История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, рис. 215, *1* (прорись).

159. Около 1878 г. в Путивльском у. Курской губ., в имении Ф. Н. Терещенко при распашке поля был найден клад, в состав которого входили:

1) Колты серебряные с изображением животного на черневом фоне — пара; кайма из шариков на трубочках. От второго колта сохранилось только несколько мелких фрагментов.
2) Гривна шейная серебряная, круто свитая из пластины, имеет вид почти трубки, полой внутри; концы пластинчатые, закрученные в трубочки.
3) Подвески лилиевидные серебряные — 9 (одна из них сломана).
4) Перстни серебряные — 3; у одного из них к широкой части кольца припаян плоский шестиугольный щиток с изображением креста, исполненным чернью и позолотой; от другого сохранился только щиток с узором в виде двух треугольников с усиками, обращенных вершинами друг к другу; рисунок нанесен зубчатой линией и покрыт чернью; у третьего перстня щиток ажурный, высокий, из тонкой проволоки.
5) „Прямоугольная каменная плитка зеленого цвета (яшма?), обделанная по краям в серебряную оправу с ушком вверху".

Клад хранится в Московском Гос. историческом музее.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1885 г., № 59, л. 272. — Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. 83, №№ 4181—4183. — Имп. Российский исторический музей. Указатель памятников. 2-е изд., М., 1893, стр. 155, 156, №№ 1125—1139. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 145. — Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 268.

160. В 1901 г. близ д. Чувардино Дмитровского у. Орловской губ. был найден клад, в состав которого входили:

1) Гривны монетные серебряные „рязанского типа“ (повидимому прутики) весом по полфунта — 18.
2) Браслет серебряный витой, в который были „вложены“ гривны.

Судьба клада не известна.

А. Н. Шульгин. Минувшее Орловского края. Орел, 1903, стр. 26.

МУРОМО-РЯЗАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

161. В 1673 г. 24 апреля между д. Кутукова и с. Усторонь Старорязанского стана (позднее Переяславль-Рязанского у. Рязанской губ.) в обвалившемся берегу речки Мариченки, впадающей в Оку (?), пастухом-подростком Обрашкой Сергеевым с товарищами в небольшом, разбитом коровой горшке был найден клад. Состав его не может быть восстановлен совершенно точно, так как показания крестьян на сыске, начатом после находки клада, очень сбивчивы. Кроме того, нет уверенности в том, что часть найденного серебра и золота не была крестьянами утаена, несмотря на то, что они были „у пытки и у огня“. Из сыскного дела видно также, что отдельные вещи клада оказались не только в руках крестьян д. Кутукова, а разошлись по всей округе. Так, серебряник Алешка Кобыляк купил золотник золота „на торшку в с. Киструсе“, один „отломок слитова золота“ был продан на торгу в с. Старая Рязань; один брусок серебра неизвестный крестьянин купил в слободке Хариной. В целом, насколько позволяют судить о составе клада данные сыскного дела, в него входили:

1) Гривны монетные серебряные — не менее 39. В деле они чаще всего именуются брусками, но некоторые крестьяне называли их „карасями“ и „лемешками“. Есть и более подробные описания серебряных гривен, например: „серебро литое брусками, в длину брусок вершка на два (8.8 см), а иные-де и меньше, литы крестами“ (Оглоблин, стр. 143); „были на тех брусках от ржавчины ямочки“ (Оглоблин, стр. 138); брусок „на середине в ширину вершка будет в полтора (6.6 см), на оба конца клином сведено, а в толщину в полвершка“ (2.2 см; Оглоблин, стр. 139); один брусок серебра был мерою в длину 2 вершка (8.8 см), шириной в 1 вершок (4.4 см), толщиной в $^1/_2$ вершка (2.2 см) и весом в $^1/_2$ фунта (200 г; Оглоблин, стр. 140—141). Все эти описания серебряных слитков безусловно дают право считать их монетными гривнами скорее всего киевского типа и датировать XII в. В сыскном деле имеются также указания, что на гривнах были какие-то пометки („на одном-де бруске намечено в пяти местах“; Оглоблин, стр. 137); разговор о непрочтенных „подписях“ проходит через все дело. Повидимому, это встречающиеся на тыльной стороне гривен нацарапанные острым инструментом различные комбинации из прямых, перекрещивающихся, параллельных и др. линий, которые не объяснены и до сих пор.
2) Гривны монетные золотые в виде палочек — примерно 3—4. Размер, вес и количество их не могут быть точно установлены, так как, во-первых, в некоторых случаях нет уверенности, что куски „прутового золота“ являются частями монетных гривен, а не кусками золотой проволоки от поломанных украшений (шейных гривен, браслетов), и, во-вторых, в сыскном деле фигурируют части гривен, которые крестьяне рубили для того, чтобы легче их продать. Золотые монетные гривны называются в деле „слитками“, в отличие от серебряных гривен, которые большей частью называются „брусками“. Форма золотых слитков устанавливается по следующим их описаниям: „Золота прутового круглова кончик длиною в пол вершка (2.2 см), весом в полтора золотника“ (6 г; Оглоблин, стр. 141); „прут золота“ (Оглоблин, стр. 141); „слиточек небольшой прутового золота“ весом золотник с четвертью (5.2 г; Оглоблин, стр. 142); „усечек“ „золота прутового длиною в вершок“ (4.4 см.; Оглоблин, стр. 142). Несколько раз говорится о „литом“ золоте, о „слитке золота“, в отличие от золота „витого“ и „волоченого“. Фигурирует еще какой-то „пересеченный слиток золота“. Это или слиток с зарубками, или фрагмент какого-то украшения вроде витой гривны, которые, правда, в деле носят название „витого золота“. В ряде случаев говорится, что золотые прутья и слитки некоторые принимали за медные. Говорится также и о золотых слитках, имевших форму гривен киевского типа. Повидимому, однако, это обычные для кладов преувеличения, так как до сих пор гривны киевского типа, отлитые из золота, не известны. Сведения о золотых гривнах киевского типа сообщаются

в деле в виде слухов, переданных через третьи руки: староста и крестьяне с. Усторонь слыш. от попа Тараса — „золотые-де карасики слитком теж кутуковские крестьяне нашли-ж-де (Оглоблин, стр. 138).

3) Гривны шейные витые золотые, количество которых не может быть установлено; в деле говорится лишь о фрагментах их, так как крестьяне изрубили их на небольшие куски. Описаны они следующими словами: „Золото плетеное в перст толщиною“ (Оглоблин, стр. 135); „витой прут“ золота длиною в $1^1/_2$ вершка (6.6 см), который крестьянин рассек на три части и два крайних „усечка“ отдал приказчику, а „усечек“ середки велел жене схоронить (Оглоблин, стр. 142). Возможно, это была гривна витая, из одного четырехгранного прута; такие гривны известны по ряду находок, в частности в Сахновском кладе 1900 (**127**). Гривне же, повидимому, принадлежали и два „отломка цепи золотой“. Что это были фрагменты не цепи, а чего-то не гнущегося, как будто следует из того, что у желавшего продать их в Ярославле крестьянина серебряники „для опыту“ поломали их, почему крестьянин принес в сыскную комиссию уже не два фрагмента, а „в четырех местех“. Весу в них оказалось „пять золотников (20.8 г), а по досмотру то золото отломлено от чепи золотой“ (Оглоблин, стр. 143). Возможно, что фрагментом гривны является и следующая вещь, крайне неясно описанная: „свиток тянутого золота, а тот свиток в длину будет в четверть аршина слишком (более 17.6 см), а толщиною гораздо толще человеческого большого перста, а то золото тянуто в сережное тонкое кольцо“ (Оглоблин, стр. 139). Возможно, что это часть шейной гривны, утончающейся к замочной части.

4) Браслеты золотые, витые, в фрагментах, украшенные цветными („лазоревыми“) вставками. Повидимому, их было не более двух, а может быть и один. В деле они описаны следующим образом: „в дву местах золото витое“, „свитое“, в обоих кусках его было „по камышку“ (Оглоблин, стр. 135—136); отломок золота свитого весом в „полпята золотника“ (68.7 г), в нем был „камышек лазоревый“ (Оглоблин, стр. 141). Браслеты с каменными и пастовыми вставками на концах, однако сделанные из серебра, известны для сравнительно позднего времени — второй половины XII—XIII в. (с голубыми пастовыми вставками из Дубенского у. Волынской губ., см.: Ханенко. Др. Пр., в. V, табл. XXI, *1059*; аналогичный браслет найден в 1949 г. при раскопках Саркела; более крупные, не витые, а плетеные, с сердоликовыми вставками известны в Поволжье, например, в Бóлгарском кладе 1869 г.; см.: Гущин. Памятники..., табл. XXXI, *3*, *4*, *6*, *7*). Золотые витые браслеты со вставками (бирюзой?) до сих пор не известны.

5) Браслет золотой из круглого в сечении дрота. Вероятно, такой браслет можно видеть в следующем описании: „сверток волоченого золота“. Если это так, то браслет этот мог быть похож на браслет из клада с усадьбы Гребеновского в Киеве (**99**).

Всего золотых вещей (фрагментов) и слитков было около 7 штук. Точная атрибуция их невозможна.

Клад, отобранный у крестьян присланными из Москвы „сыщиками“, повидимому, был увезен в Москву, поступил в государеву казну и был сплавлен.

Н. Н. Оглоблин. „Сыскные дела“ о кладах в XVII в. ЧИОНЛ, 1893, кн. VII, отд. II, стр. 117 и 132—154. — С. Введенский. Кудеярова поклажа. ИОАИЭ при Казанском университете, т. XXII, в. I, 1906, стр. 6 (упом. с неверной датой 1678 г.).

162. В 1822 г. 6 июня на городище Старая Рязань Спасского у. Рязанской губ. крестьянином Устином Ефимовым во время пахоты был найден клад золотых с эмалью вещей. В него входили:

1) Медальоны золотые круглые — 3, с изображениями, выполненными перегородчатой эмалью (богоматерь, Ирина, Варвара), все от одного ожерелья (Кондаков, табл. XVII, *3—5*), и 5 ажурных с жемчужной обнизью крупных золотых бусин к нему. (Там же, табл. XVI, *2*).
2) Медальоны золотые — 6, со сканными узорами и красными камнями, все от второго ожерелья (там же, рис. 44—46 на стр. 92—93) и 6 больших овальных ажурных бусин с красными камнями. (Там же, табл. XVI, *1*).
3) Медальон маленький круглый с эмалевым изображением богоматери. (Там же, табл. XVII, *1*).
4) Подвески золотые в виде огромных колтов — 2 (диам. 0.126 м), с эмалевыми изображениями юных мучеников на вставных щитках. Вокруг щитков жемчужная обнизь и широкая кайма со сканным узором и большими камнями в гнездах. На обороте сканный узор и камни. (Там же, табл. XVI, *4* и рис. 42 и 43).
5) Образок овальный золотой с эмалевым изображением распятия; эмаль греческая. (Там же, табл. XVII, *2*).
6) Наруч золотой ажурный, с орнаментом из сопоставленных дужек. (Там же, табл. XVI, *3*).
7) Подвески „сионцы“ золотые — 2, со вставными эмалевыми щитками (изображения святых). Из цепочек сохранилась только одна. (Там же, табл. XVI, *5*, *6* и рис. 49 на стр. 95).

8) Перстни золотые — 2, с полыми щитками сложного устройства, с камнями и жемчужной обнизью. (Там же, рис. 51 на стр. 95).
9) Корсунчики с золотой оправой концов, украшенной камнями, — 2. (Там же, рис. 50 на стр. 95).
10) Скобочка золотая. (Там же, рис. 51 на стр. 95).
11) Бляшки нашивные золотые не менее девяти видов. (Там же, рис. 47, 48 на стр. 95).

Клад хранится в Оружейной Палате в Москве.

Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 83—96, рис. 42—51, табл. XVI, XVII. — Обширная библиография по кладу сведена в книге: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 7, 8.

163. В 1868 г. на городище Старая Рязань (в 50 верстах от г. Рязани) „у большой дороги, в конце вала или земляной насыпи, служащей, по преданию, крепостным валом Ст. Рязани, вблизи известных остатков княжеского терема и собора Бориса и Глеба“ (Успенского собора, — *Г. К.*), при распашке земли крестьянином с. Старая Рязань был найден клад, в состав которого входили:

1) Медальоны серебряные с чернью — 5, на трех изображения процветшего креста. (Гущин, табл. XXVII, *10*, *13*, *15*); на двух остальных погрудные изображения Христа и юного святого. (Там же, табл. XXVI, *3*, *10*).
2) Цепь серебряная позолоченная из 17 штампованных полых бляшек формы квадрифолия, на шарнирах; на бляшках рельефное изображение процветшего креста; трех бляшек и замочных колец недостает, чередование их нарушено. (Там же, табл. XXVI, *1*).
3) Подвески серебряные с коническим полым верхом и свисающими цепочками — 2. (Там же, табл. XXVI, 5 и *11*).
4) Цепь серебряная плетеная на четыре грани; сквозь трубчатые наконечники продето кольцо, на нем помятая овальная серебряная бусинка с зерневыми треугольниками и ушко от какого-то утраченного подвешенного предмета. (Там же, табл. XXVII, *3*).
5) „Аграф“ золотой маленький, изогнутый дужкой. (Там же, табл. XXVII, *18*).
6) Бусы серебряные большие, овальные, с зерневыми треугольниками — 3, концы обмотаны сканью. (Там же, табл. XXVII, *1*).
7) Перстень серебряный с чернью, с полым щитком формы квадрифолия; на прямоугольном гладком серебряном поле гравированная фигура из усиков, вокруг поля фон черневой; дужка пластинчатая с чернью (отломана; у Гущина на табл. XXVI, *2* издана дужка косичкой, не относящаяся к кладу). (Там же, табл. XXVII, *6*).
8) Подвеска крестовидная серебряная позолоченная тисненая — фрагмент, с лилиевидными концами и ушком. (Там же, табл. XXVI, *4*).
9) Бляшки нашивные серебряные позолоченные, с перегородчатой эмалью, крестовидные — 3. (Там же, табл. XXVI, *6*; XXVII, *6*).
10) Бляшки нашивные серебряные позолоченные, с перегородчатой эмалью, треугольные — 2. (Там же, табл. XXVI, *8*, *9*).
11) Бляшки нашивные серебряные позолоченные одиннадцати видов — больше 75. (Там же, табл. XXVII, *2*, *4*, *7—9*, *11*, *12*, *14*, *16*, *17*, *19*; XXVI, *7*).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж; 13 мая 1930 г. передан оттуда в Гос. Русский музей в Ленинграде.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1868 г., № 10; 1885 г., № 59, лл. 40—42 об. и 46—48 об. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 111—112. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 110, 111, рис. 160—163. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 77—79, табл. XXVI, XXVII.

164. В 1887 г. 12 мая на городище Старая Рязань при обвале от дождя края холма, на котором находится кладбище с. Старая Рязань, на глубине 3 аршин от дневной поверхности был найден клад. Член Рязанской ученой архивной комиссии А. В. Селиванов, обследовавший 23 мая место находки, нашел тут же еще несколько вещей и установил, что клад был, повидимому, завернут в ткань и зарыт в яму. В клад входили:

1) Колты серебряные — пара, с обнизью из крупных полых серебряных шариков; на обеих сторонах на черневом фоне по две птицы, переплетенные хвостами, переходящими в плетенку. (Гущин, табл. XXVIII, *11* и *13*).
2) Колты звездчатые серебряные — пара; лучи грушевидной формы покрыты зернью, на концах крупные полые шарики. (Там же, табл. XXVIII, *1* и *3*).
3) Серьги серебряные киевского типа — 10. (Там же, табл. XXVIII, *4*, *6—10*, *14*, *15*; XXIX, *8*, *10*).
4) Корсунчики каменные — 4, два больших и два маленьких; два с серебряными наконечниками, один из них большой, с зерневыми ромбами. (Там же, табл. XXVIII, *2*, *5*, *12*; XXIX, *9*).
5) Бусы стеклянные овальные — 6, со сглаженными четырьмя гранями (?), оправленные с концов в серебряные наконечники. (Там же, табл. XXVIII, *16—21*).

6) Бусы серебряные овальные большие — 6, с зерневыми треугольниками; концы обмотаны сканью. (Там же, табл. XXIX, *11—16*).
7) Бусы пастовые — 4, две с глазками. (Там же, табл. XXIX, *1*, *2*, *4*, *5*).
8) Бусина горного хрусталя, круглая. (Там же, табл. XXIX, *3*).
9) Ленточка шелковая с серебряными квадратными нашивными бляшками (8 целых и 3 фрагмента), обнизанными мелким жемчугом. (Там же, табл. XXIX, *7*).
10) Ткани парчевой фрагменты. (Там же, табл. XXIX, *6*).

Клад был куплен А. В. Селивановым и передан в Рязанский музей.

Доклад А. В. Селиванова о поездке в Старую Рязань на заседании Рязанской ученой архивной комиссии 5 июня 1887 г. Труды Ряз. уч. арх. ком., т. II, в. 5, Рязань, 1887, стр. 100—102. — А. В. Селиванов. Древности с. Старой Рязани. Тр. VII АС, т. II, М., 1891, стр. 208—212, табл. V. — А. И. Черепнин. Кулаковский могильник и городище Ст. Рязани. Труды Ряз. уч. арх. ком., т. XVIII, в. 1, Рязань, 1903, стр. 135—137. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 136, 137, рис. 84. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, рис. 224. — А. С Гущин. Памятники..., 1936, стр. 78—80, табл. XXVIII, XXIX.

165. В 1937 г. в с. Старая Рязань Спасского района Рязанской обл. во время пахоты сохой была задета и частично разрушена глинобитная печь; при этом лемех подцепил 2 серебряные вещи. В 1950 г. во время археологических работ на городище А. Л. Монгайт раскопал землянку, печь которой была частично разрушена в 1937 г. В печи, повидимому, в матерчатом мешке, лежал еще ряд вещей, не замеченных ранее. По пути следования сохи А. Л. Монгайт также обнаружил обломки серебряных вещей, тащившихся за сохой. В целом в клад входили следующие вещи:

1) Колты звездчатые серебряные — 3; лучи грушевидные, но не очень крупные, сплошь покрытые зернью. На концах лучей крупный полый шарик, окруженный более мелкими шариками. В центре — коническое возвышение. Некоторые колты поломаны. Один колт найден в 1937 г., два других в 1950 г. (Монгайт, рис. 32, *1а*, *б*; рис. 34).
2) Медальон серебряный с чернью, на нем грубоватое изображение богоматери с младенцем перед грудью (тип знамения), исполненное черневыми линиями. (Монгайт, рис. 33, *1*).
3) Цепь серебряная из круглых полусферических бляшек на шарнирах; сохранилась не полностью; в одном обрывке десять бляшек и замочное кольцо, в другом — четыре бляшки и замочное кольцо. Бляшки орнаментированы зерневым орнаментом геометрического характера. Орнамент трех типов повторяется на бляшках без особой последовательности. Цепь найдена в 1937 г. (Монгайт, рис. 34).
4) Бусы серебряные крупные овальные — 11, из них восемь имеют по концам сканную обмотку, в средней же части украшены выпуклым пояском и зерневыми треугольниками (аналогичны бусам Старорязанского клада 1887 г., см.: Гущин. Памятники..., табл. XXIX, *11—16*). Остальные три бусы украшены напаянными, крупными овальными колпачками и зерневыми треугольниками. (Монгайт, рис. 33, *2*, *3*).
5) Серьги киевского типа серебряные — 6, со сплошными бусами, орнаментированными зерневыми треугольниками. (Монгайт, рис. 32, *2*).
6) Корсунчики — 3 каменных и 1 деревянный, с серебряной оправой на концах, украшенной зернью. (Монгайт, рис. 33, *4*).
7) Булавки бронзовой фрагмент, ее головка в виде стилизованной черепахи украшена выемчатой эмалью. (Монгайт, рис. 32, *3*).
8) Бусина пастовая.

Клад хранится в Московском Гос. историческом музее. Две вещи, найденные в 1937 г., были куплены в г. Нарофоминске у В. М. Мазуркевича и поступили в музей 31 мая 1939 г.

А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани. КСИИМК, вып. XLIV, М., 1952, стр. 108—109, рис. 32—34.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

166. В 1837 г. в г. Владимире на Клязьме у Нижегородской заставы, в Ветшаном городе, близ Серебряных ворот, при дорожных работах найден был клад, весивший 785 г, в состав которого входили:

1) Медальоны серебряные с чернью — 4, все разных размеров. На самом большом изображение процветшего креста (Гущин, табл. XVI, *5*; Строганов, табл. I); на меньшем — поясное изображение богоматери с воздетыми руками (Гущин, табл. XVI, *1*; Строганов, табл. II); на третьем — процветший крест (Гущин, рис. 26 на стр. 70; Строганов, табл. II); на последнем, типа бляшки, без каймы — процветший крест (Гущин, рис. 27 на стр. 70; Строганов, табл. II).
2) Колты звездчатые серебряные — 5, лучи грушевидной формы, покрытые зернью. (Гущин, табл. XVI, *9* и *10*, рис. 28 и 29 на стр. 71; Строганов, табл. III—V; Др. Росс. госуд., табл. 37).

3—4) „Аграфы“ серебряные прямые (шесть?) и серьги киевского типа, разогнутые, как „аграфы“ (две?), всего — 8. (Гущин, табл. XVI, *6—8*; Строганов, табл. VI; Др. Росс. госуд., табл. 37).

5) Бусы серебряные овальные — 6, большие и маленькие, с зерневыми треугольниками, у больших концы обмотаны сканью. (Гущин, табл. XVI, *2—4*; Строганов, табл. VI; Др. Росс. госуд., табл. 37).

6) Пуговицы серебряные гладкие — 2. (Строганов, VI; Др. Росс. госуд., табл. 37).

7) Бляшки нашивные серебряные тисненые — 2, маленькие, квадратные с двумя сопоставленными дужками и 1 прямоугольная, вытянутая, большая, с прорезным растительным орнаментом. (Строганов, табл. VI; Др. Росс. госуд., табл. 37).

Клад поступил в Московское общество истории и древностей Российских, позднее перешел в коллекции Московского Гос. университета, а в конце XIX в. — в Исторический музей в Москве.

С. Г. Строганов. О серебряных вещах, найденных во Владимире и Ярославской губернии в 1836 и 1837 гг. Русск. истор. сборник, т. IV, кн. 2—3, М., 1841, стр. 452, 453, табл. I—VI. — Древности Российского государства, М., 1851, отд. IV, табл. 37. — Российский Исторический музей. Указатель памятников. 2-е изд., М., 1893, стр. 575, 576. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 216. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 69—71, табл. XVI и рис. 26—29.

167. В 1865 г. в ноябре в г. Владимире на Клязьме, в усадьбе учителя семинарии Беляева на территории древнего Ветшаного Города, при планировке сада на откосе горы, на глубине пяти аршин был найден клад, в состав которого входили:

1) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне погрудное изображение юного святого; на оборотной — композиция из кругов и стилизованных завитков. (Гущин, табл. XVII, *11* и *13*).

2) „Аграфы“ золотые выпрямленные, с ажурными бусами — 7. (Там же, табл. XVII, *2—4*).

3) Медальоны серебряные позолоченные — фрагменты (пяти или четырех); на двух гравированные изображения архангелов в рост, на третьем — процветший крест, на четвертом — погрудное изображение святого (сохранилась часть нимба). (Там же, табл. XVII, *12*, *14*, *18*, *26*).

4) Наруч серебряный — фрагменты; на каждой створке по шести квадратных клейм в два яруса; в клеймах гравированные, черневые изображения птиц. (Там же, табл. XVII, *22—28*).

5) Бусы серебряные, позолоченные, овальные, штампованные в елочку — 6. (Там же, табл. XVII, *9*).

6) Бусина серебряная в фрагментах (одна?), большая, овальная с орнаментом из зерневых треугольников; концы обмотаны сканной нитью. (Стасов, табл. II, *ж*).

7) Подвески серебряные позолоченные, крестовидные, тисненые (фрагменты), с лилиевидными концами. (Гущин, табл. XVII, *6*, *7*, *10*).

8) Подвески круглые, маленькие, серебряные позолоченные — 2; изображения утрачены. (Там же, табл. XVII, *20—21*).

9) Камни горного хрусталя, овальные шлифованные — 2. (Там же, табл. XVII, *8*, *19*).

10) Корсунчики из яшмы — 2; оправы концов утрачены. (Там же, табл. XVII, *1*, *5*).

11) Шелковых тканей 9 фрагментов пяти видов. (Там же, табл. XVIII и XIX).

Клад через Владимирский статистический комитет поступил в Археологическую комиссию, откуда был передан в Эрмитаж; 13 мая 1930 г. из Эрмитажа передан в Гос. Русский музей в Ленинграде; в апреле 1952 г. снова передан в Эрмитаж.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1865 г., № 22; 1885 г., № 59, лл. 52, 53. — ОАК за 1865 г., стр. XX. — К. Н. Тихонравов. Случайная находка древностей во Владимире. Влад. губ. ведомости, 1866, № 1. — Г. Д. Филимонов. Древние украшения великокняжеских одежд, найденные во Владимире в 1865 г. Сборник Общ. др. русск. искусства, 1866, стр. 159—161. — В. В. Стасов. Владимирский клад. ИАО, т. VI, СПб., 1868, стр. 124—133 и 142—151, табл. I — III. — М. П. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига, т. III, отд. I. Таблицы, указатели, М., 1871, стр. 56—58, табл. 161—162. — Н. П. Кондаков. Указатель... 1891, стр. 292—294, рис. 49. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 109. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 109—110, рис. 156—159. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 216. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 72—74, табл. XVII—XIX.

168. В 1896 г. в г. Владимире на Клязьме на территории Печернего Города, близ Владимирской часовни, у древнего вала, при земляных работах для постройки банка, на глубине полутора аршин был найден клад в глиняном горшке; в состав клада входили:

1) Колты золотые — пара, с перегородчатой эмалью; на лицевой стороне погрудное изображение юного мученика, на оборотной семь кружков. (Гущин, табл. XX, *2а*, *2б*).

2) Звездчатые колты серебряные — 5; лучи грушевидной формы покрыты зернью, на концах крупные полые шарики. (Там же, табл. XXI, *1—4*).

3) Наруч серебряный; на каждой створке по шести квадратных клейм в два яруса; в клеймах гравированные птицы, звери и пальметки. (Там же, табл. XX, *1*).

4) Наруч серебряный; на каждой створке по восемь клейм в два яруса: вверху под стрельчатыми арочками — птицы и звери, внизу — квадратные одинаковые центрические плетеные мотивы. Рисунок черневой по гравировке. (Там же, табл. XX, *5*).

5) Наруч серебряный с позолотой, на каждой створке одно тябло; на одной створке две пл. по сторонам плетеного мотива, на другой — плетеный растительный узор. Рисунок чернево. по гравировке. (Там же, табл. XX, *3* и *4*).

6) „Аграфы" серебряные — 12, выпрямленные, с ажурными бусами; в момент находки они были связаны двумя сканными нитями, проходившими между первой и второй, второй и третьей бусами каждого „аграфа". (Там же, табл. XXI, 5). [Табл. LXI].

7) Серьги золотые маленькие — 2, с ажурными бусами, разогнутые, как „аграфы". (Там же, табл. XXI, *6* и *9*).

8) Гривна шейная, витая из трех дротов с перевитью. (Там же, табл. XXI, *8*).

9) Браслет серебряный витой с черневыми наконечниками (один утрачен). (Там же, табл. XXI, *7*).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан на хранение в Московский исторический музей.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1896 г., № 158, фотогр. — ОАК за 1896 г., стр. 114—115 и 232—233. — В. Т. Георгиевский. Новый археологический клад, найденный во Владимире на Клязьме. АИЗ, т. IV, М., 1896, стр. 366—371, рис. — В. Т. Георгиевский. Важная археологическая находка в губернском городе Владимире. Влад. губ. ведомости, 1896, № 39. — Моск. ведомости, 1896, № 232. — В. И-в [Илларионов, т. е. В. Т. Георгиевский]. Археологическая находка во Владимире. Моск. ведомости, 1898, № 248. — Влад. губ. ведомости, 1898, № 39. — Влад. епарх. ведомости, 1898, № 20, стр. 649—651. (Ценные украшения древних одежд XII — XIII вв.). — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. XI, в. 1—2, СПб., 1899, нов. сер., стр. 217. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 74, 75, табл. XX, XXI.

169. В 1851 г. в семи верстах от г. Суздаля Владимирской губ., близ д. Исады на р. Нерли, во время раскопок гр. А. С. Уварова, в кургане под дерном был найден клад, состоявший из следующих вещей:

1) Медальоны серебряные с чернью — 6: два больших, два средних и два малых; на одном большом в центре орнаментальной фигуры с пальметками — крест (Гущин, табл. XXV, *6*); на одном малом — поясное изображение юного мученика (там же, табл. XXV, 5); на остальных четырех — процветший крест. (Там же, табл. XXV, *1—4*).

2) Бусы серебряные, овальные, большие — 12, с концами, обмотанными сканью; из них две поменьше с зерневыми треугольниками, остальные десять с напаянными овальными колпачками. В одной из бусин сохранился остаток шнура. (Там же, табл. XXV).

Клад поступил в Московскую Оружейную Палату, а в 1863 г. был передан в Исторический музей в Москве.

Московская Оружейная Палата, 2-е изд., М., 1860, стр. 267. — А. С. Уваров. Суздальское оплечье. Древности МАО, т. V, в. 1, М., 1885, стр. 1—18, табл. II. — Московский публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей. б) Древности русские. М., 1902, стр. 82, № 1801. — Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 46. — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 76, 77, табл. XXV.

170. В 1906 г. осенью в Твери, между Волгой и Тмакою, близ полотна железной дороги студентом Петербургского университета А. И. Ивановым был найден клад в большом горшке светлокоричневой глины, с клеймом на дне [рис. 2 и 3]. Общий вес клада свыше полутора пудов (24 кг). В состав клада входили:

1) Гривны ~~монетные~~ серебряные — 138,[1] из них:
   а) слитков киевского типа малого веса — 96 (от 154.89 до 167.39 г);
   б) слиток палочный, веса киевской гривны (154.62 г);
   в) слитков киевского типа, тяжелых — 8 (от 191.76 до 215.67 г);
   г) слиток киевского типа в половину веса тяжелой гривны (87.67 г);
   д) слитков новгородского типа, длинных — 12 (от 184.88 до 203.11 г);
   е) слиток палочный в половину веса длинной гривны новгородского типа (96.44 г);
   ж) слитков западно-русского типа (палочных) — 14 (от 89.37 до 110.43 г);
   з) слитков неопределенного веса — 4 (38.80, 53.54, 60.55, 73.17 г);
   и) слиток палочный (подделка; 139 г). (ЗОРСА, т. XI, табл. III; NZ, т. 62 и 64, табл. IV—VII).

2) Колты звездчатые серебряные — пара; на лучах продольные ребрышки из напаянной гладкой проволоки и рюши из плющеной проволоки; на концах пирамидки из литых шариков. (ЗОРСА, т. XI, табл. I, *1*, *2*).

3) Колты звездчатые серебряные — пара; лучи грушевидной формы покрыты зернью, на концах крупные полые шарики. (Там же, табл. I, *10*, *11*).

---

[1] Количество гривен указывается по-разному: NZ — 138 экз., ЗОРСА — 137 экз., Ильин — 139 экз.

4) Наруч серебряный, изображения в два яруса на черневом фоне; в нижнем — в четырех узких прямоугольных клеймах растительный орнамент и плетенка; в верхних четырех, почти квадратных, слева направо: львица; два животных, стоящих по сторонам растения; две птички и две звериные головки под ними по сторонам плетенки; животные. (Там же, табл. II, *1*).
5) Наруч серебряный у́же предыдущего, изображения на черневом фоне в два яруса; каждая створка разделена по вертикали на три части накладными проволочными арочками; на одной створке вверху три человеческие фигуры, на другой — заставка растительного характера, кентавр и зверь. Внизу три растительные и три плетеные заставки. (Там же, табл. II, *2*).
6) Серьги серебряные киевского типа — пара. (Там же, табл. I, *6*, *8*).
7) Цепь серебряная из рубчатых пластинчатых звеньев. Наконечники тисненые, полые в виде звериных головок, со стеклянными глазами и сканной моделировкой морды. Сквозь пасти проходит кольцо. (Там же, табл. II, *3*).
8) Гривны шейные серебряные — 2, витые из трех пар дротов, одна из толстой, другая из тонкой проволоки. (Там же, табл. II, *4*, *5*).
9) Бусы серебряные, большие, овальные — 3, с напаянными колпачками и зерневыми треугольниками; концы обмотаны сканью. (Там же, табл. I, *4*, *5*).
10) Бусы серебряные, овальные — 12, концы обмотаны сканью, на средней части напаяны колечки из плющеной проволоки; на одной, более крупной, колечки соединены наподобие цепочки (ср. бусы Шалаховского клада 1892 г., **49**, Гущин. Памятники..., табл. V, *5*; Тереховского клада 1876 г., **154**, Гущин, табл. XIV, *7* и табл. XV, *8*; Забельского клада, **54**, ОАК за 1913 г., рис. 243; ЗОРСА, т. XI, табл. I, *9*). Из одиннадцати остальных бус одна насажена на проволочное кольцо с грубо закрученными концами. (Там же, табл. I, *3*, *7*).

До 1908 г. клад хранился у отца находчика, председателя Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванова, а в 1908 г. был поднесен последним вел. кн. Константину Константиновичу, передавшему клад в Эрмитаж. 13 мая 1930 г. клад был передан в Гос. Русский музей в Ленинграде. Весной 1937 г. в секторе Археологической технологии ИИМК АН СССР сотрудником П. А. Смеловым был реставрирован горшок клада на основании небольшого количества фрагментов его стенок и дна.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1908 г., № 103. — Правительственный вестник, 30 ноября 1908 г., № 261. — Журналы заседаний Тверск. уч. арх. комиссии, № 105, 9 XII 1908, стр. 2 и 23—26; № 107, 13 VIII 1909, стр. 2 и 30. — [Е. А. Рыдзевская], Тверской клад 1906 г. ЗОРСА, т. XI, Пгр., 1915, стр. 9—21, табл. I—III. — С. И. Чижов. Неприуроченная монета удельного периода. Нумизматический сборник, т. I, М., 1911, стр. 350. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слигков. 1921, стр. 47—49, № 206. — NZ, т. 62, 1929, стр. 105, 118, 119, №№ 62, 102, 104, 107; т. 64, 1931, стр. 63, 78, 86, №№ 110, 166, 187, табл. IV—VII (слитки датированы XII—XIV вв.).

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

171. В 1927 г. при рытье песка на ветке Балтийской железной дороги, проходящей близ д. Мужищево Ржевского у. Тверской губ., на небольшой глубине рабочим Иваном Сусловым был найден клад в восковом горшке, разошедшийся по рукам. По словам рабочих, в горшке находилось около 150 предметов, но только 9 из них, находившиеся у Ивана Суслова, сохранились. Среди них были:

1) Браслет бронзовый из одной вчетверо сложенной и свитой проволоки. На одном конце две петли, на другом — одна петля и два свободных конца проволоки. [Табл. LXII, *1*].
2) Браслет медный, витой из шести проволок. На концах петли и свободные концы проволоки. [Табл. LXII, *3*].
3) Браслет серебряный, витой из шести проволок. На каждом конце по две петли и по свободному концу проволоки. [Табл. LXII, *6*].
4) Браслет бронзовый в трех фрагментах (разрублен топором в момент находки), свитый из двух проволок; концы не сохранились. [Табл. LXII, *7*].
5) Браслет бронзовый пластинчатый, расширяющийся к середине, концы загнуты крючком; орнаментирован гравированными пунктирными линиями и пунсонными колечками. [Табл. LXII, *2*].
6) Перстень бронзовый витой. [Табл. LXII, *4*].
7) Подвески серебряные типа коньковых — 6, полые, с двумя разведенными в стороны головами животных (кони?). Внизу на цепочках шесть привесок в виде колокольчиков (повидимому, сохранились только три подвески). [Табл. LXII, *5*].

За указание на находку клада и разрешение публиковать рисунки приношу глубокую благодарность П. Н. Шульцу.

172. В 1893 г. близ с. Дягунино Зубцовского у. Тверской губ., в 34 верстах от г. Зубцова, на берегу Волги был выпахан клад, помещавшийся в тонкостенном медном совершенно окислившемся котелке, покрытом железной выпуклой сковородкой. В состав клада входили:

1) Гривны монетные серебряные киевского типа — 3; вес гривен около 195 г каждая.
2) Гривна шейная, серебряная, свитая из трех утолщающихся к середине дротов. Наконечники стинчатые, закрученные на концах в трубочки.
3) Кольцо-ожерелье серебряное — 46 серебряных бус, нанизанных на толстую проволоку на расстоянии около 1 см друг от друга. Промежутки между бусами обмотаны тонкой проволокой. Бусы гладкие, спаянные каждая из двух полушарий, диам. около 1 см, внутри глинистая масса с желтым воском.
4) Бусы серебряные — 36 целых и много ломаных. Бусы гладкие, спаянные каждая из двух полушарий, диам. ок. 1.5 см, внутри глинистая масса с желтым воском.
5) Браслеты серебряные витые — 2, с орнаментированными наконечниками.
6) Перстень, сплетенный из серебряной проволоки.
7) Перстни серебряные, витые из проволоки — 2.
8) Кольца ромбощитковые серебряные — 5 или 6 целых и много фрагментов; диам. колец около 11 см; у одних концы завязаны, у других — свободны; на каждом кольце по пяти ромбических расширений, орнаментированных крестообразным рисунком из точек и колечек.
9) Пуговицы бронзовые полушарообразные — 2 (диам. $^1/_2$ вершк.), с узором, состоящим вверху из розетки, а по бокам из завитков; ушки отломаны крестьянином, нашедшим клад.
10) Наконечник серебряный узорчатый в виде четырехгранной полой призмы, открытой с одного конца. Выс. 3.5 см, шир. 1 см.
11) Пластинки серебряные неизвестного назначения; размеры большей: 2.2 × 1.1 см.

Клад был приобретен Тверским музеем.

Обозрение раскопок, находок и разные известия. АИЗ, т. I, М., 1893, стр. 446. — Журналы Тверской ученой архивной комиссии, № 45 от 21 января 1894 г., стр. 17. — Тверской музей и его приобретения в 1893 г. Тверь, 1894, стр. 11—13, №№ 58—72. — Обозр. некот. губ. ..., ЗРАО, т. IX, в. 1—2, СПб., 1897, нов. сер., стр. 291. — В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 93. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 47, № 205. — NZ, т. 62, 1929, стр. 108, № 86.

173. Около 1892—1893 гг. на городище близ м. Романово Горецкого у. Могилевской губ. был найден клад, состоявший из следующих вещей:

1) Наруч серебряный, на створках изображения в один ярус: гравированные с чернью птицы под арочками, по две на каждой створке. (Кондаков, рис. 219).
2) Серьги серебряные киевского типа — 2.

Клад поступил в Исторический музей в Москве.

Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и проч в России и за границей. АИЗ, т. I, М., 1893, стр. 172, примечание. — Российский Исторический музей. Указатель памятников. 2-е изд., М., 1893, стр. 590, дополнение. — Н. П. Кондаков. Р. др., в. V. 1897, стр. 158, рис. 219.

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

174. В 1892 г. (1890 г. ? 1894 г. ?) близ д. Сельцы Старорусского у. Новгородской губ., недалеко от д. Яблоново, на правом берегу ручья крестьянкой был найден клад, в состав которого входили следующие вещи:

1) Гривна монетная серебряная новгородского типа — фрагмент. (Гущин, табл. XV, *17*).
2) Медальоны серебряные с позолотой, круглые — 5, с гравированными изображениями процветшего креста. (Там же, табл. XXXIV, *11*, *12*, *14*).
3) Бусы серебряные с позолотой, продолговатые, тисненые — 4, концы гладкие, средняя часть тисненая в елочку. (Там же, табл. XXXIV, *8*, *9*, *10*).
4) Сетки серебряные из цепочек и бляшек — 2. (Там же, табл. XV, *7* и рис. 25 на стр. 69).
5) Перстни серебряные витые — 2; половина кольца витая из трех пар дротов с перевитью. (Там же, табл. XV, *2* и *3*).
6) Бляшки серебряные позолоченные — 4 (повидимому, от сеток, § 4).

Клад хранится в Новгородском музее.

Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1 (АК), 1894 г., № 218, фотогр. — В. Ласковский и Н. Лашков. Краткое описание Новгородского музея. Новгород, 1893, стр. 56, рис. — А. Иванов. Сообщение о курганах около дер. Яблоново Старорусского у. Мануйл. вол. Сборник Новг. общ. любителей древности, в. VI, 1912, окт., стр. 31. — Н. П. Кондаков. Р. кл. 1896, стр. 156,

— Обозр. некот. губ. . . ., ЗРАО, т. IX, в. 1—2, СПб., 1897, нов. сер., стр. 247. — А. А. Ильин. Топогр. кладов... слитков. 1921, стр. 38, № 157. — NZ, т. 64, 1931, стр. 74, № 165 (слиток предположительно датируется XIV—началом XV в.). — А. С. Гущин. Памятники... 1936, стр. 69, 82, 83, табл. XV и XXXIV, рис. 25 на стр. 69.

175. В 1914 г. в Исторический музей в Москве из Вятской губернии был доставлен клад (?), в состав которого входили:

1) Колт звездчатый серебряный с грушевидными лучами, покрытыми зернью; сильно поломан, двух лучей нехватает целиком, третьего — частично, шарики на концах отсутствуют.

2) Серьга трехбусинная серебряная с ажурными бусами; сохранилась только одна бусина.

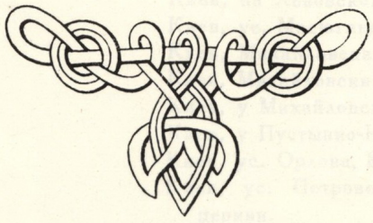
3) Перстень серебряный с чернью.

Клад был приобретен в ГИМ на средства И. Е. Забелина.

Отчет РИМ за 1914 г., М., 1916, стр. 10.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ КЛАДОВ

Баскач Тульской губ., **7.**
Бегень Волынской губ., **42.**
Белогостицкий монастырь Ярославской губ., **63.**
Белый Омут Рязанской губ., **27.**
Большая Хайча Волынской губ., **31.**
Большевик, колхоз Калужской обл., **37.**
Боровская Петербургской губ., **58.**
Борщевка Волынской губ., **17.**
Бужиски Гродненской губ., **43.**
Буянцы Петербургской губ., **57.**
Васильков Киевской губ., **134.**
Васьково Псковской губ., **50.**
Великоселецкое Полтавской губ., **38.**
Вербов Львовской обл., **143.**
Витебская губ., **47.**
Владимир, Ветшаной город, **166, 167.**
Владимир, Печерний город, **168.**
Войтовцы Полтавской губ., **145.**
Высоцкое Волынской губ., **142.**
Вятская губ., **175.**
Глубоцкое Могилевской губ., **36.**
Гнездово Смоленской губ., **23, 24, 25, 26.**
Горки Петербургской губ., **11.**
Городок Волынской губ., **141.**
Гущино Черниговской губ., **21.**
Девичья Гора Киевской губ., **125, 126.**
Демшина Псковской губ., **51.**
Денис Полтавской губ., **18.**
Дягунино Тверской губ., **172.**
Железницы Рязанской губ., **8.**
Забельская Петербургской губ., **54.**
Залесье Подольской губ., **144.**
Збранка Волынской губ., **140.**
Ивахники Полтавской губ., **2.**
Исады Владимирской губ., **169.**
Исковщина, предместье Канева Киевской губ., **33.**
Каменный Брод Киевской губ., **138.**
Канищево Рязанской губ., **28.**
Кашира Тульской губ., **5.**
Киев, ус. Августиновича, **95.**
Киев, ус. Анненкова, **65.**
Киев, „Боричев взвоз", **107.**
Киев, ус. Бродского, **30.**
Киев, угол Владимирской Малой и Сретенской улиц, **94.**
Киев, ус. Гирича, **84.**
Киев, ус. Гребеновского, **99.**
Киев, ус. Гребеня, **92.**
Киев, ус. Десятинной церкви, **66—77.**
Киев, Десятинный переулок, **78.**
Киев, ус. Есикорского, **98.**
Киев, ул. Жертв Революции, **109**; см. Киев, Трехсвятительская ул.
Киев, Житомирская Большая ул., **90** и **91.**
Киев, у Житомирской Малой ул., **88.**
Киев, у Иорданской церкви, **14.**
Киев, ус. Климовича, **76, 77.**
Киев, у дома Кушинова, **90.**
Киев, ус. Лескова, **80.**
Киев, на Львовской площади, **92.**
Киев, ус. Масютина, **79.**
Киев, Михайловская Гора, **29, 110.**
Киев, Михайловский монастырь, **102, 103, 104, 105, 106.**
Киев, у Михайловского монастыря, **107.**
Киев, у Пустынно-Никольского монастыря, **12.**
Киев, ус. Орлова, **85.**
Киев, ус. Петровского, **67, 68**; см. Киев, ус. Десятинной церкви.
Киев, у б. Присутственных мест, **87.**
Киев, ус. Раковского, **97.**
Киев, ус. Реального училища, **89.**
Киев, ус. Сикорского, **13.**
Киев, у Скорбященской церкви, **93.**
Киев, ус. Софийского собора, **86.**
Киев, угол Сретенской и Владимирской Малой улиц, **94.**
Киев, „Старый город", **111.**
Киев, Стрелецкая ул., **100** и **101.**
Киев, ус. Терещенко(?), **100.**
Киев, Трехсвятительская ул., **83, 84, 85, 108, 109.**
Киев, ус. Трубецкого (Трубецкой), **81, 82** и **83.**
Киев, ус. Чайковского, **96.**
Киково Волынской губ., **40.**
Ключники Киевской губ., **131.**
Княжа Гора Киевской губ., **113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124.**
Козлин Волынской губ., **41.**
Копиевка Винницкого округа Киевской обл., **16.**
Коробкино Курской губ., **20.**
Коростово Рязанской губ., **64.**
Кресты Тульской губ., **157.**
Крыжово Псковской губ., **52.**
Курская губ., им. Терещенко, **159.**
Кутукова Старорязанского стана, **161.**
Ладога Старая Петроградской губ., **60.**
Лапотково Тульской губ., **6.**
Лески Орловской губ., **153.**
Лодейное Поле Ленинградской обл., **62.**
Луппа, река Смоленской губ., **44.**
Льгов Черниговской губ., **151.**
Льговка Калужской обл., **37.**

Мартыновка Киевской губ., **129.**
Мироновский фольварк Киевской губ., **32.**
Мирополь Житомирской обл. **137.**
Мишнево Калужской губ., **4.**
Мужищево Тверской губ., **171.**
Мышеловка Киевской губ., **136.**
Низовка Черниговской губ., **152.**
Обухов Киевской губ., **135.**
Озера Олонецкой губ., **61.**
Ольховец Киевской губ., **133.**
Переяслав Полтавской губ., **39, 146.**
Пивцы Киевской губ., **130.**
Пилява Киевской губ., **34.**
Пискова Калужской губ., **156.**
Пишки Киевской губ., **132.**
Покровское Тульской губ., **6.**
Полоцк Витебской губ., **48.**
Полтава, **1.**
Псковщина, см. Исковщина.
Путивльский у. Курской губ., **159.**
Путилово Ленинградской губ., **59.**
Романово Могилевской губ., **173.**
Сахновка Киевской губ., **127.**
Святое Озеро, уроч. Черниговской губ., **152.**
Сельцы Новгородской губ., **174.**
Скадино Ленинградской обл., **53.**
Скляровщина, уроч. Полтавской губ., **2.**
Смоленск, **22.**
Собачьи Горбы Новгородской губ., **55.**
Спанка Петербургской губ., **56.**
Старая Буда Киевской губ., **112.**
Старая Ладога Петроградской губ., **60.**
Старая Рязань Рязанской губ., **162, 163, 164, 165.**
Стариково Курской губ., **158.**
Стражевич Могилевской губ., **45, 46.**
Струпово, уроч. Могилевской губ., **36.**
Суходрево Могилевской губ., **3.**
Тверь, **170.**
Терехово Орловской губ., **154.**
Терно, уроч. Волынской губ., **40.**
Угодичи Ярославской губ., **9.**
Узьмина Петербургской губ., **10.**
Чернигов, Александрова площадь, **149.**
Чернигов, близ Елецкого монастыря, **35, 148.**
Чернигов, ус. пансиона, **147.**
Чернигов, Спасский собор, **150.**
Чернобыль Киевской губ., **139.**
Черныши Киевской губ., **128.**
Чувардино Орловской губ., **160.**
Шалахова Витебской губ., **49.**
Шмарово Калужской губ., **155.**
Шпаньково Петербургской губ., **56.**
Шпилевка Харьковской губ., **19.**
Юрковцы Киевской губ., **15.**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ	— Археологические известия и заметки.
АК	— Археологическая комиссия.
АЛЮР	— Археологическая летопись южной России.
АО	— Археологическое общество.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей в Москве.
Гущин А. С. Памятники...	— А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936.
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАО	— Записки Археологического общества.
ЗНО РАО	— Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИАО	— Известия Археологического общества.
ИИМК АН СССР	— Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР.
Ильин А. А. Топогр. кладов... монет	— А. А. Ильин. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924.
Ильин А. А. Топогр. кладов ... слитков	— А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пгр., 1921.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИОНЛ	— Историческое общество Нестора летописца.
ИРАИМК	— Известия Российской [Академии истории материальной культуры.
ИРАО	— Известия Русского археологического общества.
КВ... АС	— Каталог выставки III—XIV археологических съездов.
Кондаков Н. П. Виз. эм.	— Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. Собрание А. В. Звенигородского. СПб., 1892.
Кондаков Н. П. Р. др.	— И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб., 1897.
Кондаков Н. П. Р. кл.	— Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I. СПб., 1896.
Кондаков Н. П. Указатель...	— Н. П. Кондаков. Указатель Отделения средних веков имп. Эрмитажа. СПб., 1891.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
Киевск. стар.	— Киевская старина.
МАО	— Московское археологическое общество.
МАР	— Материалы по археологии России.
Марков А. К. Топогр. кладов вост. монет	— А. К. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МОИДР	— Московское общество истории и древностей российских.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
Обозр. некот. губ. ...	— Обозрение некоторых губерний и областей в археологическом отношении.
ОИДР	— Общество истории и древностей российских, учрежденное при Московском университете.
ОРСА	— Отделение русской и славянской археологии Русского общества.

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры.

РАО — Русское археологическое общество.

РИМ — Российский Исторический музей в Москве.

Рыбаков Б. А. Ремесло... — Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948.

СА — Советская археология.

Сообщения — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.

ТМНО — Труды Московского нумизматического общества.

Тр. ... АС — Труды I—XV археологических съездов.

Фасмер Р. Р. Список монетных находок... — Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг., ч. I. Сообщения ГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 287—308; ч. II, там же, т. II, Л., 1929, стр. 281—324.

Ханенко. Др. Пр. — Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья.

Ханенко. Др. р. — Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские.

Черепнин А. И. Значение кладов... — А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892.

Черепнин А. И. О гривенной системе... — А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. ТМНО, т. II, М., 1901.

ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.

NZ — Numismatische Zeitschrift.

ZfN — Zeitschrift für Numismatik.

ТАБЛИЦЫ И КАРТЫ

Табл. I. Клад 2, с Ивахники.

Табл. II. *1* — клад 4, с. Мишнево; *2* — клад 9, с. Угодичи.

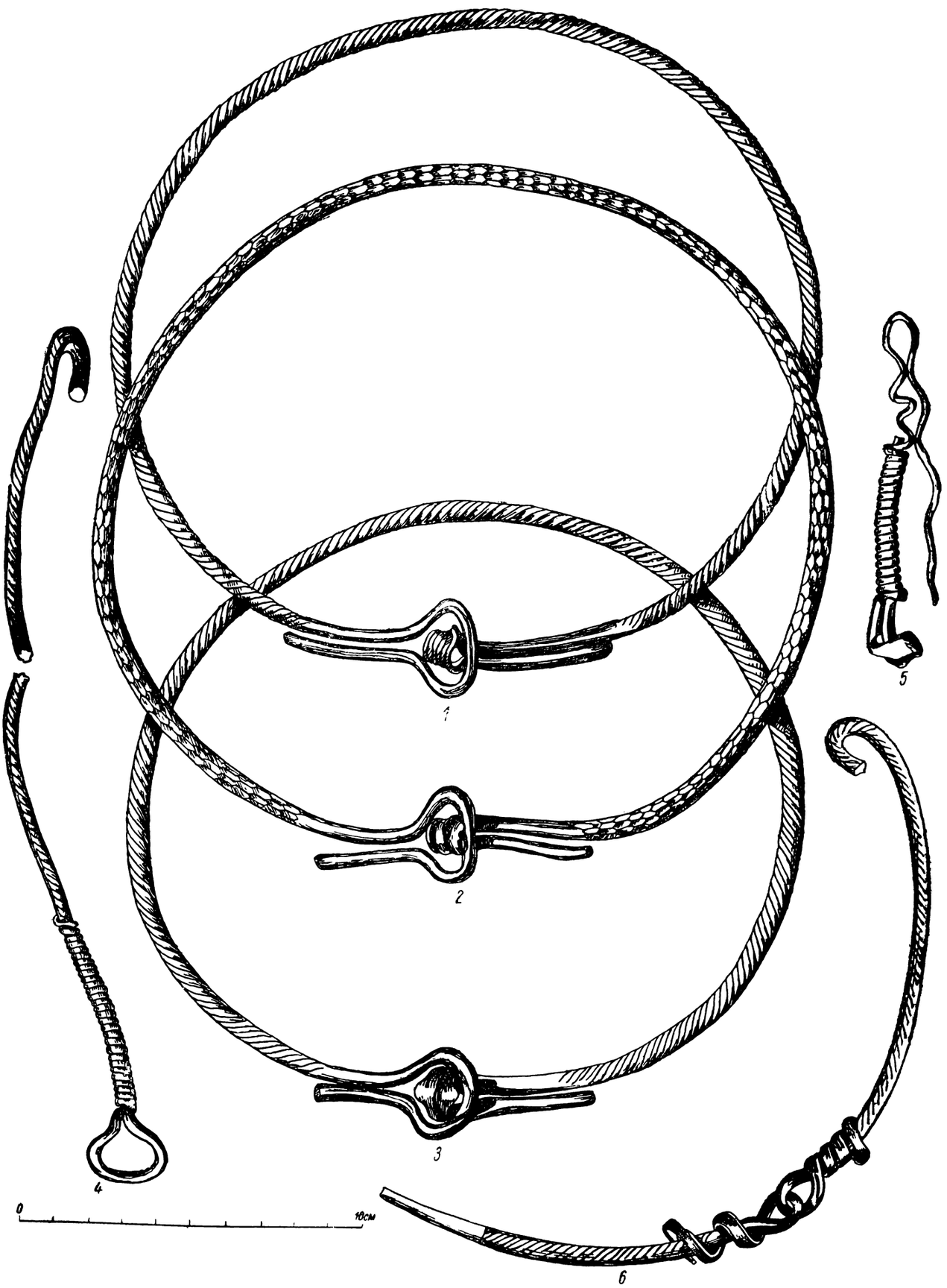

Табл. III. Клад 10, д. Узьмина.

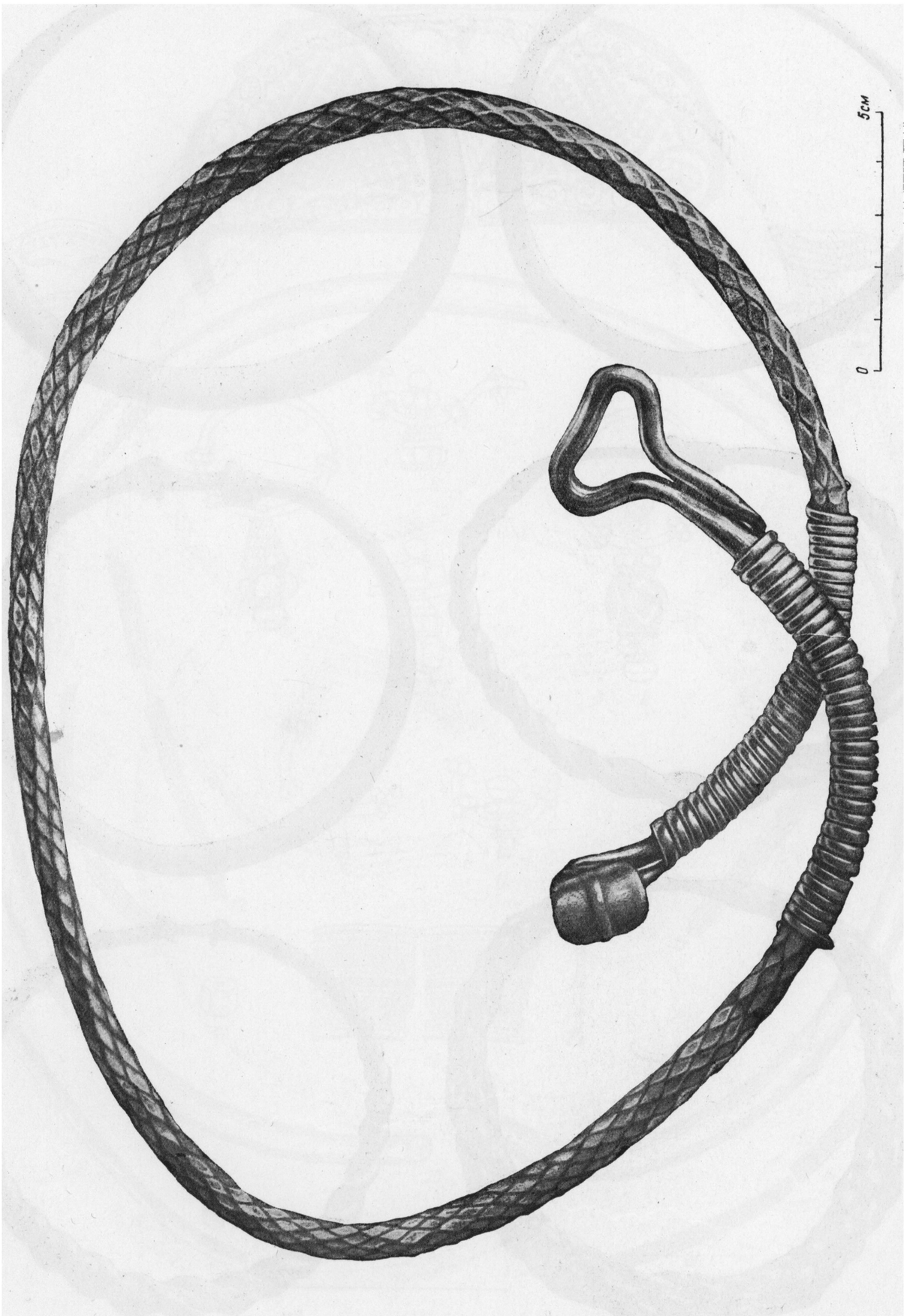

Табл. IV. Клад 11, д. Горки.

Табл. V. Клад **13**. Киев, ус. Сикорского

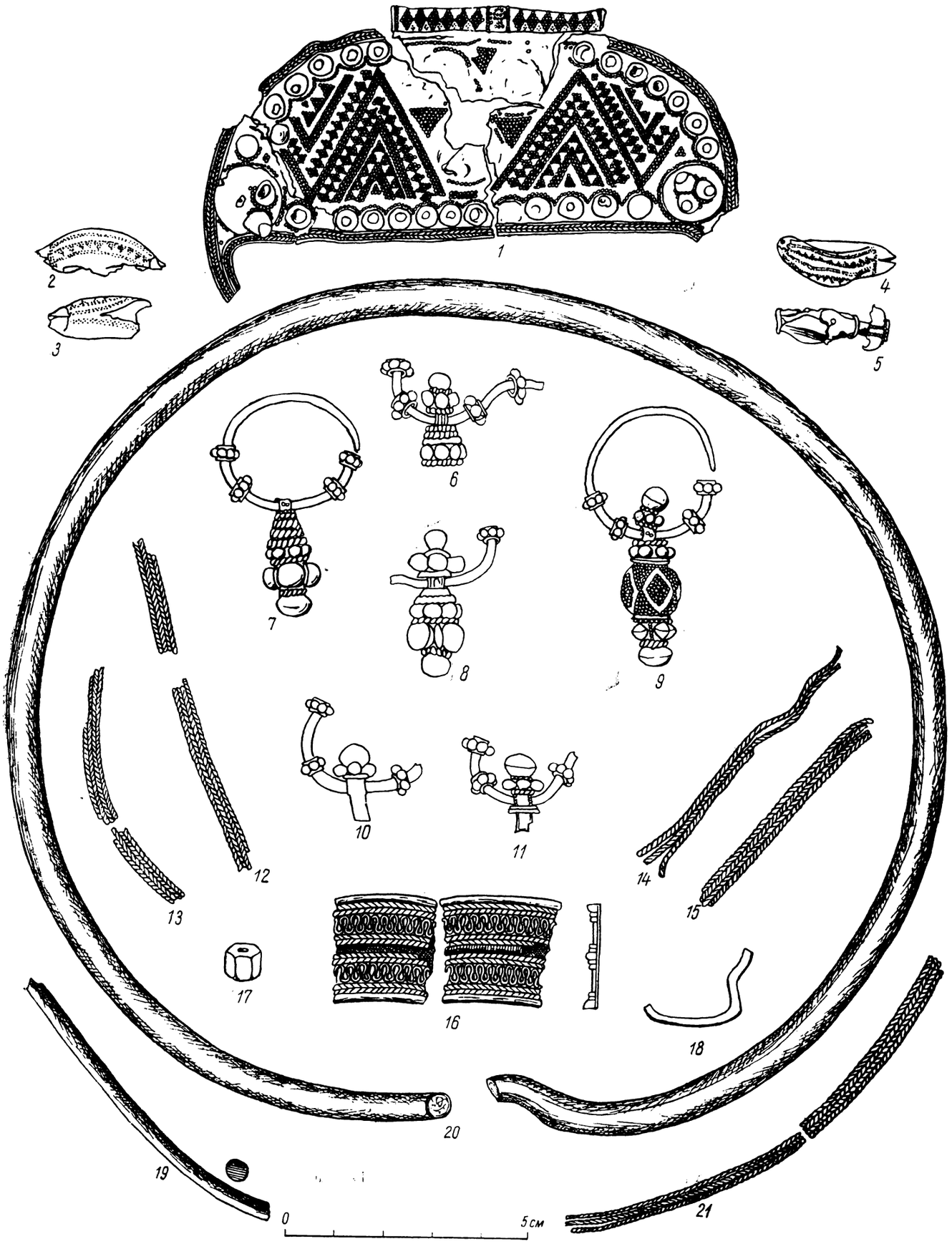

Табл. VI. Клад 15, с. Юрковцы.

Табл. VII. *1—5* — клад **21**, с. Гущино; *6—16* — клад **15**, с. Юрковцы.

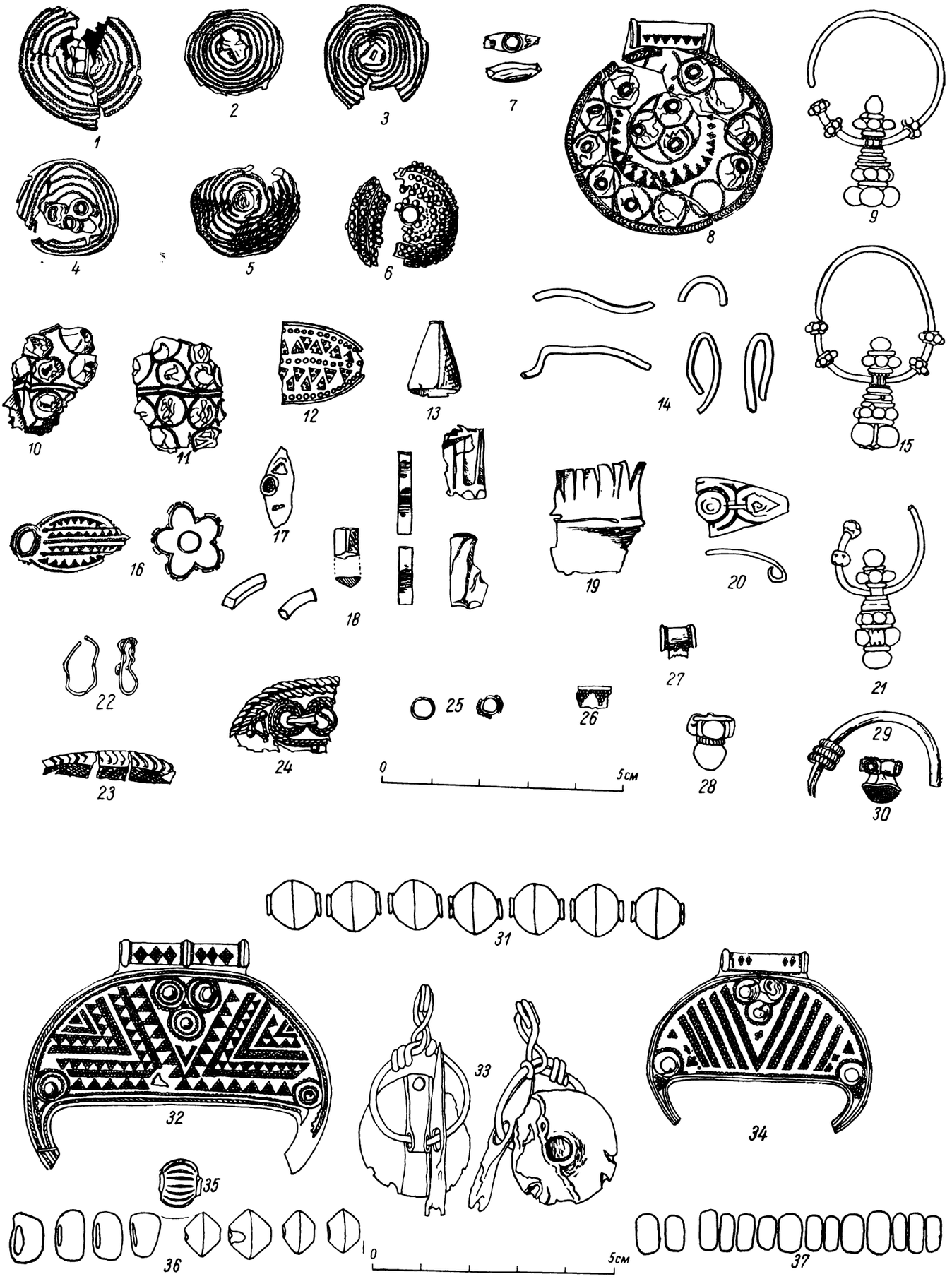

Табл VIII. *1—30* — клад **18,** с. Денис; *31—37* — клад **24,** Гнездово, 1870 г.

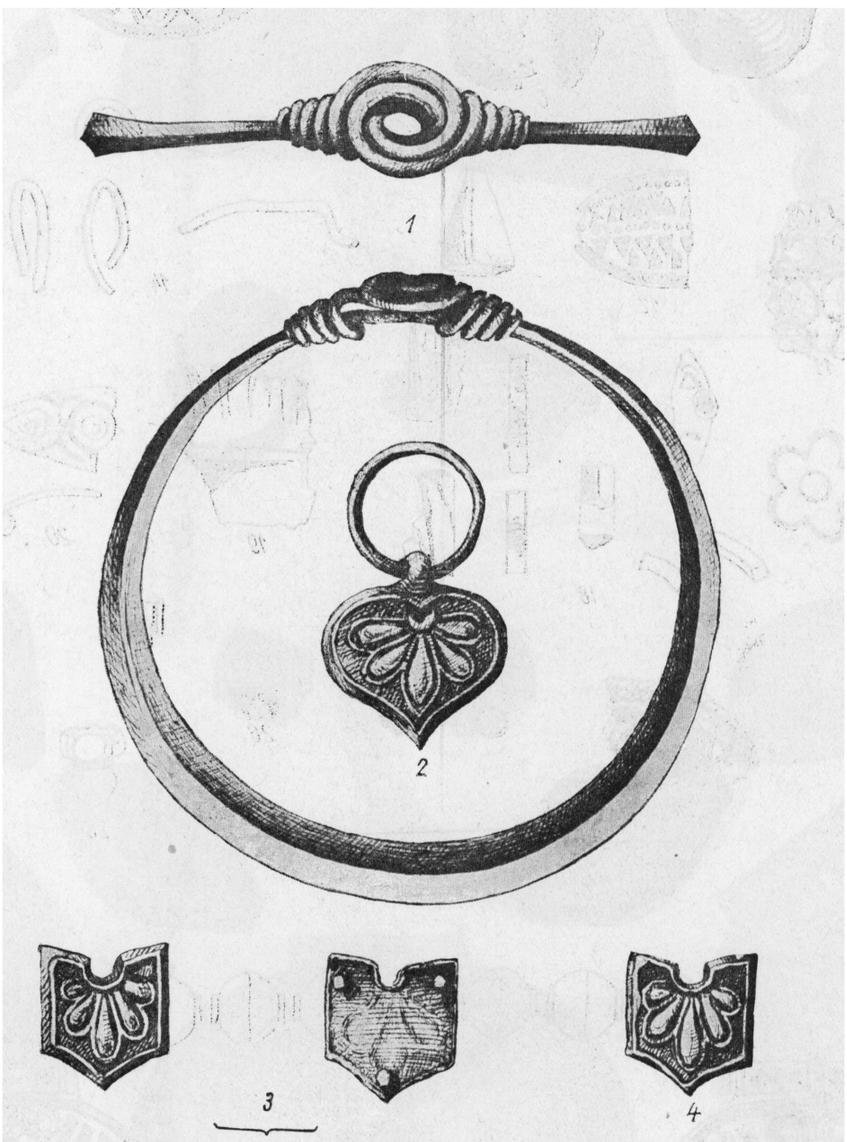

Табл IX. Клад 19, с. Шпилевка.

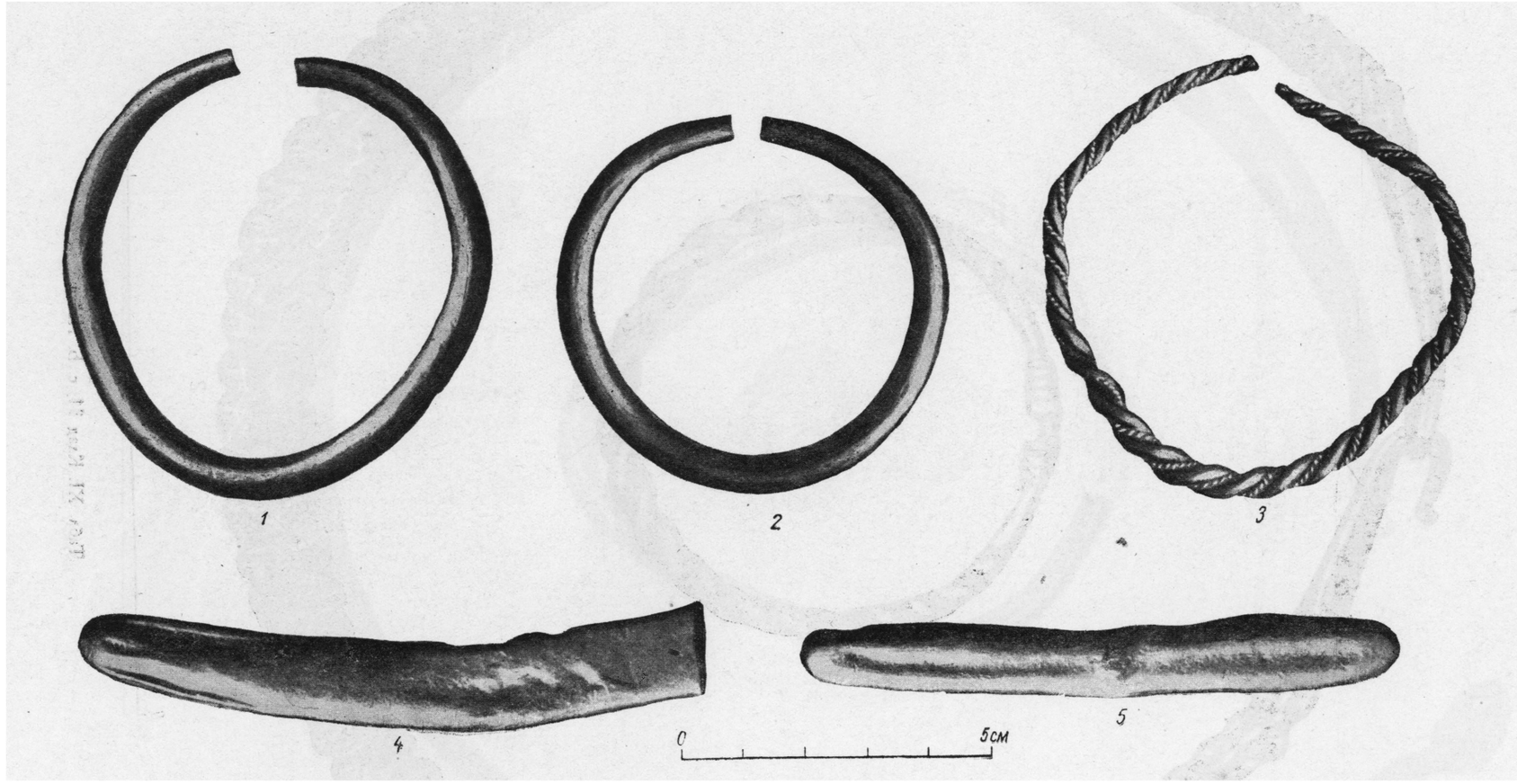

Табл. X. Клад 30, Киев, ус. Бродского.

Табл. XI. Клад 31, с. Б. Хайча.

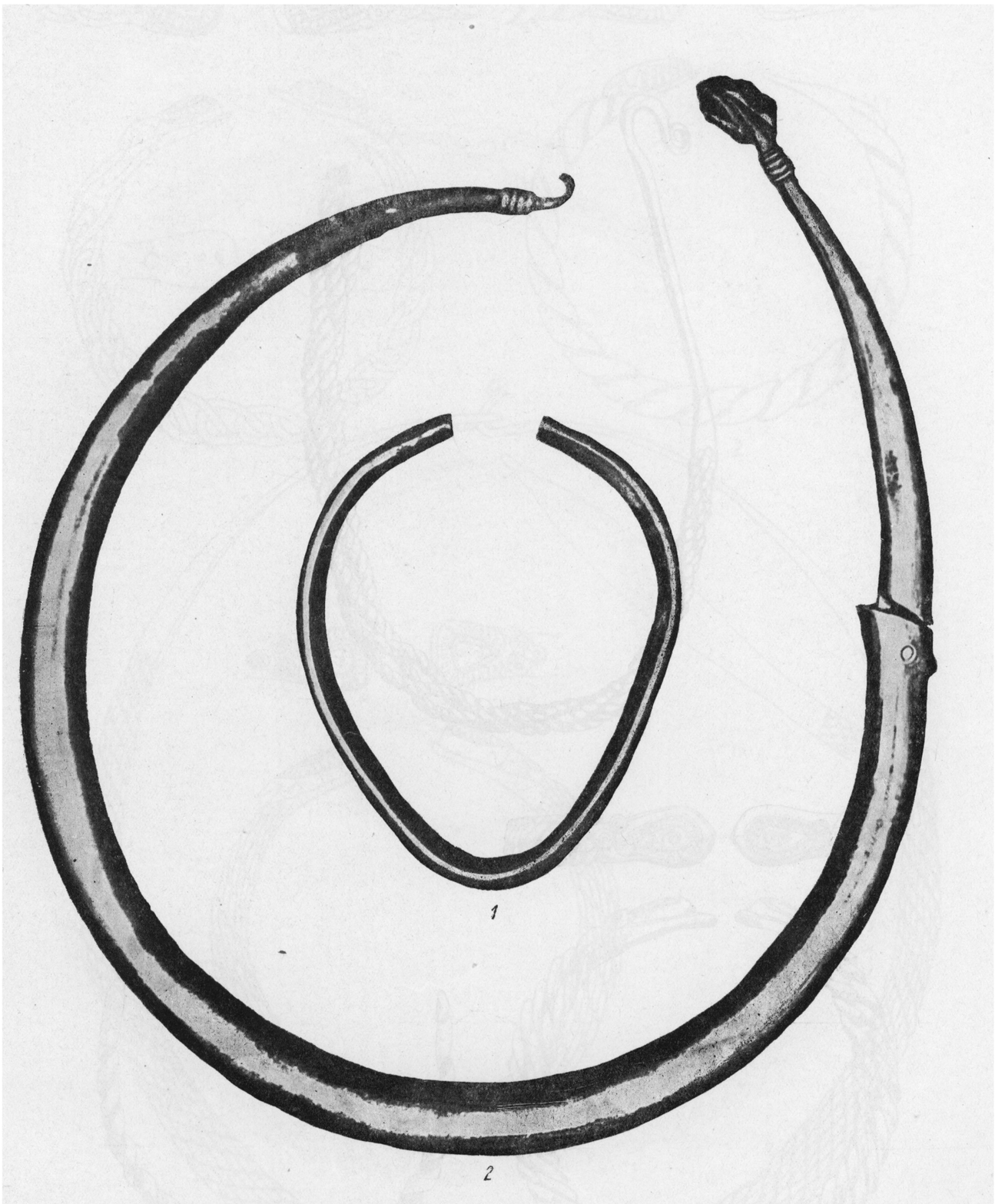

Табл. XII. Клад **31**, с. Б. Хайча.

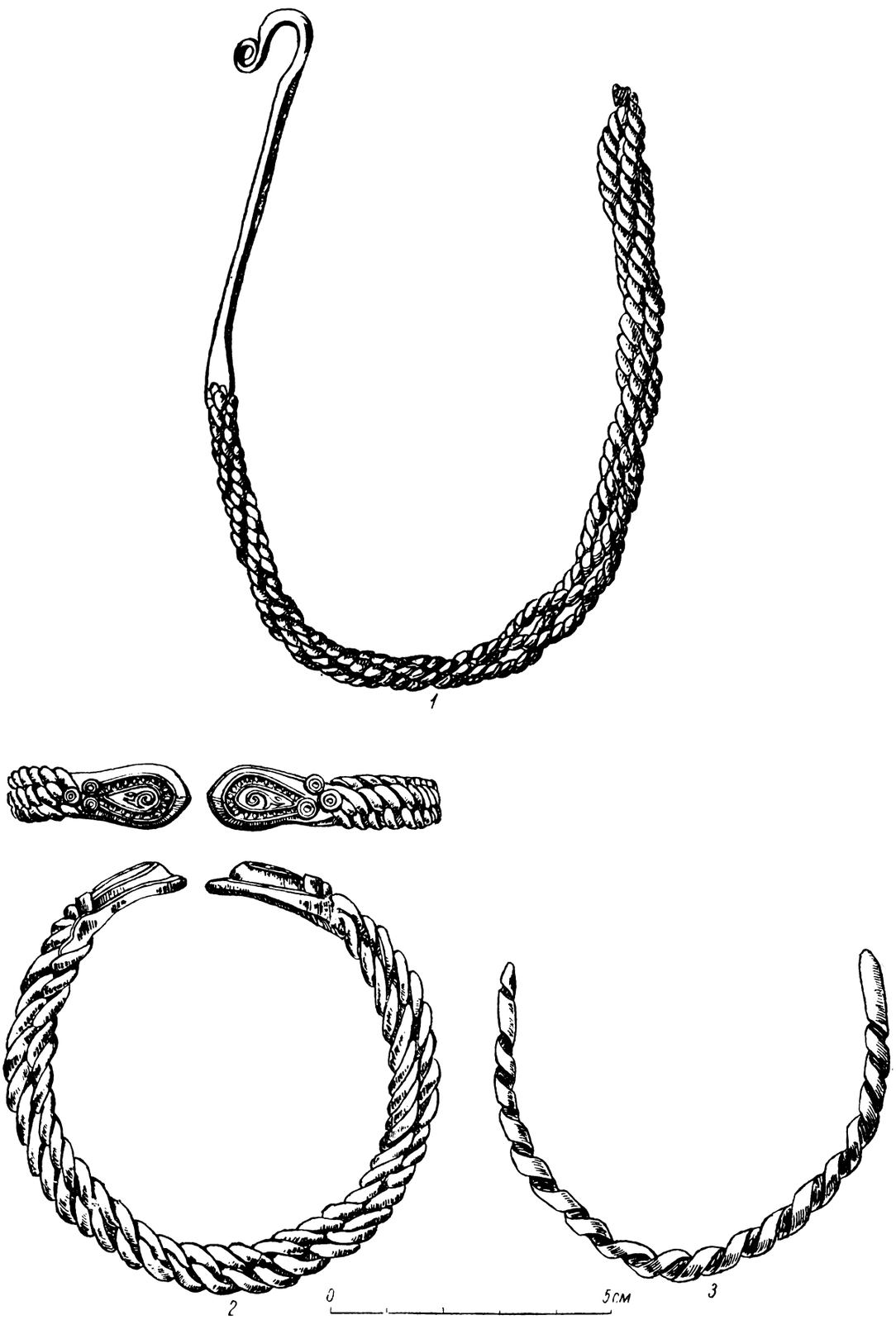

Табл. XIII. *1* — клад **32**, **Мироновский фольварк**; *2—3* — клад **33**, **уроч.** Исковщине близ Канева.

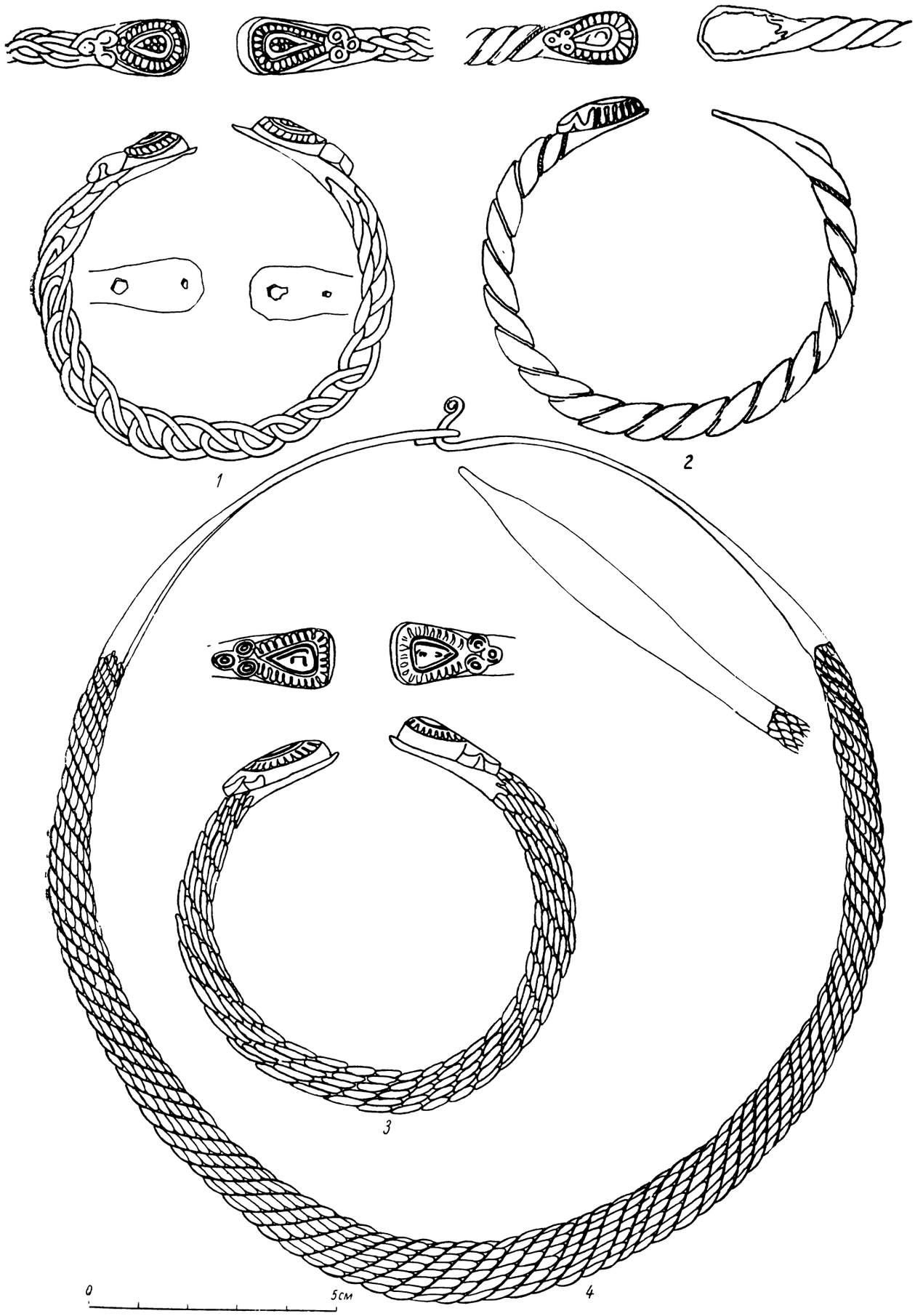

Табл. XIV. Клад 34, с. Пилява.

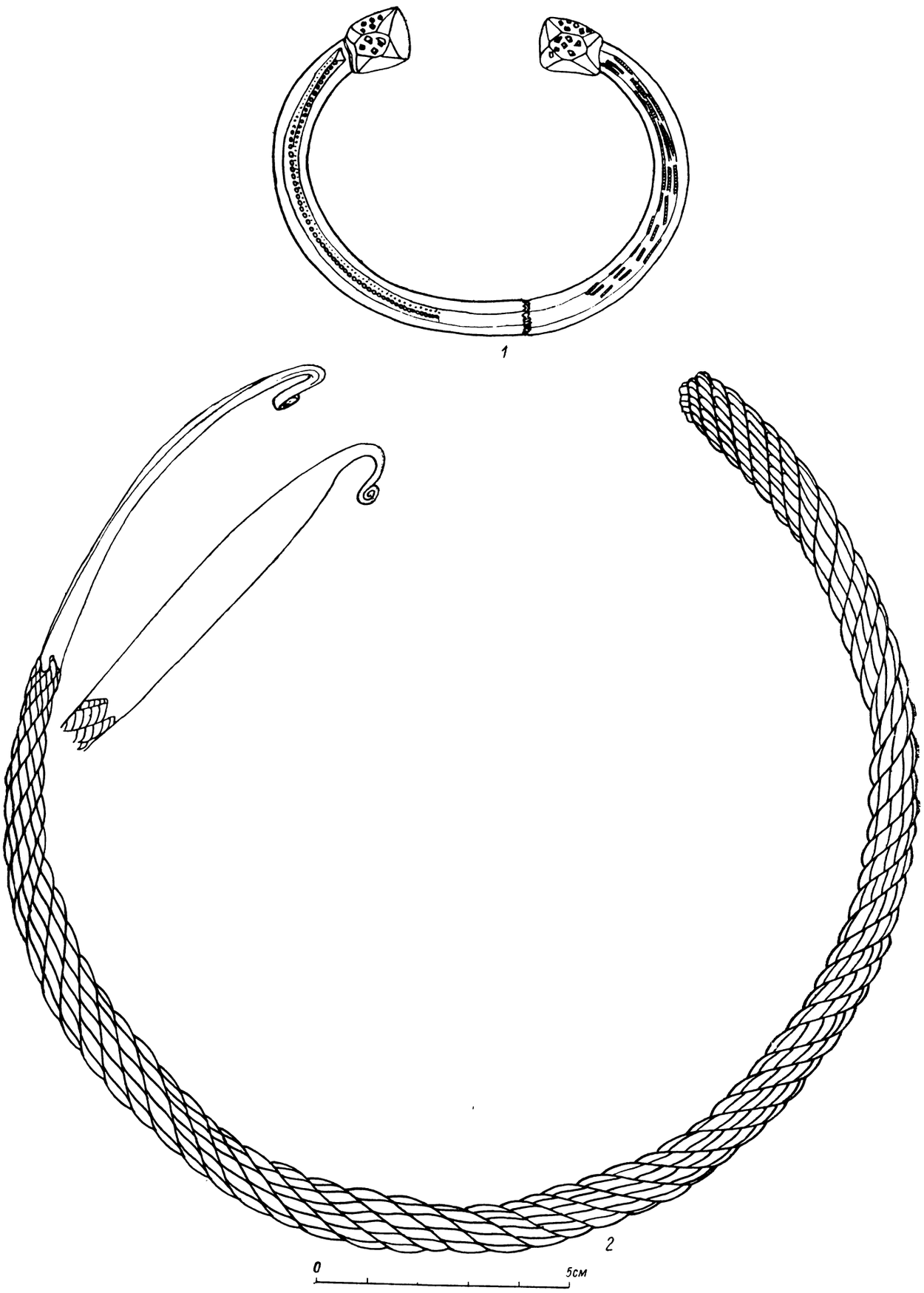

Табл. XV. *1* — клад 36, с. Глубоцкое; *2* — клад 34, с. Пилява.

Табл. XVI. Клад 39, близ Переяслава

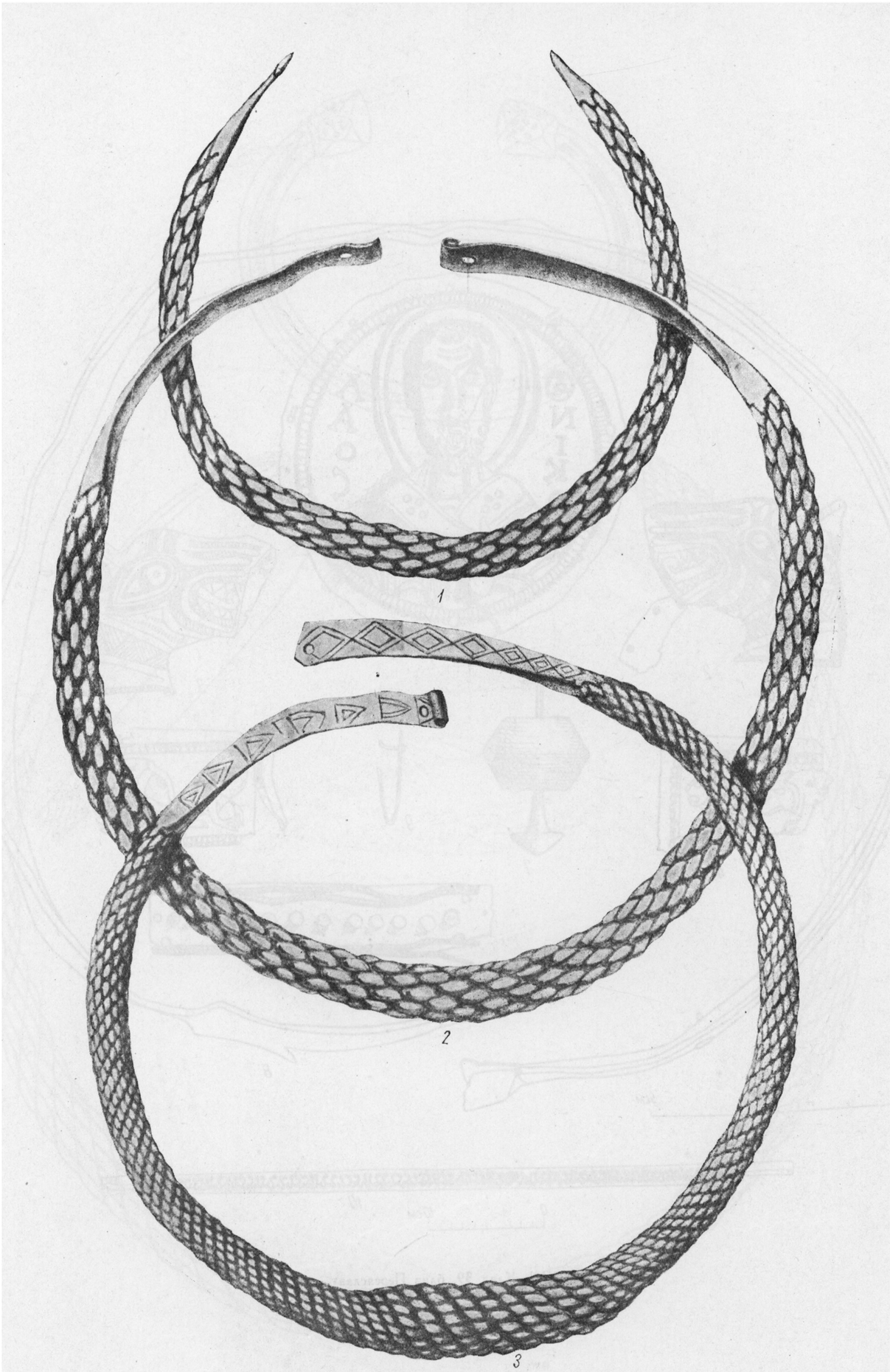

Табл. XVII. Клад **43**, д. Бужиски.

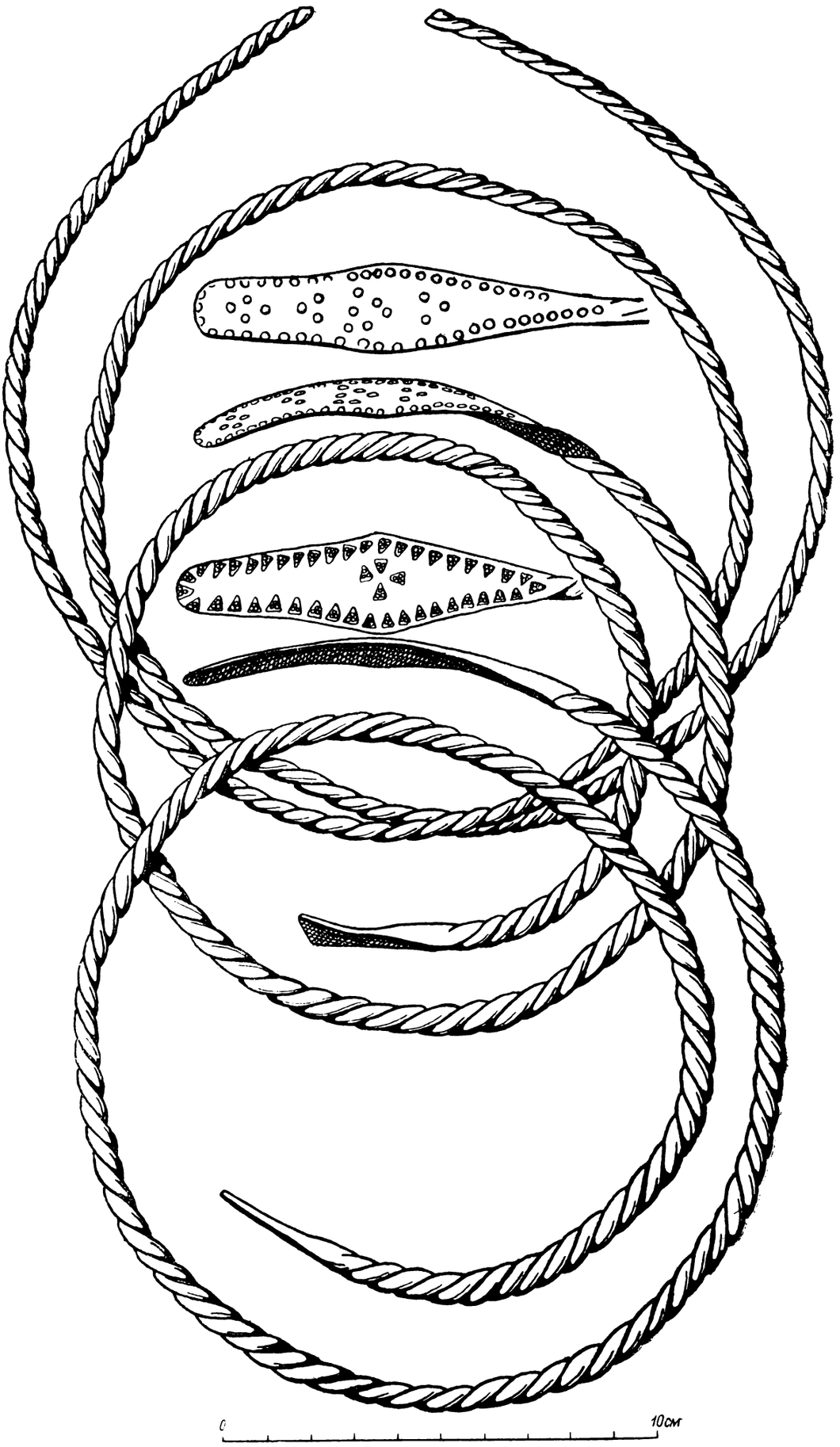

Табл. XVIII. Клад 43, д. Бужиски.

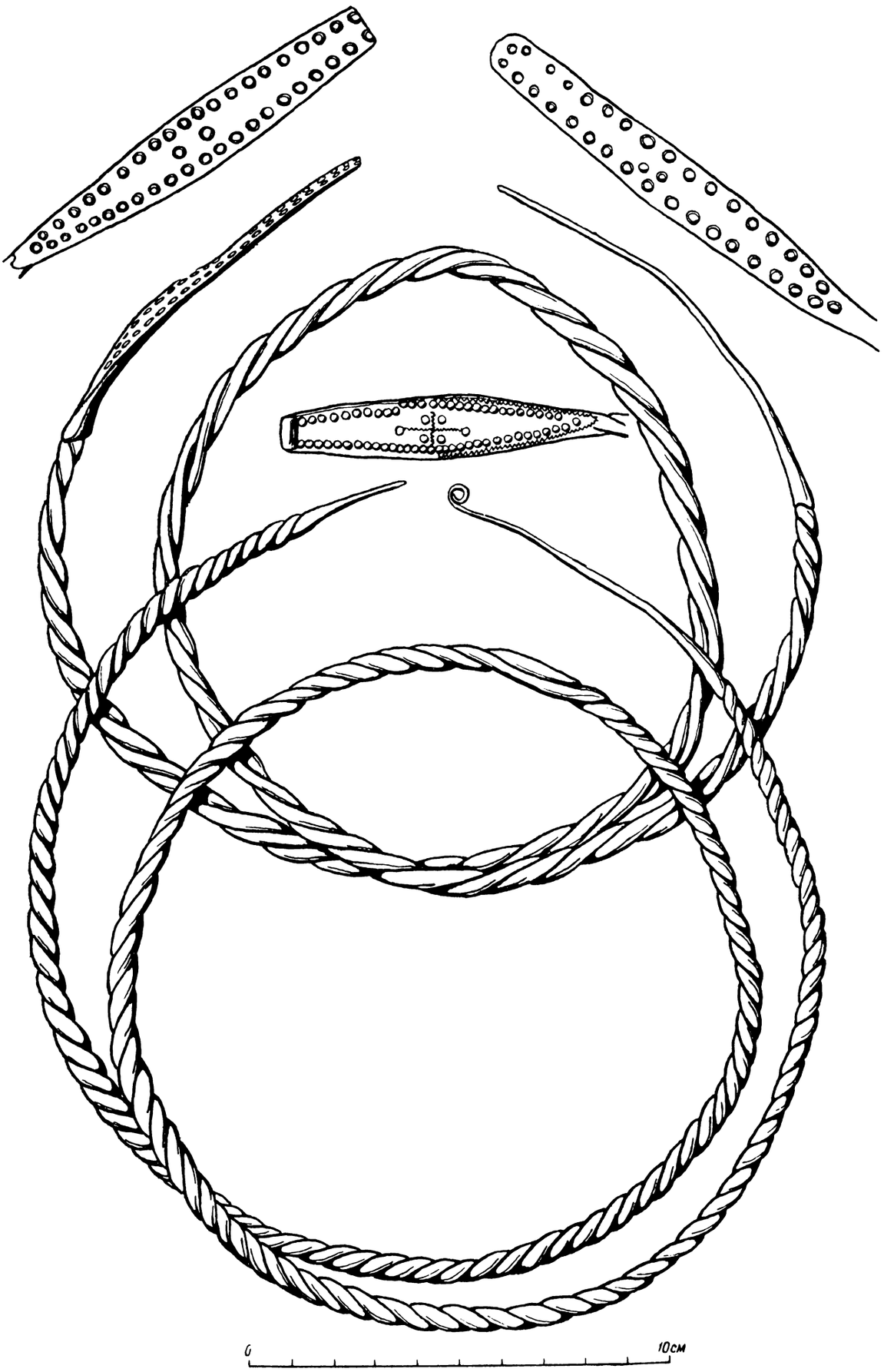

Табл. XIX. Клад 43, д. Бужиски.

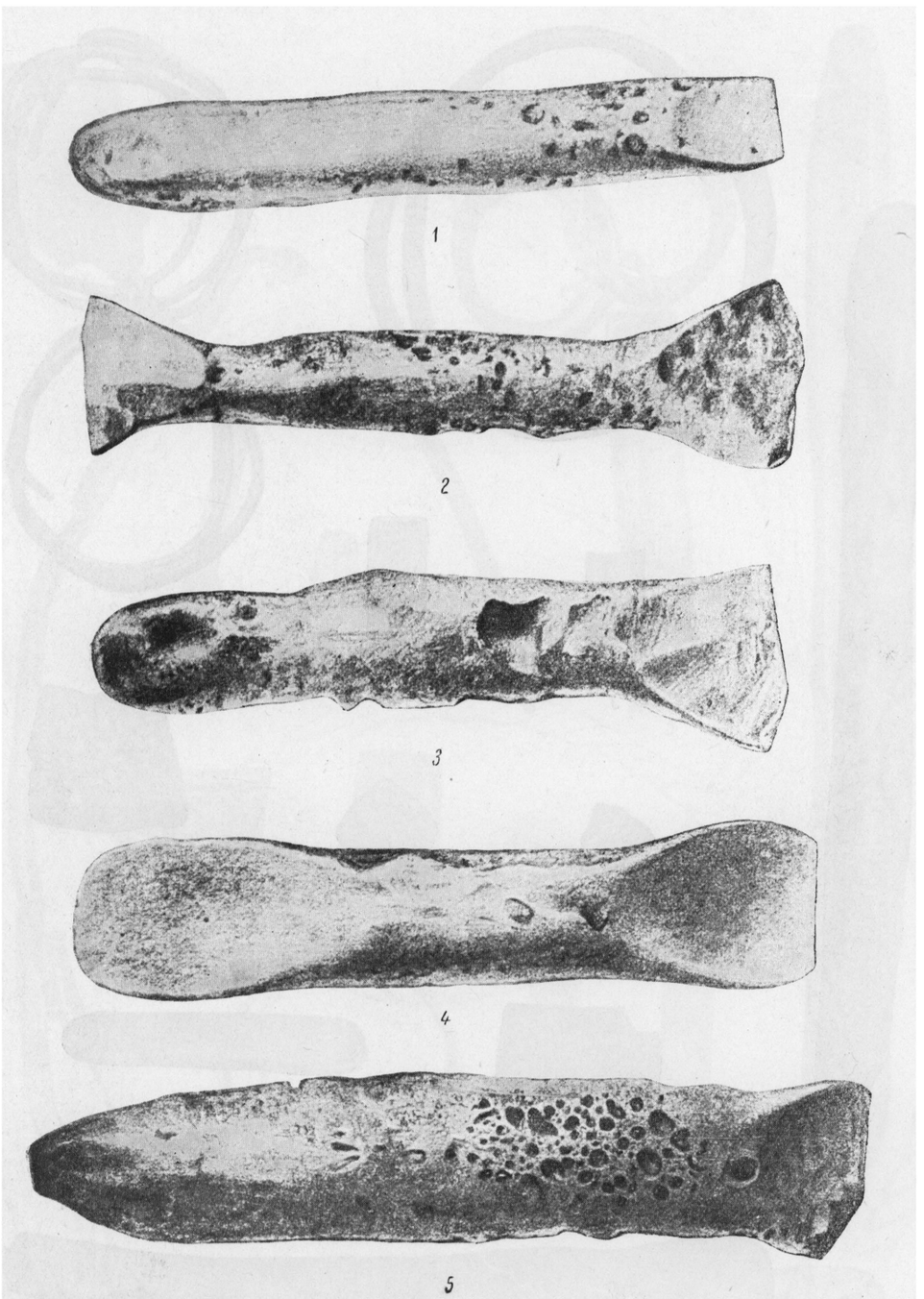
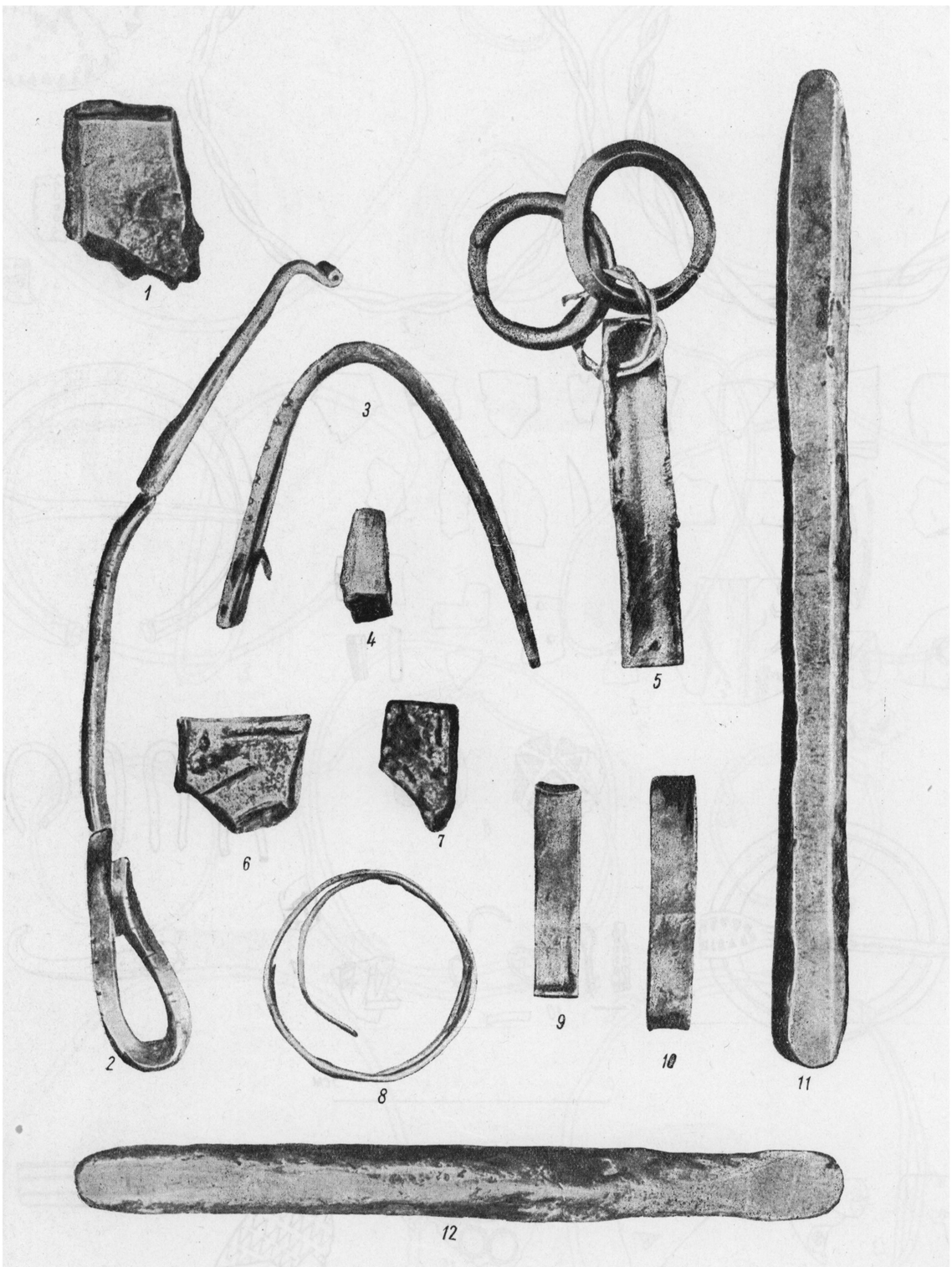

Табл. XX. Клад 43, д. Бужиски.

Табл. XXI. Клад **45**, д. Стражевич, 1898 г.

0 5см

Табл. XXII. Клад 46, д. Стражевич, 1903 г.

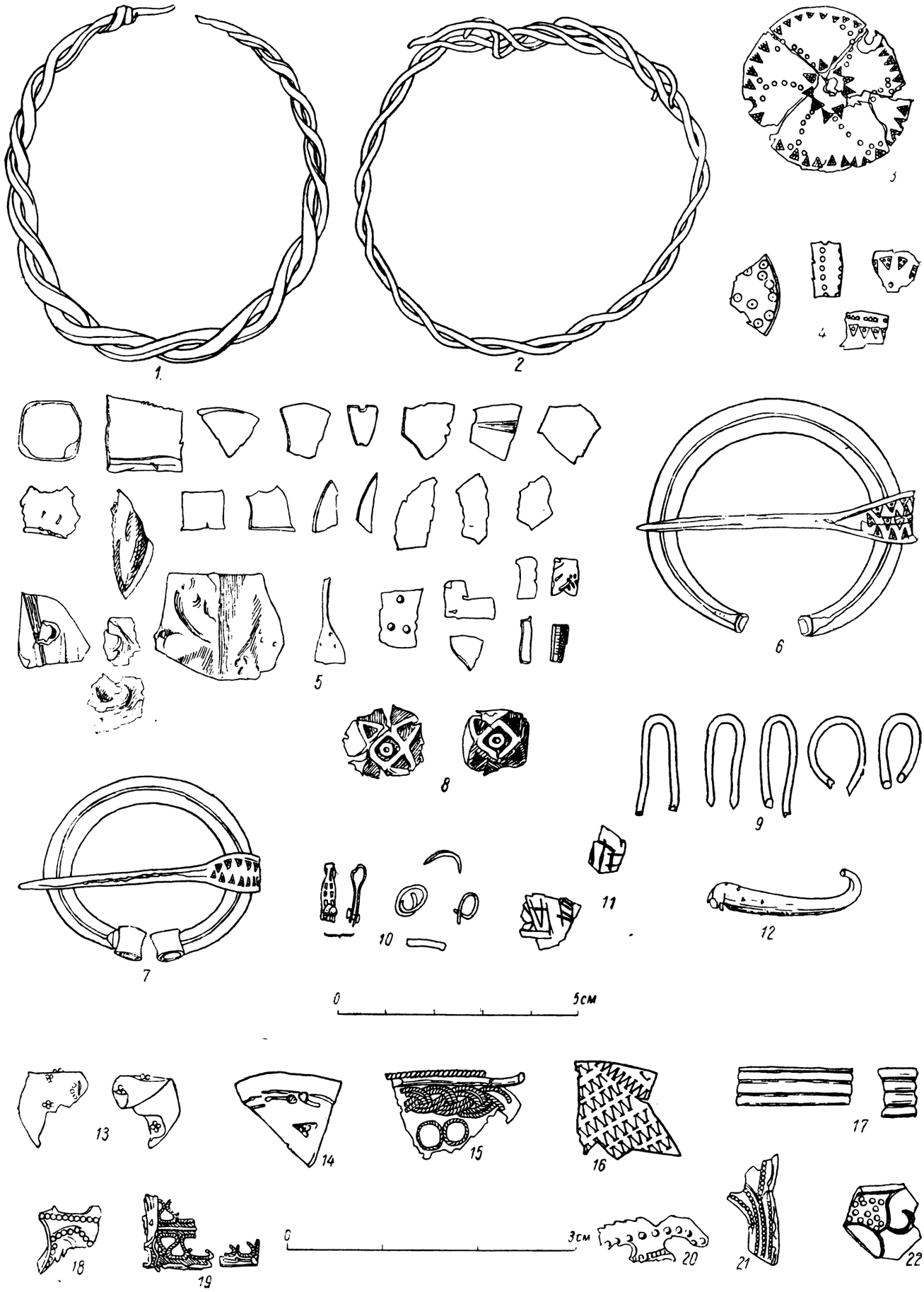

Табл. XXIII. Клад 50, с. Васьково.

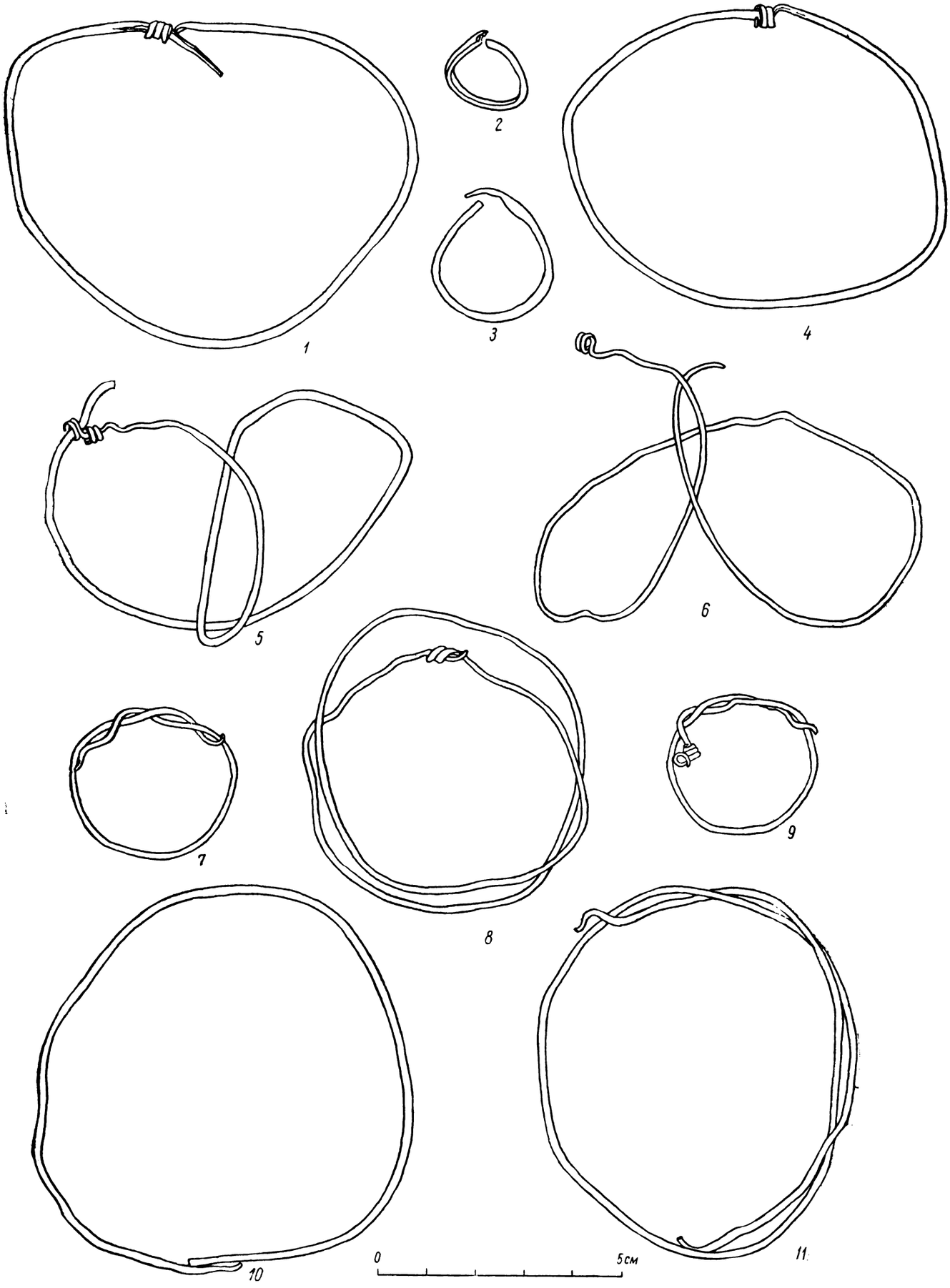

Табл. XXIV. Клад 50, с. Васьково.

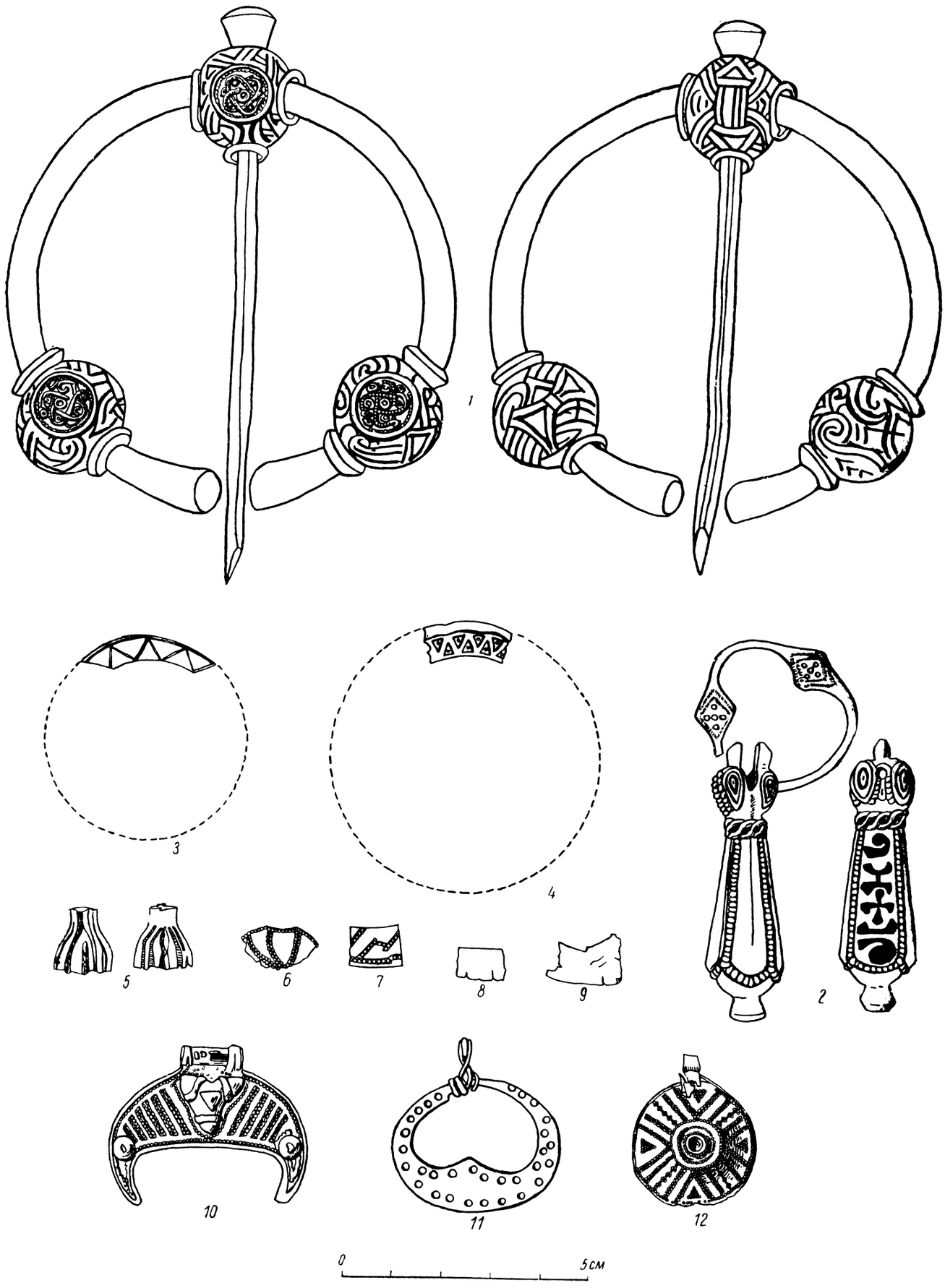

Табл. XXV. *1—2* — клад **51**, д. Демшина; *3—9* — клад **60**, Старая Ладога; *10—12* — клад **53**, с. Скадино.

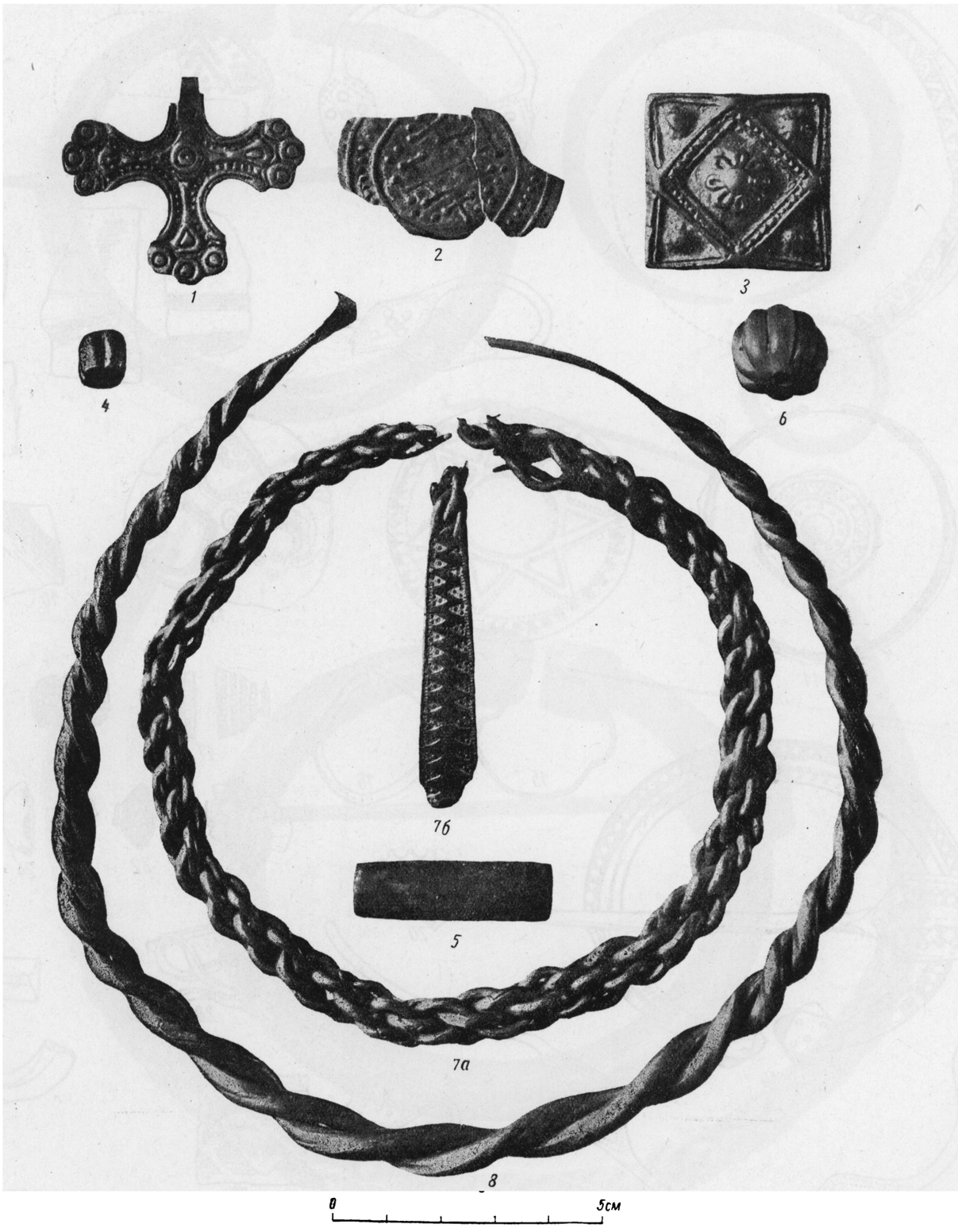

Табл. XXVI. Клад 52, с. Крыжово.

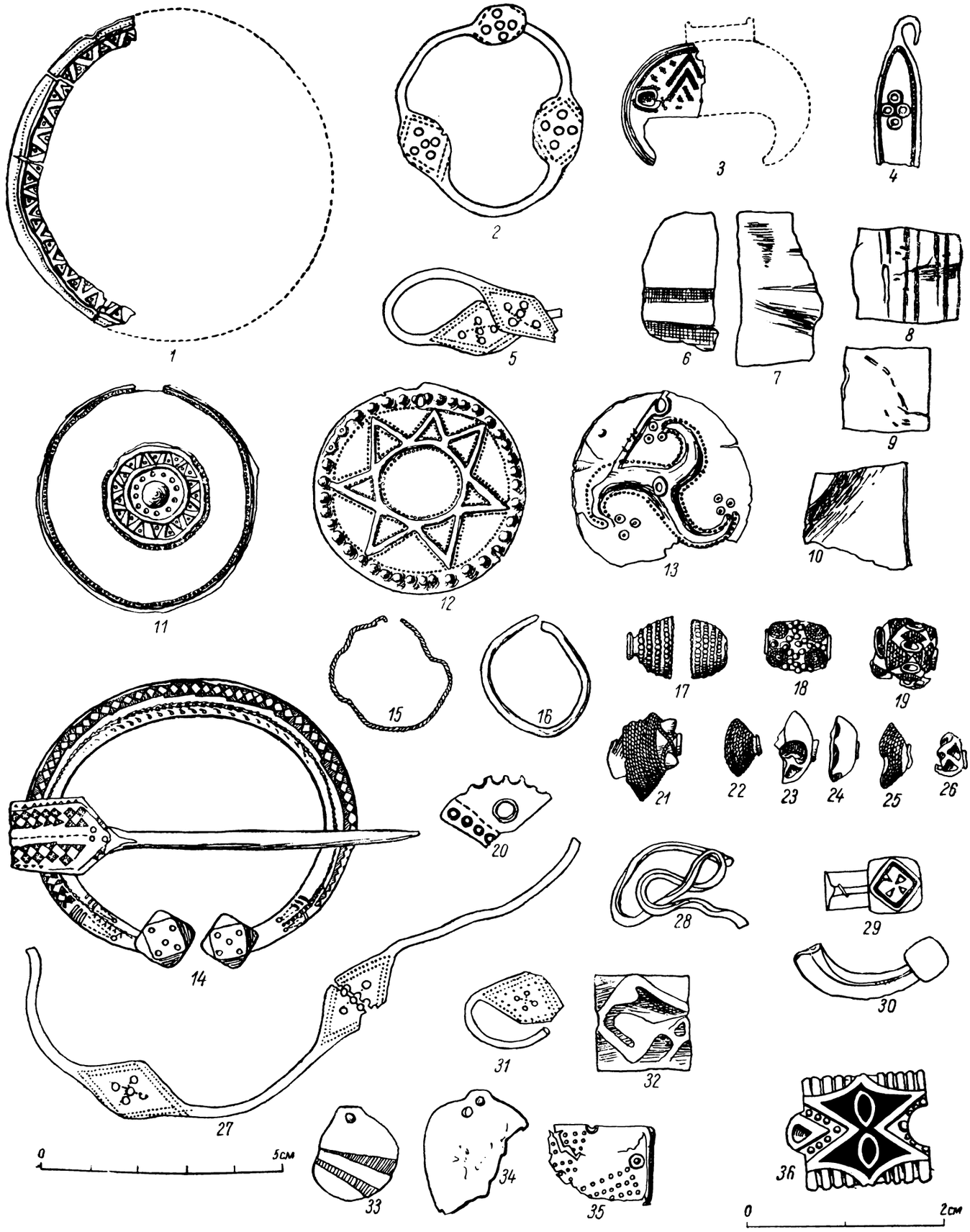

Табл. XXVII. Клад **56,** прих. Спанка.

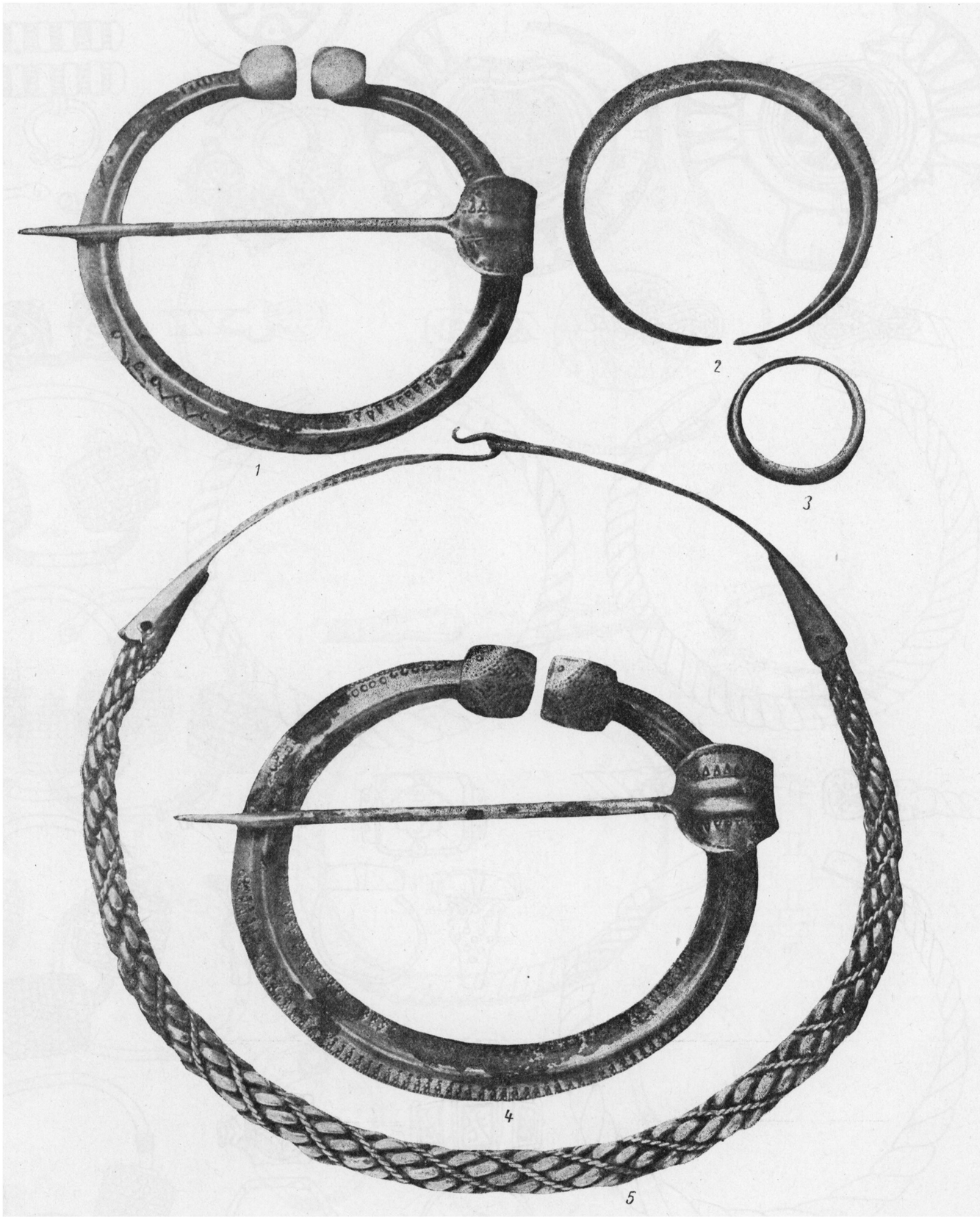

Табл. XXVIII. Клад 59, с. Путилово.

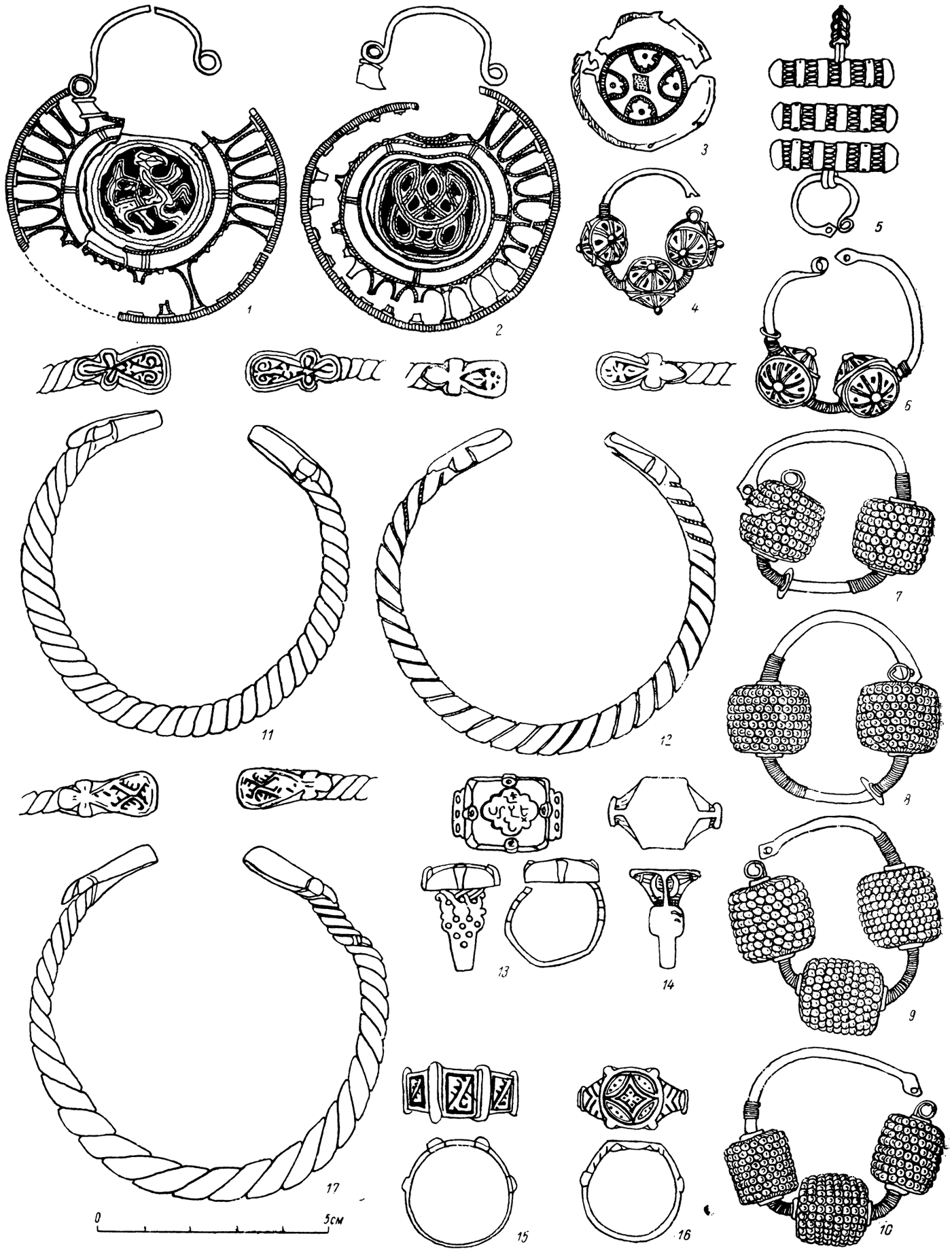

Табл. XXIX. Клад 68, Киев, ус. Десятинной церкви, 1936 г.

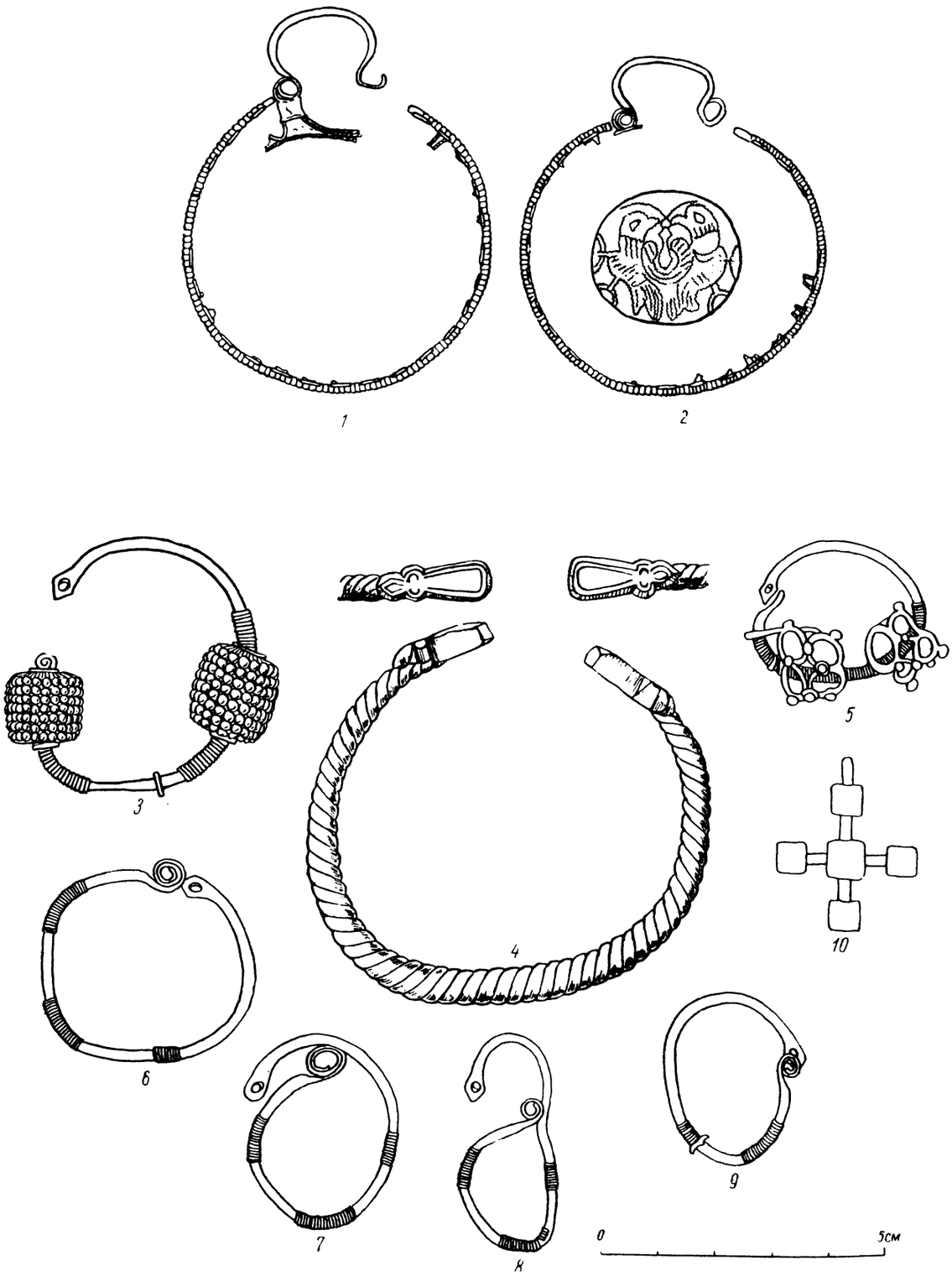

Табл XXX. *1—2* — клад **73**, Киев, ус. Десятинной церкви, 1909 г.; *3—10* — клад **70**, Киев, ус. Десятинной церкви, 1898 г.

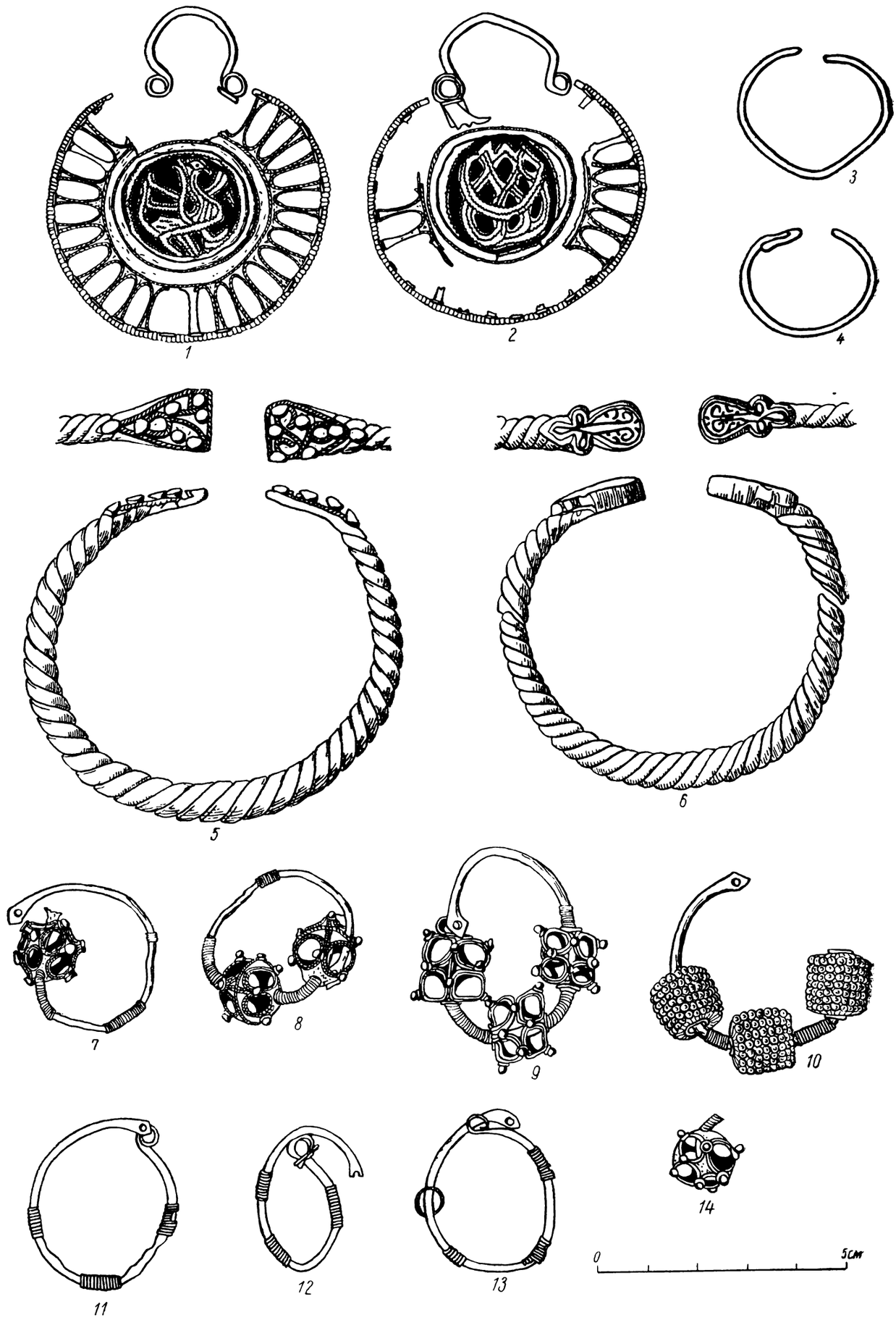

Табл. XXXI. Клад **74**, Киев, ус. Десятинной церкви, 1909 г.

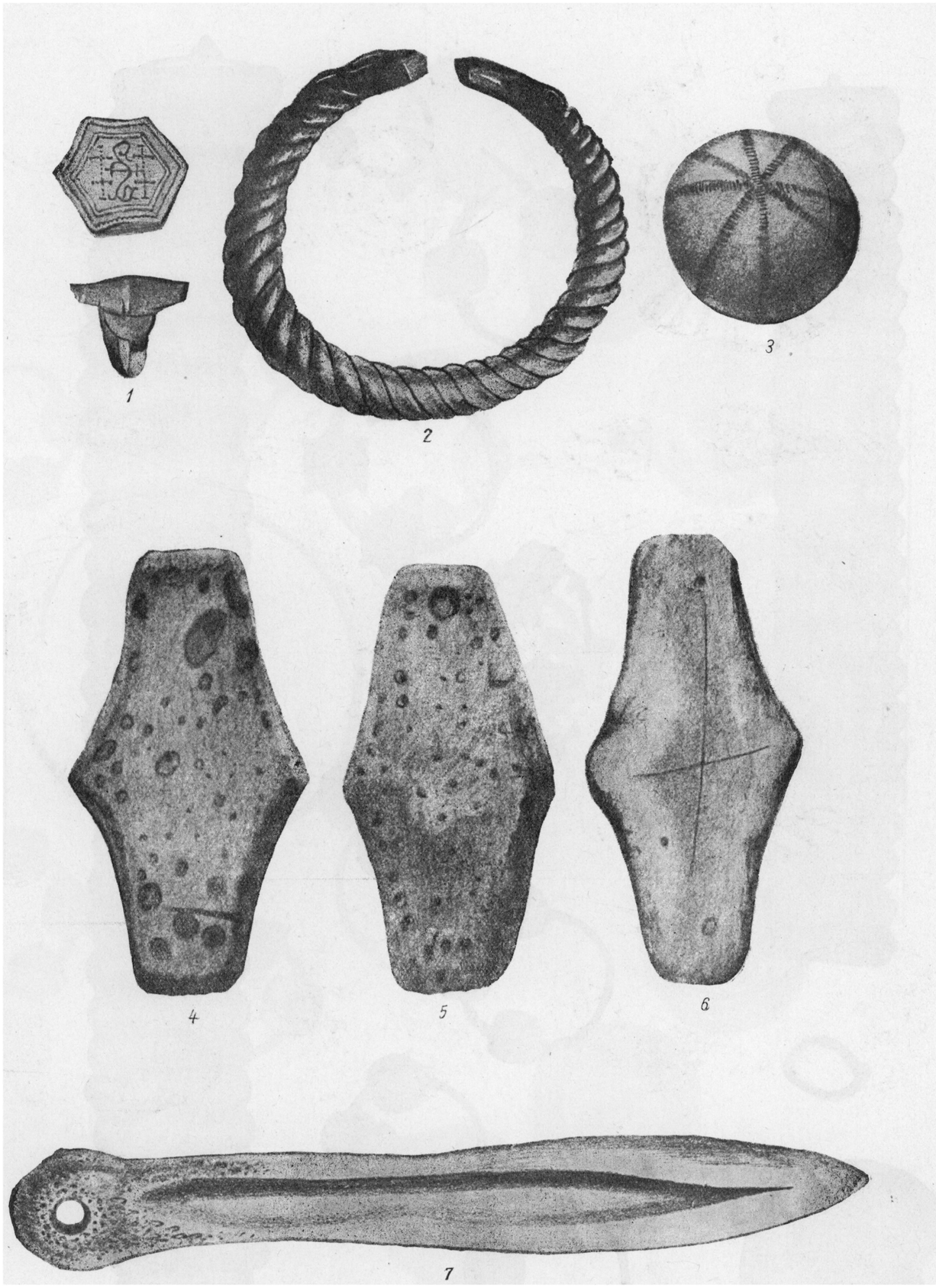

Табл. XXXII. Клад 76, Киев, ус. Климовича, 1857 г.

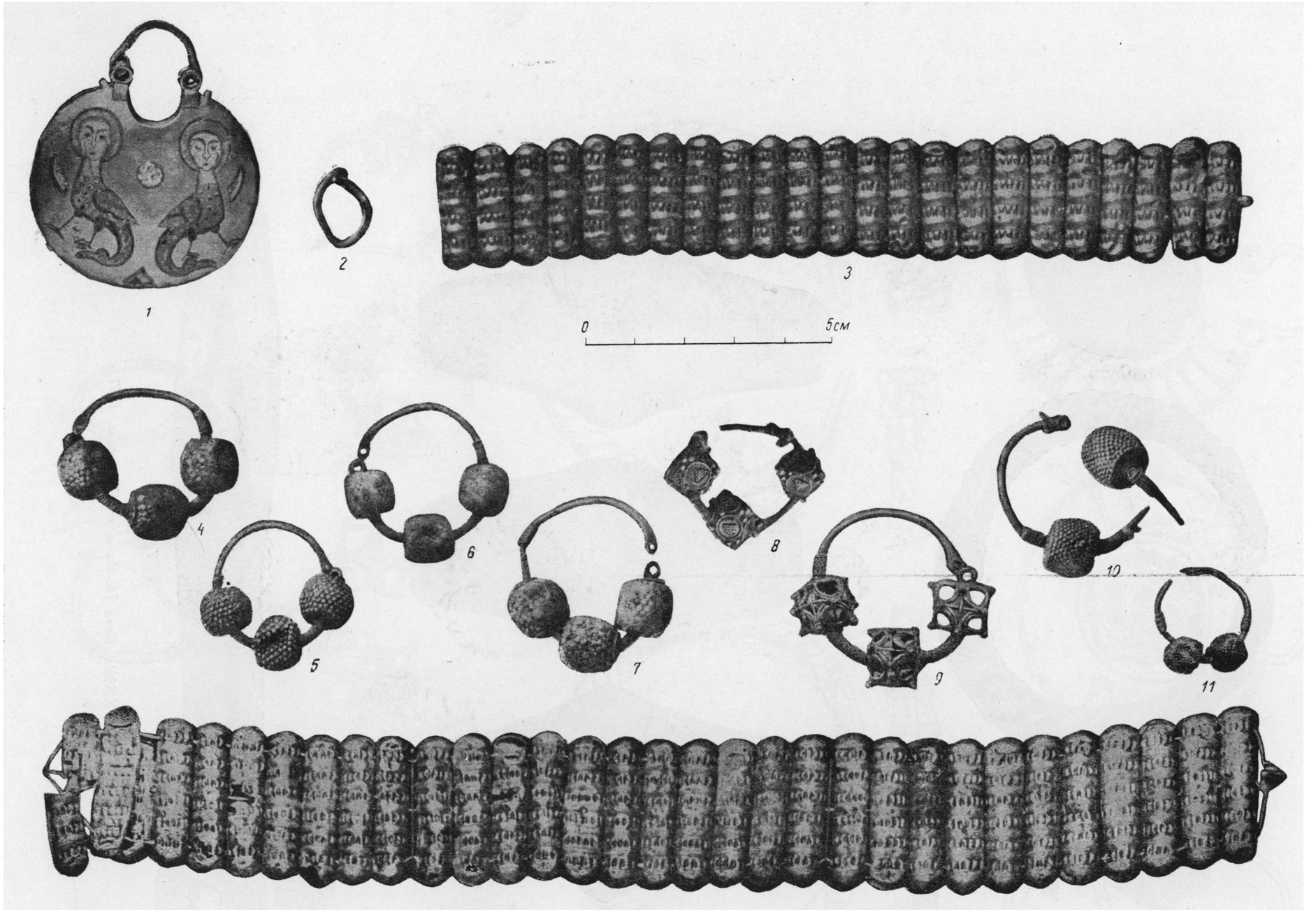

Табл. XXXIII. *1—3* — клад 67, Киев, ус. Десятинной церкви, 1936 г.; *4—12* — клад 79, Киев, ул. Маслютина.

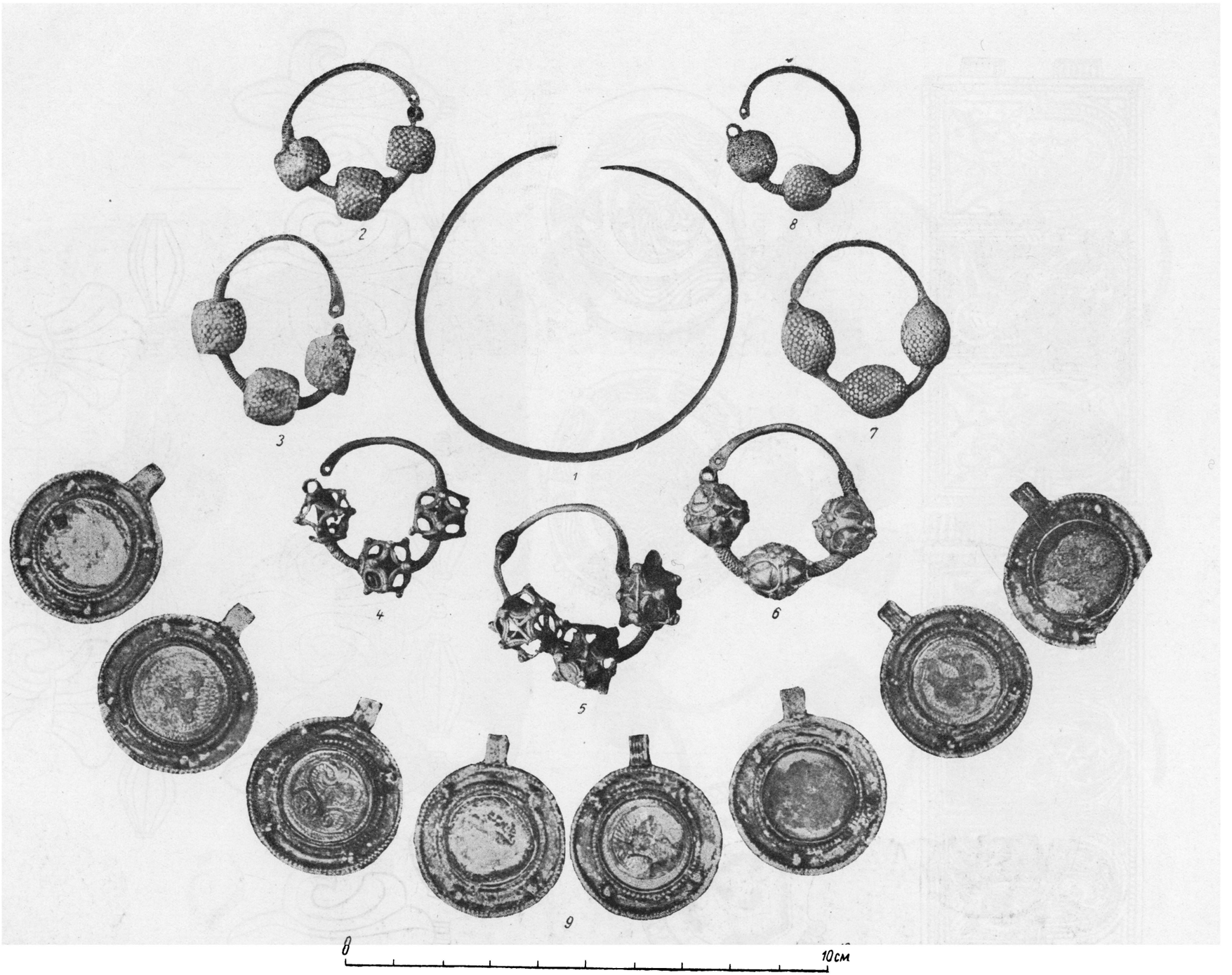
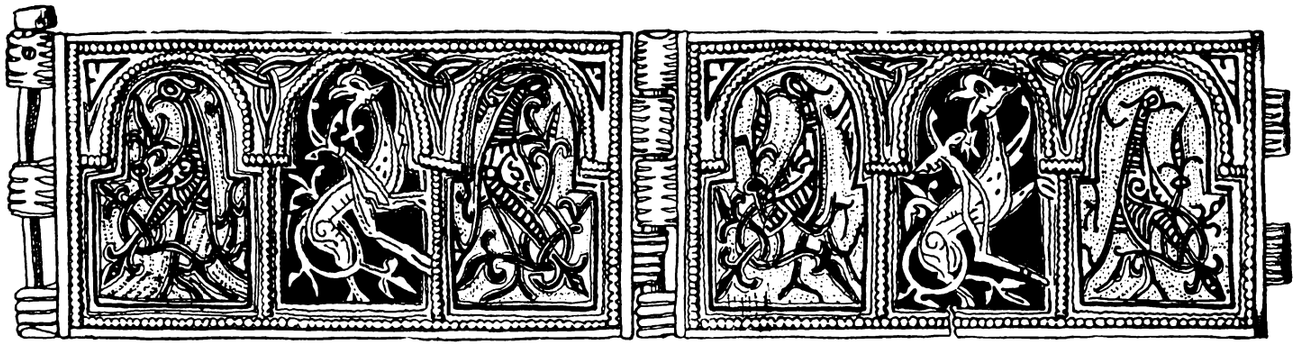

Табл. XXXIV. *1—3* — клад 86, ус. Софийского собора; *9* — клад 85, Киев, ус. Орлова.

1

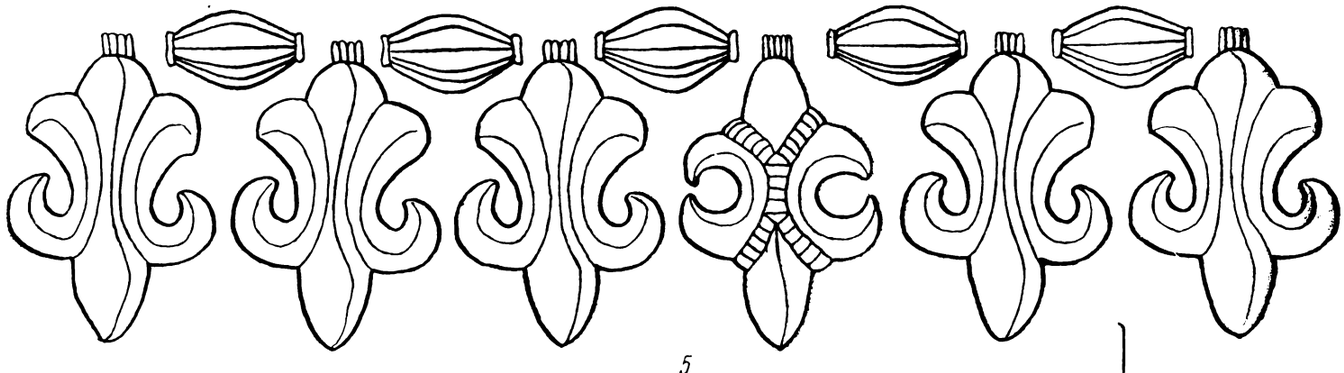
2

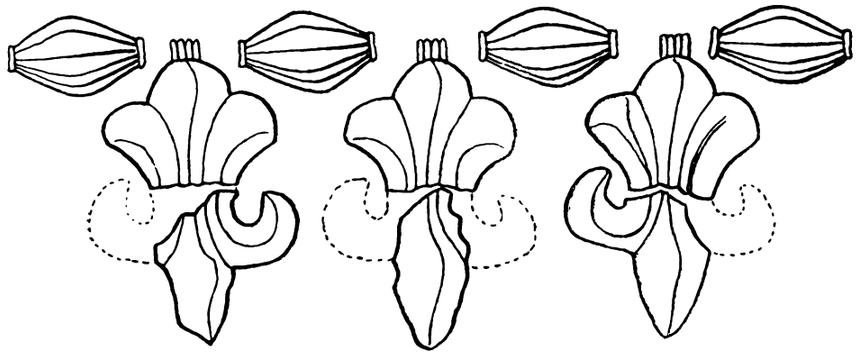
3

4

5

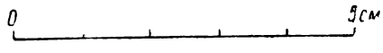

Табл. XXXV. *1—2* — клад **94**, Киев, 1893 г.; *3—5* — клад **85**, Киев, ус. Орлова.

Табл. XXXVI. Клад 94, Киев, 1893 г.

Табл. XXXVII. Клад 97, Киев, ус. Раковского.

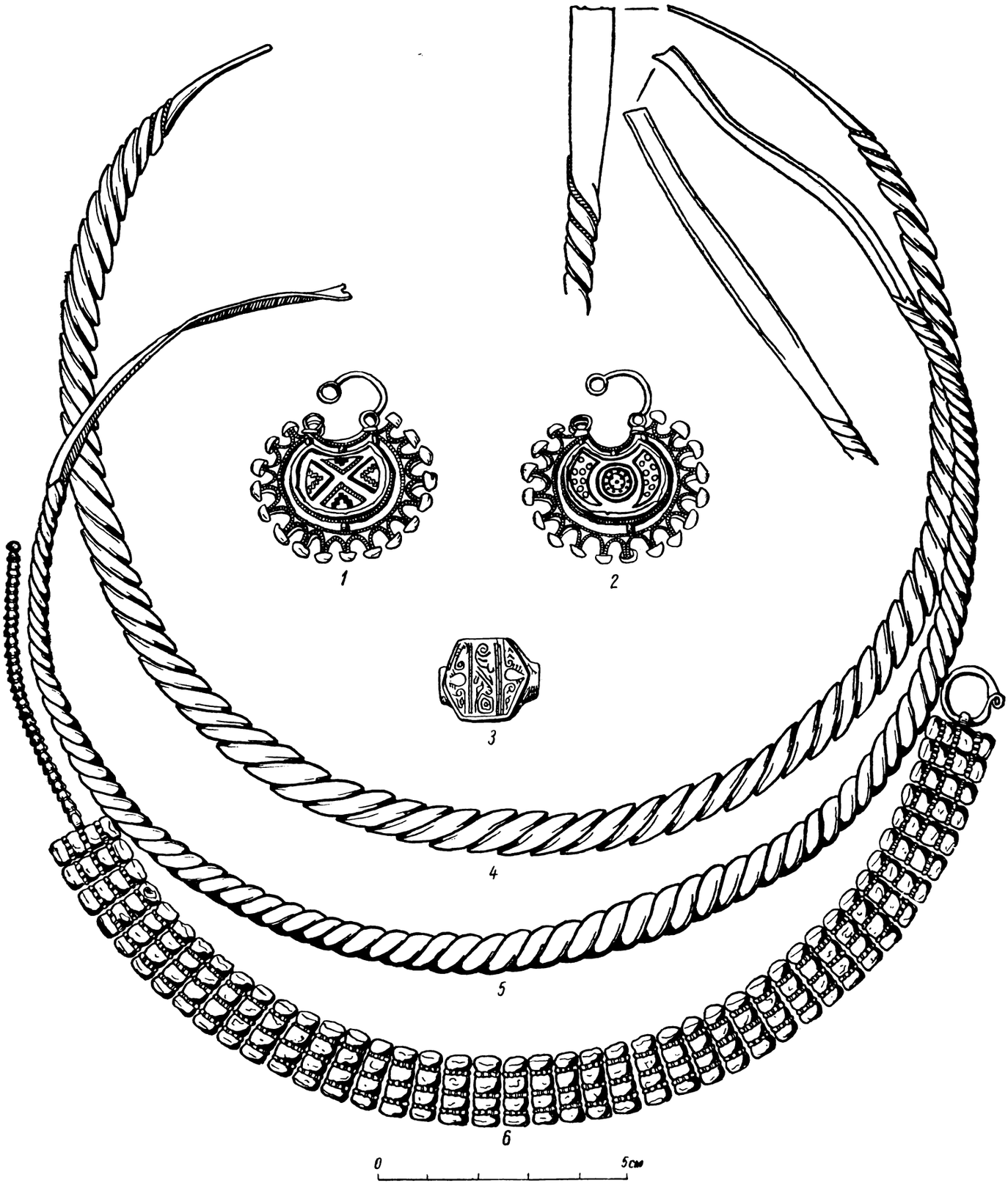

Табл. XXXVIII. Клад **100**, Киев, ус. Терещенко (?), Стрелецкая ул.

Табл. XXXIX. Клад 101, Киев, Стрелецкая ул., 1939 г.

1

2

0 5см

Табл. XL. Клад 101, Киев, Стрелецкая ул., 1939 г.

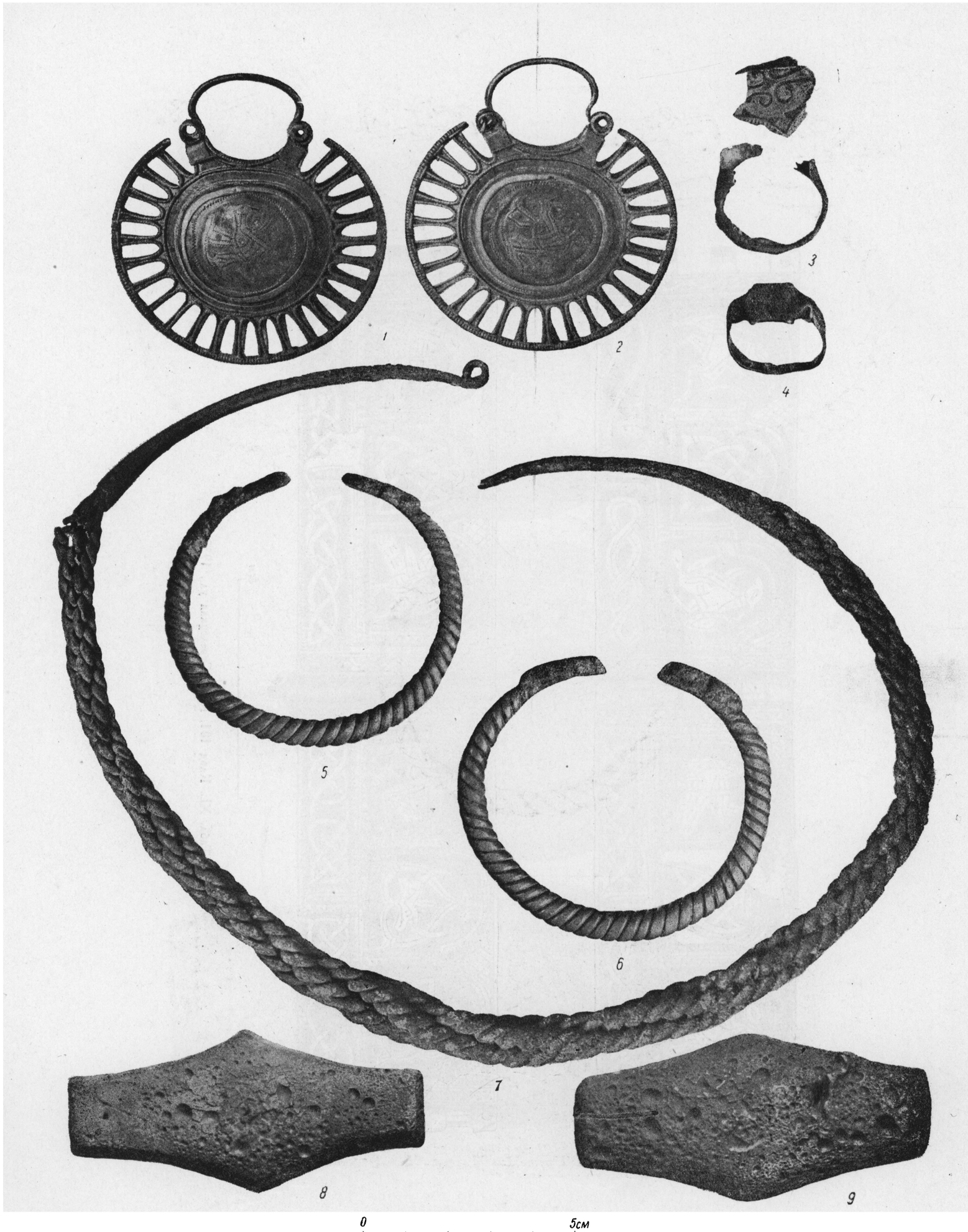
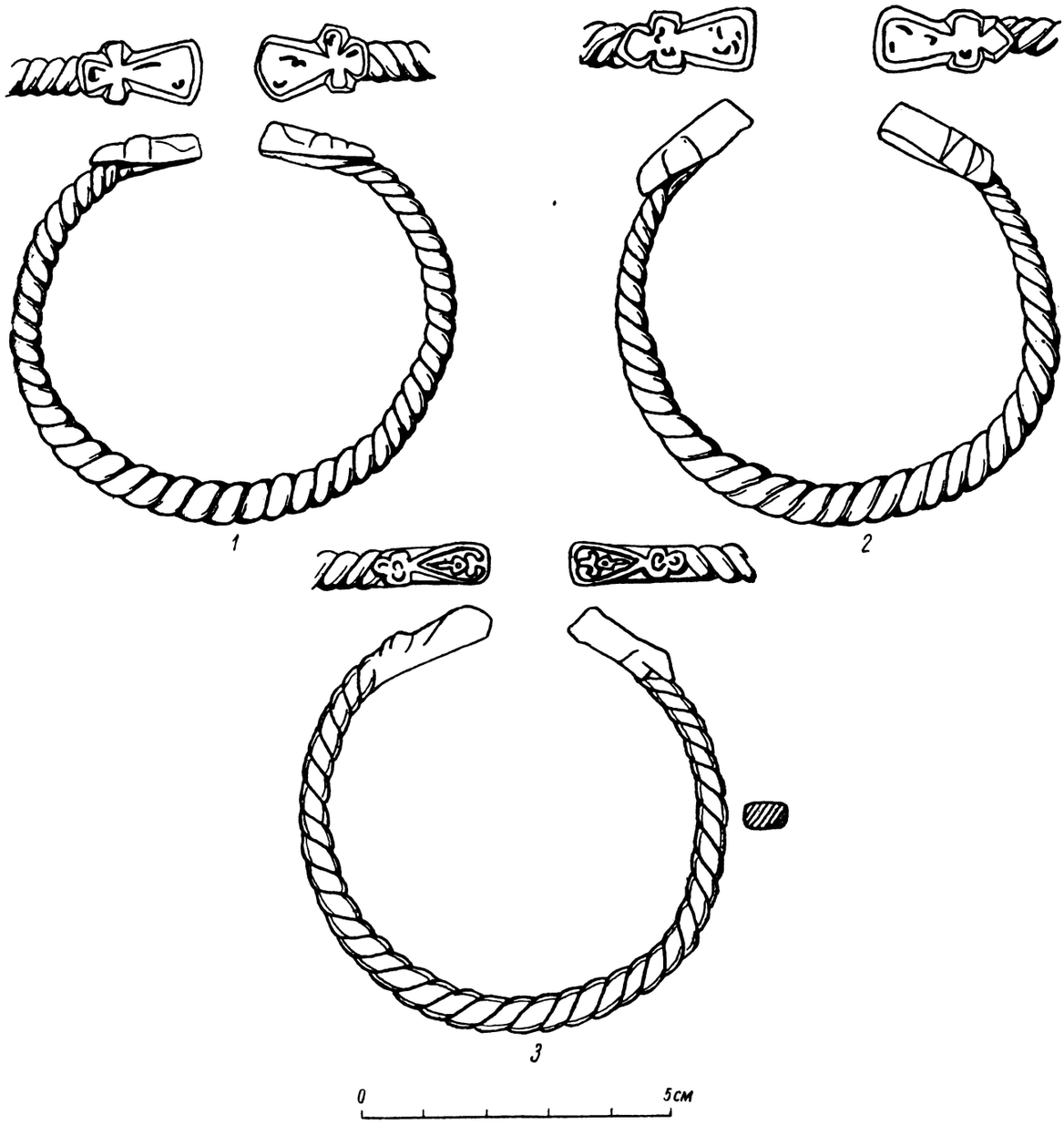

Табл. XLI. Клад **103,** Киев, ус. Михайловского монастыря, 1903 г.

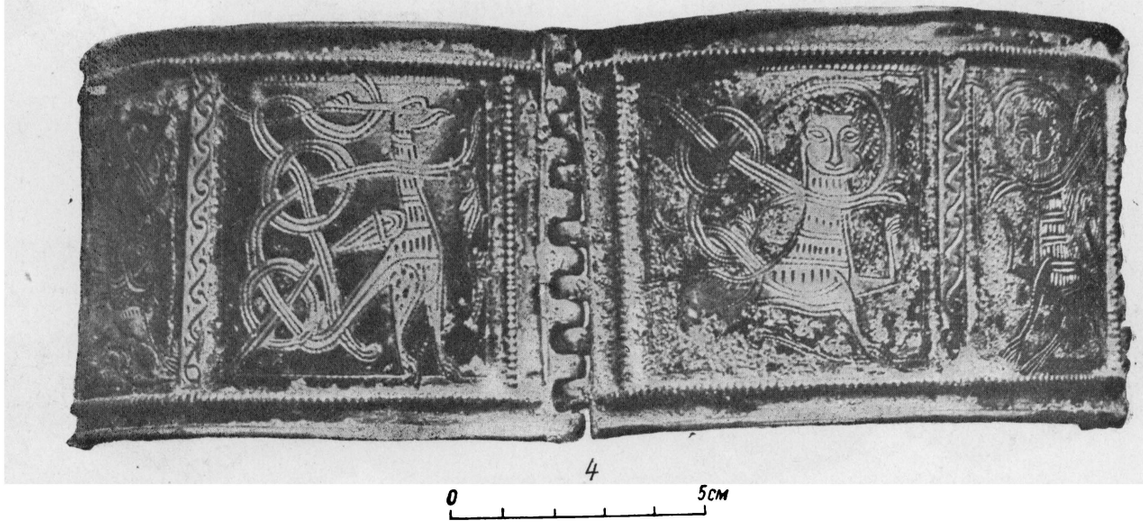
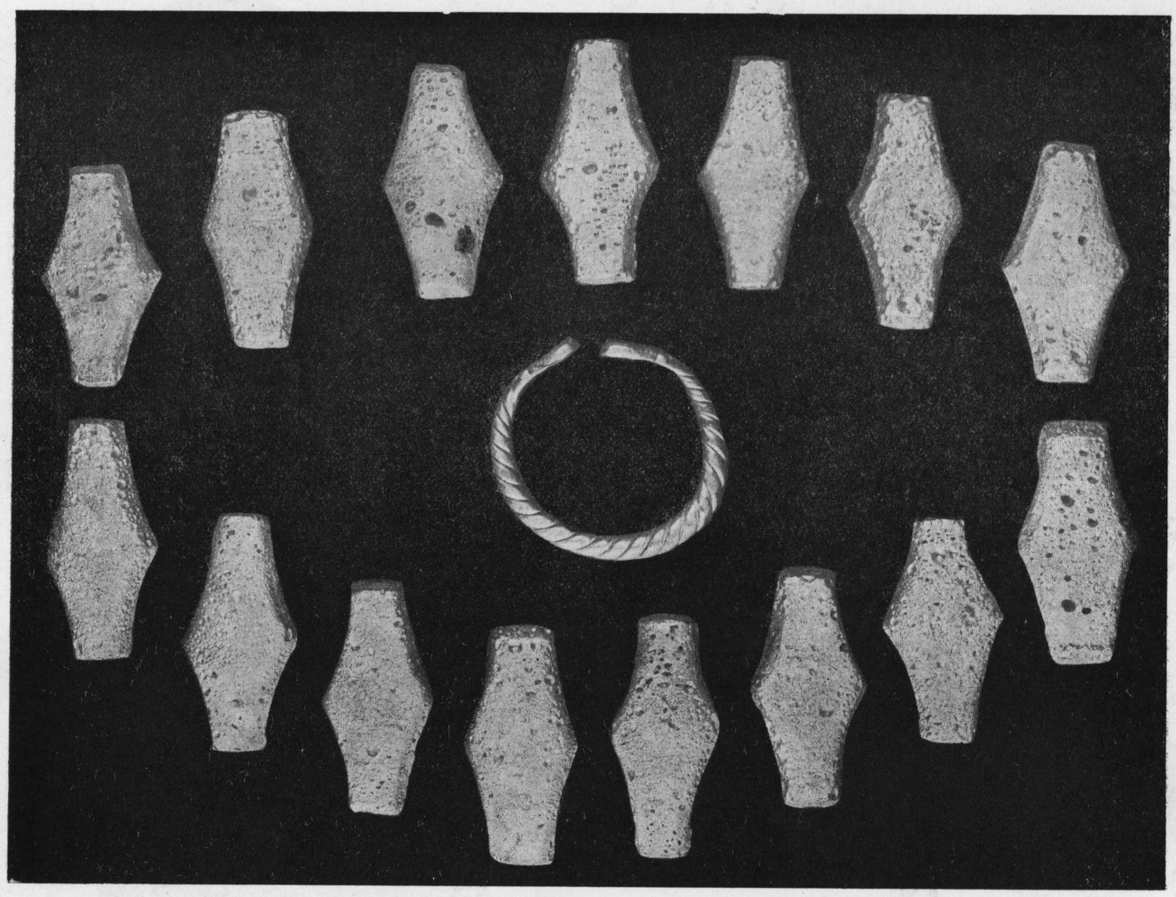
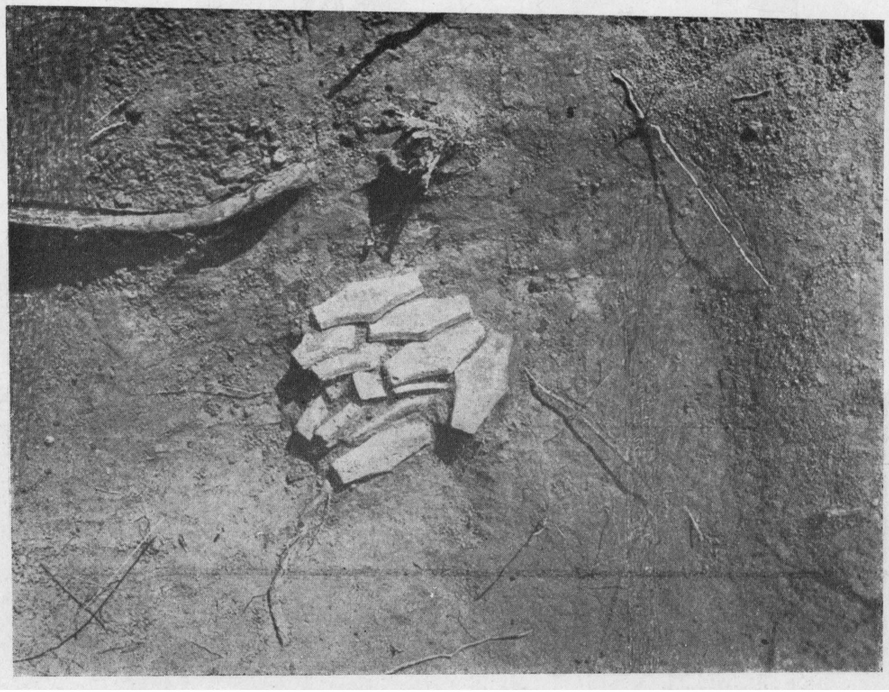

Табл. XLII. Клад **103**, Киев, ус. Михайловского монастыря, 1903 г.

1

2

Табл. XLIII. Клад **104**, Киев, ус. Михайловского монастыря, 1940 г.

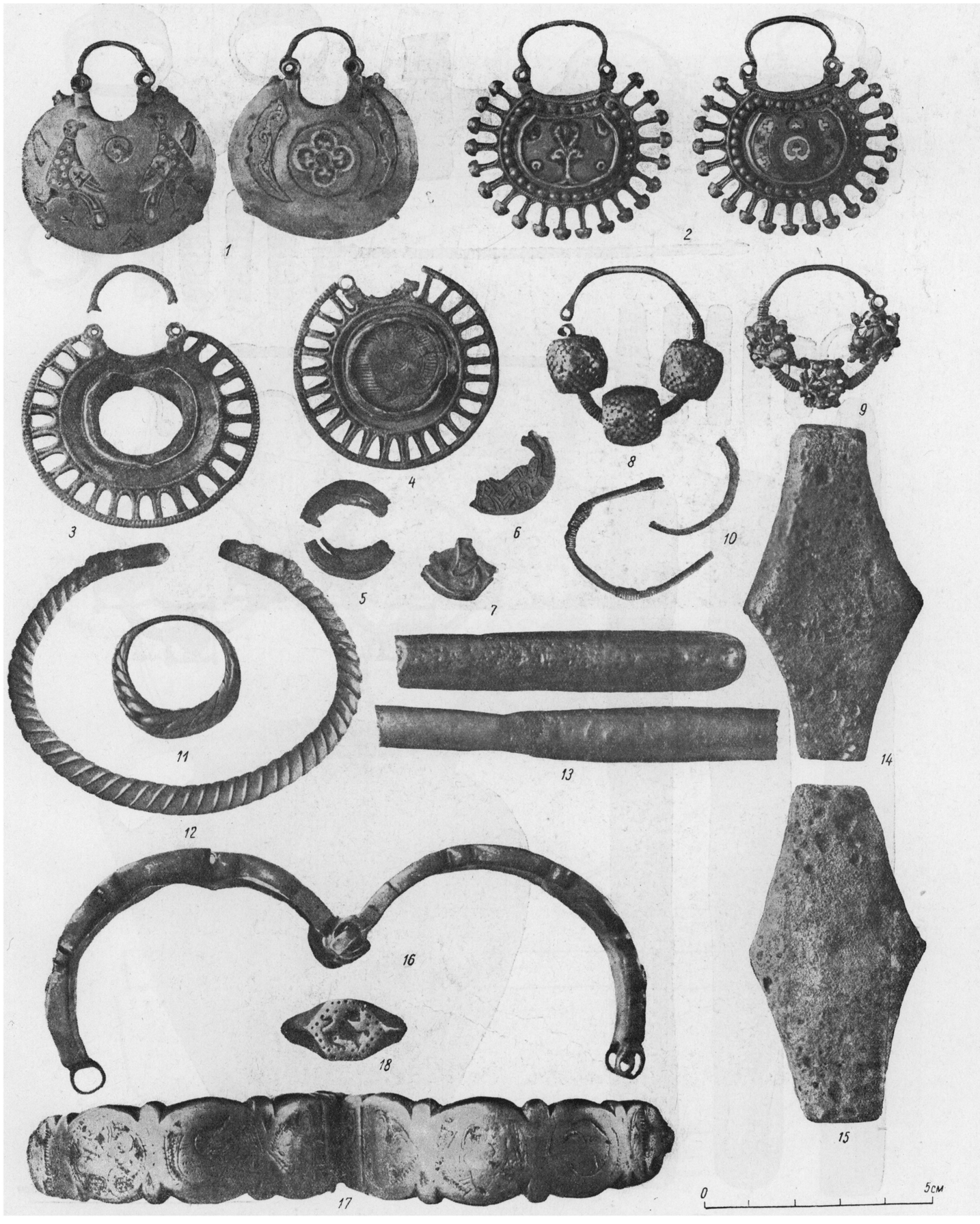

Табл. XLIV. *1—15* — клад **105**, Киев, ус. Михайловского монастыря, 1906 г.; *16—18* — клад **145**, с. Войтовцы

Табл. XLV. *1—11* — клад **108**, Киев, Трехсвятительская ул., 1906 г.; *12—15* — клад **106**, Киев ус. Михайловского монастыря, 1907 г.

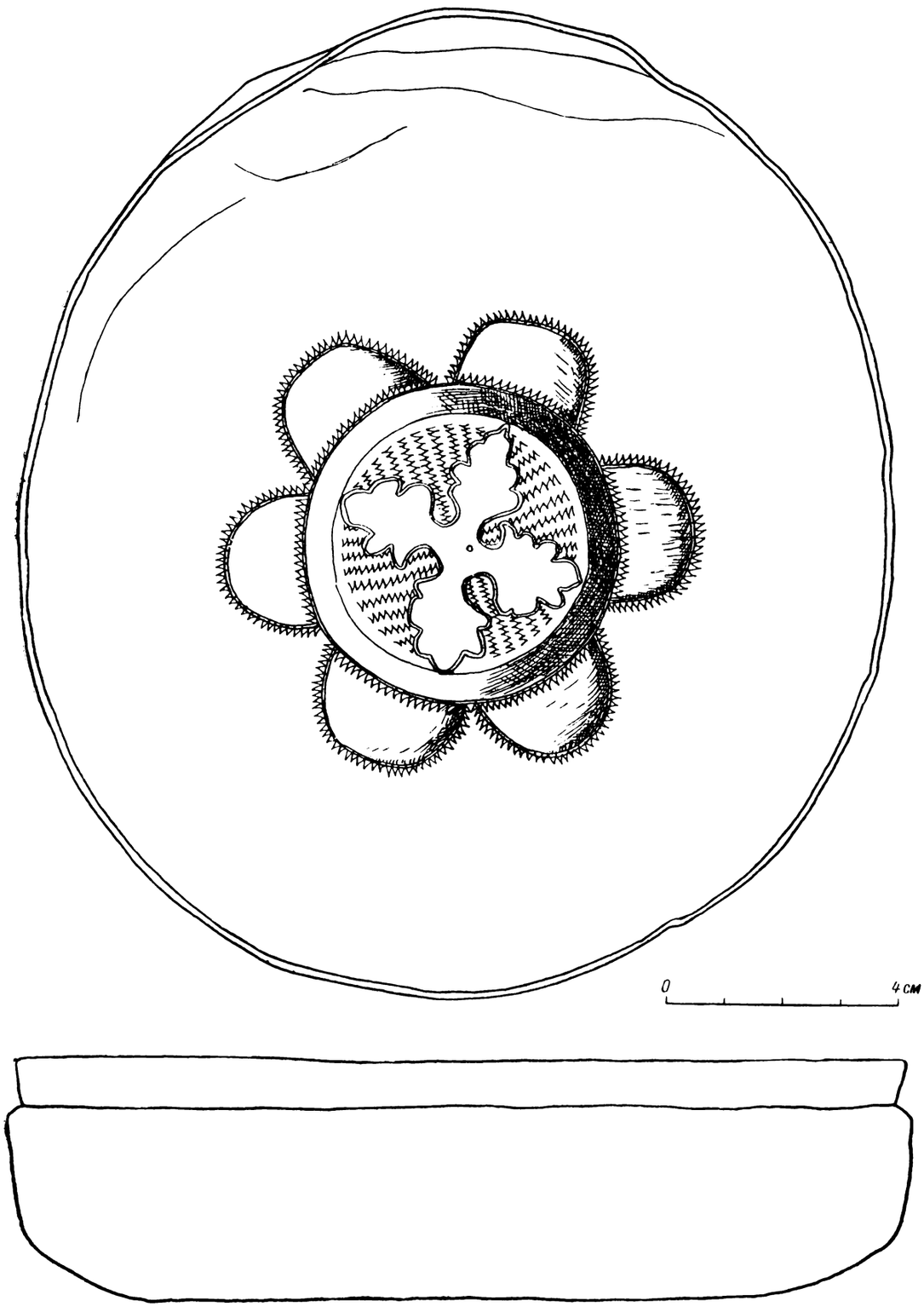

Табл. XLVI. Клад 109, Киев, ул. Жертв Революции (б. Трехсвятительская), 1949 г.

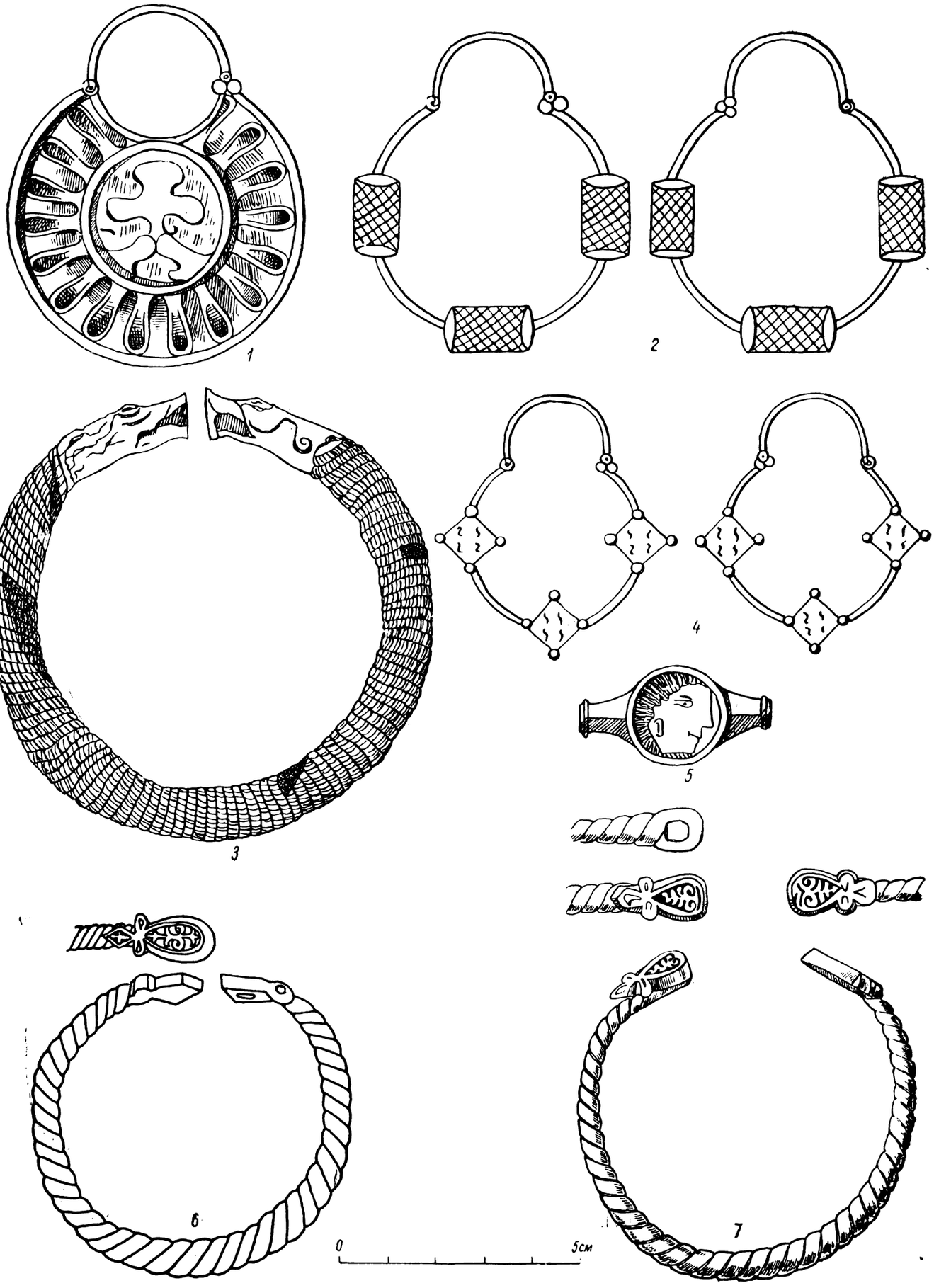

Табл. XLVII. *1—6* — клад **110**, Киев, Михайловская Гора, 1841 г.; *7* — клад **93**, Киев, близ Скорбященской церкви.

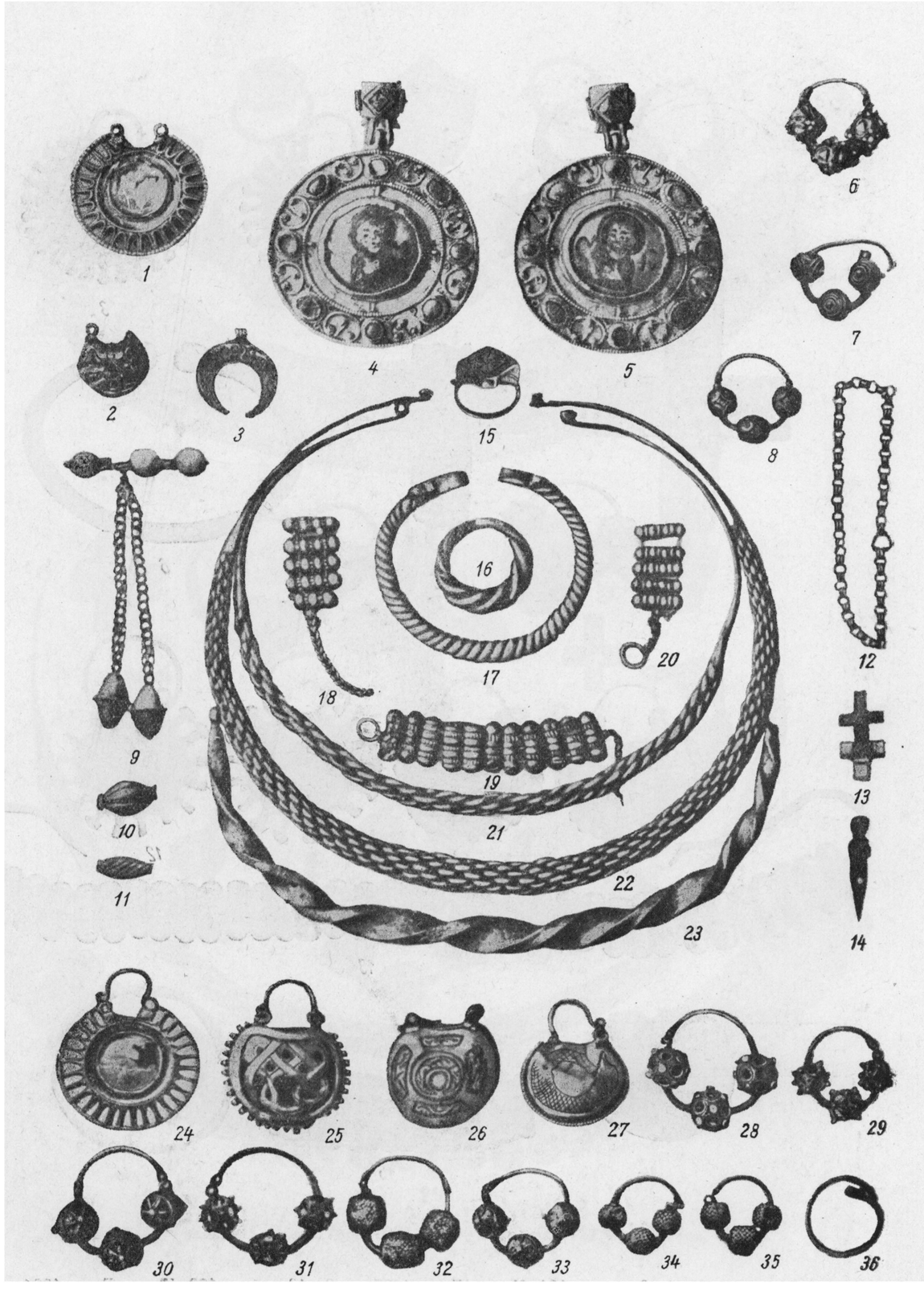

Табл. XLVIII. *1—23* — клад 117, Княжа Гора, 1891 г.; *24—36* — клад 115, Княжа Гора, 1891 г.

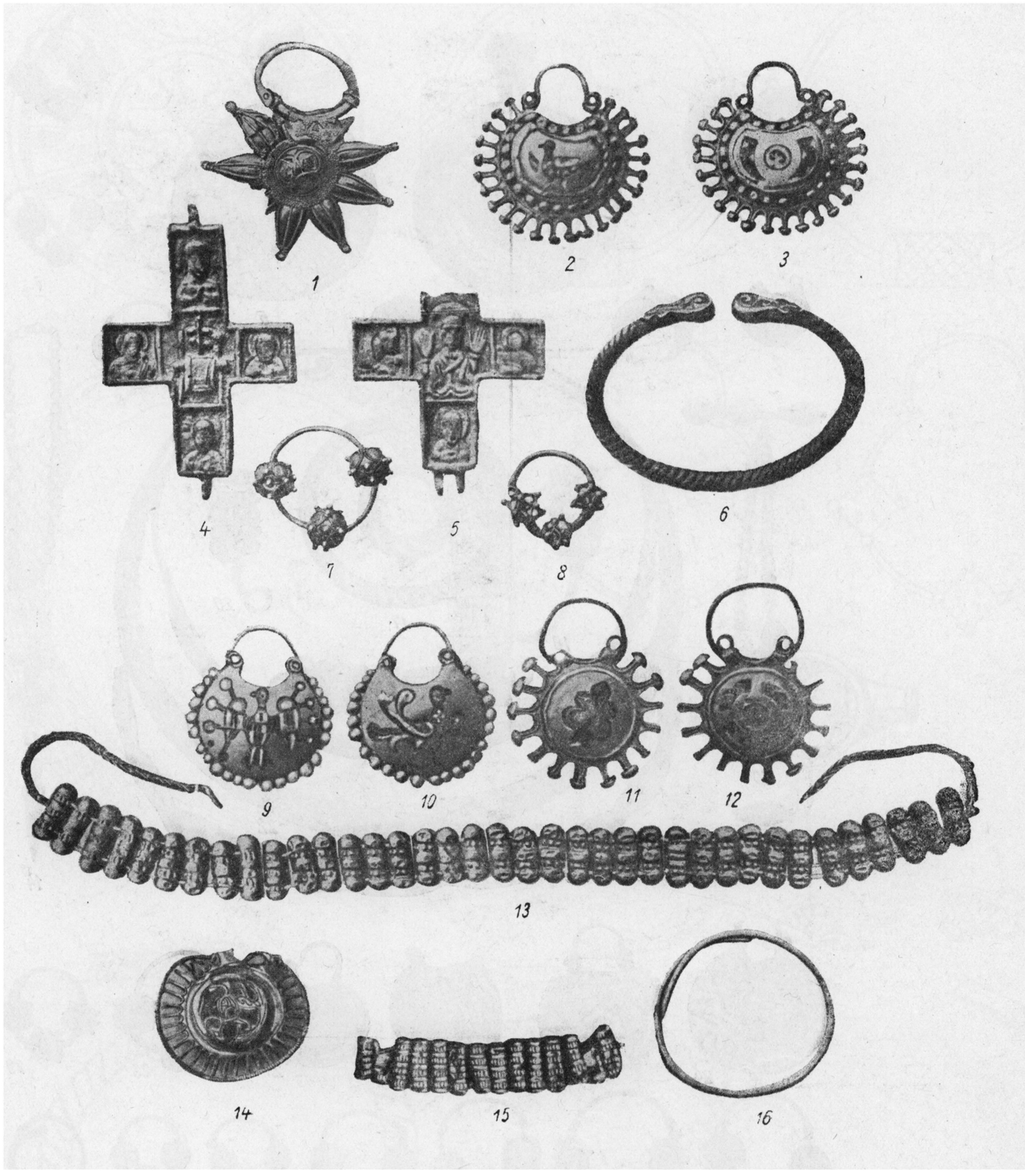

Табл. XLIX. *1—8* — клад **121**, Княжа Гора, 1897 г.; *9—13* — клад **120**, Княжа Гора, 1896 г.; *14—16* — клад **119**, Княжа Гора, 1892 г.

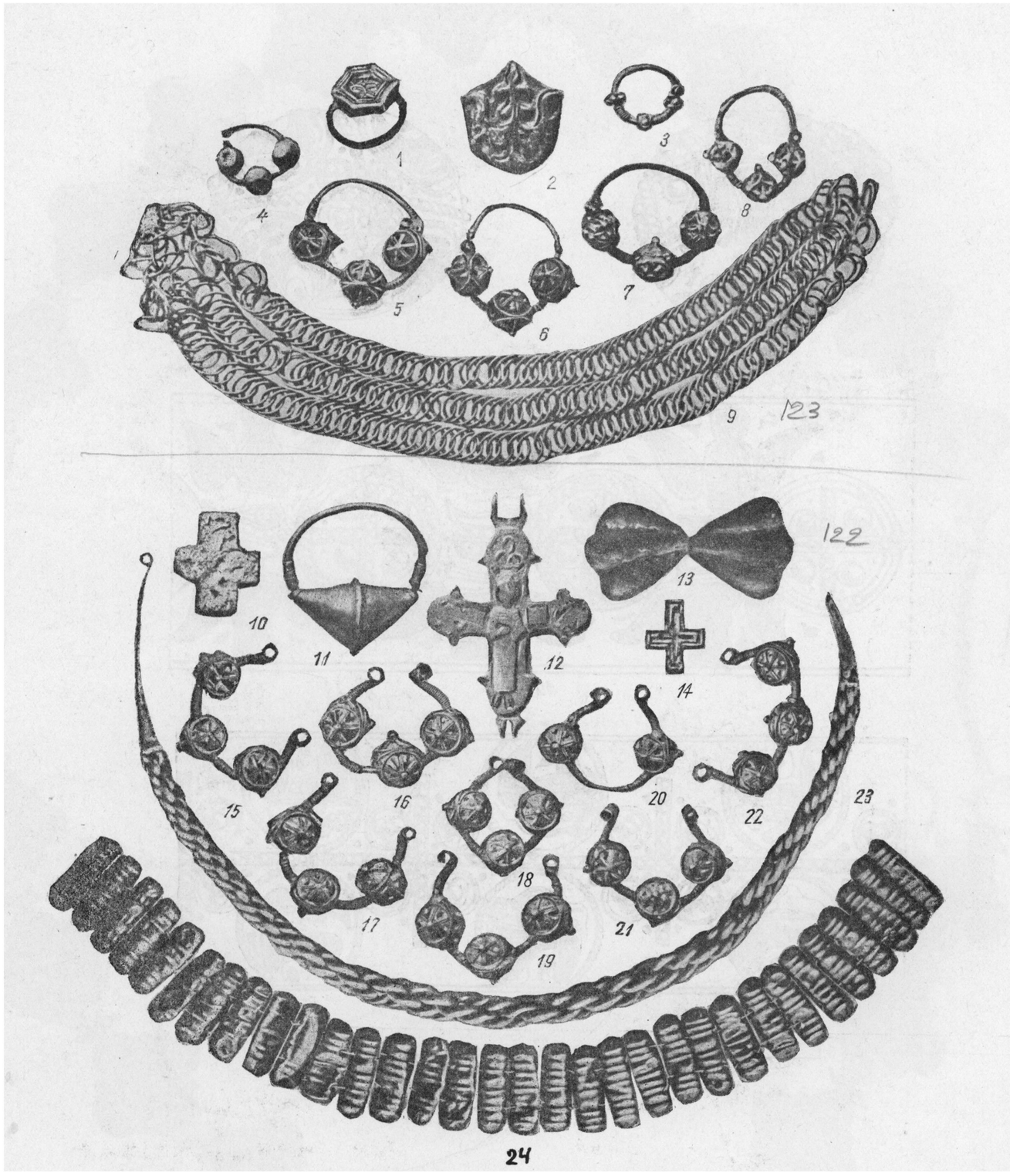

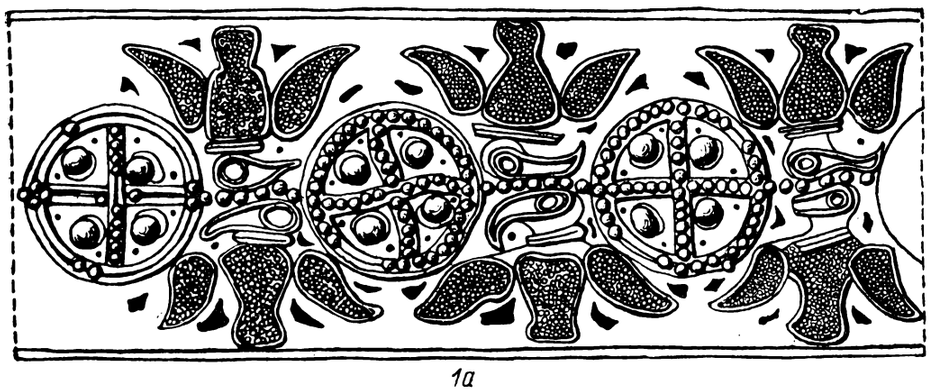
Табл. Ł. *1—9* — клад **123.** Княжа Гора, 1898 г.; *10—24* — клад **122,** Княжа Гора, 1897 г.

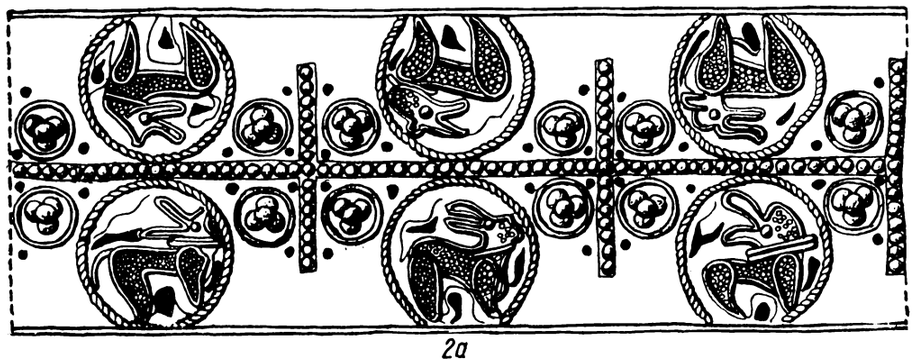
1

2

1а

2а

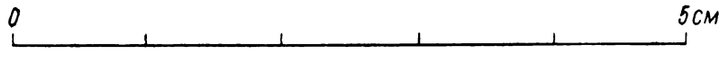

Табл. LI. Клад 127, с. Сахновка.

Табл. LII. Клад 127, с. Сахновка.

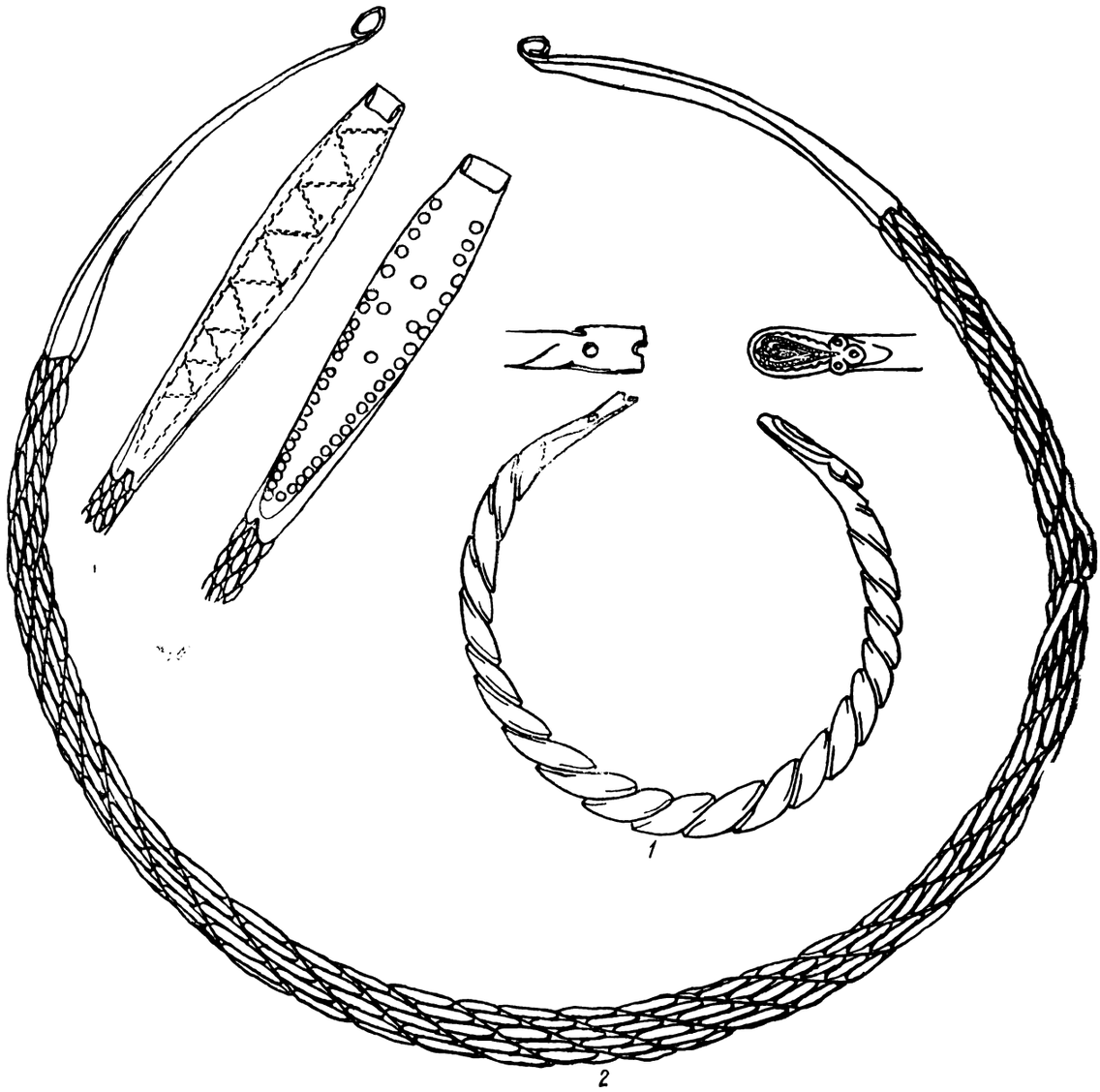

Табл. LIII Клад 128, с. Черныши.

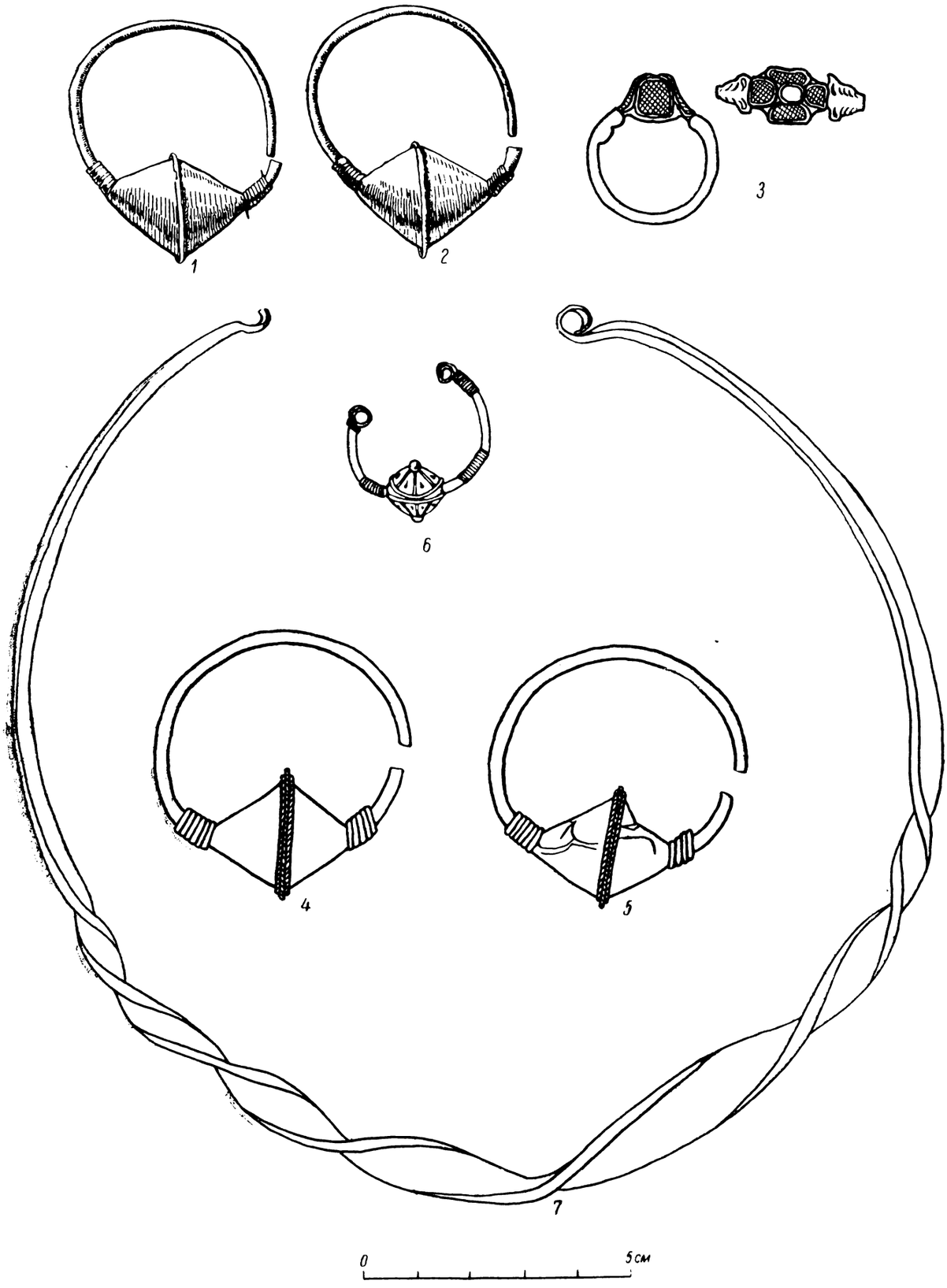

Табл. LIV. *1—3* — клад **130**, м. Пивцы; *4—5* — клад **132**, с. Пишки; *6—7* — клад **131**, с. Ключники.

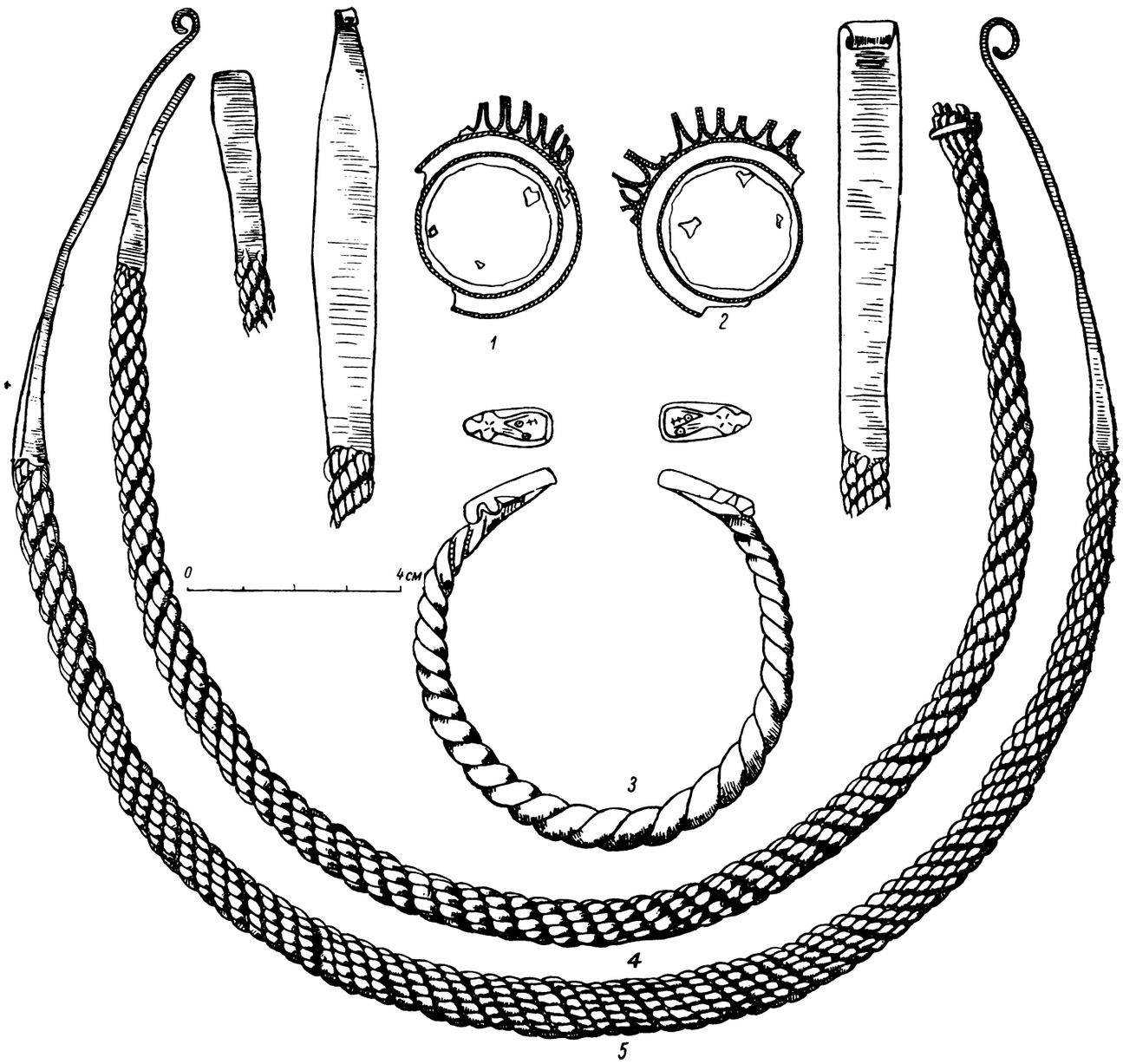

Табл. LV Клад 135, близ г. Обухова.

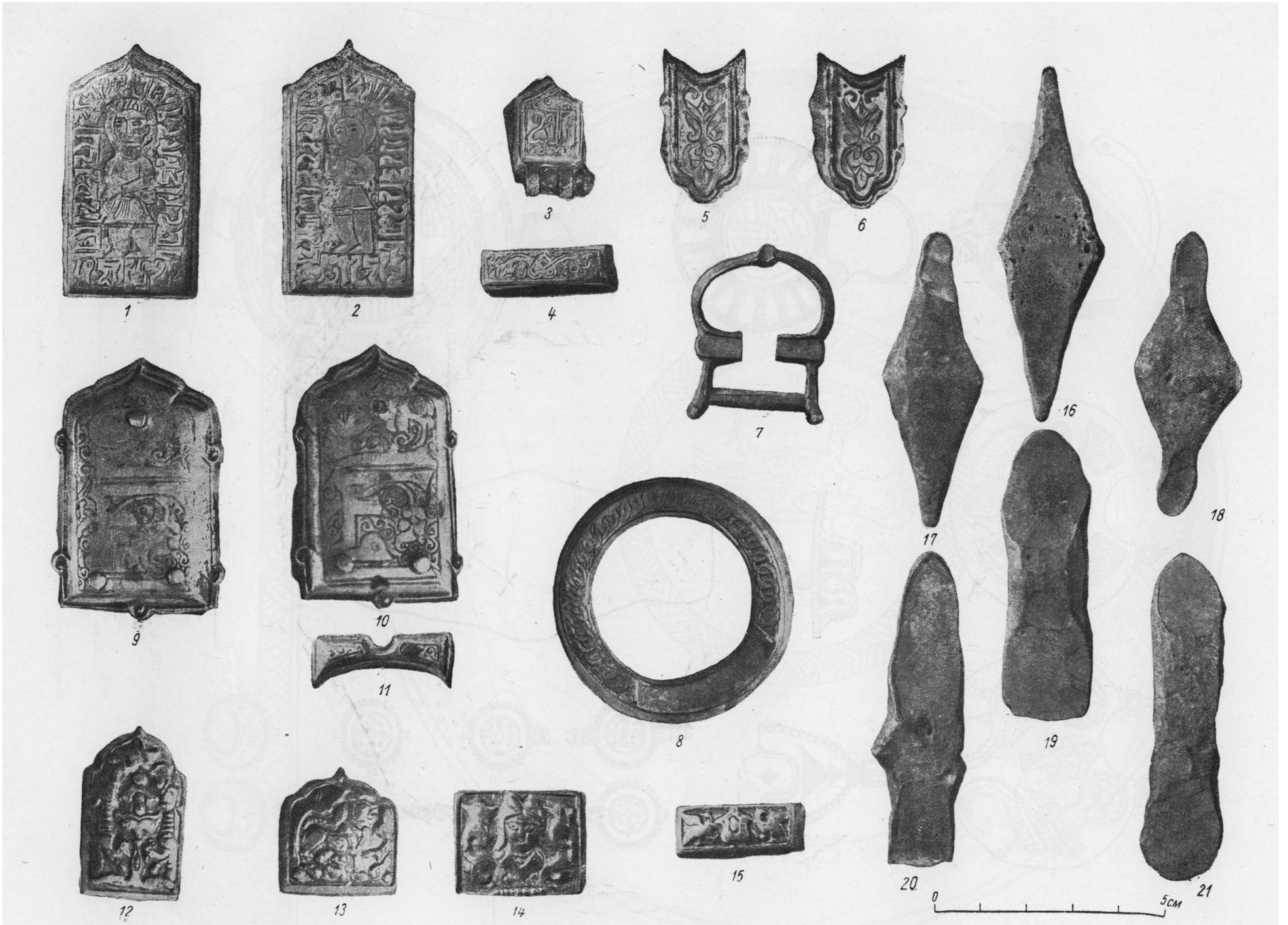

Табл. LVI. Клад 136, с. Мышеловка.

Табл. LVII. *1—4* — клад **137**, м. Миропольː *5* — клад **91**, Киев, Б. Житомирская ул., 1902 г.; *6* — клад **146**, Переяслан; *7* — клад **147**, Чернигов, 1850 г.

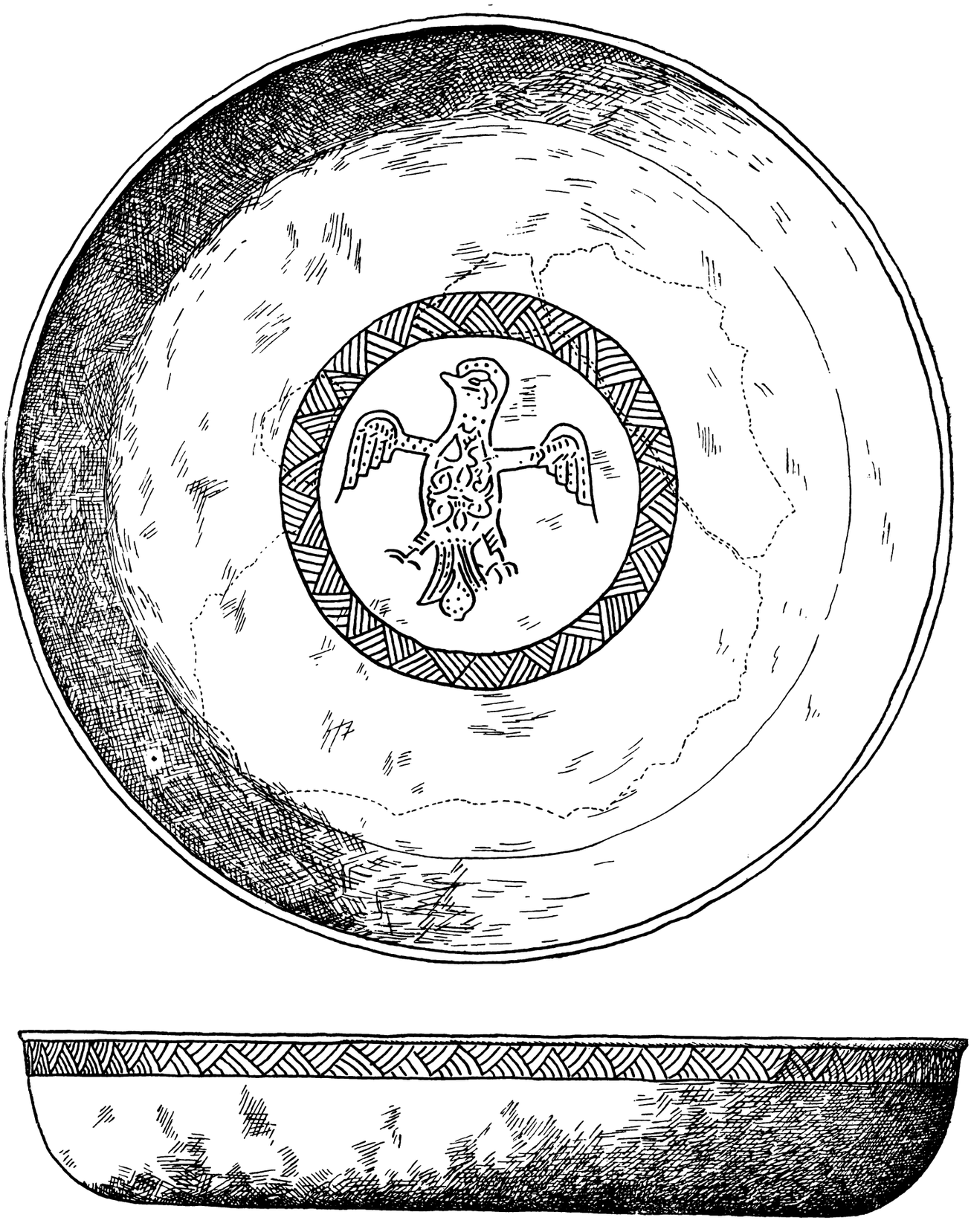

Табл. LVIII. Клад 138, с. Каменный Брод (реконструкция).

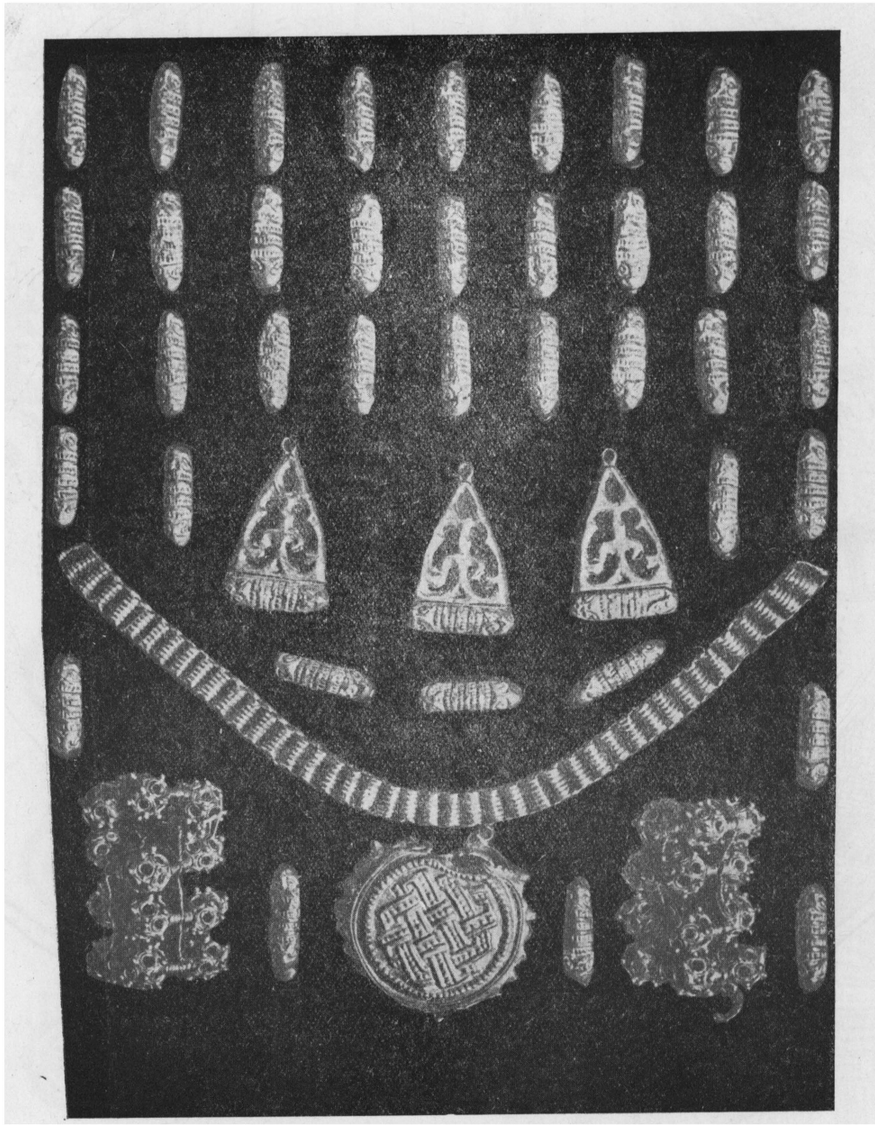

Табл. LIX. Клад **143,** с. Вербов.

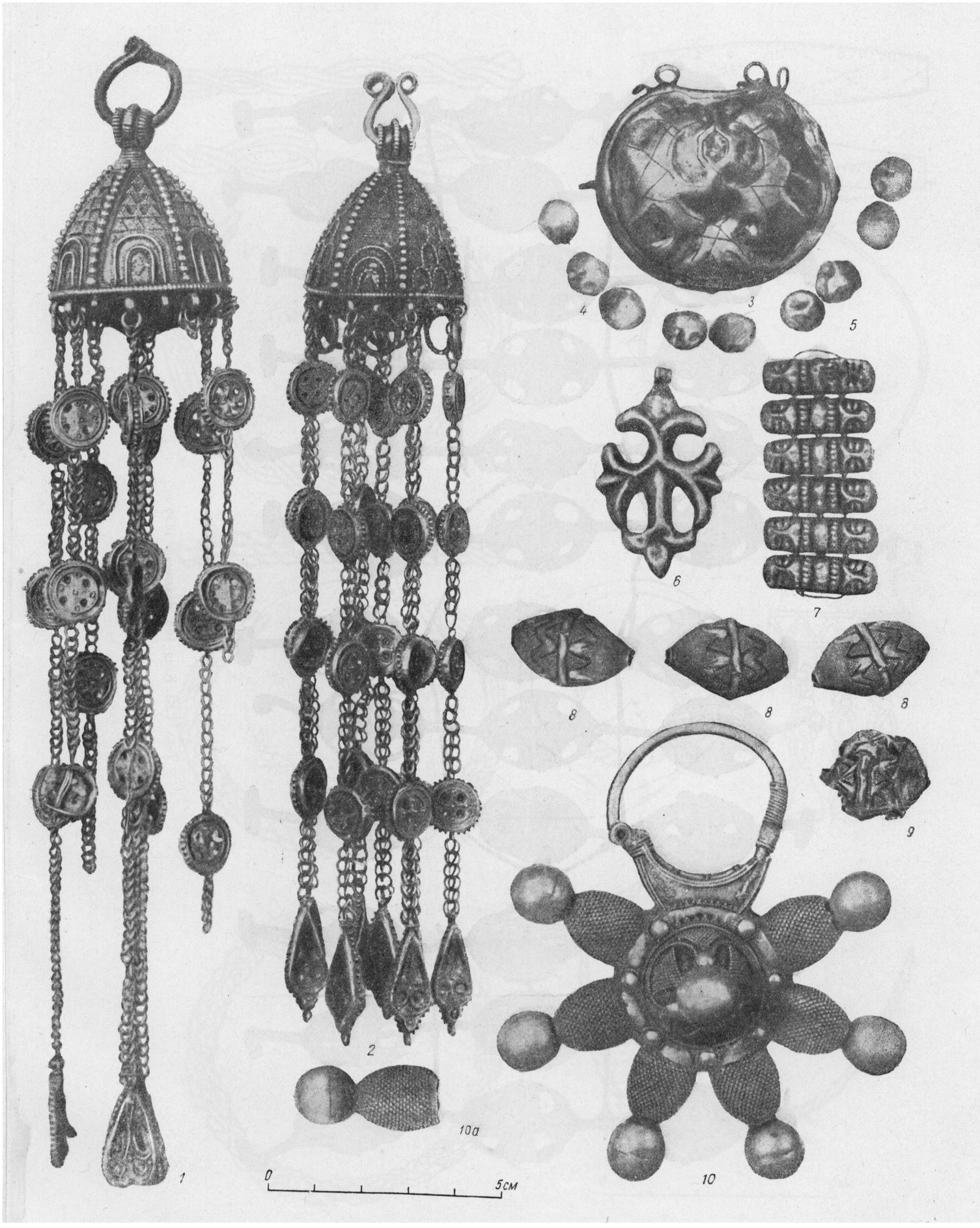

Табл. LX. Клад 157, с Кресты.

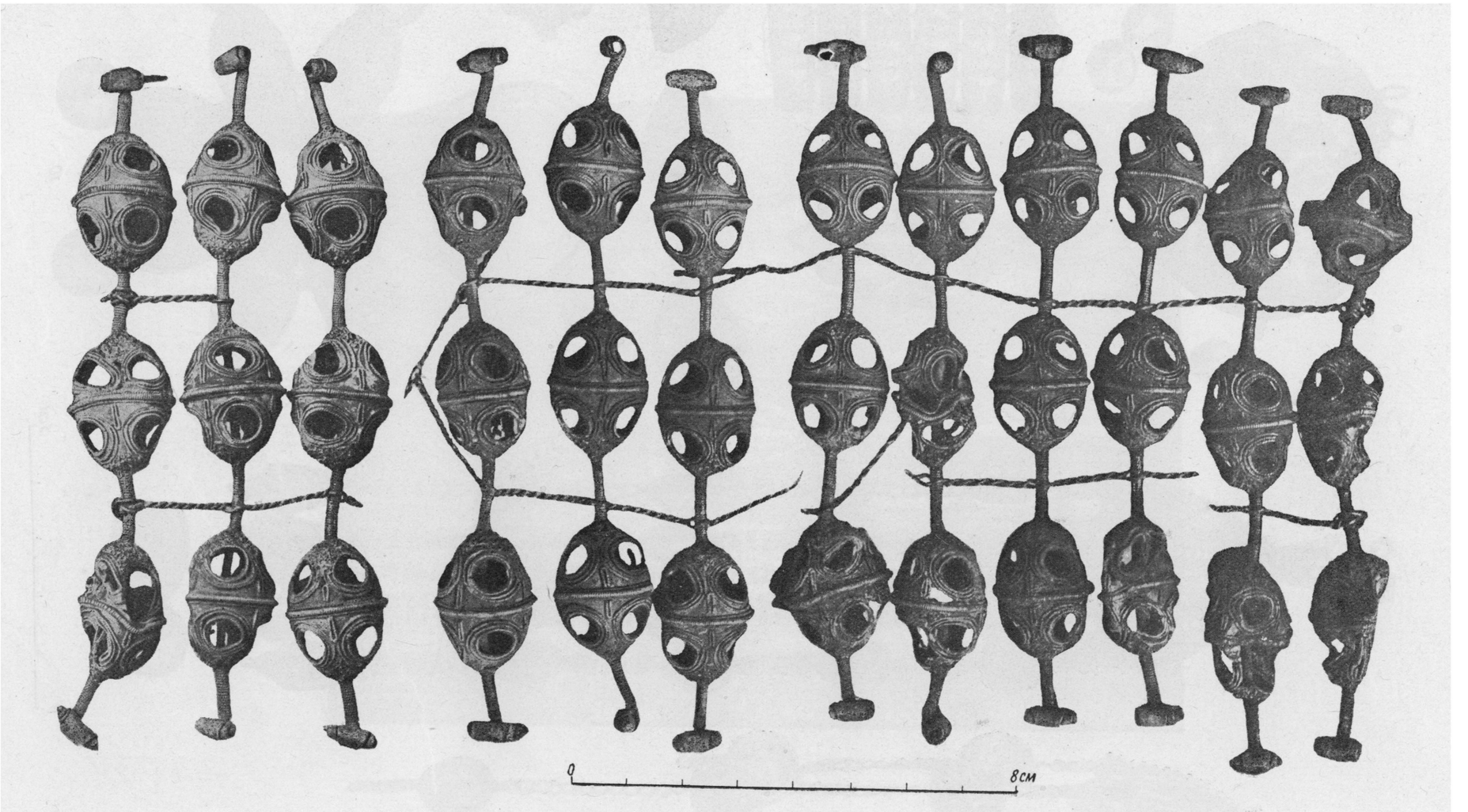

Табл. LXI. Клад **168**. Владимир, 1896 г

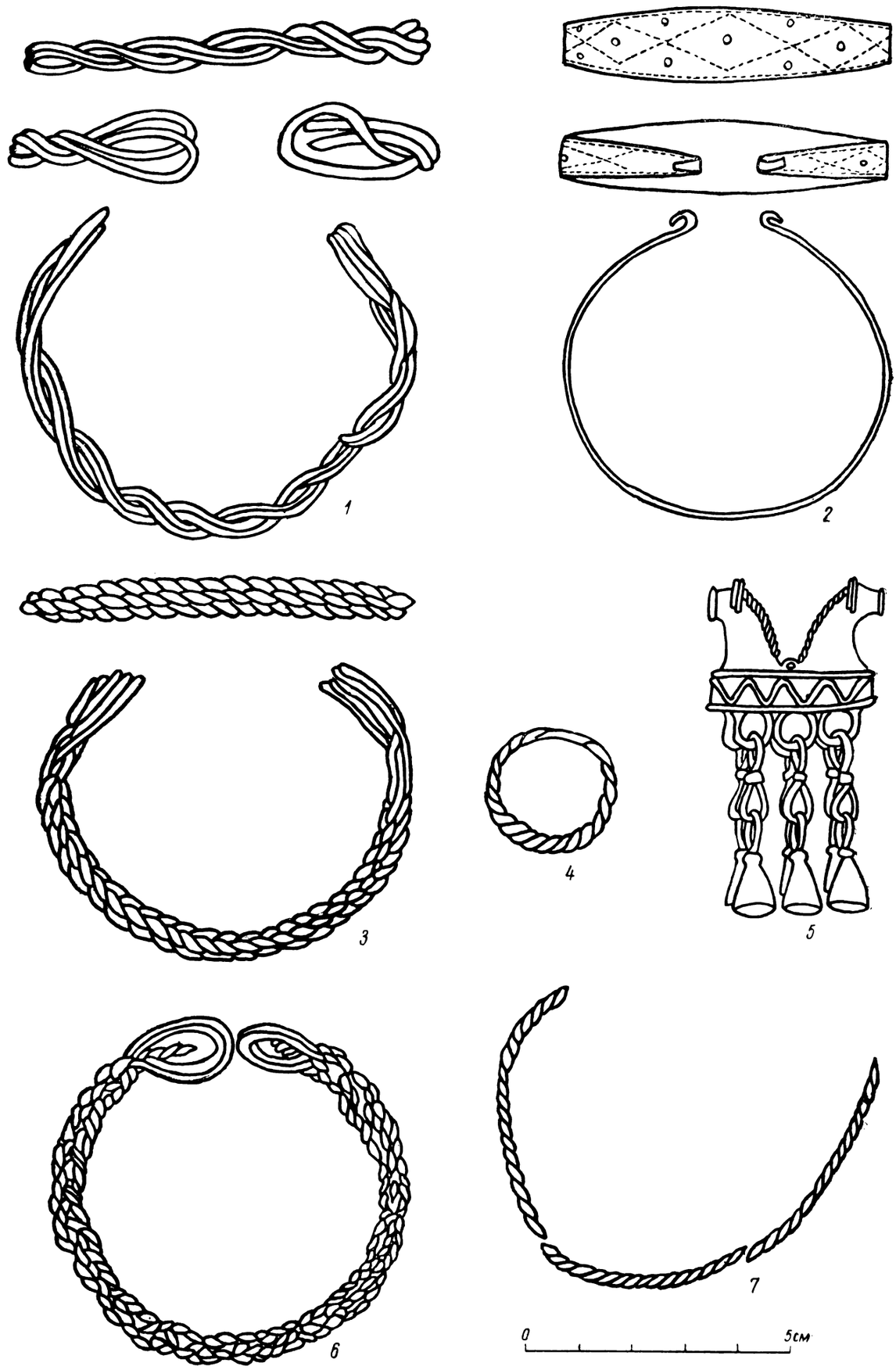
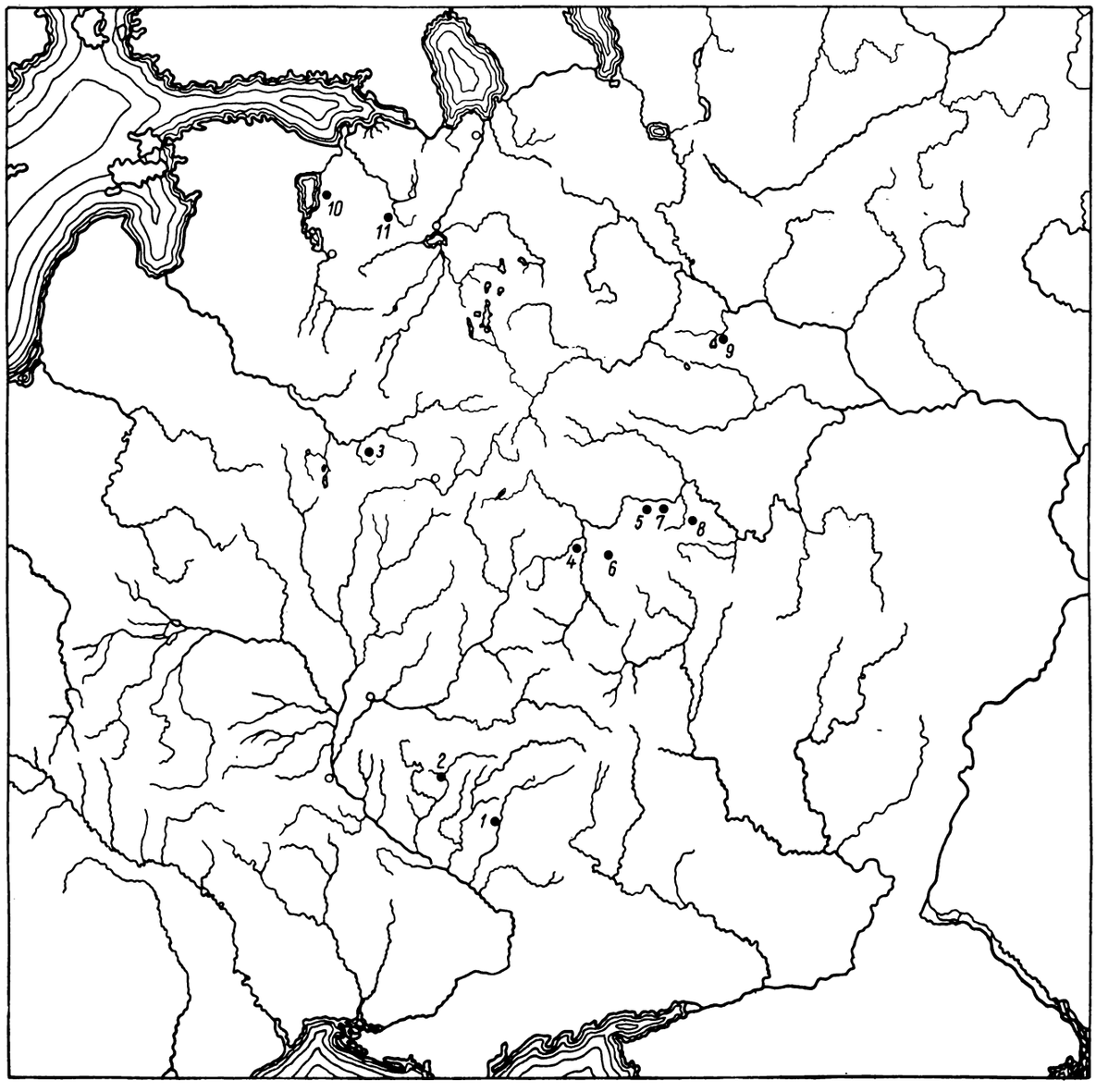

Табл. LXII. Клад 171, д. Мужищево.

Карта 1. Клады, зарытые в IX в. и на рубеже IX и X вв.

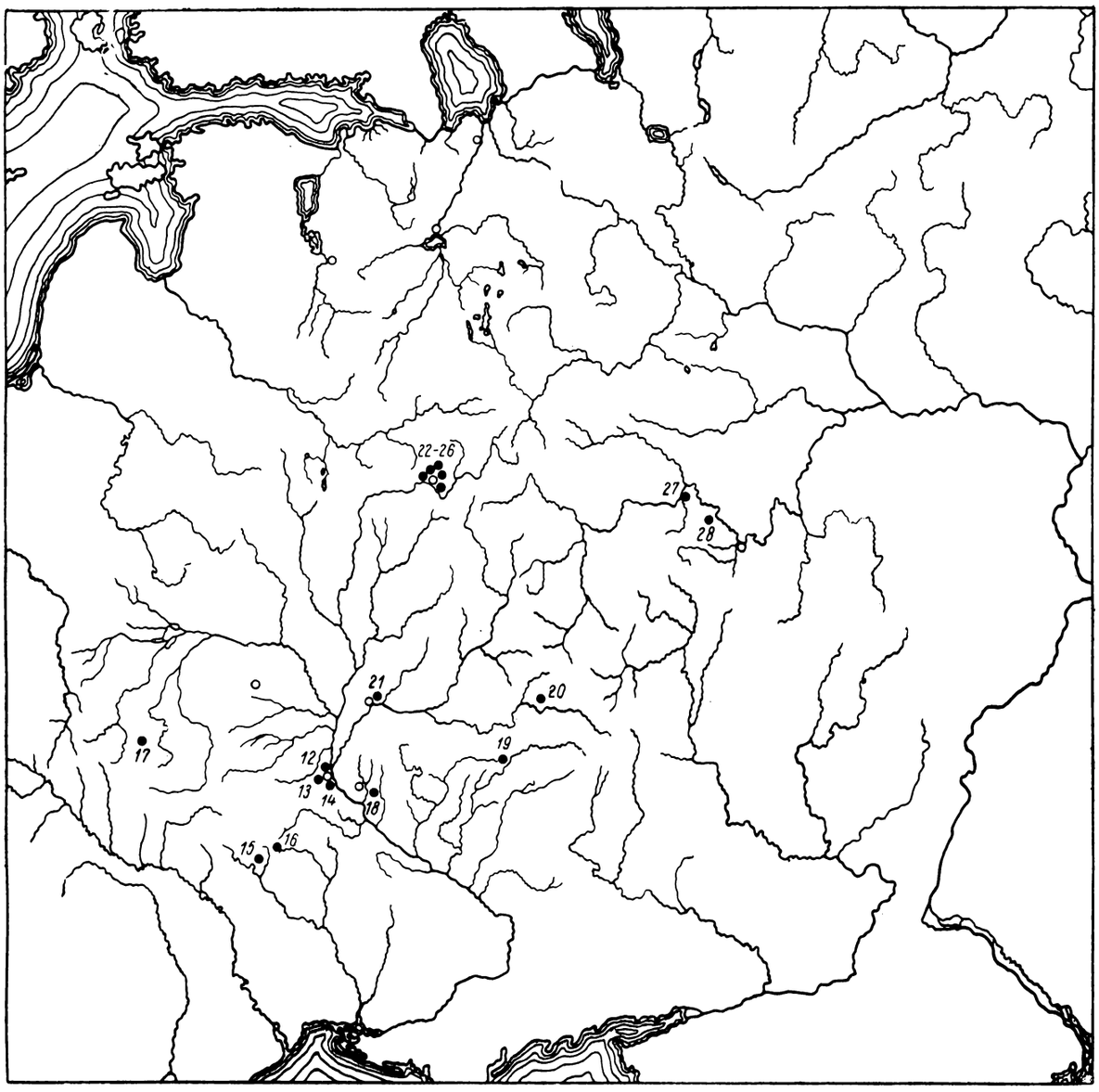
1 — г. Полтава, 1905 г.
2 — с. Ивахники Лохвицкого у. Полтавской губ., 1905 г.
3 — именье Суходрево Оршанского у. Могилевской губ., 1870-е годы.
4 — с. Мишнево Лихвинского у. Калужской губ., 1892 г.
5 — г. Кашира Тульской губ., ок. 1807 г.
6 — близ с.с. Лапотково и Покровское Крапивенского у. Тульской губ., 1823 г.
7 — с. Баскач Каширского у. Тульской губ., 1861 г.
8 — с. Железницы Зарайского у. Рязанской губ., 1855 г.
9 — с. Угодичи Ростовского у. Ярославской губ., 1914 г.
10 — д. Узьмина Гдовского у. Петербургской губ., 1889 г.
11 — д. Горки Лужского у. Петербургской губ., 1875 г.

Карта 1.

Карта 2. Клады, зарытые во второй половине X в. и на рубеже X и XI вв

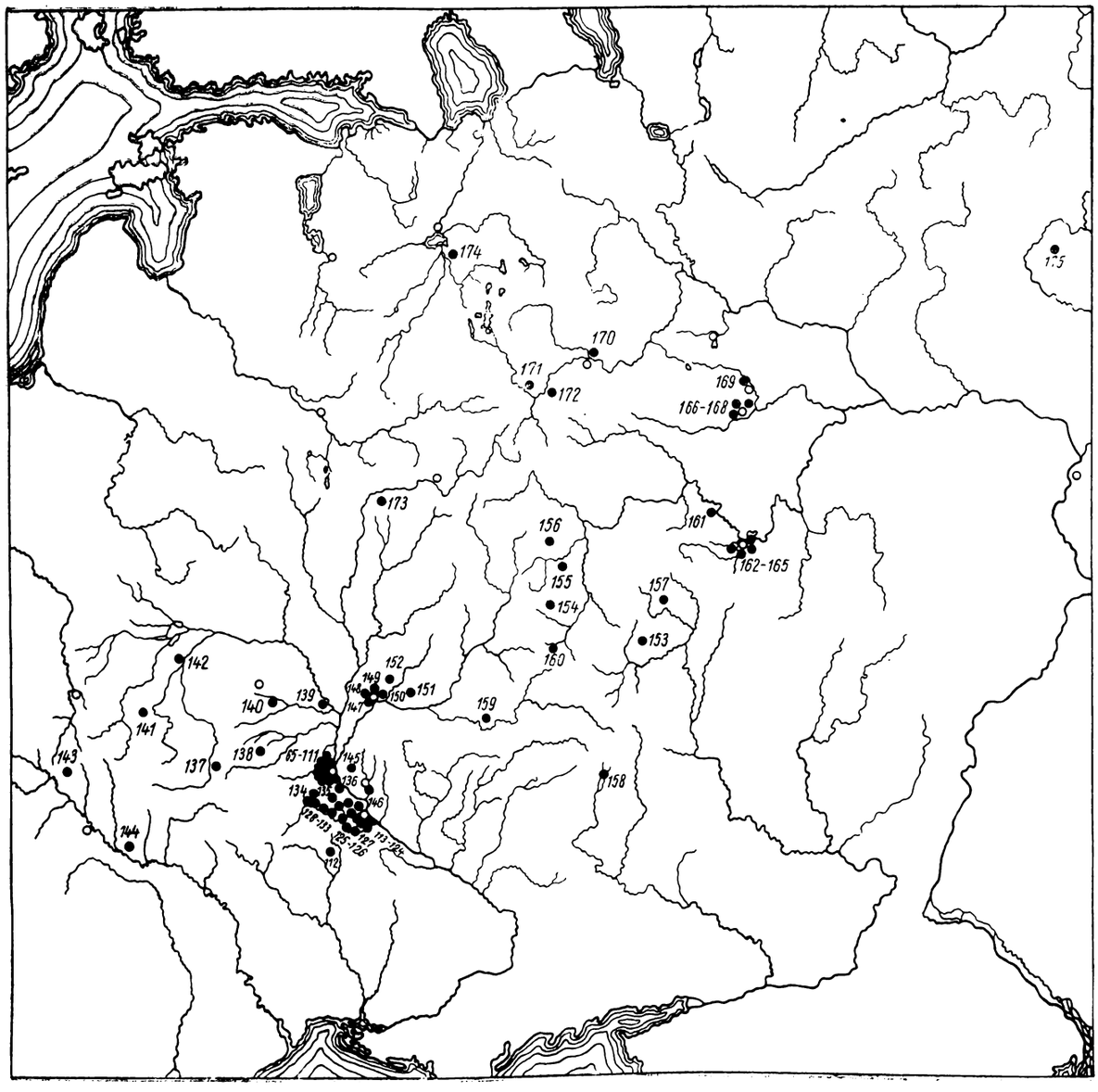
12 — Киев, близ Пустынно-Никольского монастыря, 1851 г.
13 — Киев, ус. Сикорского на Б. Подвальной ул., 1913 г.
14 — Киев, погост Иорданской церкви, 1863 г.
15 — с. Юрковцы Липовецкого у. Киевской губ., 1864 г.
16 — с. Копиевка Винницкого окр. Киевской обл., 1928 г.
17 — д. Борщевка Дубенского у. Волынской губ., 1883 г.
18 — с. Денис Переяславского у. Полтавской губ., 1912 г.
19 — с. Шпилевка Сумского у. Харьковской губ., 1887 г.
20 — с. Коробкино Льговского у. Курской губ., 1915 г.
21 — с. Гущино близ г. Чернигова, 1930-е годы.
22 — г. Смоленск, до 1868 г.
23 — д. Гнездово близ Смоленска, 1868 г.
24 — д. Гнездово близ Смоленска, 1870 г.
25 — полуст. Гнездово близ Смоленска, 1885 г.
26 — ст. Гнездово близ Смоленска, 1909 г.
27 — с. Белый Омут Зарайского у. Рязанской губ., 1850 г.
28 — с. Канищево близ Рязани, 1880 г.

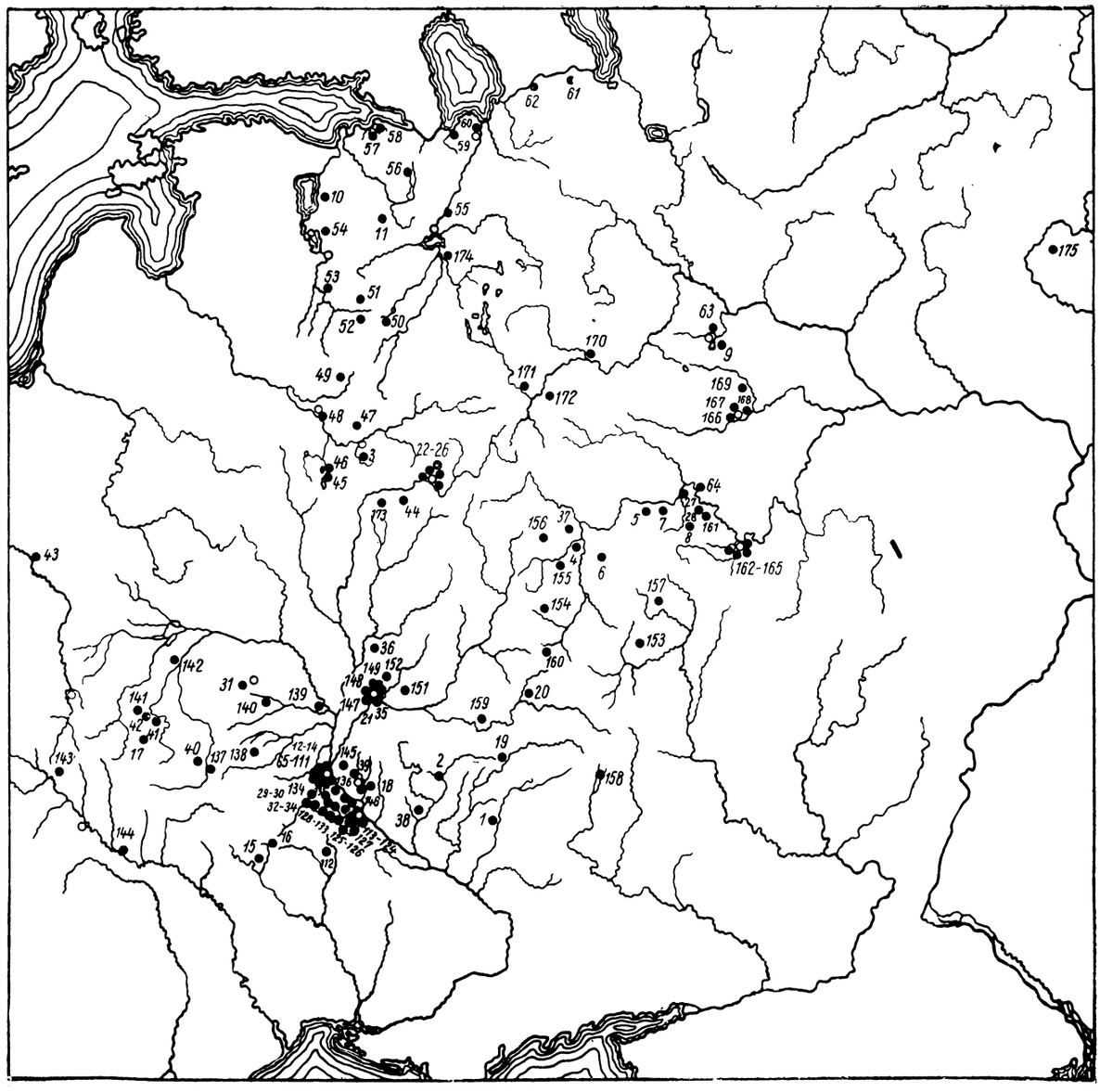
Карта 2.

Карта 4. Клады, зарытые между 70-ми годами XII в. и 1240 г.

65 — Киев, близ Десятинной церкви, 1842 г.
66 — Киев, близ Десятинной церкви, до 1868 г.
67 — Киев, близ Десятинной церкви, 1936 г.
68 — Киев, близ Десятинной церкви, 1936 г.
69 — Киев, близ Десятинной церкви, 1911 г.
70 — Киев, близ Десятинной церкви, 1898 г.
71 — Киев, близ Десятинной церкви, до 1899 г.
72 — Киев, близ Десятинной церкви, 1908 г.
73 — Киев, близ Десятинной церкви, 1909 г.
74 — Киев, близ Десятинной церкви, 1909 г.
75 — Киев, близ Десятинной церкви, 1912 г.
76 — Киев, ус. Климовича, 1857 г.
77 — Киев, ус. Климовича, 1862 г.
78 — Киев, Десятинный переулок, 1914 г.
79 — Киев, ус. Масютина, 1872 г.
80 — Киев, ус. Лескова, 1876 г.
81 — Киев, ус. Трубецкого, 1910 г.
82 — Киев, Б. Владимирская ул., близ ус. Трубецкой, 1872 г.
83 — Киев, угол Трехсвятительской и Б. Владимирской улиц, 1877 г.
84 — Киев, ус. Гирича на Трехсвятительской ул., 1903 г.
85 — Киев, ус. Орлова на Трехсвятительской ул., 1901 г.
86 — Киев, ус. Софийского собора, 1904 г.
87 — Киев, близ б. Присутственных мест, 1854 г.
88 — Киев, М. Житомирская ул., 1938 г.
89 — Киев, ус. Реального училища на Михайловской площади, 1900 г.
90 — Киев, Б. Житомирская ул., близ дома Кушинова, 1880 г.
91 — Киев, Б. Житомирская ул., 1902 г.
92 — Киев, ус. Гребеня на Львовской площади, 1880-е годы.
93 — Киев, близ Скорбященской церкви, до 1898 г.
94 — Киев, угол Сретенской и М. Владимирской улиц, 1893 г.
95 — Киев, ус. Августиновича на Львовской ул., 1827 г.
96 — Киев, ус. Чайковского на Рейтарской ул., 1876 г.
97 — Киев, ус. Раковского на Рейтарской ул., 1889 г.
98 — Киев, ус. Есикорского в Троицком (Рыльском) переулке, 1885 г.
99 — Киев, ус. Гребеновского в Троицком переулке, 1889 г.
100 — Киев, Стрелецкая ул., до 1914 г.
101 — Киев, Стрелецкая ул., 1939 г.
102 — Киев, Михайловский монастырь, 1887 г.
103 — Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.
104 — Киев, Михайловский монастырь, 1940 г.
105 — Киев, Михайловский монастырь, 1906 г.
106 — Киев, Михайловский монастырь, 1907 г.
107 — Киев, близ Михайловского монастыря, 1824 г.
108 — Киев, Трехсвятительская ул., 1906 г.
109 — Киев, ул. Жертв Революции (б. Трехсвятительская), 1949 г.
110 — Киев, в обрезе Михайловской (Александровской) горы, 1841 г.
111 — Киев, в „Старом городе", 1914 г.
112 — с. Старая Буда Звенигородского у. Киевской губ., 1908 г.
113 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1877 г.
114 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1877 г.
115 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1891 г.
116 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1891 г.
117 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1891 г.
118 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1891 г.
119 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1892 г.
120 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1896 г.
121 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1897 г.
122 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1897 г.
123 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1898 г.
124 — Княжа Гора Каневского у. Киевской губ., 1899 г.
125 — Девичья Гора Каневского у. Киевской губ., 1901 г.
126 — Девичья Гора Каневского у. Киевской губ., 1901 г.
127 — близ с. Сахновка Каневского у. Киевской губ., 1900 г.
128 — с. Черныши Каневского у. Киевской губ., 1899 г.
129 — м. Мартыновка Каневского у. Киевской губ., 1886 г.
130 — м. Пивцы Каневского у. Киевской губ., 1891 г.
131 — с. Ключники Каневского у. Киевской губ., 1887 г.
132 — с. Пишки Каневского у. Киевской губ., 1887 г.
133 — с. Ольховец Каневского у. Киевской губ., 1888 г.
134 — г. Васильков Киевской губ., 1885 г.
135 — г. Обухов Киевской губ. и у., 1905 г.
136 — с. Мышеловка Киевской губ. и у., 1896 г.
137 — м. Мирополь Житомирской обл., 1938 г.
138 — с. Каменный Брод Радомысльского у. Киевской губ., 1903 г.
139 — м. Чернобыль Радомысльского у. Киевской губ., 1896 г.
140 — д. Збранка Овручского у. Волынской губ., ок. 1909 г.
141 — м. Городок Ровенского у. Волынской губ., 1890 г.
142 — м. Высоцкое Ровенского у. Волынской губ., 1878 г.
143 — с. Вербов Бережанского р-на Львовской обл., 1920-е годы.
144 — с. Залесье Каменецкого у. Подольской губ., до 1842 г.
145 — с. Войтовцы Переяславского у. Полтавской губ., 1898 г.
146 — г. Переяслав Полтавской губ., 1884 г.
147 — г. Чернигов, ус. пансиона, 1850 г.
148 — г. Чернигов, ус. Елецкого монастыря, до 1859 г.
149 — г. Чернигов, Александрова площадь, 1887 г.
150 — г. Чернигов, Спасский собор, 1923 г.
151 — д. Льгов Черниговской губ. и у., 1879 г.
152 — уроч. Святое Озеро Сосницкого у. Черниговской губ., 1908 г.
153 — д. Лески, Орловской губ. и у., 1853 г.
154 — д. Терехово, Болховского у. Орловской губ., 1876 г.
155 — с. Шмарово, ~~Мещовского~~ Лихвинского у. Калужской губ., 1849 г.
156 — д. Пискова, Мещовского у. Калужской губ., ок. 1911 г.
157 — с. Кресты близ г. Ефремов Тульской губ., 1876 г.
158 — с. Стариково Корочанского у. Курской губ., 1883 г.
159 — именье Терещенко Путивльского у. Курской губ., 1878 г.
160 — д. Чувардино Дмитровского у. Орловской губ., 1901 г.
161 — д. Кутукова Старорязанского стана, позже Рязанской губ., 1673 г.
162 — с. Старая Рязань Спасского у. Рязанской губ., 1822 г.
163 — с. Старая Рязань Спасского у. Рязанской губ., 1868 г.
164 — с. Старая Рязань Спасского у. Рязанской губ., 1887 г.
165 — с. Старая Рязань Спасского р-на Рязанской обл., 1937—1950 гг.
166 — г. Владимир, 1837 г.
167 — г. Владимир, 1865 г.
168 — г. Владимир, 1896 г.
169 — д. Исады близ Суздаля Владимирской губ., 1851 г.
170 — г. Тверь, 1906 г.
171 — д. Мужищево Ржевского у. Тверской губ., 1927 г.
172 — с. Дягунино Зубцовского у. Тверской губ., 1893 г.
173 — м. Романово Горецкого у. Могилевской губ., 1892—1893 гг.
174 — д. Сельцы Старорусского у. Новгородской губ., 1892 г.
175 — Вятская губ., 1914 г.

174
175
170
171
172
169
166-168
173
156
161
162-165
155
157
154
153
160
142
152
149
144
150
151
140
139
147
159
141
143
137
138
65-111
145
136
158
134
146
144
112

Карта 4.

Карта 5. Сводная карта кладов IX—XIII вв.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Часть первая

Введение 5
Глава первая. Общие данные о кладах 8
Легенды о кладах и находки кладов в древности 8
Выбор места для зарытия клада 10
Общая характеристика кладов 15
Принципы датировки 18
Глава вторая. Состав кладов и их топография 20
Хронологическая классификация кладов 20
О причинах зарытия кладов 32
Глава третья. Некоторые вопросы истории русского художественного ремесла по материалам кладов 48
Данные о владельцах кладов 48
Реконструкция отдельных предметов убора 51
Развитие русского металлического убора 62
Некоторые спорные вопросы в истории русского художественного ремесла 72
Заключение 75

Часть вторая

Перечень кладов 79
Группа I. Клады, зарытые в IX в. и на рубеже IX и X вв. (**1—11**). 79
Группа II. Клады, зарытые во второй половине X в. и на рубеже X и XI вв. (**12—28**) 83
Группа III. Клады, зарытые в XI—начале XII в. (**29—64**) 90
Группа IV. Клады, зарытые между 70-ми годами XII в. и 1240 г. (**65—175**). 105

Приложения

Указатель кладов 153
Список сокращений 155
Таблицы и карты 157

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства *В. Л. Макухин*

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
10	24 снизу	**ЗАКРЫТИЯ КЛАДА**	**ЗАРЫТИЯ КЛАДА**
108	8 „	*ՀԱՐՎԱՆ*	*ՀԱՐԶԱՆ*
Карта 4	Легенда, **155**	Мещовского у.	Лихвинского у.

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства *В. Л. Макухин*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Н. А. Малевич, Л. А. Ратнер* и
К. С. Тверитинова

*

РИСО АН СССР № 54—44-В.
М-41110. Подписано к печати 2/XI
1954 г. Бумага 70×108 1/8. Бум.
л. 14 1/2. Печ. л. 39.73. Уч.-изд.
л. 31.19. Тираж 3000. Зак. 913.
Цена 21 р. 20 к.

1-я тип. Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.